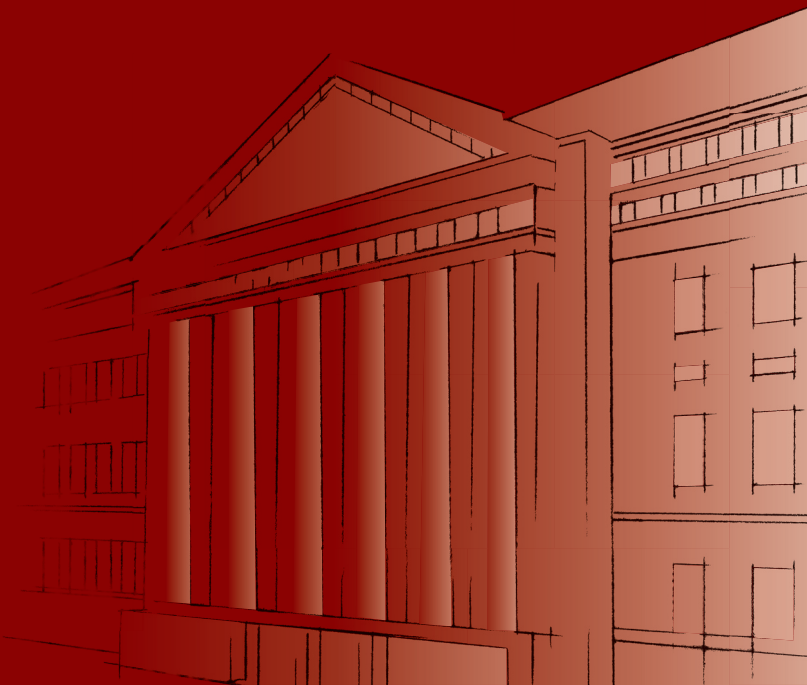

КРИСТИНА ЮЗИЕВА

Марийская орнитонимическая лексика
в этнолингвистическом освещении

КРИСТИНА ЮЗИЕВА

Марийская орнитонимическая лексика
в этнолингвистическом освещении

UNIVERSITY OF TARTU
Press

Институт эстонского и общего языкознания философского факультета
Тартуского университета

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии (уральские языки) 17 мая 2016 г. советом Института эстонского и общего языкознания Тартуского университета

Научные руководители: Тьну Сейлентхал, доцент Тартуского университета
Урмас Сутроп, профессор Тартуского университета
Анатолий Николаевич Куклин †
доктор филологических наук, профессор Марийского государственного университета, член-корр. РАН

Оппонент: Марина Михайловна Валенцова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН «Институт славяноведения РАН», Москва

Защита состоится 26 августа 2016 г. в 12.15. в ауд. 139 главного здания Тартуского университета

Диссертационная работа осуществлена при поддержке Социального фонда Европейского Союза и Программы родственных народов Эстонии

Фотографии:

Александр Пустяков, Кристина Юзиева: рис. 1, 3, 7, 21, 22.

Григорий Евтух: рис. 2, 4, 5, 6, 10, 11, 13, 15, 17, 18, 19, 20.

Валентина Иванова: рис. 8.

Триину Тууделепп (Triinu Tuudelepp): рис. 9.

Карл Ребане (Karl Rebane): рис. 12.

Эвелин Лаур (Evelin Laur): рис. 14.

Рис. 16. Перепел [Wikipedia:de:Bild:Weibliche_Wachtel.JPG]

ISSN 1406-2631

ISBN 978-9949-77-169-1 (print)

ISBN 978-9949-77-170-7 (pdf)

Copyright: Kristina Yuzieva, 2016

University of Tartu Press
www.tyk.ee

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хочется поблагодарить тех, кто оказал большую помощь в ходе работы над этой диссертацией. В первую очередь, глубокую благодарность выражаю моим руководителям Тыну Сейлентхалю, Урмасу Сутропу, Анатолию Николаевичу Куклину за доброжелательно-строгое участие и поддержку. Горячую благодарность выражаю моим рецензентам – профессору Сирке Сааринен из Университета Турку и старшему научному сотруднику Института славяноведения Российской академии наук Марине Михайловне Валенцовой, взявшим на себя труд прочесть рукопись и высказать своевременные и ценные замечания.

Выражаю благодарность Программе родственных народов, руководителю Тыну Сейлентхалю и координатору Кади Сарв. При поддержке этой Программы я получила прекрасную возможность учиться в Тартуском университете, участвовать в различных конференциях, ездить в полевые экспедиции, заниматься в библиотеках разных стран и городов: Тарту, Хельсинки, Казани, Йошкар-Олы, Уфы. Огромное спасибо фонду «Suomen suku» за финансирование полевой экспедиции 2014 г. на территории проживания мари, Финно-угорскому обществу за оказание финансовой поддержки для завершения диссертации. Отдельная благодарность моему куратору во время учебы по обмену в Хельсинском университете по программе СИМО Янне Саарикиви, а также профессору Рихо Грюнталю за ценные советы.

Слова искренней благодарности выражаю Нине Аасмяэ и Кади Сарв за составление и редактирование переводов, а также секретарю кафедры финно-угорских языков Тиие Маргус за решение организационных вопросов.

От души благодарю за ценные советы, поддержку и тем или иным образом помогавших мне Е.Л. Березович, В.В. Напольских, Т.Т. Миннихметову, В.Б. Колосову, А.А. Макарову, С.И. Апсарову, Л.А. Александрову, Е.Б. Быкову, Э.И. Сафину, Элину Ахола, Кайди Рятсеп. Считаю своим долгом поблагодарить авторов фотографий, любезно предоставивших их для иллюстрации исследования.

Выражаю глубокую благодарность всем своим многочисленным информантам, моим друзьям и родственникам, уделившим свое время и протянувшим руку помощи. Особая благодарность моим дорогим родителям Светлане Николаевне и Сергею Сайсановичу Юзиевым. Искренне признательна своему супругу Александру за понимание и всевозможную поддержку. Всем упомянутым и не упомянутым здесь добрым помощникам еще раз огромное спасибо.

Тарту, 20 июня 2016 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	9
История изучения орнитонимов.....	12
ГЛАВА I. НАИМЕНОВАНИЯ ПТИЦ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	18
I.1. Объем знаний орнитонимической лексики у восточных и луговых мари (по данным социолингвистического исследования).....	18
I.1.1. Методика анализа материала.....	18
I.1.2. Объем знаний орнитонимической лексики у восточных мари.....	20
I.1.3. Объем знаний орнитонимической лексики у луговых мари.....	26
I.1.4. Обсуждение результатов и выводы.....	31
I.2. Основные мотивационные признаки при номинации птиц в марийском языке.....	33
I.2.1. Методика анализа материала.....	34
I.2.2. Основные принципы номинации.....	36
I.2.2.1. Номинация птиц по собственным признакам.....	36
I.2.2.2. Номинация птиц по относительным признакам.....	40
I.2.3. Выводы.....	42
ГЛАВА II. ДЕРИВАЦИОННО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА НАЗВАНИЙ ПТИЦ.....	44
1. Методика и анализ материала.....	44
2. Смысловой диапазон орнитонима в марийском языке.....	71
3. Орнитонимическая модель в названиях растений.....	75
4. Фразеологизмы с компонентом-орнитонимом.....	78
5. Выводы.....	80
ГЛАВА III. ОЧЕРКИ ПО НАРОДНОЙ ОРНИТОНИМИИ.....	83
1. Ворона, грач, галка.....	83
2. Вóрон.....	91
3. Сорока.....	95
4. Сова.....	98
5. Утка.....	105
6. Гусь.....	109
7. Лебедь.....	118
8. Кукушка.....	121
9. Журавль.....	132
10. Голубь.....	136
11. Ласточка.....	139
12. Жаворонок.....	146
13. Перепел.....	149
14. Соловей.....	151

15. Скворец	154
16. Трясогузка.....	157
17. Дятел.....	159
18. Пегух	161
19. Курица	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
ЛИТЕРАТУРА	188
СПИСОК РЕСПОНДЕНТОВ	197
СОКРАЩЕНИЯ.....	204
КОKKУVÕTE.....	206
SUMMARY	213
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	220
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ	248
ELULOOKIRJELDUS.....	249

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена народной орнитонимии, то есть лексике и фразеологии, связанной с обозначением и наименованием птиц в марийском языке и его диалектах. Народная лексика и терминология, не всегда полно фиксируемая словарями, сохранилась в «текстах» духовной культуры – обрядах, поверьях, приметах, фольклорных жанрах. Поэтому большое внимание в работе уделялось этнографическим данным – традиционным представлениям о птицах у марийцев. Исследование выполнено в русле этнолингвистики – «дисциплины, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества» (СД I: 5). Этнолингвистическое изучение названий птиц в марийском языке демонстрирует способы познания человеком окружающего мира, характеризует функционирование языка в данной лексико-семантической сфере, выявляет генетические характеристики орнитологической лексики, а также ее национальную и культурную специфику, что делает такое исследование актуальным не только для лингвистики, но и для этнографии и других культурологических дисциплин.

Предмет изыскания, марийская орнитонимическая лексика, рассматривается в диссертации в этнолингвистическом, а также социолингвистическом и ономаσιологическом аспектах.

Обзор лингвистических исследований, посвященных наименованиям птиц в финно-угорских языках, показывает, что до сих пор не предпринималось комплексного этнолингвистического изучения марийской орнитонимической лексики, что свидетельствует о научной новизне данной работы.

Основная цель диссертации – этнолингвистическое изучение марийской орнитонимической лексики – требует решения следующих задач: 1) сбор и классификация орнитонимов; 2) определение объема знаний марийской орнитонимической лексики у носителей языка; 3) выявление и классификация принципов номинации и мотивационных признаков, послуживших основой для образования названий птиц с прозрачной внутренней формой; 4) сбор корпуса дериватов и фразеологизмов, образованных на основе орнитонимов; 5) выявление смысловоразличительных признаков образов птиц; 6) реконструкция образов птиц в традиционной марийской культуре по языковым, диалектным и фольклорным материалам.

Исходя из цели и задач исследования сложилась структура диссертационного исследования, которое составляют три главы.

Первая глава посвящена определению объема знания орнитонимической лексики у восточных и луговых марийцев. Для этого использовался социолингвистический анализ. В этой части исследования лексико-семантическая группа «птицы» рассматривается с синхронной точки зрения,

поскольку определяется современное состояние орнитонимической лексики. Социолингвистический опрос был проведен автором в 2010–2012 годах. Далее выделяются принципы номинации орнитонимов. Их два: номинация по собственным признакам объекта (размер, цвет, голос и т. п. птицы) и номинация по относительным признакам объекта (хронологические, локативные, субъектно-объектные характеристики).

Вторая глава посвящена анализу дериватов и фразеологизмов на основе орнитонимов. Орнитонимическое лексическое пространство можно рассматривать с точки зрения «левых» и «правых» семантико-мотивационных связей. В случае с «левой» мотивацией в создании орнитонима участвуют лексемы из другой предметно-тематической сферы (например, зоонимы, цветообозначения, названия частей тела): *юмынтага*, букв. «божий баран» ‘бекас’, *йошкаронг*, букв. «красная грудь» ‘снегирь’. В случае «правой» мотивации названия птиц служат базой для создания оторнитонимических наименований человека (*сузиге*, букв. «глухаренок» ‘подросток’), растений (*коракмёр*, букв. «воронья ягода» ‘ландыш’), предметов быта (*турняшуй*, букв. «журавлиная шея» ‘кривой брус в телеге’) и т. д. Наблюдения над повадками домашних и диких птиц послужили базой для образования фразеологизмов с компонентом-орнитонимом, которые отражают внешний облик, физические качества, черты характера, интеллект, действия человека и т. д.

В третьей главе («Очерки по народной орнитонимии») представлены портреты птиц в традиционной культуре марийцев, реконструированные по языковым, в том числе, диалектным, и внеязыковым – этнографическим и фольклорным данным с использованием методов этнолингвистики, изучающей язык как источник информации о традиционной духовной культуре народа. Как пишут Н.И. и С.М. Толстые, термином «этнолингвистика» стал обозначаться синтез лингвистического и этнографического подхода (Толстые 1983: 8–9). Выбор для описания конкретных птиц был обусловлен их значимостью для традиционной марийской культуры. В качестве объекта каждого очерка выступает птица вместе со сложившимся вокруг нее комплексом представлений. Методологической опорой для создания очерков послужили статьи, посвященные птицам и животным, в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под общей редакцией Н.И. Толстого (далее СД, 1995–2012) и схема описания образов животных и птиц, предложенная в монографии А.В. Гуры «Символика животных в славянской народной традиции» (Гура 1997: 31–118). При описании птиц особое внимание уделяется их названиям и связанной с ними фразеологии, в том числе орнитологической лексике, использованной в составе ботанической терминологии, топонимии, в названиях предметов и т. д. Из фольклорных источников для целей исследования привлекаются мифы, легенды, сказки, поверья, игры, народные песни и так называемые малые жанры: приметы, гадания, толкования снов, пословицы, загадки, запреты (мар. *ойөрö*). Учитывается также использование птиц или их названий в обрядах, магических действиях (в ка-

честве объекта, жертвы и т. д.), в народной медицине, изображение птиц на вышивке, постройках.

В работе используются полевые материалы автора, собранные в разных районах Республики Башкортостан, Республики Марий Эл, Кировской области в 2010–2015 гг. Полевые материалы на марийском языке находятся в архиве автора. Вопросник, переведенный на русский язык, помещен в Приложении 2. Спорадически для сравнения привлекаются данные по финно-угорским, славянским и другим языкам, поскольку параллели, особенно эксклюзивные, повторяемость фактов «на разных, удаленных друг от друга территориях заставляет признать этот факт неслучайным и нуждающимся в интерпретации» (СД I: 9).

Источником фольклорных и этнографических данных стали собрания материалов Ö. Беке, Т.А. Себеок и Ф.Й. Ингеманна, Ю. Вихманна, Т.Е. Евсева, С.И. Ибатова, сборники марийских загадок и пословиц А.Е. Китикова, собрание мифов и легенд В.А. Акцорина и др. Все примеры из сборников фольклорных текстов (загадки, пословицы, приметы, снотолкования, песни, легенды) приведены в орфографии оригинала. Марийские примеры из материалов Ö. Беке, Ю. Вихманна, Т.А. Себеока и Ф.Й. Ингеманна, также собственные материалы полевых экспедиций автора даются в современной орфографии, основанной на кириллическом письме, с сохранением диалектных особенностей.

Предлагаемая диссертация, помимо этнолингвистического, представляет также ономаσιологический и социоллингвистический анализ марийской орнитонимической лексики. Такая работа проводится впервые и вводит в научный оборот значительное количество нового диалектного орнитонимического, а также фольклорного материала, содержащегося в неопубликованных источниках и в записях диалектной речи, сделанных в полевых условиях.

Результаты данного исследования могут быть использованы при подготовке учебно-методических пособий, лекционных и практических курсов по лексикологии, фразеологии, диалектологии, этнографии и фольклору. Материалы исследования представляют интерес для марийской и финно-угорской лексикографии в целом, поскольку могут быть использованы в лексикографической практике и стать основой для сопоставительных исследований избранной группы лексики. Опыт разработки вопросника и полевой работы автора также может быть использован при создании вопросников по другим темам духовной культуры в целях проведения полевых диалектологических и этнолингвистических исследований.

История изучения орнитонимов

Изучение названий птиц в финно-угорских языках

Орнитонимическая лексика финно-угорских языков уже подвергалась разноаспектному исследованию. Впервые глубокий анализ орнитонимов в эстонском языке провел Март Мягер. В его диссертации «Эстонские названия птиц» (1963) историко-лингвистической интерпретации подверглось около 2500 названий. Материал изложен согласно орнитологической системе. В работе также были проанализированы теоретические проблемы, связанные с орнитонимикой, выявлены факторы, влияющие на систему названий птиц. Глава «Птицы в народных поверьях и предсказаниях погоды» по мнению автора в некоторой степени обособлена, поскольку в ней дается анализ возникновения описываемых верований, и тем самым общего фона образования соответствующих названий (Мягер 1963: 6). По теме диссертации вышла популярная монография «Eesti linnunimetused» («Эстонские названия птиц») (Mäger 1967). Другая монография М. Мягера называется «Linnud rahva keeles ja meeles» («Птицы в языке и памяти народа») (Mäger 1969). Основные достижения М. Мягера в изучении эстонских названий птиц подробно освещены в статье Мари Кендла и Хелми Неетар «Mart Mäger and His Research on Estonian Bird and Fish Names» (Kendla, Neetar 2014: 315–320). М. Мягером был написан ряд статей, касающихся различных лингвистических проблем, такие как «Eesti linnunimetuste alused» («Основы именования птиц в эстонском языке») (Mäger 1961), «Linnunimetused ja rahvaetümoloogia» («Наименования птиц и народная этимология») (Mäger 1962a), «Kuidas linnunimetused ristuvad ja üle kanduvad» («Как перекрещиваются и переносятся названия птиц») (Mäger 1963), «Linna häälitsus uskumuste alusena» («Голос птицы как основа поверий») (Mäger 1964). Орнитоним *õösorr* ‘козодой’ (лат. *Caprimulgus europaeus*) детально рассматривается в статье «Õösorr rahvalike nimetuste reegli» («Козодой в зеркале народных названий птиц») (Mäger 1962b).

В финском языкознании имеется ряд работ, посвященных разноаспектному исследованию финской орнитонимической лексики. Среди основных работ – монография Кайсы Хяккинен «Linnun nimi» («Название птиц», 2004). В первой части работы К. Хяккинен описывает названия птиц по генетическому принципу, подразделяя их на исконные и заимствованные. В работе также приводятся краткие сведения о структуре орнитонимов и принципах их номинации. Основной целью книги является описание процесса формирования орнитонимической лексики в литературном языке, начиная с первых печатных работ до современных. Автор приводит также этимологии для ряда орнитонимов, указывает на заимствования из шведского. В 2013 г. вышла собственно этимологическая работа исследователя «Suomalaisen linnunnimistön etymologinen sanakirja» («Этимологический словарь финских названий птиц»).

В диссертационном исследовании Анну Марттилы «A Cross-Linguistic Study of Lexical Iconicity and its Manifestation in Bird Names» («Кросс-

лингвистический анализ лексической иконичности и её проявление в названиях птиц», 2009) с позиций семасиологии и ономотологии исследователем выработана концепция изучения связи между словом и его значением. Автор ставит целью расширить представление о лексической иконичности и показать степень распространенности этого явления в языках народов мира. Она использует лексику 237 языков, генеалогически принадлежащих к разным языковым семьям. Исследователь, к примеру, анализирует названия ворона и вороны, в названии которых ономотопозитическая комбинация прослеживается в 92% случаев. Особое внимание уделяется автором анализу орнитонимии финского языка. Было показано, что лексическая иконичность в форме ономотопозитичности широко распространена в финской орнитонимической лексике.

Следует отметить работу Яакко Сивула «*Lintu soidessa sokea. Suomen murteiden kiimatermistö*» («Птица слепа во время пения. Терминология тока-течки в диалектах финского языка», 1989), в которой рассматриваются термины, используемые в диалектах финского языка для обозначения тока у курообразных. В исследовании представлен лексико-семантический, этимологический и ареалогический анализ терминов.

Изучением венгерских наименований птиц занимался Киш Ено (Kiss Jenő «*Magyar madárnevek*») («Венгерские названия птиц», 1984). Большое внимание он уделил историко-лингвистическому анализу наименований птиц. Характеризуя степень освещенности вопроса в лингвистическом анализе венгерских названий птиц, К. Ено указывает на работу Гроссингера (1793) на латинском языке, в которой одна глава посвящена венгерским названиям птиц. Первым научным исследованием орнитонимов является *Természeti história. A Linné systémája szerint. I. Az állatok országa* («Природная история. По системе Линнея», 1801) Яноша Фёлди. Согласно исследованию К. Ено, в основу венгерских наименований птиц легли разные мотивационные признаки: голос птицы, внешность, цвет оперения, место обитания, питание, образ жизни, время прилета и отлета и др.

Исследуя вопрос о происхождении орнитонимов, К. Ено выделяет следующие пласты лексики: собственно венгерские названия, кальки (полные или неполные), заимствованная лексика (из латинского, немецкого, французского, румынского, славянских языков), лексика уральского языка-основы. Говоря о лексике уральского праязыка, исследователь выделяет три группы: слова уральского происхождения (*daru, fogoly, fű, holló, varjú*), слова финно-угорского происхождения (*fajd, fecske* (?), *lúd, vöcsök*), собственно угорские лексемы (*harkály, hattyú*), среди которых пять названий звукоподражательного характера (*daru, fecske, harkály, holló, varjú*). Автор отмечает большое количество диалектных названий, характерных лишь для определенной территории (порой совсем небольшой).

Заметная заслуга в изучении названий птиц в финно-угорских языках принадлежит С.В. Соколову (Соколов 1973б). В диссертации «Названия птиц в удмуртском языке» автор дает историко-лингвистический анализ

орнитонимов. В этимологическом плане проанализировано 165 удмуртских орнитонимов, из которых 89 было проэтимологизировано впервые. Значительную часть удмуртских наименований птиц составляют собственно удмуртские слова. Данная группа хронологически неоднородна. К уральскому пласту лексики относятся такие названия, как: *варыш* ‘ястреб’, *куаси* ‘селезень’, *кырныж* ‘ворон’ и др. К финно-угорскому фонду, по мнению автора, можно отнести названия: *варгас* ‘гусыня, не выведшая гусят’, *гурдо* ‘кряква’, *кай* ‘птичка’, *кыкы* ‘кукушка’, *кыр* ‘дятел’, *сюлы* ‘кряква’, *сяла* ‘рябчик’, *тури* ‘журавль’, *юсь* ‘лебедь’ и др. (Соколов 1973а: 6). Автор отметил, что в древнейшем пласте удмуртской орнитонимии большое место занимают названия боровой дичи и водоплавающей птицы, которые имеют устойчивые связи в других финно-угорских (или даже в уральских) языках (Там же: 17). В орнитонимической лексике удмуртского языка имеются заимствования из русского и тюркских языков. По подсчетам С.В. Соколова, среди тюркизмов самую большую группу составляют татарские заимствования – 19 наименований. Наиболее многочисленными являются русские заимствования – 30 орнитонимов, что говорит о большом влиянии русского языка. В этой же работе автор определил основные принципы номинации птиц, указал на факторы, повлиявшие на систему удмуртских названий птиц и объяснил основные причины переноса и перекрещивания орнитонимов. Исследователь осветил некоторые вопросы морфологической характеристики орнитонимов, обозначающих пол и возраст.

В.Н. Соловар и Т.А. Рандымова в статье «Орнитонимическая лексика хантыйского языка» на материале казымского диалекта хантыйского языка рассматривают принципы номинации птиц, этимологическую и морфологическую структуру орнитонимов, описывают сочетаемость орнитонимов с некоторыми словами. Нужно отметить, что ранее данная лексика лингвистическому анализу не подвергалась (Соловар, Рандымова 2000: 282). В этой статье авторы объясняют происхождение таких орнитонимов, как *хълэв* ‘чайка’, *хэлх* ‘ворон’, *вориш* ‘коршун’, *тўлэх хэйп* ‘кулик-турухтан’, *йшрўв хэйп* ‘фифи’, *рэйп* ‘стриж’, *кервой* ‘снегирь’. По мнению исследователей, номинация птиц осуществляется по различным признакам, главными из которых являются голос птицы, образ жизни, характерные повадки и внешность. Как считают авторы статьи, в хантыйском языке широко распространены звукоподражательные слова, о чем свидетельствует и большое количество примеров номинации птиц по их крику. В статье отмечается также, что перевод звукоподражательных глаголов на русский язык очень труден, чаще всего в русском языке нет аналога хантыйскому ономотопеическому слову (Там же: 283–286).

Оригинальной работой является монография И.Ю. Винокуровой «Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)», посвященная мифолого-религиозным представлениям вепсов о мире фауны. Особое внимание в исследовании автор уделяет проблеме выделения культовых животных тотемического, промыслового и скотовод-

ческого круга. Выявленные представления рассматриваются в многоплановой исторической ретроспективе – социально-хозяйственной, этнокультурной, межэтнической. Во второй главе монографии реконструируются вепские традиционные представления о птицах. Исследовательница отмечает, что в орнитофауне у вепсов достаточно четко выделяются две группы птиц: «положительная» и «отрицательная». «Положительную» группу составляют «хорошие», безвредные для человека птицы: лебедь, гусь, ласточка, бекас, журавль. «Отрицательную» группу составили предвестники смерти – ворон, ворона, кукушка, дятел, сова, филин, а также птицы с менее выраженной отрицательной характеристикой – сорока и дневной хищник – ястреб (Винокурова 2006: 102–103).

Изучение названий птиц в языках соседних народов

Одним из тюркских языков, в котором проблемам изучения данного пласта лексики было уделено должное внимание, является башкирский. В диссертации Э.Ф. Ишбердина «Названия животных и птиц в башкирских говорах» (Ишбердин 1970) исследуемая лексика сравнивается с данными других тюркских языков и диалектов – монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых финно-угорских.

Орнитологическая лексика чувашского языка комплексно была исследована Л.П. Петровым в диссертации «Чувашская орнитонимия и история ее формирования» (Петров 1995), в которой автор детально рассматривает историю формирования чувашской орнитонимии, выделяет генетические пласты, принципы номинации и способы образования названий птиц в чувашском языке.

Обобщающей работой по исследованию названий птиц в татарском языке является монография Э.И. Сафиной «Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование» (Сафина 2006), в которой дается сравнительно-исторический анализ наименований птиц, определяются генетические пласты лексики, принципы номинации и способы образования названий птиц. Исследовательницей также выявлены недочеты в лексикографировании и употреблении орнитологической лексики татарского языка, намечены пути их устранения и предупреждения.

Особая заслуга в исследовании славянских названий птиц принадлежит Л.А. Булаховскому, который в своих работах уделял большое внимание этимологии и образованию орнитонимов (Булаховский 1948, 1968). Лексика русских наименований птиц привлекала внимание ряда других лингвистов: Н.Б. Неронова («Наименования птиц в русском языке (семантико-грамматический аспект)», 2000), Е.В. Лысова («Орнитонимия Русского Севера», 2002), Л.В. Амелина («Семантические процессы, принципы лексикографического толкования, лингвокультурологическая интерпретация орнитонимов (на материале русского и немецкого языков)», 2012), О.Б. Симакова («Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков)», 2003) и др.

Изучение названий птиц в марийском языкознании

Обобщающей работой по названиям птиц в марийском языке является кандидатская диссертация В.Н. Васильева «Марийская орнитонимия», в которой автор рассматривает происхождение орнитонимов, способы образования и принципы номинации птиц, морфологические и синтаксические способы выражения родо-половых и возрастных особенностей птиц в марийском языке. В работе фигурирует более 200 орнитонимов, и большинство из них являются собственно марийскими образованиями (Васильев 1984: 7). Исследователь этимологизировал названия птиц и разделил их по происхождению на три группы: древние названия, имеющие параллели в родственных языках; заимствования (в основном, из чувашского, татарского и русского языков); собственно марийские орнитонимы. Рассматривая вопрос о принципах номинации птиц, автор делает следующие выводы: номинация может осуществляться по различным признакам, но основными, влияющими на систему названий птиц в марийском языке, являются: голос птицы, образ жизни, характерные повадки и внешность. Результаты исследования показывают, что в марийском языке существуют два основных способа обозначения пола и возраста птиц: половое различие с помощью лексем-разграничителей, гетеронимия пар; возрастная дифференциация – способом сложения, где в роли слов-разграничителей могут выступать лексемы *иге* ‘птенец’, *рвезе* ‘молодой’ и др. Способ гетеронимии употребляется в основном в названиях хозяйственно полезных птиц. Исходя из этого автор делает вывод, что этот способ более древний.

По теме диссертации опубликованы статьи «К истории названия птицы колегуш», «Пол и возраст в марийских орнитонимах», «Марийские орнитонимы, их структура и историческое развитие» (Васильев 1979, 1981a, 1982) и др. Особенностью лексико-семантической группы «птицы» является вариативность наименований большинства птиц: *лывыгочшо*, *йўдвараиш*, *шёрлого* ‘козодой’; *шўльыгайык*, *шурнывоч*, *шурныгочшо кайык* ‘овсянка’; *кўрка*, *немычыве* ‘индюк’. В специально посвященной этому вопросу статье «Марийские орнитонимы-синонимы» В.Н. Васильев отмечает 24 синонимических ряда названий птиц (Васильев 1981б). В статье «Марийско-удмуртские лексические параллели» отмечается значительное количество соответствий в марийском и удмуртском языках. Марийско-удмуртские параллели в орнитонимии автор разделяет на три большие группы: 1) лексические соответствия, имеющие финно-угорское происхождение; 2) эксклюзивные марийско-удмуртские параллели; 3) одинаковые заимствования из разных языков: из болгарского, татарского, русского (Васильев 1990: 146).

Интересна для нашей темы и книга О.А. Сергеева «Истоки марийской письменности», где впервые подвергаются историко-лингвистической и палеографической интерпретации рукописные памятники марийского языка XVIII–XIX веков. В книге рассматриваются основные стороны лек-

сикографической практики в сравнительно-историческом плане. Устанавливаются первичные и вторичные варианты словарей, история создания рукописей; определяются их диалектные основы и дается графофонетический анализ. В Приложении 1 дается список забытых и редких слов (гlossарий), среди которых есть и названия птиц: *алакучкыж* ‘цапля’, *каикъ онъ* ‘орел’, *кара-гуш* ‘коршун’, *куаза* ‘род дикой утки’, *кўсьўган*, *шалангы* ‘орел-белохвост’, *лачинъ каикъ*, *лачын* ‘сокол’, *ошла* ‘орел’, *пюркэда* ‘голубь’, *тулгень*, *тюльгень* ‘коршун’, *тюмень* ‘ястреб’, *чонга* ‘кулик’, *шапрЕнкЕ* ‘дрозд’, *шорэ* ‘мартышка (птица)’. Встречается выражение *шулдуранъ каикъ* ‘птица’ в противоположность *чодыра каикъ* ‘зверь’, где слово *каик* обозначало и птиц и животных (Сергеев 2002).

Отчасти к истории изучения орнитонимов относится и их лексикографическая обработка в словарях – переводных, толковых, диалектных, терминологических, энциклопедических, которые представляют объективную картину формирования и развития орнитологической лексики современного марийского литературного языка. Однако задача изучения и сравнения словарного материала в данной диссертации не ставилась.

Безусловно, существует много других работ – этнографических, фольклорных, диалектологических, археологических – в той или иной степени затрагивающих тему птиц, как в финно-угорских, так и в других языках.

ГЛАВА I.

НАИМЕНОВАНИЯ ПТИЦ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

I.1. Объем знаний орнитонимической лексики у восточных и луговых мари (по данным социолингвистического исследования)

В первой части этой главы описываются результаты социолингвистического исследования, проведенного с целью определения объема знаний орнитонимической лексики у марийцев в зависимости от возраста, пола и профессии информанта.

I.1.1. Методика анализа материала

В марийском языке выделяется четыре наречия: луговое, восточное, горное и северо-западное (см. Приложение 1). Они объединяют 22 говора. Луговое и восточное наречия составляют восточную диалектную зону, горное и северо-западное – западную диалектную зону. Луговое наречие делится на моркинско-сернурский, волжский, йошкар-олинский, уржумский говоры. Восточное наречие охватывает 11 говоров, которые распространены в местах компактного проживания марийцев в Башкортостане, Татарстане, Удмуртии, Кировской, Пермской и Свердловской областях России. Среди них наиболее крупными по числу носителей являются мишкинский и калтасинский говоры (подробнее см. Иванов 1981; Ипакова 2013).

Для выявления объема знаний наименований птиц носителями марийского языка в 2010–2012 гг. автором проводилось интервьюирование и групповое анкетирование. Как отмечает И.В. Журавлева, «данные ЮНЕСКО свидетельствуют, что по частоте применения оно (интервью. – К. Ю.) занимает первое место среди прочих исследовательских методов» (Методы 1990: 125). По мнению социолога И.В. Журавлевой, достоинства метода интервью обеспечивают следующие факторы: 1) возможность получения глубинной информации от респондентов; 2) ситуация интервьюирования способствует повышению искренности ответов; 3) возможность вести наблюдения за психологическими реакциями опрашиваемого, в случае необходимости проводить корректировку соответственно возникающим переменам; 4) личный контакт интервьюера с опрашиваемым обеспечивает максимальную полноту реализации познавательных задач вопросника; 5) общение интервьюера с опрашиваемым обеспечивает более серьезное отношение респондента к ответу; 6) вербальный характер общения устраняет проблему непоследовательного незапланированного восприятия вопросов (Там же: 125–126). В то же время «метод интервью

требует больших материальных и временных затрат по сравнению с анкетированием» (Там же: 126).

«Под групповым опросом (групповым анкетированием. – К. Ю.) как некоторой разновидностью письменного анкетного опроса понимается метод единовременного, но индивидуального анкетирования опрашиваемых, собранных в определенном месте, в одном помещении» (Методы 1990: 150). Данный метод применялся нами при опросе студентов в университете. Метод группового анкетирования «достаточно близок к интервьюированию» (Арутюнян и др. 1984: 77), обеспечивает достаточно высокий уровень репрезентативности данных, так же как и интервьюирование. Как пишут В.Д. Войнова и Н.Е. Чернакова, «к наиболее эффективным результатам приводят групповые опросы, применяемые наряду с другими методами: глубинным интервьюированием части опрошенного населения, наблюдениями» (Методы 1990: 161). В целом, полагаем, что проведенный нами опрос с применением интервьюирования и группового анкетирования позволит обеспечить высокий уровень репрезентативности данных.

Для составления вопросника в первую очередь был определен комплекс эмпирических индикаторов, которые можно разделить на две группы: 1) данные об опрашиваемом; 2) языковая компетенция, т. е. знание опрашиваемым наименований птиц. Индикаторами для первой группы являются:

- пол;
- возраст;
- образование;
- специальность.

Индикаторы для второй группы:

- количество известных опрашиваемому наименований птиц;
- среднее значение количества названных наименований птиц для одного человека;
- частотность употребления наименований птиц.

В нашем исследовании демографические (пол, возраст) и социальные (образование и специальность) индикаторы призваны определить гендерные, возрастные и связанные с образованием различия в знании наименований птиц. Методы выявления частотности терминов предложены в работе У. Сутропа (Sutrop 2001).

Участниками социолингвистического опроса были марийцы, свободно владеющие родным языком: два информанта из Республики Татарстан (Арский р-он, Менделеевский р-он) и 114 из разных районов Республики Башкортостан: Балтачевский р-он (1), Бирский р-он (2), Бураевский р-он (1), г. Нефтекамск (2), Дюртюлинский р-он (4), Илишевский р-он (2), Калтасинский р-он (14), Краснокамский р-он (5), Караидельский р-он (3),

Мишкинский р-он (73), Татышлинский р-он (1), Шаранский р-он (5), Яна-ульский р-он (1). Участниками социолингвистического опроса среди луговых марийцев были 110 человек из разных районов Республики Марий Эл: Волжский р-он (7), Звениговский р-он (29), Куженерский р-он (16), Мари-Турекский р-он (8), Моркинский р-он (27), Новоторъяльский р-он (7), Оршанский р-он (1), Параньгинский р-он (3), СERNурский р-он (6), Советский р-он (6).

Для сравнения объема знаний орнитонимической лексики у женщин и мужчин разных возрастов и профессий респондентов разделили на 4 группы: *группа 1* (возраст 6–25 лет), *группа 2* (26–45 лет), *группа 3* (46–60 лет), *группа 4* (от 61 и выше). Каждая из этих групп делится на 2 подгруппы по половой принадлежности. Таким образом, получается 8 микрогрупп.

1.1.2. Объем знаний орнитонимической лексики у восточных мари

В опросах принимали участие 116 человек (средний возраст – 36,7), среди них 85 женщин и 31 мужчина. 116 респондентов перечислили 2292 наименования птиц, среди которых 53 названия не повторялись; в среднем один человек перечислил 20 названий. Максимальное количество наименований птиц (46) было получено от учителя из Калтасинского района. Наименьшее количество орнитонимов (4) написала студентка из Дюртюлинского района во время группового анкетирования. Женщины перечислили 1613 названий птиц, что составляет 70,4 % от общего количества, от мужчин было получено 679 ответов – 29,6%. Женщины в среднем перечислили по 20 орнитонимов, мужчины – по 22.

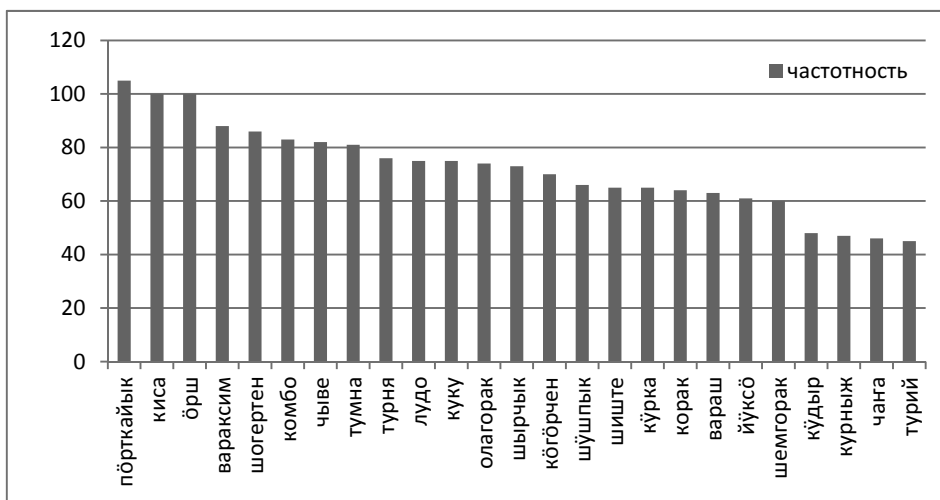

Диаграмма 1. Рейтинг орнитонимов по частотности перечисления

На диаграмме 1 представлена информация о частотности наименований птиц, перечисленных респондентами. По результатам статистических вычислений 105 респондентов назвали наименование птицы *пёрткайык* ‘домовый воробей’, орнитонимы *киса* ‘большая синица’ и *өрш* ‘снегирь’ были перечислены 100 раз, орнитоним *вараксим* ‘деревенская ласточка’ был назван 88 раз, *шогертен* ‘сорока’ – 86 раз, *комбо* ‘гусь’ – 83, *чыве* ‘курица’ – 82, *тумна* ‘сова, неясыть’ – 81, *турня* ‘серый журавль’ – 76, *лудо* ‘утка’ и *куку* ‘обыкновенная кукушка’ – по 75 раз, *олагорак* ‘серая ворона’ – 74, *шырчык* ‘обыкновенный скворец’ – 73, *көгөрчен* ‘сизый голубь’ – 70, *шўшпык* ‘обыкновенный соловей’ – 67, *шиште* ‘дятел’ и *кўрка* ‘домашняя индейка’ – 65, *корак* ‘ворона’ – 64, *вараш* ‘ястреб’ – 63, *йўксө* ‘лебедь’ – 61, *шемгорак* ‘грач’ – 60, *кўдыр* ‘тетерев’ – 48, *курныж* ‘ворон’ – 47, *чана* ‘галка’ – 46, *турий* ‘полевой жаворонок’ – 45. Полный перечень см. в нижеприведенной таблице 1.

Таблица 1. Частотность названий птиц у восточных мари

№	Названия птиц	Перевод	Количество перечислений
1	пёрткайык	домовый воробей	105
2	киса	большая синица	100
3	өрш	снегирь	100
4	вараксим	деревенская ласточка	88
5	шогертен	сорока	86
6	комбо	гусь	83
7	чыве	курица	82
8	тумна	сова, неясыть	81
9	турня	серый журавль	76
10	лудо	утка	75
11	куку	обыкновенная кукушка	75
12	олагорак	серая ворона	74
13	шырчык	обыкновенный скворец	73
14	көгөрчен	сизый голубь	70
15	шўшпык	обыкновенный соловей	67
16	шиште	дятел	65
17	кўрка	домашняя индейка	65
18	корак	ворона	64
19	вараш	ястреб	63
20	йўксө	лебедь	61
21	шемгорак	грач	60
22	кўдыр	тетерев	48
23	курныж	ворон	47
24	чана	галка	46
25	турий	полевой жаворонок	45
26	вырлянге	белая трясогузка	31
27	агытан	петух	31
28	пулдырчо	перепел	25

№	Названия птиц	Перевод	Количество перечислений
29	ирлудо	дикая утка, кряква	24
30	кўседык	чибис	23
31	кайыккомбо	дикий гусь, серый гусь	22
32	сузо	глухарь	20
33	важыкумша	клет-еловик	18
34	музо	рябчик	18
35	кайыклудо	дикая утка, кряква	17
36	чайка	чайка	14
37	ўжўвўр	иволга	13
38	аист	аист	13
39	овдакайык	филин	12
40	иркомбо	дикий гусь, серый гусь	10
41	карш	коростель	9
42	коршангыгайык	коноплянка	8
43	пўркыт	беркут	8
44	ильывуй	обыкновенный свиристель	7
45	эныжгайык	зарянка, или малиновка	7
46	трак	озерная чайка	7
47	важыкнер	клет-еловик	6
48	пембе	зяблик	6
49	ўнгө	филин	6
50	упшанкайык	обыкновенный свиристель	6
51	унчылигиса	поползень	5
52	саршўшпык	иволга	5
53	лого	дрозд	5
54	пучыре	черный стриж	4
55	курныжгорак	ворон	3
56	казыля	чиж	3
57	шемшиште	желна, черный дятел	3
58	вўдчыве	пастушка, водяная курочка	3
59	купшўльб	сойка	3
60	пўрткайыквараш	воробьиный сыч	3
61	цапля	цапля	3
62	курмызак	вальдшнеп	3
63	юмынтага	бекас	3
64	печегайык	чечевица	2
65	вўтеле	кулик, кулики	2
66	кугынер	зимородок	2
67	мландевараксим	береговая ласточка	2
68	тумнавараш	ястребиная сова	2
69	упшвуянкайык	свиристель	2
70	керге	желна, или черный дятел	2
71	упшвуянкиса	хохлатая синица	2
72	шалавуй	удод	2
73	кадырнер	клет-еловик	2
74	колшыре	озерная чайка	2

№	Названия птиц	Перевод	Количество перечислений
75	пучунгышõкайык	дятел	2
76	пембекиса	зяблик	2
77	вудушкыж	выпь, или большая выпь	2
78	поланкайык	обыкновенный свиристель	2
79	чечкем	славка	2
80	кынегайык	коноплянка	2
81	нужгайык	крапивник	2
82	ирчыве	серая куропатка	2
83	кугывараш	ястреб-тетеревятник	1
84	арслангайык	орел	1
85	шемлого	черный дрозд	1
86	пылышантумна	ушастая сова, филин	1
87	выле-выле	обыкновенный свиристель	1
88	пырткалудо	чирок-свистунок	1
89	пасумузо	серая куропатка	1
90	сарси	домовый воробей	1
91	шопкекайык	поползень	1
92	куткыж	беркут	1
93	кожгазыля	желтоголовый королек	1
94	кучыкпоч	крапивник	1
95	орлудо	чирок, чирки	1
96	сурвараш	полевой лунь	1
97	йуштыгайык	пеночка	1
98	суртумна	серая неясыть	1
99	шелде	обыкновенный свиристель	1
100	туканкайык	обыкновенный свиристель	1
101	кеде	сизый голубь	1
102	тулеген	сокол	1
103	шурнывоч	обыкновенная овсянка	1
104	тагагайык	бекас	1
105	пурсагайык	дубонос	1
106	кылкивараш	обыкновенная пустельга	1
107	ушменкайык	зяблик	1
108	тулгайык	садовая горихвостка	1
109	олмагочшокайык	дрозд	1
110	колгайык	обыкновенный зимородок	1
111	чарланге	серая цапля	1
112	колегукшо	болотный лунь	1
113	чодрамузо	рябчик	1
114	тургеде	обыкновенная горлица	1
115	чывызык	белая трясогузка	1
116	тургене	?большой подорлик	1
117	кужынер	кулик, бекас	1
118	анагайык	вертишейка	1
119	апшаткайык	пеночка-теньковка	1
120	лудыгорак	серая ворона	1

№	Названия птиц	Перевод	Количество перечислений
121	купчыве	камышница	1
122	уленшиште	зеленый дятел	1
123	кўркалудо	мускусная утка	1
124	унчыливуйкиса	поползень	1
125	шўльгайык	обыкновенная овсянка	1
126	колягайык	обыкновенная пустельга	1
127	энервараксим	береговая ласточка	1
128	әкяянкайык	обыкновенный свиристель	1
129	висагайык	лесной конек	1
130	урлудо	клест-еловик	1
Общий итог			2292

Для сравнения объема знаний орнитонимической лексики у женщин и мужчин разных возрастов и профессий респонденты были распределены на 4 группы. Таким образом, в *группу Ж1* вошли представительницы женского пола в возрасте от 6 до 24 лет. Всего 41 респондент, среди них 34 студентки филологического факультета финно-угорского отделения, учительница с высшим образованием, продавщица со средне-специальным образованием, дошкольница 6 лет, назвавшая 9 орнитонимов, и 4 ученицы 11 класса. Максимальное число наименований птиц (40) было названо ученицей из Калтасинского района, а наименьшее принадлежит студентке, перечислившей 4 орнитонима.

Группа Ж2 представлена 22 респондентами от 27 до 45 лет. В группе 5 филологов, работающих в вузах, 9 учителей с высшим, лаборант и художник росписи по дереву со средним образованием. Медсестра, кассир, бухгалтер, отделочник, домохозяйка, штукатур-маляр имеют средне-специальное образование. Самое большое число орнитонимов (38) назвала 28-летняя учительница марийского языка с высшим образованием из Мишкинского района. Наименьшее число орнитонимов (9) получено от 39-летней домохозяйки со средне-специальным образованием из Караидельского района.

Группа Ж3 – 11 женщин от 46 до 58 лет, среди них 3 учительницы с высшим образованием, одна учительница и воспитательница со средне-специальным образованием. Швея имеет восьмилетнее образование, социальный работник – среднее. Наибольшее количество орнитонимов (46) перечислила 46-летняя учительница начальных классов со средне-специальным образованием из Калтасинского района. Меньшее число орнитонимов (11) названо учительницей с высшим образованием из Шаранского района.

В *группу Ж4* вошли 11 представительниц женского пола в возрасте от 63 до 83 лет. Женщины имеют разное образование: по одной с высшим образованием, средне-специальным, восьмилетним образованием и два

класса; четыре женщины закончили семь классов, три человека – четыре класса. Больше всего орнитонимов (44) перечислила 83-летняя пенсионерка с семилетним образованием из Мишкинского района, которая работала дояркой. Меньшее число наименований птиц (9) получено от 73-летней пенсионерки, тоже работавшей дояркой, с начальным образованием из этого же района.

В *группе М1* 8 человек мужского пола 17–25 лет, где 6 учеников 11 класса, слесарь со средне-специальным образованием, назвавший наименьшее количество (12) и один студент физико-математического факультета. Наибольшее количество (31) перечислил ученик из Мишкинского района.

В *группу М2* вошли 13 мужчин от 26 до 45 лет разных специальностей: слесарь, фермер со средним образованием, со средне-специальным – каменщик, электрогазосварщик, военный, автослесарь, два водителя и с высшим образованием: учитель, начальник отряда ОВРО, бурильщик, журналист, системный администратор. Самое большое число перечислений (42) принадлежит слесарю со средне-специальным образованием из Мишкинского района, 43 лет, как выяснилось в ходе опроса, много лет проработавшему конюхом на местной ферме. Меньше всего орнитонимов (5) вспомнил 43-летний электрогазосварщик из Караидельского района.

Группа М3 представлена пятью мужчинами от 50 до 60 лет: пенсионер с образованием десять классов, механизатор со средним образованием, техник лесного хозяйства, зоотехник, механик имеют средне-специальное образование. Наибольшее количество орнитонимов (29) перечислил 51-летний механик из Мишкинского района, который много лет проработал агрономом. По 9 орнитонимов назвали 50-летний техник лесного хозяйства из Шаранского района, 57-летний зоотехник из Илишевского района.

В *группу М4* вошли 5 мужчин от 63 до 80 лет, среди которых два пенсионера с высшим образованием, два со средне-специальным, один без образования. Пенсионер 65 лет из Мишкинского района, работавший в школе учителем химии и биологии, перечислил наибольшее число орнитонимов (38). 73-летний пенсионер перечислил 37 названий птиц, 63-летний филолог с высшим образованием назвал 36 наименований птиц. Меньше всего – по 23 орнитонима назвали 63-летний пенсионер со средне-специальным образованием, работавший механиком и проживающий в городе, и 80-летний пенсионер из Мишкинского района, который был механизатором, комбайнером в колхозе.

Сопоставление результатов в гендерном и возрастном аспектах можно увидеть в нижеприведенной таблице 2. Во втором столбце дано общее число названных наименований птиц респондентами каждой группы, третий столбец содержит среднее число перечисленных орнитонимов.

Таблица 2. Сопоставление данных

Группы	Число названных НП	Среднее число названных НП
Группа Ж1	652	16
Группа Ж2	440	20
Группа Ж3	247	22
Группа Ж4	274	25
Общий результат у женщин	1613	21
Группа М1	176	22
Группа М2	251	19
Группа М3	96	19
Группа М4	156	31
Общий результат у мужчин	679	23

1.1.3. Объем знаний орнитонимической лексики у луговых мари

В опросе принимали участие 110 человек (средний возраст – 31,14), среди них 81 женщина и 29 мужчин. 110 респондентов перечислили 2087 наименований птиц, среди которых 27 названий не повторялись, в среднем один человек перечислил 19 названий. Максимальное количество наименований птиц (40) было получено от воспитателя из Куженерского района. Наименьшее количество орнитонимов (4) написала студентка из Волжского района во время группового анкетирования. Женщины перечислили 1583 названий птиц (в среднем 19 названий), что составляет 75,9% от общего количества, от мужчин было получено 504 ответа (в среднем – 17 названий птиц) – 24,1%.

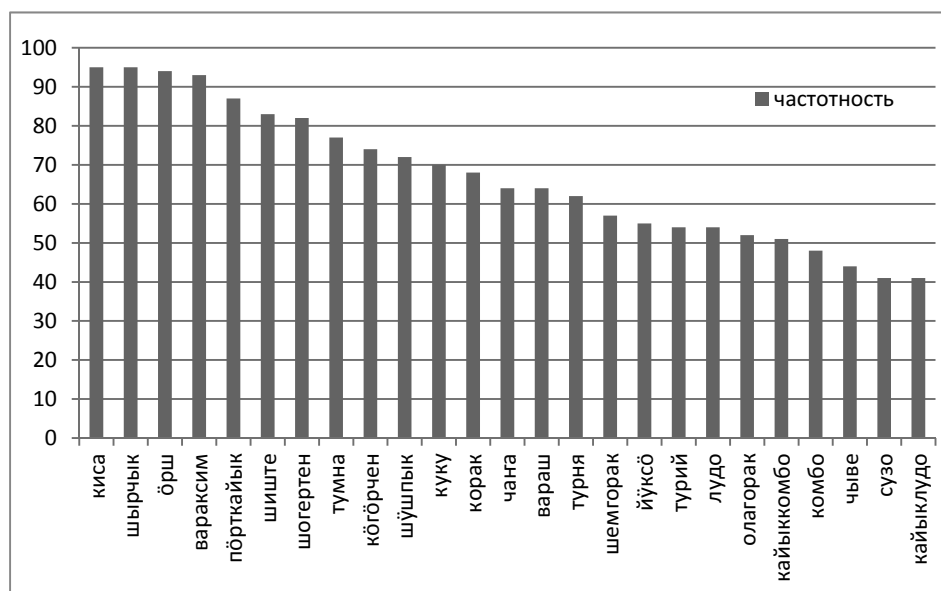

Диаграмма 2. Рейтинг орнитонимов по частотности перечисления

На диаграмме 2 представлена информация о частотности наименований птиц, перечисленных респондентами. По результатам статистических вычислений 95 респондентов назвали наименование птицы *киса* ‘большая синица’ и *шырчык* ‘обыкновенный скворец’, орнитоним *õрш* ‘снегирь’ был назван 94 раза, *вараксим* ‘деревенская ласточка’ – 93 раза, *пõрткайык* ‘домовый воробей’ – 87, *шиште* ‘дятел’ – 83, *шогертен* ‘сорока’ – 82, *тумна* ‘сова, неясыть’ – 77, *кõгõрчен* ‘сизый голубь’ – 74, *шўшпык* ‘обыкновенный соловей’ – 72, *куку* ‘обыкновенная кукушка’ – 70, *корак* ‘ворона’ – 68, *чага* ‘галка’ и *вараш* ‘ястреб’ – по 64 раза, *турня* ‘серый журавль’ – 62 раза и т. д. Полный перечень смотрите в таблице 3.

Таблица 3. Частотность названий птиц у луговых мари

№	Названия птиц	Перевод	Количество перечислений
1	киса	большая синица	95
2	шырчык	обыкновенный скворец	95
3	õрш	снегирь	94
4	вараксим	деревенская ласточка	93
5	пõрткайык	домовый воробей	87
6	шиште	дятел	83
7	шогертен	сорока	82
8	тумна	сова, неясыть	77
9	кõгõрчен	сизый голубь	74
10	шўшпык	обыкновенный соловей	72
11	куку	обыкновенная кукушка	70
12	корак	ворона	68
13	чага	галка	64
14	вараш	ястреб	64
15	турня	серый журавль	62
16	шемгорак	грач	57
17	йўксõ	лебедь	55
18	турий	полевой жаворонок	54
19	лудо	утка	54
20	олагорак	серая ворона	52
21	кайыккомбо	дикий гусь, серый гусь	51
22	комбо	гусь	48
23	кўдыр	тетерев	48
24	чыве	курица	44
25	сузо	глухарь	41
26	кайыклудо	дикая утка, кряква	41
27	чайка	чайка	31
28	музо	рябчик	30

№	Названия птиц	Перевод	Количество перечислений
29	курныж	вóрон	29
30	агытан	петух	27
31	вырлянге	белая трясогузка	26
32	лого	дрозд	19
33	аист	аист	18
34	сарси	домовый воробей	14
35	индюк	домашняя индейка	14
36	ирлудо	дикая утка, кряква	13
37	пулдырчо	перепел	11
38	карш	коростель	9
39	купшўльö	сойка	9
40	кўрка	домашняя индейка	9
41	важыкнер	клест-еловик	7
42	чарланге	серая цапля	6
43	ўжўвўр	иволга	6
44	ўнгö	филин	5
45	пембе	зяблик	5
46	пўркыт	беркут	5
47	иркомбо	дикий гусь, серый гусь	4
48	кайыквараш	ястреб-перепелятник	4
49	казыля	чиж	3
50	чилили	обыкновенный свистель	3
51	эныжгайык	зарянка, или малиновка	3
52	йошкарон	снегирь	3
53	арслан	орел	2
54	унчылигиса	поползень	2
55	шаленге	обыкновенный сарыч	2
56	варсенге	деревенская ласточка	2
57	чезек	деревенская ласточка	2
58	подлогар	серая цапля	2
59	шалавуй	удод	2
60	юмынгайык	лебедь	2
61	ирмузо	серая куропатка	2
62	колшыре	озерная чайка	2
63	тўлеген	сокол	2
64	нургўльö	деревенская ласточка	1
65	апшаткайык	пеночка-теньковка	1
66	вўтеле	кулик	1
67	пызлыгайык	рябинник	1
68	коршангывуйкайык	щегол	1
69	пылышантумна	ушастая сова, филин	1

№	Названия птиц	Перевод	Количество перечислений
70	чывывараш	ястреб-тетеревятник	1
71	мыгыльшуй	серая цапля	1
72	претка	чирок-свистунук	1
73	керге	желна, или черный дятел	1
74	сурвараш	полевой лунь	1
75	пардаштумна	мохноногий сыч	1
76	орлудо	чирок, чирки	1
77	кугулого	деряба	1
78	овдатурна	филин	1
79	чывызык	белая трясогузка	1
80	вудчыве	камышница	1
81	омыжгайык	камышовка	1
82	важыкумша	клест-еловик	1
83	кудырвараш	ястреб-тетеревятник	1
84	йуштыгайык	пеночка	1
85	бзиктумна	вид совы, ?филин	1
86	немыччыве	домашняя индейка	1
87	коршангыгайык	коноплянка	1
88	ильвууй	обыкновенный свиристель	1
89	изилого	дрозд-белобровик	1
90	курмызак	вальдшнеп	1
Общий итог			2087

Как уже было отмечено выше, для сравнения объема знаний орнитонимической лексики у женщин и мужчин разных возрастов и профессий респонденты были разделены на 4 группы. В *группу Ж1* вошли 57 респондентов женского пола в возрасте от 6 до 25 лет. Среди них 53 студента филологического факультета финно-угорского отделения, учительница технологии со средним образованием, бухгалтер со средне-специальным образованием, домохозяйка, ученица 16 лет, назвавшая 20 орнитонимов. Максимальное число наименований птиц (35) было названо домохозяйкой со средним образованием из Новоторьяльского района, а наименьшее количество названных орнитонимов принадлежит студентке, перечислившей 4 орнитонима.

Группа Ж2 представлена 11 респондентами от 26 до 45 лет. В группе 4 учительницы с высшим образованием, бухгалтер, врач, библиотекарь с высшими образованиями, 2 воспитательницы, контролер и повар со средне-специальными образованиями. Самое большое число орнитонимов (40) назвала воспитательница 37 лет со средне-специальным образованием из Куженерского района. Наименьшее число орнитонимов (8) получено от врача 37 лет с высшим образованием.

Группа Ж3 – 7 женщин от 48 до 53 лет, среди них филолог с высшим образованием; повар, швея, агроном, бухгалтер, оператор АЗС со средне-специальным образованием и продавец со средним образованием. 28 орнитонимов вспомнила 53-летняя женщина из Мари-Турекского района, которая работает бухгалтером. Меньшее число наименований птиц (11) получено от швеи 48 лет, живущей в городе.

В *группу Ж4* вошли 6 представительниц женского пола в возрасте от 62 до 80 лет. Женщины имеют разное образование: по одной с высшим образованием, средне-специальным, средним образованием; 2 человека – 4 класса образования, одна закончила 7 классов. Максимальное число орнитонимов (29) вспомнила 80-летняя пенсионерка, имеющая 4 класса образования, из Моркинского района. 18 названий птиц перечислила 70-летняя пенсионерка из Звениговского района.

В *группе М1* 11 человек мужского пола 15–23 лет, где 2 ученика, 6 студентов, 2 водителя: один со средним образованием, другой со средне-специальным образованием и энергетик с высшим образованием, назвавший 6 орнитонимов. Два студента-филолога и водитель со средним образованием из Моркинского района перечислили наибольшее число орнитонимов – 23 названия.

В *группу М2* вошли 8 мужчин от 28 до 44 лет разных специальностей: 2 плотника, 2 электрика, ветеринар, имеющие средне-специальное образование; научный сотрудник и аналитик ИТ с высшими образованиями, пчеловод со средним образованием, который перечислил наименьшее количество орнитонимов – 10 названий. Самое большое число перечислений (27) принадлежит научному сотруднику с высшим образованием.

Группа М3 представлена 5 мужчинами от 46 до 56 лет: инженер с высшим образованием, пенсионер – со средне-специальным. Трое из респондентов имеют среднее образование, которые работают машинистом, водителем и охранником. Пенсионер 56 лет из Звениговского района, работавший инженером в местном колхозе, перечислил наибольшее число орнитонимов (21). Меньше всего – 9 орнитонимов назвал машинист, живущий в городе.

В *группу М4* вошли 5 мужчин от 66 до 71 года. Трое имеют среднее образование, один – высшее, один мужчина закончил семь классов. Самое большое число перечислений (38) сделал пенсионер со средним образованием из Звениговского района, как выяснилось в ходе опроса, который работал водителем и увлекался охотой. Меньше всего орнитонимов (10) вспомнил 66-летний пенсионер со средним образованием.

Сопоставление результатов в гендерном и возрастном аспектах можно увидеть в нижеприведенной таблице. Во втором столбце дано общее число названных наименований птиц респондентами каждой группы, третий столбец содержит среднее число перечисленных орнитонимов.

Таблица 4. Сопоставление данных

Группы	Число названных НП	Среднее число названных НП
Группа Ж1	1103	19
Группа Ж2	227	21
Группа Ж3	124	18
Группа Ж4	129	22
Общий результат у женщин	1583	20
Группа М1	184	17
Группа М2	155	19
Группа М3	72	14
Группа М4	93	19
Общий результат у мужчин	504	17

1.1.4. Обсуждение результатов и выводы

Как видно по подсчетам, средние результаты у мужчин и женщин восточного наречия разные (табл. 2). Если рассматривать каждую группу отдельно, то больше всего орнитонимов назвали респонденты группы М4 в возрасте 61–80 лет (в среднем 31 наименование). Слабые результаты показала группа Ж1 в возрасте 6–25 лет (в среднем 16 названий), что говорит о недостаточном знании марийской орнитонимической лексики. Среди респондентов 26–45 лет мужчины и женщины показали почти одинаковые результаты. Число названных наименований птиц всего на один больше у женской группы (в среднем 20 наименований), чем у группы мужчин (в среднем 19 названий).

Как показывают данные четвертой таблицы, средние результаты у мужчин и женщин лугового наречия значительно не отличаются. Если рассматривать каждую группу отдельно, то больше всего орнитонимов назвали респонденты группы Ж4 в возрасте 61–80 лет (в среднем 22 наименований). Слабые результаты показала группа М3 в возрасте 46–60 лет (в среднем 14 названий), что говорит о меньшем знании марийской орнитонимической лексики. Среди респондентов 26–45 лет число названных наименований птиц больше у женской группы (в среднем 21 наименование), чем у группы мужчин (в среднем 19 названий), но, как видно по результатам, разница небольшая. Социолингвистический анализ показывает, что респонденты обладают очень разным лексическим запасом наименований птиц. Как свидетельствуют полученные результаты, более релевантным для объяснения различия объема знаний орнитонимов является возрастной фактор, чем гендерный.

Объединив результаты восточных и луговых марийцев, получаем следующую картину (см. рис. 1).

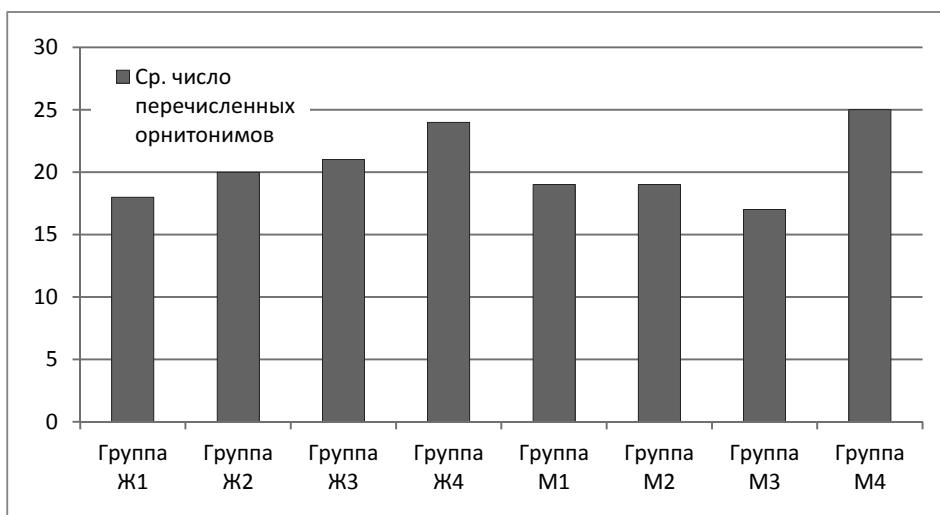

Рис. 1. Рейтинг групп по результатам среднего числа перечисленных орнитонимов

Примерно одинаковое количество орнитонимов перечислили группы женского и мужского пола до 25 лет. Представителями этой группы в основном были студенты-филологи и учащиеся. Во второй группе от 26 до 45 лет женщины и мужчины показали почти одинаковые результаты. Женщины знают в среднем по 20 орнитонимов, мужчины – 19. В третьей возрастной группе от 46 до 60 лет женщины удерживают первенство по количеству названных наименований птиц. Мужчины в этой группе уступают с результатом 17 орнитонимов, хотя мужчины восточного наречия перечислили в среднем по 19 орнитонимов. Во второй и третьей возрастных группах на знание названий птиц влияет профессия человека или хобби. Респонденты этих возрастных групп чаще отмечали, что птиц очень много, но названий не знают, советовали спрашивать у старшего поколения. Бóльшим объемом знаний орнитонимической лексики обладают респонденты в возрасте от 60 до 83 лет. Хорошие результаты показали как женщины, так и мужчины. Нужно отметить, что мужчины лугового наречия имеют средний показатель – 19 орнитонимов, на что повлияла профессия людей. Респонденты старшего возраста обладают бóльшим объемом знаний орнитонимической лексики, что говорит о большом жизненном опыте (охота, земледелие, наблюдения за природой) и достаточно хорошем владении марийским языком. Респонденты последней возрастной группы называли больше специфичных названий птиц. Полный список марийских названий птиц с переводом на русский и латинские языки см. в Приложении 3.

Таким образом, результаты исследования показывают, что знание орнитонимической лексики в бóльшей степени зависит от возраста и профессии, и в меньшей – от пола информанта. Марийские названия птиц лучше

знают учителя марийского языка и литературы, начальных классов, биологии, воспитательницы, а также люди сельских профессий (агроном, конюх, доярка, лесник), чья работа связана с природой. Представители таких профессий, как: врач, швея, машинист, энергетик, строитель – живущие или работающие в городах, назвали меньше орнитонимов. Подсчеты свидетельствуют, что объем знаний орнитонимической лексики больше у старшего поколения. Отметим, что респонденты часто называли в основном только птиц, обитающих в их местности. К примеру, если рядом с их селением нет болот, то в перечислении отсутствуют болотные птицы, если нет озер, то не называются водоплавающие птицы. Вот яркий пример: популярная, почитаемая птица *йўксö* ‘лебедь’ был назван всего 116 респондентами, или, к примеру, *турня* ‘журавль’ назвали 138 респондентов из опрошенных 226 человек. Редко кто из информантов знает названия разных птиц одного семейства, к примеру, ястребиных, совообразных, поэтому ограничивались одним родовым названием: *вараиш* ‘ястреб’, *тумна* ‘сова’. Следует отметить, что многие виды птиц стали редкими, многие занесены в Красную книгу. Этим, наверное, можно объяснить отсутствие отдельных названий в списке перечислений респондентов. Среди таких птиц оказались *сорокопут*, *лунь болотный*, *чеглок*, *кобчик*, *камышница*, *сизоворонка* и др. Респонденты в первую очередь называли птиц, которые обитают вблизи человека – это *синица*, *воробей*, *ворона*, *сорока*. Отсутствие заморских, экзотических птиц (пеликан, фламинго, страус) связано с лингво-социальными особенностями опроса, ориентированными на знание родной фауны на родном языке.

1.2. Основные мотивационные признаки при номинации птиц в марийском языке¹

Специальное исследование наименований птиц представляет определенный теоретический и практический интерес, как для финно-угроведения, так и уралистики в целом. Лексика любого языка характеризуется проницаемостью, обогащается и изменяется по мере развития общества. Структура лексико-семантической группы «птицы» относительно открыта, названия птиц исчезают или заменяются новыми словами. К примеру, орнитонимы *йурынго* ‘снегирь’, *койакэргэ* ‘черный дятел’, зафиксированные в словаре В.М. Васильева «Марий мутер» (Васильев 1928: 312, 101), в современном марийском языке не употребляются (Васильев 1984: 16–17). Результаты наших полевых экспедиций еще раз доказывают наблюдения В.Н. Васильева о том, что в разговорной речи собственно-марийские орнитонимы все чаще заменяются русскими названиями птиц: *чайка* вместо *колшыре*, *трйк*, *кырляк*; *кулик* вместо *вўтеле*; компонент *дикий* вместо *ир*, *кайык* (*кайыккомбо*, *ирлудо*) (Васильев 1984: 119). Появ-

¹ См. (Yuzieva 2012).

ляются и новые русские заимствования, правда, преимущественно названия тех птиц, которые не обитают на территории марийцев, напр.: *дрофа*, *канарейке*, *колибри* (см. Приложение 4). Все это определяет актуальность такого исследования.

Наименования птиц были предметом изучения исследователей разных языков. Как отмечалось выше, в финно-угорском языкознании уже существует достаточное количество работ (Mäger 1967, Соколов 1973, Јенб 1984, Васильев 1984, Vogar 2007 и др.), в которых названия птиц изучались в этимологическом и лингвогеографическом, семантическом аспектах.

В говорах и диалектах марийского языка существует большое количество синонимичных названий одних и тех же птиц, что связано с различными типами мотивации, положенными в основу их номинации. В следующей части главы выделяются мотивационные факторы номинации птиц в марийском языке, что позволяет выявить общие и частные принципы образования наименований.

1.2.1. Методика анализа материала

Понятие «принцип номинации» достаточно широко используется в современной ономотологии при описании имен различных тематических групп. Н.Д. Голев, занимающийся теоретическими вопросами номинации, пишет, что под термином принцип номинации авторы стремятся понимать «своеобразные ономаσιологические модели, обобщающие наиболее характерные аспекты и признаки, по которым происходит называние однородных предметов, напр., по цвету, по действию, по происхождению и под.» (Голев 1981: 17). Вполне обоснованным представляется ему термин «мотивема», который употребляет М.М. Гинатулин для обозначения принципов номинации (Там же).

Мотивировка значения в некоторых наименованиях достаточно прозрачна, т. е. мы имеем дело с ясной внутренней формой слова. Вместе с тем есть названия птиц, у которых мотивировка значения слов оказалась утраченной. Для того, чтобы понять эту мотивировку, вскрыть внутреннюю форму слова, нужны этимологические изыскания. В.Г. Варина, занимаясь вопросами лексической семантики и внутренней формы языковых единиц, делает следующие выводы: «Внутренняя форма лексических единиц может быть определена как признак номинации, выражаемый словом и входящий в качестве особого компонента в состав лексического значения слова. В качестве компонентов значения признаки номинации многообразны, что дает повод для их классификации...» (Варина 1976: 242–243).

Многие исследователи отмечают, что относительное сходство принципов номинации птиц в различных языках в конечном счете приводит и к смысловой близости самих названий. Это можно наблюдать на следующих примерах названия *выни* (*Botaurus stellaris*): эст. *vee-*, *soo-*,

merhärg 'водяной, болотный, морской бык', венг. *nadibika* 'камышовый бык', нем. *Wasserochs* 'водяной бык', рус. *водяной бык*, мар. *вудушкыж* 'водяной бык', удм. *вуош* 'водяной бык' и т. д. Это обстоятельство требует тщательного анализа при определении наименований птиц, которые могли образоваться путем калькирования или по аналогии в условиях историко-культурных взаимосвязей народов.

В разных языках наблюдаются определенные сходства в системе номинации, что является результатом того, что орнитонимы содержат информацию о естественно-биологических свойствах птиц. Весьма выразительны в этом плане слова Н.Д. Голева: «Сугубо лингвистическими аспектами изучение принципов номинации ограничивать нельзя, так как непосредственно определяющими для них являются внеязыковые факторы. Само выделение принципов номинации и их классификация основаны на этих факторах: свойствах и признаках самих реалий» (Голев 1972).

Н.Д. Голев предлагает в содержании мотивировочных признаков тематической группы названий птиц выделить наиболее общие типы (**А** – названия, характеризующие внешний вид птицы, **Б** – ее образ жизни, **В** – ее голос), которые можно назвать разрядами номинации. Они указывают на те стороны реалий, которые составляют содержание мотивировочных признаков. Разряды номинации конкретизируются в принципах номинации, которые непосредственно указывают на качество мотивировочного признака (Голев 1972). Как отмечает цитируемый автор, мотивировочный признак выполняет как различительную функцию, так и описательную, так как характеризует объективные свойства самого предмета (Голев 1974: 96). В говорах и диалектах любого языка, в том числе и марийского, существует большое количество различных названий одних и тех же птиц, что связано с гносеологической функцией мотивирующего признака (Гинатулин 1970: 119).

В классификации Э.И. Сафиной, где учитывается прямой и косвенный (или опосредованный) способы номинации, татарские орнитонимы делятся на 25 больших групп, охватывающих весь комплекс названий птиц татарского языка, что доказывает существование сложной системы номинации орнитонимов (Сафина 2006: 62). Следует заметить, что в марийском языке косвенный способ номинации выражен не столь ярко.

Е.В. Лысова, которая занималась изучением орнитонимов Русского Севера, выделила два принципа номинации: номинация по собственным признакам объекта и номинация по относительным признакам объекта (Лысова 2002).

Предложенная В.Н. Васильевым традиционная классификация принципов номинации птиц включает также такие способы номинации, как образование орнитонимов с учетом принадлежности птиц к самцам или самкам (к определенной гендерной группе), возраста птиц, а также перенесение названий птиц (подр. см. Васильев 1984: 125–136).

Ознакомившись с работами по исследованию наименований птиц отдельных языков, опираясь на вышеназванные классификации, учитывая

замечания и комментарии других исследователей, постараемся выделить основные мотивационные признаки, участвующие в образовании марийских орнитонимов.

В работе анализируются материалы как марийского литературного языка, так и его диалектов. Сведения были собраны методом сплошной выборки из различных словарей (МРСБТ, СМЯ I–IX, СГЯ, ССЗНМЯ, Васильев 1928, Вершинин 2011, Paasonen 1948 и др.), а также способом опроса респондентов в ходе полевых экспедиций.

1.2.2. Основные принципы номинации

В ходе анализа выделены два принципа номинации: *номинация по собственным признакам объекта* и *номинация по относительным признакам объекта*.

1.2.2.1. Номинация птиц по собственным признакам

Мотивирующими при номинации по собственным признакам являются: голос птицы, размер птицы, общий внешний вид или какая-то деталь внешнего облика, поведение, образ жизни птицы. Рассмотрим их отдельно.

Наименования птиц по голосу

Как отмечают исследователи, самым распространенным признаком, который служит для номинации птиц, является ее голос в различных его проявлениях: крик, песня и др. Исследователь саамских названий птиц Эдит Богар отмечает: «In all languages, one of the most important etymological types of bird names is onomatopoeia as one of the most characteristic features of a bird is exactly its sound» (Bogar 2009: 9). Анну Марттила на основе исследования финских ономапоэических названий птиц в книге «Linnut värikuvina» («Птицы цветными картинками») указывает, что из 274 названий почти половина дана по голосу птиц (Marttila 2010: 3).

Марийские наименования *тpяк* ‘озерная чайка, *Larus ridibundus*’, *выле-выле* ‘обыкновенный свистель, *Bombus garrulus*’ являются непосредственными ономапоэическими словами. *Сопсыренге // чопчыранге* ‘сорокопуд-жулан, *Lanius collurio*’ издает звуки *cop-cop-cop-cop* (Васильев 1928: 192). Название является производным от звукоподражательного слова.

В основу орнитонима может лечь также сравнение с голосом другой птицы, животного или с каким-то другим звуком. Например, *саршуйштык* ‘иволга, *Oreolus oreolus*’, букв. «желтый соловей», пение внешне отличающейся иволги сходно с пением соловья; *юмынтага* ‘бекас, *Gallinago gallinago*’, букв. «божий баран». Когда эта птица летит, то издает звуки, похожие на бляение барашка. Следующим примером в этой группе может

служить название *анишаткайык* ‘пеночка-теньковка, *Phylloscopus collybita*’, букв. «птица-кузнец». В основе названия – сходство крика этой птицы с звуками, издаваемыми при работе кузнеца.

Названия птиц могут обозначать характер звуков, издаваемых птицами. Некоторые птицы могут кричать, свистеть, хохотать и т. д., например, *шўшкышö йўкчö* марВ ‘лебедь-шипун, *Cygnus olor*’, букв. «свистящий лебедь». В основе данного орнитонима лежит причастие *шўшкышö*, образованное от глагола *шўшкаш* ‘свистеть’.

Нередко ономотопеическими по происхождению являются части сложносоставных орнитонимов. Обращает на себя внимание то, что названия многих видов птиц, обладающих звучным, заметным в природе голосом, в языках финно-угорских народов (да и в других языках мира) произносятся одинаково. Такие звукоподражательные названия – межъязыковые биолингвистические параллелизмы – имеют общую, единую основу в виде звуков, издаваемых соответствующей птицей.

Наиболее ярким примером параллелизма являются названия кукушки (*Cuculus canorus*) на разных родственных языках: фин. *käki*, эст. *kägu*, венг. *kakuk*, мар. *куку*, удм. *кыкы*. Примерно такая же цепь параллелизмов имеется и для названий вороны (*Corvus*), с той только разницей, что все они распадаются на два класса²: тяготеющие к лексической основе «*кар-кор*» или «*вар*»: фин. *varis*, эст. *vares*, венг. *varjú*, мордов. *варака*, мар. *корак*, удм. *куака*. М. Мягер отмечает, что в основе названия тетерева (*Lyrurus tetrix*) в финно-угорских языках природный голос тетерева выражается консонантным сочетанием *-tr*: фин. *tetri*, эст. *teder*, удм. *тур*, коми *тар*, мар. *кўдыр* (Mäger 1967: 63).

Скорее всего, началом формирования звукоподражательных названий птиц надо считать те далекие времена, когда основным способом добычи пищи была охота. Правильное, точное воспроизведение охотником голоса птицы в различных его проявлениях помогало ему вернуться с большим количеством добычи. Неудивительно, что при указании на определенную птицу в обычных условиях люди тех далеких времен могли использовать те же выражения, что и на охоте. В процессе развития языка эти названия, скорее всего, претерпевали некоторую трансформацию фонетического облика, но форму слова, близкую к изначальной, помогали сохранять постоянная связь «человек – птица», возможность слышать в повседневной жизни издаваемые птицей звуки («*ку-ку*», «*кар-кар*»).

² По данным исследования названий вороны А. Марттилы, из 141 исследованных языков в 130 языках (92%) птица получила название по своему голосу. Например, в Африке *khware*, *kurak*, *kaa*, *gaga ja gaak*, в Евразии *kaakaa*, *kaag*, *kwag*, *korb*, *krkavets* и т. д. (Marttila 2010: 4).

Наименования птиц по величине («большой» – «маленький»)

Этот признак (обычно) используется для различения отдельных видов птиц. В марийском языке, например, в отличие от русского, незначительное количество орнитонимов образуют пары с компонентами *малый* и *большой*. Можно привести такие примеры: *изивишкыр*, *изи вишкыр* марГ ‘черношейная поганка, *Podiceps nigricollis*’ и *кугывишкыр*, *кого вишкыр* марГ ‘большая поганка, или чомга, *Podiceps cristatus*’; *изидумна*, *изи тымана* марГ ‘воробьиный сыч, *Glaucidium passerinum*’ и *кугутумна* диал. ‘филин, *Bubo bubo*’; *изилого*, *изи лагы* марГ ‘дрозд-белобровик, *Turdus iliacus*’ и *кугылого*, *кого лагы* марГ ‘деряба, *Turdus viscivorus*’; *изивараи*, *изи вярәи* марГ ‘кобчик, *Falco vespertinus*’ и *кугывараи*, *куговараи* марВ ‘коршун, *Milvus*’ или ‘ястреб-тетеревятник, *Accipiter gentilis*’, где компоненты *изи* ‘малый (маленький)’, *кугу* ‘большой’ служат смыслообразующими компонентами названия.

Эти же активные компоненты, обозначающие размер, могут не составлять оппозиции («большой – малый»), а просто служить номинационным признаком соответствующего орнитонима, напр.: *изигек* марГ (букв. «маленькая птица») ‘обыкновенная овсянка, *Emberiza citrinella*’, *изюмынтага* ‘гаршнеп, *Lymnocyptes minimus*’, *изинембе* диал. ‘юрок, *Fringilla montifringilla*’, *изиччекем* ‘малая мухоловка, *Ficedula parva*’, где второй компонент – видовое обозначение птицы. Можно видеть, что эти орнитонимы служат для выделения вида птиц одного семейства.

Наименования птиц по цвету

Цвет в орнитонимах – одна из самых важных описательных характеристик птиц. Хроматическая, так называемая «цветовая», характеристика имеет существенное значение для выделения и определения вида птиц. Самыми распространенными в орнитонимах являются следующие цвета: *ош(о)*, *ош(ы)* марГ ‘белый’, *йошкар(ге)*, *якшар* марГ ‘красный’, *ужар(ге)* ‘зеленый’, *шем(е)*, *шим* марГ ‘черный’, *сур* ‘серый’, *сар(е)*, *нарынче*, *нарынзы* марГ, *түкө* ‘желтый’, *канде* ‘синий’. Существуют семантические различия номинационных групп.

Некоторые орнитонимы, в основе которых лежит лексема, обозначающая цвет оперения, образованы по модели «цвет + родовое название». Например, *оштумна*, *ош тымана* марГ ‘белая сова, *Nyctea scandiaca*’, букв. «белая сова»; *чалдумна* ‘длиннохвостая неясыть, *Strix uralensis*’, букв. «седая (серая) сова»; *шемишште* марЛ, марВ, *шим шишшты* марГ ‘желна, или черный дятел, *Dryocopus martius*’, букв. «черный дятел»; *ужаришште*, *ыжар шишшты* марГ ‘зеленый дятел, *Picus viridis*’, букв. «зеленый дятел»; *ужаргорак*, *ыжар карак* марГ ‘сизоворонка, или ракша, *Coracias garrulus*’, букв. «зеленая ворона»; *йошкарвишкыр* ‘красношейная поганка, *Podiceps auritus*’, букв. «красная поганка».

В другой группе марийских орнитонимов основой наименования является цвет некоторой части тела, выделяющийся в общей окраске птицы, например: *йошкаронг*, *якшаронг* марГ ‘снегирь, *Purrrhula purrrhula*’, букв. «красная грудь»; *йошкарвуй* ‘красноголовый нырок, *Aythya ferina*’, букв. «красная голова»; *ошсанга* ‘лысуха, *Fulica atra*’, букв. «белый лоб»; *ошпочвараиш* ‘луговой лунь, *Circus pygargus*’, букв. «ястреб-белохвост»; *тулвоч* ‘садовая горихвостка, *Phoenicurus phoenicurus*’, букв. «огненный хвост»; *кандывуйгиса* ‘лазоревка, *Parus caeruleus*’, букв. «синеголовая синица»; *түкүвагар* марВ ‘юрок, *Fringilla montifringilla*’, букв. «желтый зоб»; *шем тупан вӱтеле* ‘черныш, *Tringa ochropus*’, букв. «черноспинный кулик»; *ошшинча* ‘белоглазый нырок, *Aythya nyroca*’, букв. «белый глаз»; *йошкар йолан вӱтеле*, *якшар ялан вӱтельы* марГ ‘травник, или красноножка, *Tringa totanus*’, букв. «красноногий кулик».

Наименования, маркирующие выделяющиеся части тела птицы

Части тела птиц в орнитонимах получают определения «большой», «маленький», «короткий», «длинный», «толстый», «тонкий», «кривой», сравниваются с предметами: «как коса», «шило-клюв», «лошадиный хвост» и др. Как правило, отмечаются нестандартный вид клюва и хвоста пернатого, например: *кужунер* диал. ‘бекас, *Gallinago gallinago*’, букв. «длинный клюв»; *кугынер* ‘обыкновенный зимородок, *Alcedo atthis*’, букв. «большой клюв»; *күжгынер*, *кӱжгӱнер* марГ ‘обыкновенный дубонос, *Coccythraustes coccythraustes*’, букв. «толстый нос»; *күчыкпоч* ‘крапивник, *Troglodytes troglodytes*’, букв. «короткий хвост»; *кужывочкиса*, *кужы пачан кӱсий* марГ ‘ополовник, или длиннохвостая синица, *Aegithalos caudatus*’, букв. «длиннохвостая синица».

В наименованиях могут отражаться характерные признаки формы отдельных частей тела птицы: *важыкнер*, *важыкумша*, *кадырнер* диал. ‘клевт-еловик, *Loxia curvirostra*’, букв. «кривой клюв, рот»; *вӱржнер* ‘обыкновенная пищуха, *Certhia familiaris*’, букв. «вӱрж ‘шило’ + нер ‘клюв’»; *пылышандумна* ‘филин, *Bubo bubo*’, букв. «ушастая сова».

Примерами названий, в основе которых лежит сравнение с окружающими предметами, могут быть: *саванер* ‘большой кроншнеп, *Numenius arquata*’, букв. «сава ‘коса’ + нер ‘клюв’»; *вӱржвоч* ‘шилохвость, *Anas acuta*’, букв. «вӱрж ‘шило’ + воч < поч ‘хвост’»; *мыгыльшӱ* марГ ‘серая цапля, *Ardea cinerea*’, букв. «мыгыль ‘завиток волос у женщин на затылке’ + шӱ < шӱй ‘шея’»; *шарвоч* ‘шилохвость, *Anas acuta*’, букв. «шар ‘волос, обычно на хвосте у лошади’ + воч < поч ‘хвост’».

Наименования, мотивированные особенностями поведения птицы

Данная группа представлена небольшим количеством примеров. Названия могут указывать на образ жизни птицы, ее повадки: *пӱрдшыгайык* ‘поползень, *Sitta europaea*’, букв. «крутящаяся птица»; *клухой сузы* марГ

‘глухарь, *Tetrao urogallus*’, букв. «глухой рябчик» (общеизвестно, что глухарь как бы глохнет при токовании); *мардеж йүшө вараи* (букв. «ястреб, пьющий ветер»), *мардежвараи* (букв. «мардеж ‘ветер’ + вараи ‘ястреб’») ‘обыкновенный сарыч, или канюк, *Buteo buteo*’. Сарыч парит кругами в воздухе, выслеживая свою добычу.

В нашем материале имеется только одно название, указывающее на образ свивания гнезда птицей: *омаишгайык, амашкек* марГ ‘пеночка-весничка, *Philoscopus trochilus*’, букв. «омаиш, амаш ‘шалаш’ + гайык < кайык, кек ‘птица’».

В марийском языке луговой конек (*Anthus pratensis*) называется *пезменгайык, висагайык* (букв. «пезмен, виса ‘весы’ + гайык < кайык ‘птица’»). Данные наименования мотивированы характерной походкой птицы, которая передвигается шагками, периодически подергивая хвостом и телом. Ср. мар. *пезмен* (букв. «безмен») ‘о неуклюжем, неповоротливом человеке’ (СМЯ V: 62).

1.2.2.2. Номинация птиц по относительным признакам

Мотивирующими при номинации по относительным признакам являются: питание, время прилета или активности птицы, локативная привязанность, соотношенность названия птицы с приметами, верованиями.

Названия птиц, мотивированные особенностями их питания

Данный тип номинации включает такие орнитонимы, как *колягайык* диал. ‘обыкновенная пустельга, *Falco tinnunculus*’, букв. «коля ‘мышь’ + гайык < кайык ‘птица’»; *эныжгайык* ‘зарянка, или малиновка, *Erithacus rubecula*’, букв. «эныж ‘малина’ + гайык < кайык ‘птица’»; *сүгыгайык* ‘московка, *Periparus ater*’, букв. «сүгö ‘короед, жук’ + гайык < кайык ‘птица’»; *куткыгайык* ‘вертишейка, *Lupx torquilla*’, букв. «куткы < кутко ‘муравей’ + гайык < кайык ‘птица’»; *пызлылого, пызылмби лагы* марГ ‘рябинник, *Turdus pilaris*’, букв. «пызлы < пызле, пызылмби ‘рябина’ + лого, лагы ‘дрозд’».

Отдельную подгруппу составляют составные названия (образованные по схеме «предмет питания + *кочио* ‘питающийся’»). Например: *колкочио кайык* диал. ‘обыкновенный зимородок, *Alcedo atthis*’, букв. «питающаяся рыбой птица»; *лывыгочио* ‘обыкновенный козодой, *Caprimulgus europaeus*’, букв. «питающийся бабочками»; *кармыгочио* ‘мухоловка, *Muscicapidae*’, букв. «питающаяся мухами» и др.

Отмечены также названия, описывающие способ питания птицы, например: *мүкшлоэц* марГ ‘золотистая щурка, *Merops apiaster*’, букв. «ловец пчел»; количество съедаемой пищи: напр., серая цапля (*Ardea cinerea*) называется *кугулогар* диал. – от *кугу* ‘большой’ + *логар* ‘горло’ и *подлогар* – от *под* ‘котел’ + *логар* ‘горло’. В народе слово *кугулогар* употребляется по отношению к человеку, который много кушает.

Наименования птиц, мотивированные местом обитания

В зависимости от того, где обитают, гнездятся или встречаются птицы, они подразделяются на лесных, водоплавающих, болотных, птиц открытых пространств и др. Ряд орнитонимов мотивирован названием местности, растительности, в которой живет птица, например: *сергайык* (букв. «береговая птица»), *юлвараксим* (букв. «волжская ласточка») «береговая ласточка, *Riparia riparia*»; *нужгайык* «крапивник, *Troglodytes troglodytes*», букв. «нуж «крапива» + *гайык* < *кайык* «птица»»; *кожгуса* «ополовник, или длиннохвостая синица, *Aegithalos caudatus*», букв. «кож «ель» + *гуса* < *куса* «синица»»; *чодравараиш* диал. «осоед, *Pernis apivorus*», букв. «лесной ястреб» и др.

Довольно частым в номинации по месту обитания является компонент *куп* «болото»: *купвӱтеле*, *куп вӱтельӱ* марГ «большой веретенник, *Limosa limosa*», букв. «болотный кулик»; *купвараиш* «болотный лунь, *Circus aeruginosus*», букв. «болотный ястреб»; *купкайык* диал. «выпь, или большая выпь, *Botaurus stellaris*», букв. «болотная птица»; *куплого*, *куп лагы* марГ «оляпка, *Cinclus cinclus*», букв. «болотный дрозд»; *купсарсий* «камышовая овсянка, *Emberiza schoeniclus*», букв. «болотный воробей»; *куптуруй* «мородунка, *Xenus cinereus*», букв. «болотный жаворонок».

Компонент *нур* «поле», *олык* «луг» встречаются в следующих названиях птиц: *нургеле*, *ныргылы* марГ «полевой лунь, *Circus cyaneus*» (*геле*, *гылы* – деэтимологизированный компонент); *нурдурий* «полевой жаворонок, *Alauda arvensis*», букв. «полевой жаворонок»; *нурмузо*, *ныр мызы* марГ «серая куропатка, *Perdix perdix*», букв. «полевой рябчик»; *олыкчекем* «луговой чекан, *Saxicola rubetra*», букв. «луговая славка»; *олыквӱтеле*, *алык вӱтельӱ* марГ «травник, *Tringa totanus*», букв. «луговой кулик»; *олыксарси* «дубровник, *Ocyris aureolus*», букв. «луговой воробей»; *олыктумна*, *алык тымана* марГ «болотная сова, *Asio flammeus*».

При анализе некоторых орнитонимов возникают затруднения при определении признака, положенного в основу наименования, так как мотивирующее слово может одновременно заключать информацию и о месте, где чаще всего можно видеть птицу, и о ее питании, например: *шоптырчекем* «садовая славка, *Sylvia borin*», букв. «шоптыр «смородина» + чекем «славка»», *чиегайык* «пеночка-весничка, *Phylloscopus trochilus*», букв. «чие «вишня» + *гайык* < *кайык* «птица»», *локамагайык* марВ «сорокопут-жулан, *Lanius collurio*», букв. «локама «шиповник» + *гайык* < *кайык* «птица»».

Названия, мотивированные временем прилета или отлета, временем активности птицы

Небольшую по численности группу составляют наименования птиц, указывающие на время активности птицы, прилета или отлета. Примерами могут служить: *шокшыгек* марГ «вертишейка, *Jynx torquilla*», букв. «птица

тепла»; *вўдшордурый* ‘мородунка, *Xenus cinereus*’, букв. «жаворонок половодья»; *лумгайык*, *лымгек* марГ (букв. «снежная птица»), *тельгайык* (букв. «зимняя птица»), *поран кек* марГ (букв. «птица метели») ‘пуночка, *Plectrophenax nivalis*’; *лумшаленге*, *лым шӓлӓнгӓи* марГ (букв. «снежный канюк»), *телевараи* диал. ‘мохноногий канюк, или зимняк, *Buteo lagopus*’; *эркайык* диал. ‘зарянка, или малиновка, *Erithacus rubecula*’, букв. «утренняя птица».

В следующих орнитонимах отражается время прилета птицы: *пӓршӓйкайык* диал. ‘снегирь, *Purrrhula purrrhula*’, букв. «птица иней» (снегирь прилетает с холодами, когда появляется иней). Другое марийское название снегиря *ӓри* является усеченной формой от *пӓршӓйкайык* (*пӓршӓйкайык*) < *ӓри* марГ ‘иней’ (Васильев 1983: 50). В основу орнитонима *ўдымгайык* марВ ‘луговой чекан, *Saxicola rubetra*’, букв. «птица посева», легко совпадение прилета этой птицы с началом полевых работ. Ночное время активности птицы мотивировало название *йўдвараи* ‘обыкновенный козодой, *Caprimulgus europaeus*’, букв. «ночной ястреб».

Названия, мотивированные традиционными верованиями

Единичные названия птиц в марийском языке (по нашим материалам) мотивированы приметами, поверьями и верованиями: *йўшитыгайык* ‘зяблик, *Fringilla coelebs*’, букв. «птица холода» в связи с приметой: *Йўшитыгайык магыра гын, йўшитӓ сайынак лиеи* [Зяблик голосит – крепкие морозы будут] (МНП: 56). Орнитоним *ангагайык* ‘вертишейка, *Lus torquilla*’, букв. «анга ‘поле’ + *гайык* < *кайык* ‘птица’» связан с началом полевых работ: *Ангагайык муро шергылтмек, калык анга пашаи лектеи* [Запела вертишейка – настала пора полевых работ] (Там же: 156). По народным поверьям, величайший грех – подстрелить лебедя, потому что он считается божьей птицей: *юмынгайык* диал. ‘лебедь-кликун, *Cygnus Cygnus*’, букв. «божья птица».

1.2.3. Выводы

По результатам проведенного мотивационного анализа можно констатировать, что в марийском языке сформировалась устойчивая орнитонимическая система. Основными мотивирующими факторами в марийских названиях птиц являются внешний вид, голос птицы, ее образ жизни. Чаще всего использовалась мотивема «внешний вид» со всеми разновидностями. Наименования даются по окраске всего тела или отдельной его части, по особенностям внешнего вида, по размеру. Встречаются и названия, совмещающие в себе несколько признаков. В орнитонимах *вўдўшкыж* ‘выпь, или большая выпь, *Botaurus stellaris*’ (букв. «водяной бык») и *вўдмага* ‘бекас, *Gallinago gallinago*’ (букв. «водяной баран») первый компонент *вўд* ‘вода’ указывает на место обитания и гнездования. Вторая часть сложных

орнитонимов связана со звуками, издаваемыми птицами. Голос выпи сравнивается с ревом быка, голос бекаса – с бляением барана. Наблюдается закономерность: птицы, которых трудно увидеть, нередко получают названия по голосу. Как показывает языковой материал, небольшая часть названий птиц мотивированы временем прилета или отлета, временем активности птицы, а также традиционными верованиями.

Нередки случаи, когда один орнитоним может обозначать разных птиц (перенос названий). Определяющим при переносе названия является сходство между птицами, по внешнему виду, по голосу, по повадкам или другому признаку: *пучыре* марВ 1. черный стриж (*Apus apus*), 2. береговая ласточка (*Riparia riparia*); *шопренге*, *сонсыренге* марЛ, *шапренгй* марГ, *шапренгкй* марСЗ, *шопренге* марВ 1. марЛ, марГ сорокопут-жулан (*Lanius collurio*); 2. марСЗ обыкновенный скворец (*Sturnus vulgaris*); 3. марВ сойка (*Garrulus glandarius*). Кроме того, следует отметить омонимию среди названий птиц: *шемицйй* (букв. «черная шея») ‘хохлатая чернеть, *Aythya fuligula*’, ‘садовая горихвостка, *Phoenicurus phoenicurus*’; *ошпач* (букв. «белый хвост») ‘орлан-белохвост, *Haliaeetus albicilla*’, ‘городская ласточка, *Delichon urbica*’; *вуржнер* (букв. «шилоклюв») ‘обыкновенная пищуха, *Certhia familiaris*’, ‘шилоклювка, *Recurvirostra avosetta*’.

ГЛАВА II.

ДЕРИВАЦИОННО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА НАЗВАНИЙ ПТИЦ

1. Методика и анализ материала

Орнитонимическое лексическое пространство можно рассматривать с точки зрения «левых» и «правых» семантико-мотивационных связей. При «левой» мотивации слово (в нашем случае орнитоним) может быть мотивированным, в нем может быть представлена некая мотивационная модель, а при «правой» номинации слово может быть мотивирующим, т. е. оно само может мотивировать другие номинации (Толстая 2002б: 116). В случае с «левой» мотивацией в создании орнитонима участвуют лексемы из другой предметно-тематической сферы, т. е. мотивирующие лексемы (например, зоонимы, цветообозначения, названия частей тела): *куптага*, букв. «болотный баран» ‘бекас’, *нарынчыгайык*, *нарынзыгек* марГ, букв. «желтая птица» ‘иволга’, *кўжгынер*, *кўжгўнер* марГ, букв. «толстый клюв» ‘обыкновенный дубонос’. В случае «правой» мотивации название птицы служит базой для создания оторнитонимических наименований: это могут быть обозначения человека (*коракишнча*, букв. «вороний глаз» ‘слепец; о невнимательном человеке’), фитонимы (*вараксимйолаш*, букв. «ласточкины штаны» ‘гвоздика’), миконимы (*каракпонко* марСЗ, букв. «ворона-гриб» ‘дождевик’), названия болезней (*чывышинча*, букв. «куриный глаз» ‘куриная слепота’), предметов крестьянского быта (*турняшўй*, букв. «журавлиная шея» ‘кривой брус в телеге’), и др. Орнитонимы реализуют как «левый», так и «правый» потенциал. Как отмечает С.М. Толстая, «в отличие от фитонимов, названия животных обладают развитой «правой» мотивационной потенцией (т. е. они часто выступают в роли мотивирующих слов для самых разнообразных семантических полей) при относительно слабой «левой» (внутренней) мотивированности» (Толстая 2002б: 117).

При анализе семантической деривации на базе орнитонимов³ мы опирались на методику, предложенную в работе Е.В. Лысовой (Лысова 1999), посвященной актуальному вопросу современной ономазиологии – номинации и проблеме выбора. Е.В. Лысова в акте вторичной номинации выделяет три основных момента: выбор смысловозначительного признака, выбор сферы отождествления, выбор формы для воплощения мотивировочного признака; в соответствии с этим задаются параметры описания материала, который распределен по группам в соответствии с производящим орнитонимом. Каждая группа анализируется по следующим параметрам:

³ Идея анализа семантической деривации орнитонимов была подсказана нам проф. Е.Л. Березович

- смысловозначительный признак образа (т. е. сема производящего орнитонима), участвующий в процессе вторичной номинации в качестве составляющей символа, метафоры;
- внутренняя форма деривата;
- идеографическая характеристика, сфера отождествления.

Наш материал по марийскому языку также подается в виде таблицы, вслед за способом подачи в вышеназванном исследовании, поскольку, как представляется, это самый удачный способ демонстрации анализируемого материала. Таблица состоит из пяти колонок. Первая и вторая содержат дериваты и их лексическое значение с паспортизацией. Третья приводит интерпретацию эксплицированной из семантической структуры слова внутренней формы. В четвертой помещается реконструируемый смысловозначительный признак орнитонима, который производится при сопоставлении внутренней формы деривата, лексического значения деривата, лексического значения орнитонима. В пятой отмечается сфера отождествления, к которой относится денотат семантического деривата.

В работе рассматриваются семантические дериваты, производные от орнитонимов *вóрон*, *ворона*, *галка*, *глухарь*, *голубь*, *гусь*, *жаворонок*, *желна*, *журавль*, *кукушка*, *кулик*, *курица*, *ласточка*, *лебедь*, *петух*, *рябчик*, *синица*, *скворец*, *соловей*, *сорока*, *сова*, *трясогузка*, *утка*, *чибис*, которые выявлены методом сплошной выборки из словарей и материалов полевых экспедиций автора.

Если исследование фразеологии многих других языков (напр., славянских) достигло достаточно высокой степени развития, то марийская фразеология еще не разработана в достаточной степени. Она представлена двумя основными работами: Ф.Т. Грачева «Фразеология марийского языка» (Грачева 1975) и Э.С. Якимова «Соматическая фразеология в марийском языке» (Якимова 1975). В качестве источника фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в диссертации был использован словарь Ф.Т. Грачевой «Марий фразеологий мутер: тунемше-влаклан пособий» (Грачева 1989), из которого было выбрано 36 фразеологизмов. Источником фразеологизмов с компонентом-орнитонимом послужил также 10-томный толковый словарь марийского языка, а также полевые материалы автора. К сожалению, марийские фразеологизмы недостаточно полно собраны и зафиксированы в словарях, особенно это относится к диалектным идиомам.

Семантические признаки оторнитонимических дериватов, сравнений и фразеологизмов не всегда совпадают с реальными свойствами и характеристиками птиц. Это связано с тем, что реконструируемый семантический признак не всегда относится к объективной действительности, а тесно связан с сознанием человека (номинатора). В целом алгоритм действия номинатора всегда является антропоцентричным, сравнения, метафоры и другие виды тропов создаются по отношению к человеку, соответствуют его пониманию природы и являются частью картины мира

марийцев. К примеру, признак ‘мало ест’ в номинации *киса чўчи*, букв. «дядя синица» ‘плохой едок’; признак ‘обладает плохой памятью’ в номинации *киса вуй* или *чыве вуй*, букв. «синичья или куриная голова» ‘о забывчивом человеке’ не имеют ничего общего с реальными свойствами птицы. На самом деле, маленькие птицы, в том числе и синица, за сутки съедают больше своего веса чуть ли не в два раза. Но это количество птичьей пищи ничтожно мало по сравнению с тем, что съедает человек, а фраземы и сравнения с птицами создаются именно для характеристики человека и его деятельности. Предположения же о памяти птиц вообще нерелевантны, потому что недоказуемы. В глазах номинатора птицы обладают плохой памятью (или глупостью), т. к. она хуже человеческой.

При образовании сравнений, метафор, фразеологизмов номинатор использует только самые характерные, отличительные свойства животных и птиц, притом те, которые общеизвестны, иначе бы потерялся смысл сравнения. Например, *орлиный глаз* (хорошее зрение), *сова* (ночная птица), *ноги как у цапли* (очень длинные). В том числе используются стереотипы восприятия птиц, т.е. приписываемые им традицией определенные свойства (возможно, нереальные), но общепринятые и также общеизвестные, например, чувство любви (*как два голубка*), верности (*лебединая верность*), связь с «тем» светом (*аист принес* (о ребенке)) и под.

В ряде случаев мотивация названий не очевидна: возможны несколько равноценных возможностей направления мотивации или контаминация нескольких типов мотивации. Чаще всего неочевидность присуща фитонимам (например, *комбымёр* ‘очиток едкий’, букв. «гусиная ягода»; *чывышудо* ‘подорожник большой’, букв. «куриная трава»); они требуют дополнительных этимологических или компаративных разысканий, что выходит за рамки нашей работы в область этноботаники. В таких случаях вместо смысловозначительного признака ментального образа в таблице отмечается: «признак неясен». Для некоторых дериватов указывалось несколько семантических признаков (или основной и дополнительный признаки), использованный при номинации (см. *Кайыккомбо корно* ‘Млечный путь’, *комбышоган* ‘гусиный лук’).

ВОРОНОВЫЕ

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>корак</i> , <i>карак</i> марСЗ, букв. «вороний»	синий, сероватосиний СМЯ II: 440; ССЗНМЯ: 73	имеет сходство с птицей (по окраске)	имеет характерный цвет глаз ⁴	цвето-обозначение
<i>корак</i> , букв. «ворона» ⁵	комочки в шерсти при ее сбивании TDW III: 880	имеет сходство с птицей (?)	растрепанный, неаккуратный; многочисленные; кружатся стаей	предмет
<i>кораклаш</i>	каркать; говорить, произносить что-либо, вызывая раздражение кого-либо СМЯ II: 440	выполнять действие, сопоставимое с действием птицы	издает характерный звук (карканье), монотонный, долгий, громкий, неприятный, раздражающий, зловещий, неразборчивый, картавый, сопоставляемый с болтовней	действие
<i>коракшинча</i> , диал., букв. «вороний глаз»	слепец; о невнимательном человеке СМЯ II: 441	имеет сходство с птицей (в поведении)	несообразительный, медлительный, неумелый, неуклюжий	человек
<i>ангря корак</i> , букв. «глупая ворона»	глупый, бестолковый (о человеке) МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково	имеет сходство с птицей (в поведении)	образ вороны в сказках: несообразительная, медлительная, неумелая, неуклюжая; разевающая рот	человек
<i>шем коракиге гане</i> , букв. «как черный вороненок»	о человеке с черными волосами МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Чебыково	имеет сходство с птицей (по окраске)	имеет оперение черного цвета	человек
<i>омо корак</i> , букв. «сонная ворона», <i>амалышы карак</i> марГ, букв. «сонливая ворона», ср. рус. <i>сонная тетеря</i>	ротозей; вялый, ненаходчивый человек СМЯ II: 440	имеет сходство с птицей (в поведении)	несообразительный, медлительный, неумелый, неуклюжий; широко раскрывает рот	человек
<i>малыше корак гай кошташ</i> (<i>кояш</i> , <i>лияш</i> , т. м.), букв. «ходить (казаться, быть) как сонная ворона»	зевать, ротозейничать; быть, казаться рассеянным, невнимательным Грачева 1989: 139	выполнять действия, сопоставимые с действиями птицы	несообразительный, медлительный, неумелый, неуклюжий; широко раскрывает рот	человек

⁴ Радужина у взрослых птиц темно-бурая, у молодых – мутно-синеватая (ПОП: 27).

⁵ *Меж кырие межжым кыра, соттыран, падрашан кыра, падрашан межжым «корак» маныт* [Шерстобитка бьет шерсть, бьет плохо, с комочками, шерстяные комочки называют «ворона»] (TDW III: 880).

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>коракым лудаши</i> (<i>ончышташ</i> , <i>шотлаш</i>), <i>каракым шотлаш</i> марГ, букв. «считать ворон», «смотреть на ворон» ⁶	ротозейничать, бездельничать, на работе поглядывать по сторонам или же быть невнимательным СМЯ II: 440; Грачева 1989: 112	заниматься пустым, нудным и бесполезным занятием по подсчету ворон	сидят длинным прямым рядом так, что могут быть сосчитаны; количество пролетающих ворон таково, что их можно не торопясь считать	человек
<i>каракпонко</i> марСЗ, букв. «вороний гриб»	дождевик, <i>Lycoperdon</i> ССЗНМЯ: 73	имеет отношение к птице	признак неясен	гриб
<i>коракйураш</i> , букв. «воронья крупа»	снежная крупа, снег в виде мелких шаровидных зернышек СМЯ II: 440	имеет сходство с зернами, которые клюют птицы	может предвещать дождь, снег	метеорология
<i>корак пыжашлык уш</i> , букв. «шапка, годная лишь для вороньего гнезда»	обветшавшая шапка СМЯ II: 440	имеет сходство с гнездом птицы (по внешнему виду) ⁷	строит неаккуратное гнездо, ташит в него все, что увидит	реалия
<i>корак пучымыш</i> , букв. «воронья каша»	название ритуальной каши ⁸ СМЯ II: 440	имеет какое-то отношение к птице	вещая птица; может предвещать дождь	ритуал; рит. реалия
<i>корак неран тореш товар</i> , букв. «поперечный топор с вороним клювом»	тесло, топор для выдалбливания Вершинин 2011: 199	имеет сходство с клювом птицы	имеет клюв характерной формы	инструмент
<i>коракйолаш</i> , <i>каракъялаш</i> марГ, букв. «вороньи штаны» ⁹	колокольчик раскидистый, <i>Sampulula patula</i> ; подснежник ¹⁰ ; прострел, сон-трава, <i>Anemone patens</i> СМЯ II: 440	соцветие по форме напоминает штаны ¹¹	«чужой», принадлежащий к миру животных; доп. молодая ворона имеет синеватую окраску глаз	растение

⁶ Устойчивое выражение имеет соответствия у других народов: рус. *считать ворон*, удм. *куака лыдъяны*, эрзян. *варакат ловномс* (РЭС: 47).

⁷ Устойчивое выражение основано на народном наблюдении за вороной, которая не отличается мастерством плетения гнезда.

⁸ Ритуальная каша, предназначенная, по поверьям марийцев в прошлом, для вызывания дождя (СМЯ II: 440).

⁹ По мнению А.С. Ефремова, семантическая мотивировка первого компонента названия растения (*корак* марЛ, марВ, *карак* марГ ‘ворона’ + *йолаш* ‘штаны’) связана с обозначением цветовой окраски (Ефремов 1986а: 52–53).

¹⁰ Ранние цветы. Имеется в виду растение с синими цветами, появляющееся ранней весной.

¹¹ Ср. фин. *harakanhame* (букв. «сорочья юбка») ‘колокольчик’ (Коппалева 2007: 61). Эст. *vareseküber*, *varesekübär* (букв. «воронья шляпа»), *varesemüts* (букв. «воронья шапка»), *vareslilli* (букв. «вороний цветок») ‘колокольчик раскидистый’ (Vilbaste 1993: 220).

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>корак-йолаш</i> , букв. «вороньи штаны»	вид намотанных на веретене ниток Васильев 1928: 74	неопрятно намотанные нитки, как у вороны гнездо	«вороний» – неопрятный, небрежный	реалия
<i>корактуара</i> , букв. «вороний сырок»	просвирник приземистый, <i>Malva pusilla</i> МРСБТ: 88	плод просвирника похож на лепешку ¹²	«чужой», принадлежащий к миру животных	растение
<i>коракишнча</i> , <i>каракишнчй</i> марСЗ, букв. «вороний глаз» <i>корак-шинча</i> ¹³ марЛ, марВ, букв. «вороний глаз»	фиалка, <i>Viola</i> , ¹⁴ паслен, <i>Solanum</i> ; вороний глаз, <i>Paris</i> ¹⁵ СМЯ II: 441; ССЗНМЯ: 73; МРСБТ: 88 василек синий, <i>Centaurea cyanus</i> Васильев 1928: 61	цветы или плоды имеют сходство с вороньим глазом (по цвету, по форме) ¹⁶	имеет черные глаза круглой формы; молодая ворона имеет синеватую окраску глаз	растение
<i>коракишоптыр</i> , <i>каракишоптыр</i> марГ, букв. «воронья смородина»	воронец колосовидный, <i>Actaea spicata</i> ¹⁷ МРСБТ: 88	плоды имеют сходство с вороньим глазом (по цвету, по форме?) ¹⁸ орнитонимический компонент выполняет разграничительную функцию («нечеловеческий»)	имеет черные глаза круглой формы; жительница леса	растение

¹² Плоды просвирника съедобны (МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Чебыково, с. Чураево), но название указывает на обозначение «хлеба» лесного, для птиц. Ср. другие названия просвирника в марийском языке: *пырыс туара* (букв. «кошачий сырок»), *пи туара* (букв. «собачий сырок»), *сбсна туара* (букв. «свинячий сырок») (Вершинин 2011: 484).

¹³ А.С. Ефремов считает, что в основе номинации лежит сходство синего цветка растения с вороньим глазом (Ефремов 1986б: 41).

¹⁴ Ср. мар. *кишкышинча* (букв. «змеиный глаз») ‘фиалка трехцветная’ (СМЯ II: 342); разг. рус. *анютины глазки*.

¹⁵ Ядовитое растение с черной ягодой. Как считает А.Н. Куклин, фитоним *коракишнча* ‘вороний глаз’ дан растению за сходство ягоды с вороньим глазом и, вероятно, является калькой с соответствующего русского сочетания (Куклин 1980: 178–179). В русском языке название *вороний глаз* дано по черной ягоде, напоминающей глаз птицы (Колосова 2009: 98).

¹⁶ Марийский фитоним употребляется для наименования разных видов растений – василька, фиалки трехцветной, волчьих ягод, паслена. Это обусловлено сходством признаков реалий – цветки этих растений фиолетово-синего, голубого цвета (Ефремов 1986а: 52–53). Для сравнения: в волжском диалекте *коракишнчалге* – синеватый, имеющий синеватый оттенок (МПЭ–РМЭ Звен. д. Малые Моламасы), *корак-шынча-судо* (букв. перевод автора «цвет вороньих глаз») ‘голубой цвет’ (Троицкий 1893: 21).

¹⁷ Растение и его плоды ядовиты.

¹⁸ Видимо, в названии отражается несъедобность плодов растения, которые имеют сходство с обычной смородиной.

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>коракмёр</i> , букв. «воронья ягода» ¹⁹	ландыш, <i>Convallaria</i> ; ягоды ландыша ²⁰ СМЯ II: 440	в основе наименования ядовитость растения и его плодов	отрицательная символика птицы; «чужой», принадлежащий к миру животных	растение
<i>коракпурса</i> , букв. «вороний горох»	мышинный горошек, вика многоцветковая, <i>Vicia cracca</i> СМЯ II: 441	внешне похож на горох, сем. бобовые, но человек в пищу не употребляет, значит – еда для мелких животных и птиц	по смежности в народных представлениях о мире: ворона использует вику как человек горох; «чужой», принадлежащий к миру животных	растение
<i>корактуч</i> , <i>каракпыч</i> марГ, букв. «вороний стебель»; ср. <i>корактучшудо</i> , букв. «трава вороний стебель»; <i>коракпулеж</i> , букв. «вороний бутень» ²¹	купырь лесной, дягиль, <i>Anthriscus sylvestris</i> ²² СМЯ II: 441; МРСБТ: 88	вероятно, в основе наименования несъедобность растения ²³	отрицательная символика птицы; «чужой», принадлежащий к миру животных	растение
<i>корак вуй</i> , букв. «воронья голова»	прострел раскрытый, <i>Anemone patens</i> Вершинин 2011: 199	цветы имеют сходство с птицей (по цвету?)	молодая ворона имеет синеватую окраску глаз	растение
<i>курныж тўшка</i> (кашак), букв. «вороньё»	о кровожадных людях СМЯ III: 156	имеет сходство с птицей (в поведении)	кровожадный, питается падалью, предвестник смерти	человек
<i>курныжланиш</i>	вести себя как хищник: коршун, ворон СМЯ III: 156	выполнять действия, сопоставимые с действиями птицы	алчный, жадный, злой, хищный, расклеывает падаль	человек
<i>курныж кид</i> , букв. «когти коршуна, ворона»; <i>курныж умша</i> , букв. «рот коршуна, ворона»	относящийся к кому-либо кровожадному, несущему горе, бедствия, смерть СМЯ III: 156	имеет сходство с птицей (в поведении)	имеет острый, сильный клюв черного цвета; когти сильные, загнутые, выполняющие функцию захвата	человек

¹⁹ Ср. эст. *kuke-mari* (букв. «петушиная ягода») ‘майский ландыш’ (Vilbaste 1993: 263).

²⁰ Ягоды ландыша ядовиты.

²¹ Ср. мар. *кишкывуч* (букв. «змеиный стебель») ‘купырь’ (МРСБТ: 77).

²² Плоды купыря темно-коричневые или черные, гладкие, блестящие. Купырь имеет сходство с некоторыми ядовитыми растениями: болиголовом пятнистым, *Conium maculatum*; кокорышем, *Aethusa cynapium*.

²³ Как отмечает Ю.Э. Коппалева, наличие в названии слова, обозначающего стебель растения, указывает на то, что стебель является важной морфологической частью растения. Ср. фин. *koiranputk* (букв. «собачья дудка», *putk* ‘дудка, полный стебель зонтичных растений’) ‘купырь лесной’ (Коппалева 2007: 60). Ср. эст. *mets-harakaputk* (букв. «лесной сорочий дудчатый стебель») ‘купырь лесной’, *koeraputk* («собачий дудчатый стебель») ‘купырь лесной’ (Vilbaste 1993: 163).

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идеография
<i>шогертен</i> , букв. «сорока»	о болтливом человеке, сплетнике/сплетнице или же о легкомысленном, ветреном, не имеющем твердых моральных принципов СМЯ IX: 178	имеет сходство с птицей (по голосу, в поведении)	стрекочет; издает характерный звук, быстрый, непрерывный; беспокойный, вертлявый	человек
<i>шогертен гай шалаумиа</i> , букв. «болтун как сорока»	болтливый человек, сплетник МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково	имеет сходство с птицей (по характеру, в поведении)	стрекочет; издает характерный звук, быстрый, непрерывный	человек
<i>шогертен гай кошташ</i> , букв. «ходить как сорока»	о человеке, который распространяет сплетни МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково	выполнять действие, сопоставимое с действием сороки	стрекочет	человек
<i>шагыртем гай саслаш</i> марГ, букв. «кричать как сорока»	сплетничать МПЭ–РМЭ Горномар. д. Цыганово	выполнять действие, сопоставимое с действием птицы	стрекочет; издает характерный звук, быстрый, непрерывный	человек
<i>шогертен поч</i> , букв. «сорочий хвост»	вертихвостка; легкомысленный, ветренный, непостоянный человек СМЯ IX: 178	имеет сходство с птицей (по внешнему виду)	выполняет характерное движение (трясет хвостом)	человек
<i>шогертенла тототлаш</i> , букв. «стрекотать как сорока»	тараторить, болтать без умолку, пустословить СМЯ VII: 176	выполнять действие, сопоставимое с действием птицы	стрекочет; издает характерный звук, быстрый, непрерывный	человек
<i>шогертенла кочыртаташ</i> , букв. «трещать как сорока»; ср. <i>шогыртен гай шодырдаташ</i> / <i>лотыртаташ</i> , букв. «стрекотать как сорока»	говорить без умолку СМЯ III: 19 МПЭ–РБ Мишк., д. Бикшиково	выполнять действие, сопоставимое с действием птицы	стрекочет; издает характерный звук, быстрый, непрерывный	человек
<i>шогертен гай погаш</i> , букв. «собирать как сорока»	чрезмерно любить блестящее, сверкающее МПЭ–РМЭ Кужен. д. Юшут	выполнять действие, сопоставимое с действием птицы, иметь свойство сороки	особенно любит блестящие предметы, которые собирает и ворует	человек

ГУСЬ

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>комбылогар</i> , <i>комбылогер</i> марГ, букв. «гусиное горло»	поперечина в ткацком станке с отверстиями для вышек СМЯ II: 405	имеет сходство (по форме? по функции?)	имеет горло характерной формы	деталь ткацкого станка
<i>Кайыккомбо корно</i> , букв. «Дорога диких гусей»	Млечный путь СМЯ II: 223	мифологическая мотивация (согласно поверьям, гуси летят на юг вдоль Млечного пути)	передвигаются линией друг за другом; перелетность	объект звездного неба
<i>узьо комбо гай каяш</i> , букв. «идти как гусак»; <i>комбо гане шуйым шуен ошкылаш</i> , букв. «идти как гусь, вытянув шею»	идти важно, гордо МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы МПЭ–КО Кильм. д. Азиково	выполнять действия, сопоставимые с действиями птицы	имеет характерную походку	человек
<i>комбочапа</i> диал., букв. «гусиная лапка»; <i>комбойол- шудо</i> , букв. «трава гусиная лапка»	первоцвет весенний, <i>Primula veris</i> Васильев 1928: 73; МПЭ–РБ Мишк.	имеет отношение к птице; возможно, сходство соцветия с гусиной лапкой	признак неясен	растение
<i>комбийол</i> , <i>комбойол</i> , <i>комбычапа</i> , букв. «гусиная лапка»	лапчатка, гусиные лапки, <i>Potentilla anserina</i> СМЯ II: 404, 405; Вершинин 2011: 194; МРСБТ: 87	форма листьев имеет сходство с перепончатой лапой птицы ²⁴	имеет лапки характерной формы	растение
<i>комбийол</i> , <i>комбылапа</i> марГ, букв. «гусиная лапка»	стрелolist, <i>Sagittaria</i> СМЯ II: 404; МРСБТ: 87	форма листьев имеет сходство с перепончатой лапой птицы	водоплавающая птица; имеет лапки характерной формы	растение
<i>комбылапа</i> , букв. «гусиная лапка»	герань лесная, <i>Geranium sylvaticum</i> ; манжетка, <i>Alchemilla</i> ; росянка, <i>Drosera</i> ²⁵ СМЯ II: 404; МРСБТ: 87	форма листьев имеет сходство с перепончатой лапой птицы	имеет лапки характерной формы	растение
<i>комбычапа</i> , букв. «гусиная лапка»	калужница болотная, <i>Caltha palustris</i> ²⁶ СМЯ II: 405	форма листьев имеет сходство с перепончатой лапой птицы	имеет лапки характерной формы; доп.: водоплавающая птица	растение

²⁴ Ср. *комбийол лышташ*, букв. «гусиная лапка-лист» 'лопастный лист' (Васильев 1928: 73).

²⁵ Сравните славянские названия росянки: бел. *лапкі* (Житков. Гомел.), *гусячыя лапкі* (диал.) (Колосова 2015: 415).

²⁶ Растет во влажных или заболоченных местах.

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>комбо татай</i> , <i>комбо татай</i> , букв. «гусятная игрушка»	калужница болотная ²⁷ , <i>Caltha palustris</i> Вершинин 2011: 194	имеет отношение к птице (по месту произрастания)	водоплавающая птица; обитает у рек и озер; заплывает с выводком в заросли калужницы	растение
<i>комбышудо</i> , букв. «гусятная трава»	герань лесная, <i>Geranium sylvaticum</i> СМЯ II: 405	форма листьев имеет сходство с перепончатой лапой птицы	имеет лапки характерной формы	растение
<i>комбышоган</i> , букв. «гусятный лук»	гусятный лук, <i>Gagea</i> МРСБТ: 87	имеет отношение к птице ²⁸	гусят едят это растение; доп.: прилетают ранней весной во время появления этого растения	растение
<i>комбиге саска</i> , букв. «цветок гусенка»	мать-и-мачеха, <i>Tussilago farfara</i> Вершинин 2011: 194	имеет внешнее сходство с желтыми гусятами	гусята выплываются весной, в конце апреля, в мае; имеют желтую окраску	растение
<i>комбо чапа</i> , букв. «гусятная лапка»	подорожник, <i>Plantago</i> Вершинин 2011: 194	широкоовальная форма листьев подо- рожника большого имеет сходство с лапой птицы	имеет лапки характерной формы	растение
<i>комбывуй</i> , <i>камтывуй</i> марСЗ, букв. «гусятная голова»	купальница евро- пейская, <i>Trollius europaeus</i> Вершинин 2011: 194	имеет внешнее сходство с желтыми гусятами	гусята имеют желтую окраску	растение
<i>комбымөр</i> , букв. «гусятная ягода» ²⁹	очиток едкий, <i>Sedum acre</i> СМЯ II: 405	имеет отношение к птице	признак неясен	растение
<i>комбышудо</i> , букв. «гусятная трава»	лилия, <i>Lilium</i> ³⁰ Вершинин 2011: 194	имеет сходство с птицей (по месту, по окраске?)	водоплавающая птица; доп.: имеет оперение светлого цвета	растение

²⁷ Ср. другие народные названия калужницы болотной: *лягушатник*, *лягушачий цветок*, *лягушачье мыло*, *лягушачьи слезы*, *лягушачья трава*, *лягушечник*, *лягушник* (Колосова 2009: 43). Ср. эст. *konnakapsas* (букв. «лягушачья капуста»), *konnalill* (букв. «лягушачий цветок») «калужница болотная» (Vilbaste 1993: 216).

²⁸ Вероятно, название является калькой с русского. Исследователь В.Б. Колосова указывает на суррогатные свойства растения (Колосова 2014: 82).

²⁹ Ср. мар. *пачамөр* марЛ, *патамөр* марГ (букв. «ягнятная ягода») «очиток едкий» (МРСБТ: 157–158).

³⁰ *Комбышудо ерлаште ошо да саре лиеи, лышташыже кумда* [Лилия в озерах бывает белая и желтая, листья у нее широкие] (Вершинин 2011: 194). Судя по описанию, имеется в виду *водяная лилия*, ср. рус. *кувшинка*.

ЖУРАВЛЬ

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>ангыра турня</i> , букв. «бестолковый, одуревший журавль»	бестолковый (о человеке) Вершинин 2011: 597	имеет сходство с птицей (в поведении)	неловкий, медлительный	человек
<i>йомишо турня</i> , букв. «потерявшийся журавль»	бестолковый, сбившийся с правильного пути СМЯ VII: 289	имеет сходство с птицей (в поведении)	имеет пару; передвигаются стаей	человек
<i>йомишо турня гай перныл кошташ</i> , букв. «слоняться как потерянный журавль»	одиноко блуждать, быть оторванным от друзей, товарищей, близких и т. д. Грачева 1989: 81	выполнять действия, сопоставимые с действиями птицы	имеет пару; передвигается стаей	человек
<i>ти турня</i> , букв. «вшивый журавль»	вшивый человек Вершинин 2011: 597	бранное выражение с орнитонимом в основе	журавль иногда болеет педикулезом	человек
<i>турня</i> , букв. «журавль»	разиня, рассеянный или неспособный постоять за себя человек СМЯ VII: 289	имеет сходство с птицей (в поведении)	неловкий, медлительный	человек
<i>турнявѳчыж</i> , <i>тырнявѳчыж</i> , <i>тыртнявѳтыж</i> марГ, <i>турня пѳчыж</i> , букв. «журавлиная клюква» ³¹	клюква, <i>Oxycoccus</i> СМЯ VII: 289; СГЯ: 287; Вершинин 2011: 597; МРСБТ: 211; Paasonen 1948: 148	имеет отношение к птице; возможно, по схожести цветков клюквы с птицей	питается клюквой; гнездится на болоте	растение
<i>турнявурса</i> , <i>тырнявурса</i> , <i>тыртнявурса</i> марГ, букв. «журавлиный горох» ³²	чина лесная, <i>Lathyrus sylvestris</i> СМЯ VII: 289; СГЯ: 287; МРСБТ: 211; Paasonen 1948: 148	служит пищей птице	питается стручками этого растения	растение
<i>турнягѳрж</i> , букв. «журавлиные сережки»	касатик аировидный, <i>Iris pseudacorus</i> СМЯ VII: 289	форма цветка ириса при взгляде спереди напоминает две серёжки	признак неясен ³³	растение

³¹ А.Н. Ракин отмечает, что в названиях водных и болотных растений обычно употребляются наименования водоплавающих и болотных птиц, рыб и земноводных. Ср. коми *турипув* (букв. «журавлиная брусника») 'клюква' (Ракин 2009: 117). Ср. эст. *kuremari* (букв. «журавлиная ягода»), *kureksed* (букв. «журавлики») 'клюква' (Vilbaste 1993: 456).

³² Ср. эст. *kurehernes* (букв. «журавлиный горох») (Vilbaste 1993: 391).

³³ Возможно, компонент *турня* указывает на место произрастания ириса – на болоте.

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>турнайол</i> , букв. «журавлиные ноги»	ходули; два шеста для ходьбы с приступками для ног СМЯ VII: 289	имеет сходство с птицей (по форме)	имеет длинные ноги	предмет
<i>турняшорвондо</i> , букв. «журавлиные грабли»	аистник обыкновенный, журавельник ³⁴ , <i>Erodium cicutarium</i> СМЯ VII: 289	плоды журавельника имеют сходство с клювом птицы (по форме)	имеет характерный клюв	растение
<i>турняшуй</i> , букв. «журавлиная шея»; <i>пурняшуй</i> , букв. «деревянная журавлиная шея»	кривой брус в телеге СМЯ VII: 289 изогнутый деревянный брус у сохи, телеги СМЯ V: 376	имеет сходство с птицей (по форме)	имеет длинную шею; выполняет характерное движение, наклон	предмет крестьянского быта
<i>тырня</i> марГ, <i>тыртня</i> , букв. «журавль»	журавль (у колодца) СГЯ: 287	имеет сходство с птицей (по форме)	имеет длинную шею; выполняет характерное движение, наклон	предмет крестьянского быта
<i>тыртнягиндѣ</i> , <i>тыртняня</i> марГ, букв. «журавлиный хлеб»	ранневесенние «колоски или пестики» спорангии полевого хвоща МРСБТ: 211	служит пищей птице	птица весной поедает ранневесенние «колоски или пестики» спорангии полевого хвоща	растение
<i>шкет турня</i> , букв. «одинокий журавль»	одинокий, неприкаянный (о человеке) СМЯ VII: 289	имеет сходство с птицей (в поведении)	обычно имеет пару	человек

³⁴ Ср. рус. народное название *грабельки* (БТСРЯ: 224).

КУКУШКА

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>куку гай ава</i> , букв. «мать как кукушка»	женщина, которая не заботится о своих детях МПЭ–РБ Шаран. с. Акбарисово	имеет сходство с птицей (в поведении)	не высиживает яйца и не выкармливает своих птенцов	человек
<i>куку гай йочам шолен кодаш</i> , букв. «бросать своих детей как кукушка»	не заниматься воспитанием детей МПЭ–РМЭ Кужен. д. Мари-Шои	выполнять действие, сопоставимое с действием птицы	не высиживает яйца и не выкармливает своих птенцов	человек
<i>куку койышан</i> , букв. «с характером кукушки»	безответственный МПЭ–РМЭ Морк. с. Шиньша	имеет сходство с птицей (в поведении)	не высиживает яйца и не выкармливает своих птенцов	человек
<i>куку кумыл</i> , букв. «кукушкино настроение»	одиночество, печаль МПЭ–РМЭ Совет. д. Кундушумбал	сравнение с тоской, навеваемой кукованием птицы	не имеет пары и гнезда; голос кукушки навевает печаль, тоску	человек; состояние
<i>кукумуно (шүргыштө)</i> , букв. «кукушкино яйцо»	веснушки (на лице) СМЯ III: 107	имеет сходство с яйцом птицы (по внешнему виду)	имеет пятнистые яйца	человек; внешний вид
<i>куку пеледйиш, кукувеледйиш</i> марГ, букв. «кукушкин цветок»	горизвет, кукушкины слезки, <i>Adonis vernalis</i> СГЯ: 109	имеет отношение к птице	начало пения кукушки совпадает с цветением горизвета в апреле-мае	растение
<i>куку чыве, кукула цйёвй</i> марГ, букв. «курица как кукушка»	пестрая курица СМЯ III: 107	имеет сходство с птицей (по окраске)	имеет пеструю окраску	птица
<i>кукувуй</i> , букв. «кукушкина голова», <i>кукувуйшудо</i> , букв. «трава кукушкина голова»	хохлатка плотная, <i>Corydalis solida</i> СМЯ III: 107; МРСБТ: 96	имеет отношение к птице (по времени)	начало пения кукушки совпадает с цветением хохлатки в апреле-мае	растение
<i>кукуйытын, куку итйин</i> марГ, букв. «кукушкин лен»	кукушкин лен, <i>Polytrichum commune</i> СМЯ III: 107; МРСБТ: 95	имеет сходство с настоящим льном	«чужой», принадлежащий к миру животных ³⁵	растение

³⁵ Вероятно, растение и его плоды напоминают настоящий лен (*Linum*), а его отличие от льна маркируется определением *куку* 'кукушкин' с значением «чужой», «природный», не принадлежащий человеку, ср. рус. *кукушкин лен* – мох *Polytrichum commune*, фин. *suvensammal* (букв. «волчий мох») 'кукушкин лен' (Коппалева 2007: 121).

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>кукула муралташ</i> , букв. «петь как кукушка»	хорошо петь, человек со звонким голосом МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы	выполнять действие, сопоставимое с действием птицы	имеет звонкий голос	человек
<i>кукула тумна</i> , <i>кукула тьмана</i> марГ, букв. «сова как кукушка»	ястребиная сова, <i>Surnia ulula</i> СМЯ VII: 254	имеет сходство с птицей (по окраске)	имеет пеструю окраску	птица
<i>кукулүнгө</i> ³⁶	первоцвет, <i>Primula</i> СМЯ III: 107	имеет отношение к птице	начало пения кукуш- ки совпадает с цвете- нием первоцвета	растение
<i>кукун мурьжым ит муро</i> , букв. «не пой песню кукушки»	не нужно печалиться МПЭ–РМЭ Морк. д. Кубыш-Ключ	выполнять действие, сопоставимое с действием птицы	имеет тоскливый, однообразный голос	человек; состояние
<i>куку мурьмым шотлаш</i> , букв. «считать кукование кукушки»	считать продолжительность жизни по кукованию кукушки МПЭ–РБ, РМЭ, КО	приписывается кукушке способность предсказывать продолжитель- ность жизни	издает характерный звук, воспринима- емый как голос судьбы	поверье
<i>кукунья</i> марГ, букв. «кукушкин хлеб»	молодые побеги хвоща СГЯ: 109; СМЯ III: 108	имеет отношение к птице ³⁷	начало пения птицы совпадает с появле- нием молодых побегов хвоща	растение
<i>кукупеледыш</i> , букв. «кукушкин цветок»	дрема белая, кукушкины слезки, <i>Silene latifolia</i> СМЯ III: 108	имеет отношение к птице	признак неясен	растение
<i>кукушудо</i> , <i>куку шуды</i> марГ, букв. «кукушкина трава»	ятрышник пятнистый, <i>Orchis maculata</i> СГЯ 109; МРСБТ: 96	имеет сходство с птицей (по окраске) ³⁸	имеет пеструю окраску	растение

³⁶ *Кукулүнгө апрель-майыштак куку чот мурьмо годым пеледеш* [Первоцветы расцветают еще в апреле-мае, когда очень активно кукуют кукушки] (СМЯ III: 107).

³⁷ По мнению А.С. Ефремова, компонент *куку* связан со временем появления этого растения, а именно в период кукования кукушки (Ефремов 1986а: 57).

³⁸ Листья ятрышника пятнистого покрыты темными крапинками. Очевидно, признак пестроты листьев ятрышника был основанием для сравнения с кукушкой (с пестрой окраской кукушки). Ср. названия ятрышника, связанные с кукушкой, в славянских языках (подр. Колосова 2009: 257–258).

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>кӯкӯ иге</i> , букв. «кукушонок»; <i>куку иге гай</i> , букв. «как кукушонок»	одинокий, сирота МПЭ–РБ Мишк. д. Иликово одинокий, брошенный кем-либо МПЭ–РМЭ Кужен. д. Мари-Шои	сходство с птенцом кукушки	подкладывает по одному яйцу в чужие гнезда	человек
<i>кӯкӯ муно гае икте гына улат</i> , букв. «единственный, как кукушкино яйцо»	единственный МПЭ–РБ Мишк. д. Иликово	имеет отношение к повадкам кукушки	подкладывает по одному яйцу в чужие гнезда	человек
<i>икет кӯкӯ гай илаш</i> , букв. «жить как одинокая кукушка»	жить одиноко, без семьи МПЭ–КО Кильм. д. Азиково	выполнять действия, сопоставимые с действиями птицы	не образует пары, не делает гнезда	человек

КУРИЦА

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>ночко чыве, начкы цёвёй</i> марГ, букв. «мокрая курица», ср. рус. <i>мокрая курица</i>	жалкого, несчастного облика; безвольный человек, размазня СМЯ VIII: 459; Грачева 1989: 163	имеет сходство с мокрой птицей (по внешнему виду)	промокшая курица имеет жалкий внешний вид	человек
<i>устымо чыве</i> , букв. «бестолковая курица»	о глупом человеке МПЭ–КО Кильм. д. Азиково	имеет сходство с курицей (по умственным способностям)	глупый	человек
<i>цёвёйял</i> марСЗ, букв. «куриная лапка»	1. козлы для пилки дров; 2. крюк (на крыше) ССЗНМЯ: 264	имеет сходство с лапкой курицы (по форме)	курица оставляет на земле след в форме крестиков	предмет крестьянского быта
<i>цёвёй логер</i> марГ, букв. «куриное горло»	часто и много пьющий СМЯ VIII: 459	имеет сходство с птицей (по свойствам)	часто пьет воду	человек
<i>чыват кашаташ ичинчын огыл</i> , букв. «еще даже курица не села на насест»	рано МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Чебыково, с. Чураево	куры рано собираются в курятник на ночь	вечером куры садятся на насест в курятнике	время

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>чыват лектын ок керт</i> , букв. «даже курица не выберется»	о крепких надворных постройках вокруг усадьбы с глухими заборами СМЯ VIII: 459–460;	что-то высокое, крепкое, плотное, что курица не может перелететь	не может перелететь высокий забор	надворные постройки
<i>чыват чўнген ок пытаре (ок шукто), цўвўй чўнген ак пўтārўй</i> марГ, букв. «даже курица не клюет», ср. рус. <i>куры не клюют</i> (о деньгах)	очень много, большое количество чего-либо Грачева 1989: 245	очень много, что даже куры не склюют (аллюзия на множественность зерна, которое клюют куры)	клюет зерно	количество
<i>цўвāt чўнген ак шокты</i> марГ, букв. «даже курица не склюет» ³⁹	быстро, очень часто (говорить, стучать и т. д.) СМЯ VIII: 460	быстрее и чаще, чем курица клюет зерно	клюет зерно, по зернышку, но быстро	человек; образ действия
<i>чыве вуй</i> , букв. «куриная голова»	о человеке с плохой памятью МПЭ–РБ Мишк. д. Ишимово	имеет сходство с курицей (по умственным способностям)	распространенное представление о глупости курицы	человек
<i>чыве пагар</i> , букв. «куриный желудок», ср. рус. <i>ест как птичка</i>	малоежка СМЯ VIII: 460	имеет сходство с птицей по размеру	малый размер желудка по сравнению с человеческим	человек
<i>чыве сўй (сар)</i> шугл., букв. «куриный переполох»	ссора, нелады, перебранка, конфликт из-за пустяков СМЯ VIII: 460	имеет сходство с птицей (в поведении)	куры громко кудахчут, клюют друг друга	человек; отношения
<i>чыве шўр гына уке (шўрым гына от му), цўвўй шўшер веле уке</i> марГ, букв. «куриного молока только нет (не найдешь)»	чего только нет; о богато накрытом самыми разными яствами столе СМЯ VIII: 460; Грачева 1989: 245	мифологема «птичье молоко» – что-то чрезвычайно редкое и ценное	у птиц нет молока	праздничный стол
<i>чывиге</i> , букв. «цыпленок», ср. рус. <i>цыпки</i>	мелкие трещинки, шершавость и краснота на коже рук, ног, появляющиеся от грязи, обветривания СМЯ VIII: 460	имеет сходство с частью кожей лап птицы; ассоциация боли ранок с щипанием, поклевыванием птицы	лапы покрыты твердой морщинистой кожей, куры больно клюются	болезнь

³⁹ «Цўвāt чўнген ак шокты, мўйн вўкемлā анжыктен, (Рита) тамам тўтўтлāш тўнгāльўй. А. Канюшков. Рита, показывая в мою сторону, стала очень быстро говорить (букв. тараторить) что-то» (СМЯ VIII: 460).

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>чывыговашите</i> , <i>цйвйишйбл</i> марГ, букв. «куриная кожа»	гусиная кожа; реакция кожи на холод с образованием пупырышек МРСБТ: 226, 233	кожа, сходная с кожей курицы	имеет кожу с пупырышками	человек: часть тела, кожный покров
<i>чывыгутан</i> , <i>цйвййгутан</i> марГ, букв. «куриный зад»	лишай; кожная болезнь, связанная с образованием на ней пятен или коросты СМЯ VIII: 461; Васильев 1928: 249 гусиная кожа; кожа в пупырях; покрасневшая кожа Вершинин 2011: 684	имеет сходство с частью тела птицы	имеет зад с красной, сморщенной кожей	болезнь
<i>чывийол</i> марВ, букв. «куриная лапка»	высмеивание креста Васильев 1928: 249	имеет сходство с лапкой курицы (по форме)	курица оставляет на земле след в форме крестиков	предмет
<i>чывийолшудо</i> , букв. «трава куриная лапка»	горец почечуйный, <i>Persicaria maculosa</i> ⁴⁰ СМЯ VIII: 461	имеет сходство с лапкой курицы (по форме)	курица оставляет на земле след в форме крестиков	растение
<i>чывыла ит кыдетле</i> , букв. «не кудахчи как курица»	хватит смеяться МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы	выполнять действия, сопоставимые с действиями птицы (кудахтать)	надоедливо, однооб- разно и, как правило, продолжительно кудахчет	человек
<i>чывынер</i> , букв. «куриный клюв», ср. рус. <i>курок</i>	курок у ружья; часть ударного механизма в ручном огнестрель- ном оружии СМЯ VIII: 462	имеет сходство с клювом птицы (по форме)	имеет характерную форму клюва	оружие: часть оружия
<i>чывытар</i> , букв. «куриное просо»	ежовник обыкновен- ный, куриное просо, <i>Echinochloa crus-galli</i> СМЯ VIII: 463	имеет отношение к птице: служит кормом для птиц ⁴¹	растение использовалось как корм для курицы	растение
<i>чывышинча</i> , букв. «куриный глаз»	болезнь глаз – куриная слепота СМЯ VIII: 463	по свойствам похож на глаз курицы	не видит в сумерках и темноте	болезнь

⁴⁰ Горец почечуйный – однолетнее травянистое растение семейства гречишных с мелкими, розовыми или белыми цветками в густых цилиндрических колосовидных кистях длиной 2–3 см на верхушке стебля. Видимо, растение получило название по схожести по форме цветов с куриными лапками.

⁴¹ По мнению Е.Ю. Моисеевой, наименования куриное / петушье просо ‘ежовник обыкновенный’, курячья трава ‘звездчатка средняя’ содержат указание на использование растений в качестве корма для домашней птицы, особенно кур (Моисеева 2014: 17).

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>чывышинча</i> , <i>цЫвЫсЫнзЯ</i> марГ, букв. «куриный глаз» ⁴²	полевой курослеп ⁴³ , <i>Anagallis arvensis</i> СМЯ VIII: 463	ядовитый сок вызывает слепоту; растение служит лекарством для лечения куриной слепоты ⁴⁴	не видит в темноте	растение
<i>чывышудо</i> , букв. «куриная трава»; ср. <i>цЫвЫсЫнзЯ</i> <i>шуды</i> , букв. «трава куриный глаз»	звездчатка средняя, мокрица, <i>Stellaria media</i> СМЯ VIII: 465 тж. СГЯ: 320	возможно, растение использовалось как корм для курицы; ?цветы имеют сходство с куриным глазом	куры едят мокрицу; признак неясен	растение
<i>чывышудо</i> , букв. «куриная трава» ⁴⁵	подорожник большой, <i>Plantago major</i> СМЯ VIII: 465	имеет какое-то отношение к птице	признак неясен	растение

ПЕТУХ

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>агытан</i> , букв. «петух»	выскачка, забяйка СМЯ I: 38	имеет сходство с петухом (в поведении)	агрессивный, задиристый; ведет себя запальчиво	человек
<i>агытан</i> , букв. «петух»	мужчина, пришедший жить к женщине на все готовое МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Чебыково	имеет сходство с птицей (по образу жизни ?)	мужская символика	человек

⁴² «Чывышинча – аяран кушкыл, эм семынат кучылталтеш. Чывышинчан пеледышыже тылан але йўштō игече годым петырналтеш. МДЭ. Курослеп – ядовитое растение, используется и как лекарство. Цветки курослепа в пасмурную или холодную погоду закрываются» (СМЯ VIII: 463).

⁴³ В русском языке фитоним *курослеп* образовано сложением *кур* «петух» или *кура* «курица» и *слепой*. «Растение названо за то, что его сок вызывает раздражение глаз» (ЭСРЯ II: 455). По мнению исследователей, номинационными признаками растений, именуемых куриной слепотой, являются: размер и цвет соцветий, лекарственность растения, вредоносность растения (подр. Колосова 2009: 100–101, Моисеева 2014: 13–14).

⁴⁴ Полагаем, что в данном случае название болезни совпадает с названием растения, которое использовали для лечения глаз.

⁴⁵ Подорожник большой, *Plantago major* имеет сходное марийское название с звездчаткой средней. Учитывая большую полезность подорожника для пищеварения и не только, можно предположить, что его давали курам в качестве лекарства или профилактики.

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>агытан име</i> , букв. «петушиная иголка»	боярышник; колючки боярышника Вершинин 2011: 15	имеет сходство со шпорой на ноге птицы	имеет нарост на лапе – шпору, торчащую вбок	растение
<i>агытанйол</i> , <i>а́птáньял</i> марГ, букв. «лапка петуха» ⁴⁶	бальзамин, недотрога обыкновенная, <i>Impatiens noli-tangere</i> ⁴⁷ СМЯ I: 39	цветок растения имеет сходство со шпорой на лапе птицы (по форме)	имеет нарост на лапе – шпору, торчащую вбок	растение
<i>агытанла тóриштылаш</i> , <i>а́птáнлá тб́ргештýлáш</i> марГ, букв. «прыгать как петух»	вести себя задиристо, лезть в ссоры без каких-либо оснований Грачева 1989: 14	выполнять действия, сопоставимые с действиями петуха	ведет себя драчливо	человек
<i>агытанланаш</i> , букв. «петушиться»	петушиться, горячиться; вести себя задиристо, запальчиво СМЯ I: 39	выполнять действия, сопоставимые с действиями петуха	ведет себя задиристо, запальчиво	человек
<i>агытанора</i> , букв. «петушиная куча»	боярышник, <i>Crataegus</i> ⁴⁸ СМЯ I: 39	имеет сходство с птицей (по окраске)	имеет цветное яркое оперение	растение
<i>агытанпоч</i> , букв. «петушинный хвост»	плевел, <i>Lolium</i> СМЯ I: 39	имеет сходство с хвостом птицы (по форме)	имеет хвост характерной формы	растение
<i>агытан учаш</i> , букв. «петушинный бой»	игра ⁴⁹	имитирует драку петухов	нередко дерутся между собой	народная игра
<i>вуйдымо агытан (гай)</i> , букв. «(как) безголовый петух», ср. <i>вуйдымо агытан гай тóриштылаш</i> , букв. «прыгать как безголовый петух»)	глупый, взбалмошный, безрассудный человек Грачева 1989: 42 глупо, бестолково, неумело что-то делать, говорить Там же: 43	имеет сходство с петухом (в поведении); выполнять действия, сопоставимые с действиями обезглавленного петуха	петух еще прыгает, после того, как ему отрубили голову	человек
<i>йошкар агытан</i> , <i>якиар а́птáн</i> марГ, букв. «красный петух»;	пожар	имеет сходство с петухом (по окраске)	имеет гребень красного цвета, цвет, особенно хвост, яркий, пестрый	пожар

⁴⁶ По мнению А.С. Ефремова, в наименовании подчеркивается особенности строения стебля (Ефремов 1986а: 22).

⁴⁷ Венчик у недотроги обыкновенной желтый с красными крапинками в зеве, с крючковидно загнутым шпорцем (ИОРСР II: 543).

⁴⁸ У боярышника в сентябре поспевают ягоды красного цвета (ИОРСР II: 366).

⁴⁹ Петушинный бой – игра, когда два человека, прыгая на одной ноге, пытаются столкнуть друг друга.

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>йошкар агытаным колташ (пурташ, чыкаш), якшар айтӓнӓм колташ (пырташ)</i> марГ, букв. «пустить красного петуха»	устроить пожар, поджечь Грачева 1989: 81	совершить поджог	имеет огненную символику	действие
<i>тареш пурышо агытан, тӓреш пырышы айтӓн</i> марГ, букв. «нанятый петух»	о человеке, который суется не в свое дело, или слишком старающийся и усердствующий в чью-либо пользу Грачева 1989: 203	имеет сходство с петухом (в поведении)	ведет себя задиристо	человек
<i>шинчалан шудын агытан</i> , букв. «петушок у щавеля»	метелки цветов щавеля TDW I: 29	имеет сходство с птицей по форме хвоста	имеет хвост характерной формы, гребень алого цвета с зубчатым краем	растение; часть растения
<i>шыже агытан</i> , букв. «осенний петух»	драчун, забияка; петух СМЯ I: 39	имеет сходство с поведением петуха осенью	осенние молодые петушки ведут себя драчливо	человек

СОВА

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>тумна</i> , букв. «сова»; <i>ангыра тумна</i> , букв. «глупая сова»; <i>тумна гай улат</i> , букв. «ты как сова»; <i>тумна гай шинчылташ</i> , букв. «сидеть как сова»	недотепа, растяпа, бестолочь, слепец СМЯ VII: 254 рассеянный, бестолковый Вершинин 2011: 592; о глупом или рассеянном человеке Вершинин 2011: 592 о глупом человеке МПЭ–РБ Калт. д. Василов; Мишк. д. Тынбаево; о глупом человеке МПЭ–РМЭ Параньг. д. Мари-Ляжмарь; о глупом, бестолковом человеке МПЭ–РМЭ Мари-Тур. д. Сардаял	имеет сходство с птицей (по характеру, в поведении), согласно народным представлениям о ней	сидит неподвижно с выпученными глазами	человек

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>глухой тымана</i> , букв. «глухая сова»	глухой СМЯ II: 352	имеет сходство с птицей: воз- можно, неактив- ность (глухость) птицы днем	днем сова спит в дупле, ничего не видит и не слышит	человек
<i>малыше тумна</i> , букв. «спящая сова»; <i>тумна гай малаи</i> , букв. «спать как сова»	о человеке, который любит долго спать по утрам МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Новониколаевка с. Чураево; МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы; Кужен. д. Юшут	иметь привычки, как у совы	ведет ночной образ жизни, днем спит	человек
<i>тумна вуй</i> , букв. «совиная голова»	о глупом, забывчивом человеке МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы; Кужен. д. Мари-Шои; Мари- Тур. д. Сардаыл; Новотор. д. Кузнецы	имеет сходство с птицей (по характеру, в поведении), согласно народным представлениям о ней	сидит неподвижно с выпученными глазами	человек
<i>тумна вуй</i> , букв. «совиная голова»	женщина с распущенными волосами TDW VIII: 2892	имеет сходство с птицей (по внешнему виду)	имеет рыхлое, мягкое, пушистое оперение	человек
<i>тумна вут</i> ⁵⁰ , букв. «совиная вода»	довольно слабый самогон Вершинин 2011: 592	имеет какое-то отношение к птице (?)	признак неясен	спиртной напиток
<i>тумна гай шинчаш</i> , <i>тыманала шӱнзӱш</i> марГ, букв. «сидеть как сова»); <i>шӱшкантумна гай</i> <i>шинчаш</i> , букв. «сидеть как совка- сплюшка» ⁵¹	сидеть неподвижно МПЭ–РБ Мишк. д. Тынбаево; Красн. д. Нижняя Татъя; МПЭ–РМЭ Горн. д. Цыганово; сидеть без дела, без движения МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково	выполнять действия, сопоставимые с действиями совы (сидеть неподвижно)	долгое время может сидеть неподвижно	человек
<i>тумна</i> , букв. «сова»	человек, который долго спит по утрам МПЭ–РБ Татыш. д. Башкия; Шаран. с. Акбарисово	имеет сходство с птицей (в поведении)	ведет ночной образ жизни, днем спит	человек

⁵⁰ Калька с чувашского *тӱмана шӱрри* ‘самогон’ (Ашмарин 2000: 267).

⁵¹ «Шинчышым шӱшкантумна гай, мален шым керт» [Сидела как совка-сплюшка, не мог(ла) спать] (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково).

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>тумнала тўнгаш</i> , букв. «ощепенеть, как сова», ср. <i>тыманала</i> <i>сбінзәм кәрен</i> <i>шбінзәш</i> марГ, букв. «сидеть, вытаращив глаза как сова»	сидеть неподвижно СМЯ VII: 344; СГЯ: 285	выполнять действия, сопоставимые с действиями совы (сидеть неподвижно, выпучить глаза)	сидит неподвижно с выпученными глазами	человек
<i>тымана лйпй</i> марГ, букв. «совиная бабочка»	совка, <i>Noctuidae</i> ⁵² СГЯ: 285; СМЯ VII: 397	имеет сходство с птицей (по окраске, ночному образу жизни)	имеет темную окраску и ведет ночной образ жизни	насекомое
<i>тыманавонгы</i> марГ, букв. «совиный гриб»	сморчок, <i>Morchella</i> ⁵³ СМЯ VII: 397; СГЯ: 285	имеет сходство с птицей (по внешнему виду, по форме) ⁵⁴	имеет темное оперение и округлую форму	гриб
<i>тыманалу</i> ⁵⁵ марГ, букв. «совиная кость»	шейный позвонок СГЯ: 285; второй шейный позвонок, эпистрофей СМЯ VII: 397; МРСБТ: 210	имеет сходство с позвонком у птицы (по функции)	может поворачивать голову практически на полный оборот ⁵⁶	кость

⁵² Исследователь русской энтомологической лексики Ю.А. Кривошапова происхождение названия совки также связывает с ночным (как у сов) образом жизни этих насекомых и с их темной «совиной» окраской (Кривошапова 2007: 74).

⁵³ Сморчок имеет желто-коричневую окраску и морщинистую яйцевидную форму. Цвет шляпки меняется по мере созревания гриба и становится коричневым, а при высушивании темнеет.

⁵⁴ Вероятно, сходство сморчка с совой по окраске шляпки и округлой форме послужило основанием для метафорического наименования

⁵⁵ Калька с чувашского *тăмана шăмми* 'шейный позвонок' (Ашмарин 2000: 267).

⁵⁶ Другие животные, как и человек, не способны выполнять такой поворот. Очевидно, отличительная особенность совы в ее способности максимально поворачивать голову (почти на 270 градусов) в марийском языке легла в основу названия шейного позвонка, участвующего во вращательных движениях головы

УТКА

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>коя лудо гай каяш (ошкылаш)</i> , букв. «идти как жирная утка»	утиная походка; идти переваливаясь МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы; МПЭ–КО Кильм. д. Азиково	выполнять действия, сопоставимые с действиями птицы	имеет характерную переваливающую походку	человек
<i>лудо гай почанаши, лудо гай чывырташи</i> , букв. «плескаться как утка»	человек, который долго, с удовольствием купается в водоеме, моется в бане МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Ишимово, с. Чураево	имеет сходство с птицей (в поведении)	много времени проводит на воде	человек
<i>лудо нер</i> , букв. «утиный клюв»	челнок в ткацком станке СМЯ III: 412	имеет сходство с клювом птицы (по форме)	обладает широким клювом	ткацкий инструмент
<i>лудывоч</i> , букв. «утиный хвост»	горихвостка СМЯ III: 412	имеет сходство с хвостом утки (по совершаемым действиям)	периодически подергивает хвостом	птица
<i>лудынер</i> , букв. «утиный клюв»	полукруглое долото СМЯ III: 413	имеет сходство с клювом птицы (по форме)	обладает широким клювом	плотницкий инструмент
<i>лудынер</i> , букв. «утконос» ⁵⁷	утконос (млек. отр. однопроходных) СМЯ III: 413	имеет сходство с клювом птицы (по форме)	обладает широким клювом специфической формы	животное
<i>мунан лудо</i> , букв. «утка, собирающаяся снести яйцо»	медленно и неуклюже (передвигающийся) человек Вершинин 2011: 345	походка похожа на походку утки в период кладки яиц	имеет характерную походку в период кладки яиц	человек

⁵⁷ Калька с русского языка.

ДРУГИЕ ПТИЦЫ

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>вараксимйолаш</i> , букв. «ласточкины штаны», <i>вараксимшинча</i> , букв. «ласточкин глаз», <i>вараксимишудо</i> , букв. «ласточкина трава», <i>вараксимпеледыш</i> , <i>цѳѳгѳк пеледыш</i> марГ, букв. «ласточкин цветок», <i>чезекйол</i> , букв. «ласточкина нога»	гвоздика, <i>Dianthus</i> СМЯ I: 182 гвоздика луговая, <i>Dianthus pratensis</i> СМЯ I: 182; СГЯ 321 гвоздика-травянка, <i>Dianthus deltoides</i> СМЯ VIII: 342	цветок имеет сходство с птицей (по форме)	птица с вильчатым, раздвоенным хвостом	растение
<i>цѳѳгѳкпышкедыш</i> марГ, букв. «ласточкин понос», <i>цѳѳгѳкшадыра</i> марГ, букв. «ласточкина оспа»	веснушки СГЯ: 321	имеет сходство с яйцом птицы (по внешнему виду); возможно, мифологическая мотивация	яйца ласточки имеют характерные пепельные или красноватые точки; ср. рус. поверье о воздействии ласточки на появление веснушек у человека	человек
<i>вараксим гай</i> <i>вычымаден илаш</i> , букв. «жить, щебеча как ласточки»	жить дружно МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково	выполнять действия, сопоставимые с действиями птицы	оценивается как мягкий, нежный, чувствительный; имеет характерный голос; согласно поверьям, ласточки очень дружные, верные	действие
<i>вѳтеле</i> , <i>вѳтельѳ</i> марГ, букв. «кулик»	вредный, нехороший человек СМЯ I: 334	имеет сходство с птицей (по характеру)	юркий, подвижный	человек
<i>вѳтеле</i> , <i>вѳтельѳ</i> марГ, букв. «кулик»	юркий, неугомонный человек СГЯ: 47	имеет сходство с птицей (в поведении)	юркий, подвижный	человек
<i>вѳтеле гай</i> <i>йылдыртаташ</i> , букв. «тараторить как кулик»	тараторить; говорить быстро, не останавливаясь СМЯ II: 179	имеет сходство с голосом птицы	непрерывно издает звуки	действие
<i>вырлянге</i> , букв. «трясогузка»	девушка с красивой, стройной фигурой МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково	имеет сходство с птицей (по внешнему виду)	имеет характерную форму; маленькая птица с длинным хвостом	человек

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>йўксё гай</i> , букв. «как лебедь»	о стройной, красивой девушке	имеет сходство с птицей (по внешнему виду)	красивый, стройный, с длинной шеей	человек
<i>йўксё муро, йўксё мыры</i> марГ, букв. «лебединая песня»	самое последнее, значительное проявление таланта, деятельности, предсмертное творение кого-либо Грачева 1989: 82	имеет отношение к легенде о птице	имеется древнее поверье, будто лебедь поет раз в жизни – перед смертью	человек, творение человека
<i>кeргывуй шудо</i> , букв. «трава голова желны»	клевер, <i>Trifolium</i> Вершинин 2011: 172; Raasonen 1948: 39	имеет сходство с птицей (по цвету)	имеет ярко-красное пятно на голове	растение
<i>киса</i> , букв. «синица»	прозвище одной группы марийцев д. Мари-Гондырево Вершинин 2011: 179	имеет сходство с птицей (по размеру, в поведении, по месту проживания) ⁵⁸	обладает небольшим размером; быстрая, подвижная, ловкая, юркая; живет в лесу	этноним-прозвище
<i>кисавуй</i> , букв. «синичья голова»	птичий ум; о глупом, забывчивом человеке Васильев 1928: 68; МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково	имеет сходство с птицей (по объему мозга)	обладает малым объемом мозга (по сравнению с человеком)	человек
<i>киса йўр</i> , букв. «синичий дождь»	моросящий дождь СМЯ II: 340	имеет сходство с птицей (по размеру)	обладает небольшим размером	метеорология
<i>киса чўчи</i> , букв. «дядя синица»	о человеке (ребенке), который мало ест МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково, с. Чураево	отсылает к небольшим размерам птицы	маленькая птица; мало ест	человек
<i>пун-киса</i> , букв. «пун-синица» ‘вид синицы’ ⁵⁹	худой, худощавый, истощенный (о человеке) Васильев 1928: 167	имеет сходство с птицей (по внешнему виду: маленькая, щуплая)	маленькая, легкая птица; доп.: летит волнообразно	человек

⁵⁸ «Мари-гондыревских называют *киса мари* (марийцы-синицы), объясняют так: 1) мелковат был народ, 2) во время пляски подпрыгивали, словно синицы, 3) живут в лесу, словно синицы» (Вершинин 2011: 179).

⁵⁹ Ср. *пун киса* ‘синичка из вида ремезов’ (СМЯ II: 340), *пунгиса* ‘хохлатая синица, или гренадерка’ (СМЯ V: 330).

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>кӱгӱрчӱнӱол</i> , букв. «голубиная ножка»	недотрога обыкновенная, <i>Impatiens noli-tangere</i> МРСБТ: 91	имеет сходство с лапкой птицы (по внешнему виду, по форме ?)	имеют ноги красноватого оттенка	растение
<i>кӱгӱрчӱнӱудо</i> , букв. «голубиная трава»	купена душистая или лекарственная, <i>Polygonatum odoratum</i> ⁶⁰ МРСБТ: 91	имеет сходство с птицей (по цвету) ⁶¹	аллюзия на белого голубя; нежное растение с белыми цветками	растение
<i>мужыр кӱгӱрчӱнла илаш</i> , букв. «жить, словно голубок с голубкой»	о неразлучной любящей паре СМЯ III: 36	иметь сходство с голубиной парой (в поведении)	символизирует влюбленную пару	отношения между людьми
<i>музо</i> , букв. «рябчик»	тихоня; медлительный (о человеке) Васильев 1928: 124	имеет сходство с птицей (в поведении)	ведет скрытый образ жизни; доп.: издает писк вместо крика	человек
<i>сузиге</i> , букв. «глухаренок»	салага, пацан Вершинин 2011: 532	имеет сходство с птенцом	птенец маленький, невзрослый, неопытный	человек
<i>тагырлыа вуйан аза</i> (марЛ), букв. «ребенок с головой чибиса»	младенец, на голове которого отшелушивается кожица по мере зарастания родничка Васильев 1928: 200	имеет сходство с птицей (по внешнему виду: корочки напоминают хохолок у чибиса)	имеет хохолок на голове	человек
<i>тури, турий</i> букв. «жаворонок», ср. <i>турила торгыкташ</i> , букв. «тарыхтеть как жаворонок»	лжец, обманщик, лгун TDW VIII: 2916; хвастун Васильев 1928: 87	имеет сходство с голосом птицы	издает громкие трели, которыми люди заслушиваются	человек
<i>тыри мыным оролен шалгаиш</i> марГ, букв. «караулить яйца жаворонка»	бездельничать в пору полевых работ (в страду) СГЯ: 295	заниматься бесполезным делом	строит гнездо прямо на земле в небольшом углублении, среди травы, поэтому можно случайно наступить на яйца	человек
<i>чанавуи</i> марВ, букв. «галчачья голова»	вид камыша с черной головкой Васильев 1928: 240	имеет сходство с птицей (по цвету)	имеет черную окраску	растение

⁶⁰ Плод купены – сине-черноватая ягода.

⁶¹ А.Е. Ефремов считает, что название дано за синевато-темную окраску цветов реалии (Ефремов 1986а: 56).

Лексема	Значение; паспортизация	Интерпретация внутренней формы деривата	Смыслоразличительный признак ментального образа	Идео- графия
<i>омыдымо шўшык</i> , букв. «бессонный соловей»	о человеке, который мало спит СМЯ IV: 298	имеет сходство с птицей (в пове- дении)	поет по ночам, спит мало	человек
<i>шўшык (шўшыкып, шўшыкып и др.)</i> , букв. «соловей»	свисток из глины; уст. глиняная свистулька в виде птички Вершинин 2011: 762	иронично: «сходство» пения соловья и свиста свистульки	соловей красиво и громко поет	предмет
<i>шўшык йўкан</i> , букв. «с соловьиным голосом», ср. <i>шўшык гай мураш</i> , «петь как соловей»	человек со звонким голосом; красиво петь МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы	имеет сходство с птицей (по голосу)	имеет звучный голос, издает красивые трели, называемые «пением»	человек
<i>шўшык омо</i> , <i>шўжык ом</i> марГ, букв. «соловьиный сон»	короткий, недолгий, непродолжитель- ный, чуткий сон СМЯ IX: 439; Грачева 1989: 285	имеет сходство с птичьим сном по продолжитель- ности	рано начинает петь, соответственно, спит очень мало	человек, время
<i>шўнбўртёш</i> , букв. «скворец»	мужчина (зять), пришедший жить к женщине на все готовое Юадаров 1995: 28	имеет сходство с птицей (по образу жизни)	прилетает в готовый скворечник	человек

2. Смысловой диапазон орнитонима в марийском языке

Смысловой диапазон образа птицы – это набор смысловозначительных признаков ментального образа конкретной птицы. Ниже смысловые диапазоны птиц располагаются в порядке убывания количества смысловозначительных признаков. Поэтому порядок следования птиц показывает степень разработанности их образов в марийском языке. Смысловозначительные признаки внутри диапазона расположены в следующей последовательности: внешняя атрибутика (размер, части тела, цвет оперения), поведение, характер передвижения, место обитания и т. д. Сначала перечисляются эмпирические признаки (объективные), в конце списка – эмпирические (субъективные) признаки. Такая последовательность важна тем, что дает возможность оценить соотношение объективных / субъективных характеристик.

Курица

- имеет небольшой клюв
- имеет характерную для птиц лапу
- имеет зад с характерной красной кожей
- лапы покрыты жесткой желтой кожей
- имеет кожу с пупырышками
- оставляет на земле след в форме крестиков
- не видит в темноте
- ест некоторые растения
- мало ест
- часто пьет воду
- клюет зерно, щиплет траву
- кудахчет
- вечером садится на насест
- не может перелетать высокие заборы и постройки
- промокшая курица имеет жалкий внешний вид
- слышит глухой
- имеет плохую (мелкую) память

Ворона

- имеет темную (черную) окраску
- цвет глаз у молодых ворон – синеватый, у взрослых – черный
- имеет глаза круглой формы
- имеет клюв характерной формы: мощный, чуть загнутый книзу
- селятся стайно, стаи многочисленны
- широко раскрывает клюв
- птица крупная, поддающаяся наблюдению, популяция исчислимая

- строит неаккуратное большое гнездо
- может предвещать дождь, снег
- слывет несообразительной, медлительной, простоватой и хвастливой
- растрепанная, неаккуратная
- издает монотонное, долгое, громкое карканье, сопоставляемое с человеческой болтовней.

Гусь

- имеет светлый цвет оперения
- имеет перепончатые лапки
- имеет длинную шею и горло
- имеет характерную переваливающуюся походку
- гнездятся стаями, улетают на юг клином или вереницей
- водоплавающая птица; обитает у рек и озер
- прилетает ранней весной
- гусята вылупляются весной, в конце апреля, в мае; имеют желтую окраску
- ест некоторые растения

Журавль

- имеет длинную шею
- имеет длинные ноги
- имеет характерный клюв
- выполняет характерное движение – наклон
- имеет пару
- питается различными частями растений
- гнездится на болоте
- передвигается стаей
- неловкий, медлительный

Кукушка

- имеет пестрое оперение коричневых тонов
- имеет пятнистые яйца
- не высиживает яйца и не выкармливает своих птенцов
- подкладывает по одному яйцу в чужие гнезда
- начинает петь ранней весной (в апреле-мае)
- ведет одинокий образ жизни
- голос наводит тоску
- голос хорошо слышен в лесу
- издает характерный звук, воспринимаемый как голос судьбы

Петух

- имеет гребень алого (красного) цвета с зубчатым краем
- имеет яркий хвост характерной формы
- имеет лапу характерной формы
- имеет нарост на лапе – шпору, торчащую вбок
- ведет себя задиристо, драчливо
- ходит важно, горделиво
- мужская символика

Сова

- имеет темное оперение и округлую форму тела
- имеет рыхлое, мягкое, пушистое оперение
- сидит неподвижно с выпученными глазами
- может долгое время сидеть неподвижно
- ведет ночной образ жизни, днем спит
- может максимально поворачивать голову назад
- считается несообразительной, медлительной

Ворон

- имеет острый, сильный клюв черного цвета
- когти сильные, загнутые, выполняющие функцию захвата
- плотоядность
- приписывается алчность, злоба
- слывет кровожадным

Синица

- птица небольшого размера
- быстрая, подвижная, юркая
- мало ест
- живет в лесу
- обладает плохой (мелкой) памятью

Утка

- обладает широким клювом
- имеет характерную переваливающуюся походку
- периодически подергивает хвостом
- несет яйца
- много времени проводит на воде

Ласточка

- имеет вильчатый, раздвоенный хвост
- имеет яйца с характерными пепельными или красноватыми точками

- имеет характерный голос
- оценивается как мягкий, нежный, чувствительный

Соловей

- имеет звучный голос
- издает трели, похожие на песню
- рано начинает петь
- спит мало

Сорока

- стрекочет быстро, непрерывно
- трясет хвостом
- собирает различные блестящие предметы
- слывет быстрой, вертлявой

Голубь

- ноги имеют красноватый оттенок
- брачное поведение голубя ассоциируется с любовью и ухаживанием

Жаворонок

- издает трели
- строит гнездо прямо на земле, среди травы

Кулик

- юркий, беспокойный
- непрерывно издает звуки

Лебедь

- красивый, стройный
- имеет длинную шею

Рябчик

- ведет скрытый образ жизни
- издает писк вместо крика

Галка

- имеет черное оперение

Глухаренок

- беспомощный

Желна

- имеет ярко-красное пятно на голове

Скворец

- прилетает в готовый скворечник

Трясогузка

- маленькая птица с длинным хвостом

Чибис

- имеет хохолок на голове

Из приведенных смысловых диапазонов образов птиц видно, что *ворона*, *гусь*, *журавль*, *кукушка*, *курица*, *петух*, *сова* наиболее разработаны в семантическом аспекте. Узким спектром смысловых различительных признаков обладают *ворон*, *ласточка*, *синица*, *сорока*, *соловей*, *утка*. Практически не разработаны орнитонимы *галка*, *глухарь*, *голубь*, *жаворонок*, *желна*, *кулик*, *лебедь*, *рябчик*, *скворец*, *трясогузка*, *чибис*.

3. Орнитонимическая модель в названиях растений

В ходе мотивационного анализа марийской орнитонимической лексики были выявлены фитонимы, образованные от названий птиц, прежде всего: *ворона*, *голубь*, *гусь*, *желна*, *журавль*, *кукушка*, *курица*, *ласточка*, *петух*. На данный момент не представляется возможным сделать статистические выводы об относительной значимости того или иного смысловых различительного признака образа птицы в номинации марийских фитонимов, поскольку нет собранной диалектной базы марийских фитонимов. Другая проблема заключается в том, что не всегда возможно определить признак, положенный в основу фитонима, даже при проведении дополнительных исследований и анализа параллелей в родственных и соседних неродственных языках. Пока с уверенностью можно выделить следующие группы по мотивационному признаку:

Форма частей растения похожа на форму органа птицы

Растения, имеющие широкие резные листья, получили следующие названия: *комбылапа*⁶² (букв. «гусиная лапка») ‘герань лесная’, ‘манжетка’, ‘росянка’; *комбычана* (букв. «гусиная лапка») ‘калужница’, *комбийол* (букв. «гусиная лапка») ‘гусиные лапки, лапчатка’.

Предположительно *чывыйолиудо* (букв. «трава куриная лапка») ‘горец почечуйный’ получил название по схожести формы цветов с куриными лапками. Внешнее сходство соцветия у плевела с хвостом петуха отражается в марийском наименовании этого растения *агытанпоч* (букв. «пе-

⁶² Указание на источник и латинские названия фитонимов см. в предыдущей части главы в таблицах.

тушиный хвост») ‘плевел’. *Турняшорвондо* ‘аистник обыкновенный, журавельник’: «*Турняшорвондо – вичкыж кужу вондан кушкыл. Журавельник – растение с тонким длинным стеблем*» (СМЯ VII: 289). Основанием для метафоры, вероятно, послужило сходство плодов журавельника с клювом птицы, а также тонкий длинный стебель растения, похожий на ноги журавля. Для сравнения: латинское название *Geranium* произошло от греч. *γέραμιον* от *γέρανος* ‘журавль’, так как плоды герани напоминают клюв журавля (ЭСРЯ I: 58).

Компонент *вараксим* (*чезек, цыгак*) ‘ласточка’ встречается в марийских названиях растений семейства гвоздичных. У гвоздики лепестки глубоко рассеченные или перистораздельные (ИОРСР II: 77), что стало основанием для сравнения с ласточкой (с вильчатым, раздвоенным хвостом ласточки). Фиксируются следующие марийские названия гвоздики: *вараксимйолаш* (букв. «ласточкины штаны»), *вараксимшинча* (букв. «ласточкин глаз»), диал. *вараксимуудо* (букв. «ласточкина трава»), *вараксимпеледыш, цыгак пеледыш* марГ (букв. «ласточкин цветок») ‘гвоздика луговая’. *Чезекйол* (букв. «ласточкина нога») ‘гвоздика-травянка’ – травянистое растение семейства гвоздичных.

Цвет органа растения совпадает с цветом органа птицы

Окраска птиц отразилась в названиях следующих фитонимов: *кержывуй шудо* (букв. «трава голова желны») ‘клевер’; *чангавуй* марВ (букв. «галчачья голова») ‘вид камыша с черной головкой’; *кӧгӧрченишудо* (букв. «голубиная трава») ‘купена душистая’. Листья растения *куку шуды* (букв. «кукушкина трава») ‘ятрышник пятнистый’ покрыты темными крапинками, что тоже стало основанием для сравнения с пестрой окраской кукушки. Прострел получил название *корак вуй* (букв. «воронья голова») за сходство цветов с синеватой окраской глаз молодых ворон.

- а) Цвет + время. Вероятно, в основе фитонима *комбиге саска* (букв. «цветок гусенка») ‘мать-и-мачеха’ лежит сходство реалий по желтой окраске и совпадение времени появления-цветения растения с вылуплением гусят.
- б) Цвет + форма. В основе фитонимов *коракшинча* (букв. «вороний глаз») ‘паслен, вороний глаз’ лежит сходство плодов растений с вороним глазом по цвету и форме.

Место произрастания растения совпадает с местом обитания птицы

Примером могут служить фитонимы *комбывуй, кампывуй* марСЗ (букв. «гусиная голова») ‘купальница европейская’; *комбо татай, комбо тӓтӓй* (букв. «гусиная игрушка») ‘калужница болотная’, *комбышудо* (букв. «гусиная трава») ‘водяная лилия’. Названия растений указывают на место их произрастания – болотистые поймы рек, то есть места обитания водоплавающей птицы. В эту же группу можно отнести еще два названия

водных растений: *комбычана* (букв. «гусиная лапка») ‘калужница болотная’ и *комбийол* (букв. «гусиная лапка») ‘стрелолист’. Но все же основным мотивом номинации, как представляется, следует считать сходство формы листьев с гусиными лапками.

Время пения птицы совпадает со временем появления или цветения растения

Время кукования кукушки отразилось в названиях следующих фитонимов: *кукувуй* (букв. «кукушкина голова») ‘хохлатка’ (травянистое растение с рассеченными листьями и цветками фиолетового, белого или желтого цвета); *куку пеледьш* марГ, *кукувеледьш* марГ (букв. «кукушкин цветок») ‘горичвет, кукушкины слезки’. Компонент *куку* в фитониме *кукуняня* марГ ‘молодые побеги хвоща’ указывает на время появления этого растения, а именно в период кукования кукушки. Раньше многие народы употребляли в пищу молодые побеги хвоща, и в наше время, например, они присутствуют в коми-пермяцкой кухне. Совпадение времени цветения растения и времени кукования кукушки отразилось в названии фитонима *кукулунгдö* ‘первоцвет’.

Растение служит пищей птице

Любимое лакомство журавля – клюква – в марийском языке получило название *турнявöчыж*, *тырнявöчыж* марГ, *тыртнявöтыж* марГ. В следующих фитонимах компонент *турня* также указывает на рацион питания журавля: *турнявурса*, *тырнявырса* марГ, *тыртнявырса* марГ (букв. «журавлиный горох») ‘чина лесная’: «*Турнявурса, шеч кутыш калтаже, турня волен кочкеш, маньт ыле*». МДЭ. [Чина лесная, стручок у нее в одну пядь; говорили, что журавли спускаются и питаются ими] (СМЯ VII: 289); *тыртнягиндö* марГ, *тыртняняня* марГ (букв. «журавлиный хлеб») ‘ранневесенние «колоски или пестики» спорангии полевого хвоща’, которые весной охотно поедают журавли (МРСБТ: 211).

Номинационный признак «хозяйственное применение растения» отмечен у следующих фитонимов: *чывытар* (букв. «куриное просо») ‘ежовник обыкновенный, куриное просо’ – травянистое растение семейства злаковых, которое растет на полях, у дорог, во влажных местах. Фитоним *чывышудо* (букв. «куриная трава») ‘звездчатка средняя, мокрица’ (СМЯ VIII: 465) – сорная трава семейства гвоздичных с белыми мелкими звездчатыми цветками. Полагаем, что компонент *чыве* ‘курица’ в фитонимах указывает на использование растений в качестве корма для домашней птицы, особенно кур. Финские исследователи отмечают, что в языках Центральной Европы растения получают названия по животным, которые их поедают (Karhu 1998: 191).

Таким образом, поскольку одно растение обладает несколькими признаками, оно может попасть более чем в одну мотивационную группу.

С другой стороны, и образы птиц могут актуализировать разные семы. К примеру, в фитониме *комбиге саска* ‘мать-и-мачеха’ (букв. «цветок гусенка») компонент *комбиге* ‘гусенок’ может указывать на совпадение времени появления растения и вылупления гусят или на сходство цветов растения с желтым цветом гусят. Мотив слепоты или медицинское применение растения от болезни глаз нашло отражение в марийском фитониме *чывышинча, цыбвбсбнзй* марГ ‘полевой курослеп’ (букв. «куриный глаз»).

Разные растения, обладающие одними и тем же признаком, могут получить одинаковые или схожие наименования, как это видно на примере ряда «вороновых» или «гусиных» названий растений.

4. Фразеологизмы с компонентом-орнитонимом

Представление человека о той или иной птице складывалось веками. В результате наблюдения за птицами создавались их образы, основанные на реальных признаках и качествах. Однако и культурная составляющая, фольклорные мотивы, этиологические легенды также повлияли на эти представления. Таким образом, складывался стереотип восприятия птицы в каждой конкретной диалектной и культурной среде. В дальнейшем эти отдельные стереотипы вошли в состав марийского национального языка и традиционной культуры и сформировали многосторонние образы птиц.

Так, например, *петух* (мар. *агытан*) символизирует выскочку, забияку (СМЯ I: 38). Огненная символика петуха, обусловленная его красным гребешком и перьями, отражена в марийской фразеологии, обозначающей пожар: *йошкар агытан* ‘пожар’, *йошкар агытаным колташ (пурташ, чыкаш)* ‘пустить красного петуха, устроить пожар, поджигать’. Птица *сорока* (мар. *шогертен*) у марийцев обозначает болтливую человека, сплетника/сплетницу или же легкомысленного, ветреного человека, не имеющего твердых моральных принципов (СМЯ IX: 178), например: *шогертен гай шалаумша* ‘болтливый человек, сплетник’; *шогертен поч* (букв. «сорочий хвост») ‘вертихвостка’ (там же: 178). В представлениях марийцев бестолковый человек ассоциируется с совой (мар. *тумна*), ср. разг., перен. *сова* ‘недотепа, растяпа, бестолочь, слепец’ (СМЯ VII: 254). Мотив глупости выражается и во фразеологизмах *ангыра тумна* (букв. «глупая сова»), *тумна вуй* (букв. «совиная голова»), хотя для многих народов сова символизирует мудрость. Видимо, основным признаком, обусловившим эту семантику, стали широко открытые глаза, которые ассоциировались с непониманием, т. е. глупостью.

Нужно отметить, что наименования птиц – один из самых древних пластов лексики во всех языках. Многие наименования птиц стали устойчивыми метафорами, обозначающими свойства и качества человека: задорный человек, забияка сравнивается с петухом, глуповатый человек – с курицей и т. д. Человек, стремясь охарактеризовать свое поведение, чувства, состояния, внешность, прибегал к сравнению с тем, что ему было

ближе всего и похоже на него самого – животным миром. Фразеологизмы с компонентом-орнитонимом являются одной из самых интересных и характерных групп фразеологического фонда для любого языка.

В марийском языке по своей грамматической организации фразеологизмы, в состав которых входят наименования птиц, разноструктурные. К наиболее распространенным типам относятся:

- 1) субстантивные словосочетания (*ночко чыве*, букв. «мокрая курица»; *чыве сар*, букв. «куриная война»);
- 2) глагольные словосочетания (*чывыжат воштылеш*, букв. «и курица смеется»; *шўшпык омым малаш*, букв. «спать соловьиным сном»);
- 3) сравнительные обороты (*вуйдымо агытан гай*, букв. «как безголовый петух»; *кўчдымё вараиш гай*, букв. «как ястреб без когтей»).

Основой для образования фразеологизмов с компонентом-орнитонимом служат наблюдения за повадками диких и домашних птиц, которые окружают человека. Основными компонентами выступают такие названия птиц: *агытан* ‘петух’ (*агытанла тўрштылаш*, букв. «прыгать как петух» ‘вести себя вызывающе, задиристо; лезть в ссоры без каких-либо оснований’), *корак* ‘ворона’ (*коракым шотлаш*, букв. «считать ворон» ‘ротозейничать, бесцельно проводить время, лодырничать’), *тумна* ‘сова’ (*тумна гай илаш*, букв. «жить как сова» ‘жить одиноко, без семьи, без родных’), *шўшпык* ‘соловей’ (*шўшпык омо*, букв. «соловьиный сон» ‘непродолжительный, короткий, чуткий сон’), *чыве* ‘курица’ (*чыве логар*, букв. «куриное горло» ‘плохой, слабый едок’). Т.В. Козлова в монографии, которая была посвящена комплексному исследованию семантики устойчивых сочетаний с названиями животных, перечисляет наиболее устойчивые характеристики и смысловые аспекты, связанные с некоторыми зоонимами (Козлова 2003: 60–63). Можно выделить следующие смысло-различительные признаки, связанные с марийскими орнитонимами, которые участвуют в образовании фразеологизмов: *ворона* – вещая, несообразительная, медлительная, неумелая, неуклюжая, неаккуратная, широко раскрывает рот; *ворон* – кровожадный, хищный; с острым, сильным клювом; сильные, загнутые когти; *голубь* – ласковый, кроткий; *гусь* – горделивый, важный; *журавль* – неловкий, медлительный; имеет пару, перелетает стаей; *кукушка* – беззаботная, беспутная, непостоянная, одинокая; имеет тоскливый, но звонкий голос; подкладывает яйца в чужие гнезда; *курица* – подслеповатая, глупая, несообразительная, беспамятливая, кудахчет, клюет зерно, мало ест, часто пьет воду; мокрая выглядит жалко; *ласточка* – ласковая, щебечет; *лебедь* – красивый, стройный; *петух* – задиристый, драчливый, самодовольный, важный, горделивый; *синица* – маленькая, мало ест; *сова* – глупая, нерасторопная, с круглыми, выпученными, невыразительными глазами; имеет обильное, пушистое оперение; ведет ночной образ жизни, днем спит; может долго сидеть неподвижно; *соловей* – чутко спящий, со звучным голосом, хорошо поет; *сорока* – громкая, болтливая, беспокойная, вертлявая, трясет хвостом, собирает

блестящие предметы; *утка* – ходит переваливаясь, много времени проводит на воде.

Анализируя семантическое значение фразеологических оборотов, включающих названия птиц, можно выделить следующие группы фразеологизмов, которые обозначают:

- 1) внешний облик: *шем корак иге гане*, букв. «как черный вороненок» ‘о человеке с черными волосами’;
- 2) психические свойства: *мальше корак гай*, букв. «как спящая ворона» ‘вялый, пассивный, невнимательный’;
- 3) физические качества: *турня йол*, букв. «журавлиные ноги» ‘о человеке с тонкими и длинными ногами’;
- 4) интеллект или его отсутствие: *тумна вуй*, букв. «совиная голова» ‘глупый, забывчивый’;
- 5) количество: *чыве шёр гына уке*, букв. «только птичьего молока нет» ‘всего полно, вдоволь’;
- 6) характеристика действия: *чыве гай возаш*, букв. «писать как курица» ‘очень неразборчиво и неряшливо писать’.

Не менее важно изучение фразеологизмов с присущими им устойчивостью (идиоматичностью), стилистической коннотацией. Следует подчеркнуть, что в устойчивых выражениях отражается национальная самобытность речевого коллектива, порожденная условиями жизни народа и его историческим бытием. Изучение фразеологизмов обогащает знания о национально-культурной специфике языковых картин мира, раскрывает особенности употребления исследуемых выражений в языке.

5. Выводы

Итак, в марийской традиционной культуре существует достаточно устойчивая связь «птица» → «человек». Наименование птенца глухаря (мар. *сузиге* ‘глухаренок’) послужило мотивантом для называния подростка. Сорока известна своей болтливостью, способностью предвещать, поэтому неудивительно, что сорокой (мар. *шогертен*) называют болтливого человека или сплетника. Орнитоним *трясогузка* (мар. *вырлянге*) у восточных марийцев означает красивую, стройную девушку. Луговые марийцы орнитонимом *кушшӱльӧ* (мар. сойка) называют худого человека. У северо-западных мари худой человек сравнивается с цаплей: *вӱцкӱж кӱк цӱрлӱнкӱ*, букв. «тонкий, как цапля» (ССЗНМЯ: 258). Вредного, нехорошего человека горные марийцы именуют *куликом* (*вӱительӱ* марГ): *Ти шешкына мӱмнӱн вӱительӱ роды ылеш, вот и аздарен кен*. Н. Ильяков. [Эта наша невеста из рода нехороших людей, вот и увела его] (СМЯ I: 334).

Символами умственной ограниченности в марийском языке выступают *ворона, курица, сова*. Эти орнитонимы вместе с прилагательным *глупый*

(мар. *ангыра*) образуют устойчивые выражения для обозначения глупого, забывчивого или тупого человека. В этом же значении употребляются фразеологизмы *тумна вуй, чыве вуй*, букв. «совиная или куриная голова».

Разумеется, что больше визуально, чем аудиально осмысляются образы домашних или диких птиц, обитающих рядом с человеком, а аудиально воспринимаются птицы, находящиеся в пространстве, не освоенном человеком (лес, воздух).

Небольшая группа орнитонимов в марийском языке образуют семантические дериваты – метафоры и метонимии – производные значения без изменения формы исходного слова. К таким относятся орнитонимы: *агытан* ‘петух’, *вырлянге* ‘трясогузка’, *вйтельбй* марГ ‘кулик’, *корак* ‘ворона’, *купишльö* ‘сойка’, *турий* ‘жаворонок’, *турня* ‘журавль’, *тумна* ‘сова’, *шогертен* ‘сорока’. Все производные от названий птиц, кроме *корак* ‘ворона’, относятся к сфере отождествления «человек», т. е. характеризуют человека. Деривационный потенциал лексемы *корак* ‘ворона’ проявляется в сфере цветообозначения (*корак* ‘серый, серовато-синий’) и наименования реалии (*корак* ‘шерсть с комочками’). Можно отметить единичные примеры образования глагола от орнитонима: *агытанланаиш* ‘петушиться, горячиться; вести себя задиристо, запальчиво’, *кораклаиш* ‘каркать; говорить, произносить что-либо, вызывая раздражение кого-либо’, *курныжланаиш* ‘хищничать, вести себя как коршун, ворон’. Наиболее часто уподобление человека птице в поведении выражается в устойчивых сравнениях: *шогертенла тототлаиш*, букв. «стрекотать как сорока» ‘тараторить, болтать без умолку, пустословить’; *кукула муралтаиш*, букв. «петь как кукушка» или *шўшпык гай мураиш*, букв. «петь как соловей» ‘человек со звонким голосом; хорошо петь’.

Большую группу производных от названий птиц составляют фитонимы, в которых отразились внешний вид, окраска птицы или частей ее тела, время пения, место обитания, питание птицы, а также верования, связанные с растениями.

Орнитонимы послужили базой для образования фразеологизмов, отражающих внешний облик человека, физические качества, психические свойства, характер действия человека и др.

Следует отметить, что названия птиц встречаются в вышивке, но терминология вышивки в этой главе не была использована. Изображения птиц на одежде, на предметах быта применялись в качестве оберега. Значительное влияние на содержание и формы орнамента оказывали древние верования и магические представления марийцев. Олицетворение природы в качестве магического символа было связано в свою очередь с религиозным мировоззрением марийцев (Соловьева 1982: 23). В традиционной вышивке марийцев широкое распространение получили изображения птиц (ворона, лебедь, кукушка, гусь, утка). Изображения их на одежде, на предмете быта применялись в качестве оберегов от злых духов, подобно тому, как и у многих других народов изображения животных и птиц имели значение апомропея, являлись символами-знаками рода и считались вме-

стилищами душ умерших. Поскольку душа – символ Божества, то и животные-тотемы нередко уравнивались с Божеством (Маковский 1996: 108).

В вышивке встречаются следующие орнаментальные мотивы: *агытан кўч* ‘петушинный коготь’; *агытан поч* ‘петушинный хвост’; *а́птән ял марГ* ‘петушиная лапка’; *а́мб́рт марГ* ‘орел’; *кайыккомбо* ‘дикий гусь’; *кайыккомбо корно* ‘млечный путь’, букв. «дорога диких гусей»; *кекырек* ‘гребешок петуха’; *комбо чапа, комбийол, комбылапа* ‘гусиная лапка’; *комбышўй тўр керыштыш (комбо шўй тўр керыштыш)* ‘шея гуся счетной гладью’; *лудо поч (лудывочтўр)* ‘утиный хвост’; *лыды яллапа марГ* ‘утиная лапка’; *орел йыр тўр* ‘вышивка с изображением орла по краю ткани’; *тумына тўр* ‘вышивка с изображением совы’; *цўввў кекб́рек марГ* ‘куриный гребешок’; *чыве йол тўр* ‘вышивка с изображением куриной лапки’ и др.

ГЛАВА III.

ОЧЕРКИ ПО НАРОДНОЙ ОРНИТОНИМИИ

Эта глава состоит из серии этноорнитонимических очерков, в которых делается попытка реконструировать образы птиц в традиционной культуре марийцев по языковым и фольклорным материалам. Выбор конкретных птиц был обусловлен их значимостью для традиционной марийской культуры и, соответственно, количеством материала. В качестве объекта каждого очерка выступает птица в единстве со сложившимся вокруг него комплексом представлений.

1. Ворона, грач, галка

Народные представления марийцев о птицах семейства вороновых, или врановых (лат. *Corvidae*) целесообразно рассматривать вместе ввиду общей или пересекающейся терминологии и схожести их образов. Из отмеченных традицией птиц к семейству относятся ворона, грач, галка: *корак* марЛ, марВ, *карак* марГ, марСЗ 'ворона, *Corvus*', *олагорак* марЛ, марВ, *лудыгарак* марГ 'серая ворона', *шемгорак* марЛ, марВ, *шимкарак* марСЗ 'грач'. Как считают исследователи, слово *корак* 'ворона' является чувашским заимствованием. По мнению М.Р. Федотова, чув. *курак* / *корак* 'грач' иногда выступает как общее название грачей и ворон, а по происхождению оно является звукоподражательным (ЭСЧЯ I: 311). Орнитонимы *олагорак* марЛ, марВ, *лудыгарак* марГ 'серая ворона, *Corvus cornix*' состоят из двух компонентов: *ола* 'пестрый',

Рис. 1. Серая ворона

Рис. 2. Грач

луды ‘серый’ + *корак / карак* ‘ворона’. В названиях *шемгорак* марЛ, марВ, *шим карак* марГ, *шимкарак* марСЗ ‘грач, *Corvus frugilegus*’ первый компонент обозначает ‘черный’: *шем / шим* + *корак / карак* ‘ворона’. Исследователи орнитонима *чана* марЛ, марВ, *цәнгә* марГ (СГЯ: 313), *цәнә* марСЗ (ССЗНМЯ: 257) ‘галка, *Corvus monedula*’ считают его чувашским заимствованием, ср. чув. *чана / чавка / чанка* ‘галка’, которое тоже является ономотопеическим (подр. см.: Васильев 1984: 85). Сходные названия есть и в финно-угорских языках: мокш., эрз. *чавка*, коми *чапкан*, *чавкан*, удм. *чана*.

Компонент *корак* ‘ворона’ встречается в ботанической терминологии: *коракйолаш* марЛ, *каракъялаш* марГ (букв. «вороньи штаны») ‘колокольчик раскидистый, *Satrapula patula*’. Марийские фитонимы, *коракшинча* марЛ, марВ, *каракишынца* марСЗ (букв. «вороний глаз») употребляется для наименования разных видов растений – василька, фиалки трехцветной, волчьих ягод, паслена.

Компонент *корак* ‘ворона’ встречается в ряде устойчивых выражений: *корак сўан*⁶³ (букв. «воронья свадьба»): «*Корак сўан – шуко корак пудырана*» [Корак сўан – вороны кружатся стайей] (МПЭ–РБ Мишк.; МПЭ–РМЭ, Звен. с. Именцы). Вероятно, большое количество ворон и их громкое карканье у марийцев ассоциируется со свадьбой. См. ниже – название обряда *корак сўан*. Мелкий град называется *коракшўраш* ‘снежная крупа, снег в виде мелких шаровидных зернышек’, букв. «воронья крупа» (СМЯ II: 440).

Рис. 3. Галка

В марийском языке обветшавшая шапка сравнивается с вороньим гнездом, скорей, из-за неаккуратности его постройки: *корак пыжашлык ути* (букв. «шапка, годная лишь на воронье гнездо»). То же наблюдение положено и в основу загадки о вороньем гнезде: «Ачык-мучык чыкмам тодыт» – «Ни так, ни сяк, а плетенка сделана» (Ибатов 1960: 172). Ср. выражение по отношению к плохо спряденной нити (мар. *тран шўдырмө шўртө*): *корак йолашлан веле йөра*, букв. «пойдет только на вороньи штаны» (Васильев 1928: 74).

При характеристике человека также нередко используется образ вороны. Про пассивного, вялого, рассеянного, невнимательного человека

⁶³ Ср. перен. *сўан* ‘гон, встреча брачующихся пар животных; гуртованье, токование (птиц)’: *янлык сўан* ‘гон зверей’; *кўдыр сўан* ‘токование тетеревов’; *пире сўан* ‘гон волков’ (СМЯ VI: 329).

говорят *малыше корак (гай)* (букв. «(как) спящая ворона») ‘зевака, ротозей’ или *омо корак* (букв. «сонная ворона») ‘ротозей’ (СМЯ II: 440), ср. рус. *сонная тетеря*. Близок ему по значению фразеологизм *малыше корак гай кошташ (кояш, лияш, т. м.)* (букв. «ходить как спящая ворона (казаться, быть)») ‘зевать, ротозейничать; быть, казаться рассеянным, невнимательным’ (Грачева 1989: 139). С беспомощностью человека связано выражение: «*Кеч шинчаж гыч корак чўнгал кайыже*» [Хоть ворона глаз выклюет] (МКМ: 122). Чтобы отметить неопрятный или неприглядный вид кого-, чего-либо используется сравнение с пугалом для вороны: *корак лўдыктышла кояш* (букв. «выглядеть как пугало для ворон»). Отметим, что ворона входит в состав фразем со значением ‘лень’. Фразеологизм *коракым лудааш (ончынташ, шотлаш)* ‘ротозейничать, бездельничать, на работе посматривать по сторонам или же быть невнимательным’ (СМЯ II: 440) имеет соответствия у других народов: рус. *считать ворон*, удм. *куака лыдьяны*, эрз. *варакат ловномс* (РЭС: 47). Данный фразеологизм встречается и в марийской пословице о работе: «*Колхоз пашаш лектын, коракым лудын огыт шого*» [Выйдя на колхозные работы, ворон не считают] (МКМ: 132). Мотив счета ворон связан, видимо, с тем, что вороны – часто встречаемые птицы, они крупные, заметные, постоянно сопровождающие человека (т. е. не пролетают стаей высоко над землей), их количество поддается счету (в отличие от других птиц, которые либо прячутся, либо обитают вдали от жилища человека, либо летят высоко большими стаями).

Словом *коракшинча* (диал., букв. «вороний глаз») называют невнимательного человека (СМЯ II: 441). Глагол *кораклаш* ‘каркать’ (о крике вороны) имеет переносное значение с негативной коннотацией по отношению к действию человека: *кораклаш* ‘каркать; говорить, произносить что-либо, вызывая раздражение кого-либо’ (Там же: 440).

Следует отметить, что все фразеологизмы с компонентом *корак* имеют отрицательную коннотацию, в том числе в пословицах: *корак корак шинчам ок шўтў* (букв. «ворона вороне глаз не выклюет») ‘люди одного круга не станут критиковать друг друга’ (СМЯ II: 440), *нердыме корак луым чўнга* (букв. «бесклювая ворона клюет кость») ‘человек хочет что-то сделать, но у него не получается’ (МКМ: 185).

Народные представления отчетливо выявляют нечистую природу птиц семейства вороновых (ворон, ворона, галка, грач). Птицы этого семейства считаются вещими у многих славянских (Гура 1995: 531) и финно-угорских народов. Так, М. Хииемяе пишет, что вороны, как грачи и серые вороны, в народных представлениях эстонцев являются вещими. По мнению исследователя, грачи предвещали несчастья скорее из-за черной окраски. По всей Эстонии известны также приметы о погоде по карканью вороны, что чаще всего связывали с дождем (Hiiemäe 1983: 313).

Финно-угорские народы ханты, манси и ненцы, наоборот, почитают ворону, и по сей день они отмечают Вороний день (хант. *Вурна хатл*, манс. *Урна-эква хотал*, ненец. *Варнэ яля*) – день прихода весны, традиционно праздновавшийся в день прилета ворон. Позднее он стал отме-

чаться 7 апреля, на Благовещение Пресвятой Богородицы, что связано с христианизацией края. Вороний день – любимый праздник обских угров и широко отмечается этими народами. Вороны прилетают в апреле и своим криком пробуждают природу. Эту птицу считают также покровительницей детей и женщин, ей посвящен особый день. У обских угров чтобы задобрить ворону, нужно было сплести гнездо из подручных материалов (травы, веток). Считалось, что чем больше люди делали гнезд, тем больше радовалась эта священная птица. У народа манси есть примета: если ворона, прилетев весной, садилась высоко на дереве, то будет много ягод в этом году. Согласно мансийской легенде, ворона была белая, жила вместе с людьми и питалась одной с ним едой. Наступил голодный год, и ворона улетела в поисках корма. Птица наклевалась нечеловеческой пищи и почернела. Когда ворона прилетела обратно, люди поняли, что она согрешила, и прогнали ее. И с тех пор ворона сама себе добывает пищу.

В легенде кировских мари о сотворении мира говорится: *«Вара корак каен коцкаш йодаш. Кораклан Юмо каласен: «Пице шенгек мом луктын кышкат, тўдө тыланет коцкаш лиеи!» Вольык кола, шорык, пи кола, корак вара цила коцкеш»* [Затем полетела ворона спросить, чем ей питаться. Бог ответил вороне: «Что будут выбрасывать за забор, тем и будешь питаться!» Корова ли сдохнет, овца или собака сдохнут, ворона с тех пор стала питаться ими] (МКО: 25). Галка тоже спросила у Бога, чем ей питаться, и Бог ответил: «Питайся глазами сдохшей скотины!» (Там же: 25).

Серая ворона – вид птиц из рода *воронов*. Туловище у нее серое, а голова, крылья и хвост черные. Клюв у нее высокий, крепкий и изогнутый по коньку вниз. Согласно одной легенде, Бог сотворил серую ворону с длинным клювом, а вальдшнепа⁶⁴ (мар. *курмызак*) – с коротким. Благодаря своему клюву ворона легко добывала пищу и хвасталась этим, а вальдшнепу приходилось тяжело, и он всегда был голодный. Поэтому он украл у вороны ее длинный клюв и спрятался. С тех пор он и живет под кустом. Текст легенды см. (Рябинский 1900: 188).

Хищность, кровожадность, разбой – характерные мотивы в представлениях о *вороне* и *вороне*. Вороны, как и сороки, ястребы, охотятся на гусят, утят, цыплят. Чтобы уберечь их от ворон, маришцы вывешивают убитую сороку или ворону во дворе. Выгоняя в первый раз весной молодняк домашней птицы из дома, произносили заклинания, некоторые при этом проводили дополнительные обряды, усиливающие магическую силу заклинания: клали лом, через который проходили домашние птицы, пропускали их через ворот рубахи. «Чтобы ворона не нападала на гусят, утят, цыплят, их пропускали через штанины или платье» (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Перед тем, как первый раз выпустить гусят из дома, восточные маришцы проводят защитный обряд, который называется *«Корак шинчам тўткем»*, букв. «Закрываю глаза вороне». Считается, что

⁶⁴ Вальдшнеп – небольшая птица семейства бекасовых с длинным прямым клювом.

после этого обряда вороны не будут видеть гусят. Обряд проводится следующим образом: «В ведре сжигают чертополох. Ношенные штаны держат над этим ведром и приговаривают: *«Корак шинчам тўткем, корак комбиге-влакым ынже уж»* [Вороне глаза закрываю, чтобы ворона не видела гусят]. Одновременно гусят пропускают через штанину (МПЭ–РБ Мишк. д. Новоключево). Кировские мари защищают выводок следующим магическим заклинанием: *«Мланде рўдым, вўд рўдым, кече рўдым кунам чўнгал кертат, тунам иже миньын комбигым, чивигым, корак, чўнгал налын керт»* [Если сможешь клонуть земную ось, водную ось, солнечную ось, только тогда, ворона, клонешь моих гусят, цыплят] (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Вечером, собирая домашних птиц в лукошко, приговаривали: *«Шке орманчедым кунам чўнгал налын кертат, тунам иже, корак, чивигым (лудигым, комбигым) чўнгал керт»* [Если выключишь свою тень, только тогда, ворона, клонешь моих цыплят (утят, гусят)] (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Гусят пропускали между ног со словами: *«Кунам ты йол гоч корак лектын кертеш, тунам иже комбигым налын кертеш»* [Когда ворона сможет пройти между ног, только тогда сможет взять гусят] (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Марийская пасхальная неделя была насыщена различными обрядами, запретами, поверьями. Как пишет Н.С. Попов, в целях защиты домашних птиц в Страстную среду «...в лесу завязывали верхушку молодой ели и произносили заговор: «Завязываю крылья и ноги хищных птиц, чтобы не нападали на моих цыплят, гусят...» (Попов 1985: 77).

Следует отметить, что у мари имеются обряды, в названии которых фигурирует компонент *ворона*. Если долго не было дождя, проводили моление на берегу речки или озера с кашей из крупы, собранной у всех жителей деревни. Эта ритуальная каша называется *корак пучымыш* (букв. «воронья каша») ⁶⁵. Она предназначалась, по поверьям марийцев, для вызывания дождя. Для обозначения этого обряда используется и другое название – *йўр пучымыш* (букв. «дождевая каша»). В локальных традициях приносили в жертву Матери воды (мар. *Вўд ава, Бўт ава*) черное животное – быка или овцу; в других микротрадициях обливали водой черных животных – овцу или курицу (подр. см. Sebeok, Ingemann 1956: 46).

У восточных марийцев, проживающих в с. Чураево Мишкинского района Республики Башкортостан, этот обряд сохранился до настоящего времени и совершается каждый год во время засухи. Он проходит следующим образом. Назначенные люди собирают продукты для каши по дворам. Взрослые варят кашу. После моления старейшина (мар. *кугырак* – главный, который проводит моление) три раза брызгает водой (по столовой ложке) на каждого присутствующего. После того, как все попробуют ритуальную кашу, начинают обливать друг друга водой, что называется

⁶⁵ Ср. обрядовый праздник у башкир «Воронья каша», который включал обряд вызывания дождя (Султангареева, Аккужина 2014: 100–103).

vūd дене чывыттен модмаш (букв. «игра с обливанием водой»). Обряд проводится у родника. Особенно нравится этот день детям, они с нетерпением ждут, когда люди придут с моления. Обливание водой может продолжаться до вечера. По словам очевидцев, к концу дня обязательно шел дождь, это подтверждает также сохранившаяся марийская примета: «*Корак пучымышым энгер воктен кочкат – йўр лиеш*» [Поешь у реки «воронью» кашу – придет дождь] (СМЯ II: 440).

Следующий обряд называется *корак сўан* (букв. «воронья свадьба»). Н.С. Попов описывает его следующим образом: «*Шыжым, пайрем пытартыш кечын, южо вере «корак сўан» манме йўла эртаралтын. Унам ужатен колтымек, пёръен-влак, ўдырамаш сывыным чиен, пёрт гыч пёртыш «корак сўаным» эртарена манын, йўын-кочкын коштыныт. Ондакше тыгай йўла родо-тукым коклаште гына вашилялтын. XIX курым мучаште «корак сўан» ялмарий калыкын ылышыжым саемдаш шонен эртареныт*» [Осенью, в последний день праздника⁶⁶, в некоторых местах проводили обряд «корак сўан» (букв. «воронья свадьба»). После того, как проводят гостей, мужчины, переодевшись в женскую одежду, ходили, пируя, из дома в дом и говорили, что отмечают «корак сўан». Раньше такой обряд совершался только в кругу родственников. В конце XIX века «корак сўан» проводился с целью улучшения жизни людей в деревне] (Попов 1985: 13).

Не совсем понятна семантика обряда, кратко описанного у уральских мари: они пекли ритуальный пирог, называемый *Корак когыльо* (пирог из грачат). Для его приготовления ловили плохо летающих грачат, разделявали и клали в пирог (Тойдыбекова 2007: 121). К сожалению, у нас больше нет данных, которые бы могли пролить свет на значение этого обрядового (?) кушанья.

Как отмечает Л.С. Тойдыбекова, ворона – вещая птица, которая часто фигурирует в обрядовом фольклоре, в сказке. Автор пишет, что «в сказке в облике *корак* появляются души злых людей. В сказке *корак* также является комическим персонажем. Она хвалится перед лисицей и орлом красотой своих детей. Они же, увидев *Корак иге*, самую безобразную из птиц, съедают ее» (Тойдыбекова 2007: 121). Марийские пословицы, как представляется, отразили эту мифологему, развернутую в сказке: *Корак шке игыжым мокта* [Ворона хвалит своего детеныша]; *Каракланат игыжы яжо* (марГ) [Вороне тоже свой детеныш хорош]; *Корак игын умшаже кугу (кутсыз) гынат, аважлан пеш поро (чевер)* [Хотя у вороненка рот большой (некрасивый), но для матери самый хороший (красивый)] (МКМ: 135). На хвастовство собеседника восточные марийцы говорят: «*Коракын умшаже кугу гынат, шке игыже шкаланже ала-мо акаш*» [Хотя у вороны рот большой, свое дитя весьма дорого] (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево). Со

⁶⁶ К сожалению, в источнике не указано название праздника, но можно предполагать, что это был осенний праздник урожая.

временем смысл пословиц упростился, и ворона (вороненок) стала символом некрасивости.

По мнению восточных мари, плохой приметой считается, если ворона летит над головой и каркает. Чтобы отвести беду, в ответ на ее карканье говорят: «*Ит акыре, шке вуетлан лийже*» [Не каркай, пусть на твою голову случится] (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково). Дурными предзнаменованиями считались раздавшиеся в момент рождения ребенка карканье вороны или вой собаки. Согласно поверью, ребенок в этом случае будет несчастлив, умрет или станет ворожеей, знахарем или колдуном (Тойдыбекова 1997: 280). Подобное представление есть у удмуртов, у которых «крик совы, филина, летяги, вой собаки или волка, стрекотание на крыше дома сороки, внезапный стук топора с улицы в момент рождения ребенка считаются чрезвычайно дурными предзнаменованиями» (Gerd 1993: 68).

В толкованиях снов ворона и галка символизируют новость: «*Корак – тора увер*» [Ворона – новости издалека] (Омэлкан 2005: 64). *Чанга – кумыл волтышо увер. Вуй ўмбалне кара – зияным шижтара* [Галка – неприятная новость. Кричит над головой – предупреждает о несчастье] (Там же: 102).

Наблюдения над поведением вороны легли в основу многих метеорологических примет. Отлет грачей – к зимнему снегу (МНП: 44). *Чанга (корак)-влак шала чоҥештылыт – кужу йўштылан* [Галки (вороны) летают врассыпную – к длительным холодам] (МНП: 55). Перед холодами вороны каркают и кружатся стаями; к морозу вороны прячут клюв под крыло или сидят, прижавшись к стволу дерева; перед морозами галки-вороны сидят на верхушках деревьев: *Корак пушенге вуйышто кара гын, поранан мардеж лиеш* [Каркают вороны на вершинах деревьев – будет буря с ветром] (МНП: 71), *Корак ўлыл укилаш шылеш – мардеж тарвана* [Ворона прячется в нижних ветках – к ветрам] (Там же: 72). Ворона каркает, повернувшись на север – к холодам и, наоборот, ворона кричит, повернувшись на юг – обещает теплую погоду (Там же: 55, 64). О предстоящем потеплении можно узнать по следующим приметам: *Корак-влак лумыш шинчыт гын, леве лиеш* [Если вороны садятся на снег, потеплеет] (Там же: 64); *Шошым эрден корак йўштылеш гын, кече шокишо лиеш* [Весенним утром вороны купаются – погода будет теплая] (Евсеев 1994: 62).

Согласно мари́йским приметам, грачи являются предвестниками весны. Прилет грачей до Евдокии или в феврале – к ранней весне (МНП: 76). Если грачи садятся на дорогу, скоро придет весна, сойдет снег (Sebeok, Ingemann 1956: 199). Считается, что после прилета грачей снег лежит месяц; через месяц после прилета грачей можно выезжать на телеге (МНП: 79); *Шем корак толын, лум вашке кая* [Грачи прилетели – скоро сойдет снег] (Веке III: 97).

Таяние снега и весеннее половодье предвещают следующие приметы: *Шошым шемкорак корныш терыс кочкаш вола – лум вашке тарвана* [Грачи садятся на дорогу клевать навоз – вскоре тронется снег] (МНП: 83–84); *Чанга вигак пыжашышыкыже чоҥештен шинчеш гын, шошым лум ке-*

нета кая [Если галки сразу садятся в гнездовья, то быстро сойдет снег] (Евсеев 1994: 62). Если грачи сразу садятся в гнездовья – половодье будет дружное (МНП: 83). Согласно приметам, после прилета галок (или грачей) через месяц сойдет снег (Евсеев 1994: 62; Васильев 1918а: 53). Если весной купаются грачи, серые вороны – потеплеет] (МНП: 89, 91). По народным представлениям, *Овдоким кечылан корно лакыште кораклан ситыше вудым муаш лиеш* [В день Евдокии уже достаточно воды для вороны в дорожных ямах] (Евсеев 1994: 61).

В следующих приметах птицы семейства вороновых выступают предвестниками дождя: если протяжно закаркали вороны – погода ухудшится (МНП: 152); ворона каркает сидя на земле – будет дождь (Sebeok, Ingemann 1956: 199); серая ворона каркает навстречу ветру – жди дождя (МНП: 121); *Эрден эрак корак магыра гын, йўр лиеш* [Рано утром каркают вороны – будет дождь] (Евсеев 1994: 63). По народным представлениям, если два грача клюются друг с другом (Евсеев 1994: 60) или грачи гуляют в стаде овец, то будет дождь (МНП: 121). Согласно примете новоторьяльских марийцев, если ворона каркает на верхушке дерева, то будет дождь (Веке III: 74). Примета уржумских мари гласит: *Кораклак пеш кычкырлат, йўр лиеш ала-мо, маныт* [Говорят, вороны громко каркают – видимо, будет дождь] (Там же: 428).

Есть и приметы, предвещающие ясную погоду: *Чанга тўшка кастене погынен кычкыркала – ояр игече лиеш* [Если стая галок кричит вечером – будет хорошая погода]; *Ояр ваиеш чанга, корак нушенге вуйышто иктын-иктын шинчат* [К ясной погоде галки и вороны сидят на вершинах деревьев поодиночке] (МНП: 164).

Другие марийские приметы связаны со сроками сева, будущим урожаем. Прилет грачей предвещает хорошее время для посева ржи: *Шем-корак толын, уржа вўдаш жап* [Прилетели грачи – время сеять рожь] (Веке III: 442). Считается, что если до начала сева вороны расхаживают по пашне дружными стайками, рожь нужно сеять часто (МНП: 222), ср. с другой приметой, согласно которой рожь нужно сеять часто, если до начала сева вороны (грачи) летают большими стаями (Sebeok, Ingemann 1956: 199). Согласно примете, если весной на пашню садятся галки и грачи – уродится добрый хлеб (МНП: 191). *Шошым, ага топланымэкэ, куралаш пэрвой тўналмэк, корак, чанга каш ўмбак шинчыт гын, шурно сай ліэш; шогэртэн да ужар вўрльанге шинчыт гын, киндым итат-ўддө* [Если весной, после того, как земля подсохнет, на первую пашню садятся вороны, галки, то хлеба будут хорошие; если садятся сорока и зеленая трясогузка, то зерно можно и не сеять] (Васильев 1918б: 55). С недобрый предвестьем связана следующая примета: *Шудо ыштымэ годым корак-влак покос (рїд) коклаштэ коштыт гын, шудо шэмэ ліэш* [Если во время сенокоса вороны ходят между покосами, то сено почернеет] (Васильев 1918а: 54).

Хтоническая символика вороны проявляется в примете кировских мари: *Корак окнам пудыртен пура – колышо лиеш* [Ворона, разбив окно, залетит в дом – к покойнику] (МПЭ–КО Кильм. д. Малая Кильмезь).

Согласно марийским табу, нельзя бросать на улице вычесанные волосы: *Ўным кышкаш ок йӱрӱ – корак пыжааш ышташ кучылтеи, вара вует коршта* [Нельзя раскидывать волосы – ворона использует для постройки гнезда и разболится голова] – ср. то же в восточнославянских приметах. *Эрденак мураш ок йӱрӱ – вуетым корак чӱнга* [Нельзя петь с утра – ворона голову исключает].

По мнению Г.И. Соловьевой, тот факт, что ворона у марийцев считалась вещей птицей, отразился в мотивах вышивки, ср.: *корак йол вачӱмбал тӱр* ‘лапка вороны’ на наплечной части женской рубахи, *корак йол рӱдӱ* ‘лапка вороны’, *корак йол темыш* ‘заполнение «косой стежкой» черной ниткой мотивом лапка вороны’, *корак йол цара тӱр* ‘перепонка лапки вороны’. Наплечная вышивка (розетка) называется *вачыгорак*, букв. «ворона на плече». Вид вышивки, черные нитки: черные или иссиня-черные – получили название *корак шӱртӱ* ‘пряжа цвета вороны’ (Соловьева 2002: 16–17), ср. рус. *цвета воронова крыла*.

В представлениях марийцев ворона является вещей, опасной птицей. Образы грача и галки, которые в основном встречаются в приметах о погоде, в народной традиции мари разработаны не так подробно. Как можно видеть из приведенных материалов, образ вороны оставил яркий след в марийской народной культуре. В марийских представлениях об этой птице, помимо стереотипа зловещей птицы, ворона становится и предметом иронично-пренебрежительного отношения (в сказках, пословицах). Все это вместе обусловило тот факт, что птицы семейства врановых не являются яркими символами в песенной лирике мари.

2. Вóрон

Орнитонимом *курныж* в марийском языке обозначают две разные птицы, относящиеся к разным семействам: 1. коршун (лат. *Milvinae*) – хищная птица семейства ястребиных, с длинными крыльями и загнутым клювом; 2. вóрон (*Corvus corax*) – птица семейства врановых, с блестящим черным оперением. Сравните названия *шем курныж* ‘черный коршун’ и *шем курныж* ‘черный вóрон’ (СМЯ III: 156), *курныж* марСЗ

Рис. 4. Вóрон

‘ворон, черный коршун’ (ССЗНМЯ: 92), *курныж* марЛ, марВ, марГ, *курмыж* марГ, *курмуж* (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы), *кужнуур* (МПЭ–РБ Мишк. д. Каргино), *курнууж* (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково) ‘ворон’. По мнению исследователей, слово *курныж* звукоподражательного происхождения и имеет соответствия во многих финно-угорских языках: фин. *kaarne* ‘ворон’, коми *кырныш* ‘ворон’, удм. *кырныж* ‘ворон’, эрз. *кренч* ‘ворон’, мокш. *кранч* ‘ворон’ и др. (подр. см. Васильев 1984: 43; UEW: 228–229; EWT: 91–92).

Курныж ‘коршун’, ‘ворон’ – символ горя и смерти (СМЯ III: 156). Об этом свидетельствует также марийская примета: *Оралте ўмбак курныж толын кычкыра гын, эмгак лиеш* [Если во дворе (прилетев) кричит ворон, то будет несчастье] (СМЯ X: 82). С пожеланием смерти связан фразеологизм с компонентом-орнитонимом *курныж*: *курныж шинчатым (шинчадам) чўнгыжжӧ* (букв. «пусть коршун выклюет твои (ваши) глаза») (СМЯ III: 156). Выражение *курныж тўшка (кашак)* (букв. «воронье») (СМЯ III: 156) используется по отношению к кровожадным, алчным людям. Обращает на себя внимание образованный от орнитонима глагол *курныжланаш* (СМЯ III: 156) в значении хищничать, вести себя как коршун, ворон.

Ворон – вестник различных несчастий. Недобрым знаком считается, если просто увидишь ворона. Чтобы отвратить несчастье, восточные марийцы вслед этой птице говорят: «*Шке корнет дене кай!*» [Иди своей дорогой!] или «*Шке вуетлан лийже!*» [Пусть будет на твою голову!] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Чебыково, Бикшиково); «*Шке авадын мелнажым кочкаш кай, тыште ен вуйым кочкаш тӧчен ит кошт*» [Иди есть блины к своей матери, не ищи здесь клевать головы людей] (МПЭ–РБ Мишк. д. Каргино). Кировские марийцы, увидев ворона, произносят следующее: «*Шканетшак лийже!*» [Пусть будет тебе самому!] (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково); «*Шке корнет дене кай, шкет декет осалжым ушешет нангай!*» [Иди своей дорогой, уноси плохое в своих мыслях с собой!]; «*Курныж – ашакан кишке, шке вуетлан толжо, кушко кает – тушаканак лий*» [Ворон – гадкая змея, пусть случится на твою голову, оставайся там, куда летишь] (МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино). У кировских мари встречается такой вариант обращения к ворону: «*Пошышто ош алаша, шем алаша, йошкар алаша уло. Кае да нуным коч, мемнан вуйым ит логал*» [На поле есть белый мерин, черный мерин, красный мерин. Иди и ешь их, нашу голову не трогай] (МПЭ–КО Кильм. д. Таутово). Пожелание: «*Умиашет ўй лийже!*» [В рот тебе масло!] (МПЭ–РБ Мишк. д. Сосновка; МПЭ–РМЭ Звен. д. Янашбеляк) имеет соответствие и у удмуртов. Когда ворон начинает парить поблизости и закаркает, удмурты обращаются к нему со словами: «*Умад чыштэм вӧй, сюресыд огпалан мед луоз!*» [Тебе в рот топленое масло, чтоб твоя дорога была прочь / в стороне!] Или же в подобных случаях говорят ворону: «*Сюзд куасьмиз-а? Умад чыштэм вӧй!*» [Хочешь пить / воды? В рот тебе топленое масло!]; «*Умад чыштэм вӧй! Ас зырад мед луоз!*» [В рот топленое масло! Чтоб / пусть тебе самому суждено будет (т. е. суждено будет умереть)!] Такое пожелание ворону

ассоциируется с практикой обряжения умершего: в прошлом «усопшему в рот клали масло» (Хольмберг 2010: 55).

Марийцы обращали внимание на направление полета этой птицы: *Курныж эрвельши чогешта гын, сайым ойла, касвельши кая гын, осалым ойла* [Если ворон летит в восточную сторону – к добру, если движется в западном направлении – к несчастью] (МПЭ–РМЭ: Н.С. Попов, устная беседа, 2012).

Одна из основных характеристик этой птицы – ее ярко выраженная хтоническая природа. Как отмечает В.П. Клиндер, «для наивного воображения свет и жизнь, мрак и смерть – представления соприкасающиеся, почти синонимы: все темное, черное вызывает в душе мысль о смерти» (Клиндер 1911: 61). У разных народов, как у славянских, так и финно-угорских, ворон символизирует смерть. Чтобы обмануть опасную птицу, в эстонском языке возникли эвфемистические названия для ворона: *valgelind, ilus lind, hea lind* ‘ворон’, букв. «белая, красивая, хорошая птица». Как отмечает М. Мягер, в общем, эвфемистические названия многочисленны в эстонском языке и часто преднамеренно не соответствуют действительности (Mägep 1958: 293; 1967: 215). Широко распространена примета у марийцев о том, что если ворон или два ворона кружат над деревней или над крышей дома – значит, кто-то в деревне или в том доме скоро умрет. *Шем курныж ял умбачын кычкырен эрта гын, иктаж колышо ялыште лиеш, маньт* [Если черный ворон летит, крича, над деревней, то, говорят, кто-то умрет в деревне] (Sebeok, Ingeman 1961: 60). *Курмуж кычкыра гын ялыште, колышо лиеш* [Ворон кричит в деревне – будет покойник], *Курнуж ял воктен, пакча воктен кычкыра – колышо лиеш* [Ворон кричит рядом с деревней, огородом – будет покойник] (МПЭ–РМЭ Звен. сс. Исменцы, Кужмара). Подобные приметы в разных вариациях имеются и у мишкинских мари (МПЭ–РБ Мишк. дд. Каргино, Букленды).

В микротрадициях примета приобретает определенные дополнения, конкретизируется в зависимости от того, откуда слышен голос ворона и в какую сторону распространяется, от места карканья и степени близости к жилью, их адресата. *Курныж куэрышке толын мура гын, ялыште колышо лектеш але вольык кола. Курныж пёртвак толын мура гын, тиде пёртыштö колишо лектеш, вўтавак толын шинчын мура гын, вольык кола иктаже* [Ворон кричит, прилетев в березовую рощу – будет покойник в деревне или скотина падет. Если ворон кричит, прилетев на крышу дома, то в этом доме будет покойник, если кричит, прилетев на крышу хлева, то скотина падет] (Веке III: 78). Следующий рассказ респондента свидетельствует о неслучайности прилета и карканья ворона: «Вообще очень редко ворон может прилететь и сесть на крышу и каркнуть. Ворон предвещает смерть. Одна женщина увидела, что два ворона прилетели и сели на крышу дома. Через какое-то время ее муж и его друг отравились спиртом. Увезли их в больницу, оба умерли. Один умер сразу, другой – во второй день. Вот ведь, два ворона сели на крышу» (МПЭ–КО Кильм. д. Таутово). Приметы восточных мари говорят:

Курныж ял ѳмбач ѳѳд ѳымал могоырышко кычкырен чоґешта гын, ялыште колышо лиеш [Если, крича над деревней, вѳрон летит в сторону севера, то к покойнику в деревне] (Веке IV: 164). *Аул ѳырыште курнужгорак кычкыра гын, колишо лектеш* [Если вѳрон кричит рядом с деревней, то к покойнику] (Там же: 376). Если в деревне вѳрон летит по направлению с севера на юг, то умрет женщина. Если же летит с запада на восток – мужчина (МПЭ–РБ Мишк. д. Букленды). *Курныж ял ѳмбалне чоґешта гын, колышо лиеш. Ик курныж кычкырен чоґешта – пардыме ен кола, кок курныж чоґештылеш – паран ен кола* [Вѳрон летает над деревней – к покойнику. Каркая, летает один вѳрон – умрет одинокий человек (без пары); два вѳрона летает – умрет человек, имеющий пару] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Каргино, Сосновка). Считается, что если вѳрон кричит над деревней, покойник будет в этой деревне, если рядом с деревней слышен крик этой птицы, то умершего привезут хоронить издалека (МПЭ–РБ Мишк. д. Сосновка). *Крон-крон шонго ѳѳкан курныж кычкыра – шонго ен кола. Вичкыж ѳѳк дене курныж кычкыра – рвезе ен кола* [«Кронг-кронг» – старым голосом кричит вѳрон – умрет старый человек. Тонким голосом кричит вѳрон – умрет молодой] (Там же). Согласно примете уржумских марийцев, если вѳрон прилетит во двор и кричит, это к покойнику в семье: *Курныж кудывечыш толын кычкыра гын, ешыште кѳ-гынат кола* [Если вѳрон, прилетев во двор, кричит, то кто-то умрет из этой семьи] (Wichmann 1953: 31). Если вѳрон кричит, летя над домом, то предвещает несчастье этому дому (Sebeok, Ingemann 1956: 200).

Как явствует из вышеперечисленных примет, вѳрон предвещает несчастье, смерть, своим криком наводит страх на людей. Опасение породило у марийцев запрет изображать крик вѳрона, иначе эта птица пожалуется волку, и он нападет на корову (Веке I: 401). Согласно рассказу респондента из Башкирии, пастух разрушил гнездо и убил маленьких воронят. Вскоре этот человек умер недоброй смертью на этом же месте. Местные жители объясняют произошедшее тем, что вѳроны вещице, злопамятные и могут наказать (МПЭ–РБ Мишк. д. Октябрь).

Со зловещей природой этой птицы связано представление марийцев о том, что колдуны могут превращаться в черного вѳрона (МПЭ–КО Кильм. д. Малая Кильмезь). Как отмечает К.Г. Юадаров, *Ял ѳмбач коштишо керемет*⁶⁷ может явиться в образе птицы, обычно как вѳрон, который облетает селения и осматривает, где можно проявить свои способности – навредить (Юадаров 1999: 16).

⁶⁷ *Керемет* так же, как и сатана у христиан, имеет божественное начало. Если *Сатана* – падший ангел, то *Керемет* – младший брат Юмо, ставший олицетворением зла. Он послан на землю Всевышним за свои пригрешения: Керемет хотел жениться на дочери Бога, от зависти убил его усыновленного зятя-человека и сбросил на землю, за что и был наказан Всевышним – тоже сослан вниз. С тех пор злой Керемет бродит по земле и вредит людям, требуя от человека все новые и новые жертвы (Юадаров 1999: 16).

По представлениям мариЙцев, голосом вóрона может кричать *лесак*⁶⁸ (< рус. *лешак*), *овда*⁶⁹, обитающие в лесу. Считалось, если человек слышит голос *лесака*, то это предвещало смерть ему или жене или же сулило падеж скота (Sebeok, Ingemann 1956: 84–85). Овда своим голосом пугала людей, проводивших ночь в лесу (Там же: 87).

МариЙцы верят, что человек станет колдуном, если съест желчь вóрона: *Курныж шекишым кочкат гын, мужедше лият* [Если съешь желчь вóрона, то станешь ворожеей] (МПЭ–РМЭ: Н. С. Попов, устная беседа, 2012). Для сравнения: по народным представлениям украинцев, человек, съевший сердце или мясо вóрона, станет вором (Гура 1997: 535). В Исландии верили, что, если человек носит под своим языком язык коршуна, то он начнет понимать язык птиц (Martin 1993: 85). У уржумских русских существовало поверье: если съешь ворону (по другой записи, видимо, ошибочно – корову) – все языки узнаешь (Магницкий 1883: 9). Черная окраска и неприятный голос вóрона получили символическую нагрузку: эта птица является вестницей смерти для людей и скота.

3. Сорока

Шогертен марЛ, марВ, *шагыр-тем* марГ, *шагыртен* марСЗ ‘сорока, *Pica pica*’ – птица семейства врановых из рода сорок. МариЙское название сороки является ономастопозитическим, ср. звукоподражательный глагол *шогыртаташ* (СМЯ IX: 181), *шыгыртылаш* (Там же: 452) ‘стрекотать; издавать стрекот’; звукоподражательное слово *шогырдик* (Там же: 181), *шыгырдик-шыгырдик* – подражательное стрекотанию сороки (Там же: 448). В народном названии сороки *муно вор* (букв. «воряиц») эксплицируется мотив воровства и грабежа (МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Чебыково). Это связано с тем, что сорока нередко ворует яйца из птичника. Мотив воровства сороки встречается и в других народных культурах. Так, в сказке «Тысяча и одна ночь» сорока украла ожерелье королевы (Martin 1993: 115). В народных представлениях славян

Рис. 5. Сорока

⁶⁸ *Лесак* – лесной дух огромных размеров (Sebeok, Ingemann 1956: 84).

⁶⁹ *Овда* – мифическое существо женского пола с длинными волосами и большими грудями (СМЯ IV: 256) (по данным Т.А. Себеока, Ф.Й. Ингеманна, может быть мужского пола (Sebeok, Ingemann 1956: 86).

сорока – нечистая птица, ее связывают с вороной, ястребом, коршуном, которым присуща общая зловещая символика (СД V: 127).

Сороку используют в магических целях: убитую птицу вывешивают в качестве оберега домашней птицы и отпугивания хищных. Если сорока повадилась таскать куриные яйца, то для отпугивания вывешивают мертвую сороку (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Аналогичные действия существуют и у славян.

Сорока символизирует болтуна, сплетника / сплетницу или же легкомысленного, ветреного, не имеющего твердых моральных принципов человека (СМЯ IX: 178). Отметим следующие диалектные фразеологизмы, в которых болтливый человек ассоциируется с сорокой: *шогертен гай шалаумша* ‘болтливый человек, сплетник’; *шогертен гай кошташ* (букв. «ходить как сорока») ‘о человеке, который распространяет сплетни’ (МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково); марГ *шагыртем гай саслаш* (букв. «кричать как сорока») ‘сплетничать’ (МПЭ–РМЭ Горномар. д. Цыганово). Сравнение болтливой женщины с сорокой имеется и во многих других культурах, мотив прослеживается даже в легенде такой отдаленной культуры, как индейцы Шаста (англ. *Shasta Indian*), живущих в Калифорнии (подр. см. Martin 1993: 115–116).

Есть множество фразеологизмов, в которых стрекотание сороки символизирует болтливость: *шогертенла тототлаш* (букв. «стрекотать как сорока») ‘тараторить, болтать без умолку, пустословить’ (СМЯ VII: 176); *шогыртен гай шодырдаташ / лотыртаташ* (букв. «стрекотать как сорока») (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково) и *шогертенла кочыртаташ* (букв. «трещать как сорока») (СМЯ III: 19) ‘говорить без умолку’. Охотники не любят сорок, потому что сорока неотступно следует за охотником и все время кричит (МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково). Сорока таким образом подает сигнал опасности, и ее сорочий язык понимают все птицы и звери.

По представлениям марийцев, сорока считается «лживой» птицей. В марийском фольклоре сорока – легкомысленная сплетница, которой никто не верит, например, в «Сказании о Кокше-патыре» (СЛМНС: 36–40). Марийская пословица также подтверждает это представление: *Шогертен кутырчык, да вуйжо ангыра* [Сорока болтливая, да голова глупая] (МКМ: 288). Фразеологизм *шогертен поч* (букв. «сорочий хвост») ‘вертихвостка’ употребляется по отношению к легкомысленному, ветреному, непостоянному человеку (СМЯ IX: 178).

Другой пословицей, которая была актуальной в 20-х годах прошлого века среди восточных мари, высмеивали черты характера известных военачальников: *«Колчак ден Деникин – курчак ден шогертен»* [Колчак и Деникин – кукла и сорока] (МКМ: 132).

В следующем диалектном фразеологизме зафиксировано представление марийцев о том, что сорока собирает все подряд: *шогертен гай погаш* (букв. «собирать как сорока») ‘любить блестящее, сверкающее’ (МПЭ–РМЭ Кужен. д. Юшут). По мнению Дж. Тресиддера, любовь сороки к блестящим предметам стала причиной появления традиции

в Китае, согласно которой супруги, находящиеся в разлуке, разбивали зеркало и хранили его половинки. «Если один из них изменял другому, то его кусок зеркала превращался в сороку и спешил сообщить обманутому супругу эту новость» (Тресиддер 2001: 354). По представлениям восточных марийцев, сорока злопамятна, поэтому нельзя разорять ее гнездо. В отместку сорока может принести в усадьбу горящий уголек или что-нибудь блестящее, что будет нагреваться на солнце, в результате чего может случиться пожар (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково).

В марийских загадках подмечается броский внешний вид сороки или же она загадывается как гость: «*Лум деч ошо, шўч деч шеме*» [Белее снега, чернее сажи], «*Нерже деч почшо кужу*» [Хвост длиннее носа], «*Унала толеш да вара вуйыш шинчеш*» [Придет в гости да садится на конец жерди] (МНЗ: 155, 156).

Символика гостя присутствует и в марийских приметах, где крик сороки предсказывает прибытие гостей или получение известия, а иногда оба толкования совмещаются: приход кого-либо в дом с новостью (например, соседа). Сорока прилетела во двор – к вестям (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). *Шогертен оралтыш толеш – уна толеш, письма толеш* [Сорока прилетит во двор – придет гость, письмо] (МПЭ–КО Кильм. д. Малиновка). *Шогьртен капка вуйышто кычкыра гын, уна толеш* [Если сорока стрекочет на воротах, то придет гость] (Веке IV: 350). Сорока на дереве у дома стрекочет – придет гость (МПЭ–РБ Мишк. д. Каргино; МПЭ–КО Кильм. д. Таутово). *Шогертен толеш гын, шоя толеш* [Если прилетит сорока, кто-то придет побеседовать] (МПЭ–РМЭ Волж. д. Березники). Сорочий крик толкуется как знак прибытия гостей: *Шогертен, пёрт вуйышко толын, чыгак-чыгак малдалеш гын, уна толеш маньт* [Говорят, если сорока, прилетев и сев на крышу дома, стрекочет (букв. «скажет чыгак-чыгак», где последнее является звукоподражательным словом стрекотания сороки), то придет гость] (Васильев 1928: 249). Получение известия, сообщения мотивировано «говорливостью», «болтливостью» сороки. Такая примета широко известна у славян и других народов и носит нейтральный характер (Гура 1997: 562). К примеру, сорока у порога скачет, это значит: будут нежданные гости (Даль 1994: 104).

Следующая марийская примета связана с предсказанием погоды: *Шогертен леваш йымаке пура – поран лиеш* [Сорока залетает под навес – к метели] (СМЯ IX: 178). В сновидении сорока предвещает лживую весть: *Шогертен – шоя шомак* [Сорока – лживая весть] (Омэлкан 2005: 106).

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что сорока – довольно яркий, но в целом отрицательный персонаж в марийском традиционном мировоззрении. Образ сороки связывается со сплетнями, с лживостью и непостоянством. Стрекотание сороки вблизи дома символизировало приход гостей, новости. Однако приметы с участием сороки имеют преимущественно нейтральную окраску.

4. Сова

На территории Волго-Камья встречается 12 видов сов. В марийском языке *тумна* марЛ, марВ (*тымана* марГ, *тумана* марСЗ) – это скорее не название конкретного вида птицы, а общее родовое название птиц семейства совиных. По мнению биолога, автора словаря биологических терминов Х.Ф. Балдаева, сова – обычное название неясыти (птица сем. настоящих сов) (МРСБТ: 202): «...к птицам с названием *сова* относят длиннохвостую неясыть, серую неясыть, другие совы имеют и видовые названия» (Там же: 210). Согласно исследователю орнитологической лексики В.Н. Васильеву, заимствованным из чувашского языка словом *тумна* обозначаются все виды сов, кроме филина (мар. *ўнгѳѳ*) (Васильев 1984: 68–69). В марийско-русском словаре биологических терминов Х.Ф. Балдаева отмечены следующие орнитонимы сем. совиных:

Рис. 6. Ушастая сова

орнитонимы сем. совиных: *оштумна*, *ош тымана* марГ ‘белая сова’; *олыктумна*, *алык тымана* марГ ‘болотная сова’; *сурдумна* ‘серая неясыть’; *чалдумна* ‘длиннохвостая неясыть’; *овопчо*, *пардаштумна*, *пырташтымана* марГ ‘мохноногий сыч’; *иўшкандумна*, *ишикыштымана* марГ ‘сплюшка, или обыкновенная совка’; *кайыктумна*, *изи тымана* марГ ‘воробьиный сыч’; *пыльшан тумна*, *пѳлѳишѳн тымана* марГ ‘ушастая сова’; *ўнгѳѳ* ‘филин’, *кукула тымана* марГ ‘ястребиная сова’ (МРСБТ: 202–203, 210).

Сова – хищная птица семейства совиных, ведущая ночной образ жизни. Днем эта птица спит, в связи с этим о человеке, который любит долго спать по утрам, марийцы говорят: *малыше тумна* (букв. «спящая сова»), *тумна гай малаш* (букв. «спать как сова») (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково, с. Чураево, д. Новониколаевка; МПЭ–РМЭ Звен. с. Иسمенцы; Кужен. д. Юшут) и просто называют его «совой» (МПЭ–РБ Татыш. д. Башкия; Шаран. с. Акбарисово). Подобные представления имеются и у русских: совой именуют человека, у которого пик активности приходится на вечер и ночь (БТСРЯ: 1225).

Неподвижность совы в дневное время легла в основу устойчивого выражения *тумнала тўнгаш* ‘оцепенеть, как сова’, ср. тж. *тымнала сѳинзѳм кѳрен ишѳнзѳш* ‘сидеть, вытаращив глаза, как сова’ (СГЯ: 285). Фиксируются устойчивые выражения: *тумна гай ишинчаш* (букв. «сидеть как сова») ‘сидеть неподвижно’ (МПЭ–РБ Мишк. д. Тынбаево; Красн. д. Нижняя Татъя; МПЭ–РМЭ Горн. д. Цыганово); *иўшкантумна гай*

шинчаш (букв. «сидеть как совка-сплюшка») ‘сидеть без дела, без движения’: *Шинчышым иушкантумна гай, мален шым керт* [Сидела как совка-сплюшка, не мог(ла) спать] (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково).

В представлениях марийцев с совой ассоциируются также негативные качества человека, например, глупость, нелепость, безрассудность, ср.: *тумна*, перен. ‘недотепа, растяпа, бестолочь, слепец’ (СМЯ VII: 254). В марийской сказке «Тумна ден рывыж» («Сова и лиса») (МЙ: 239–240) высмеивается глупость, безрассудность, несообразительность совы. Мотив глупости выражается и во фразеологизмах: *ангыра тумна* (букв. «глупая сова») ‘глупый’ (МПЭ–РБ Калт. д. Василово; Мишк. д. Тынбаево), *тумна гай шинчылташ* (букв. «сидеть как сова») ‘о глупом, бестолковом человеке’ (МПЭ–РМЭ Мари-Тур. д. Сардаял), *тумна вуй* (букв. «совиная голова») ‘глупый, забывчивый’ (МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы; Кужен. д. Мари-Шои; Мари-Тур. д. Сардаял; Новотор. д. Кузнецы), *тумна гай улат* (букв. «ты как сова») ‘глупый’ (МПЭ–РМЭ Параньг. д. Мари-Ляжмарь). Эти примеры отчетливо показывают, что при определении некоторых качеств человека образ совы способствует раскрытию отрицательных черт, хотя в традициях многих народов сова символизирует мудрость. Марийские же фразеологизмы содержат резко отрицательную оценку, имеющую презрительный и оскорбительный оттенок, и характеризует этим именем человека глупого, тупого, который не способен совершать расчетливые, правильные поступки.

Не будет излишним рассмотреть подобные представления и у соседствующих народов. Например, в чувашской языковой картине мира сова также символизирует глупость. Переносные значения чувашского слова: 1) глупый, бестолковый человек, невежа; 2) вялый, медлительный, непроворный человек, разиня; 3) соня, т. е. любящий долго спать (Борисова 2012: 23). Возможно, символику совы марийцы переняли у чувашей вместе с самим названием птицы. Аналогичная символика совы встречается также в татарском и башкирском языках: слово *томана* употребляется в значении ‘глупый, бестолковый, тупица, невежда’ (ЭСЧЯ II: 191).

Слабый самогон – спиртной напиток, изготавливаемый в домашних условиях, называется *тумна вуд* (Вершинин 2011: 592), букв. «совиная вода», ср. с чув. жарг. *тймана шурпи* ‘самогон’ (Ашмарин 2000: 267). Вероятно, такое название связано с некачественностью и некрепкостью алкоголя. Ср. мотивы и способы номинации жидкого супа и некрепкого чая в русском языке (Березович, Осипова 2014: 218–239).

Совы имеют физиологическую особенность: могут поворачивать голову почти на 270 градусов. Другие животные, как и человек не способны выполнять такой поворот. Очевидно, эта отличительная особенность совы легла в основу названия шейного позвонка человека, участвующего во вращательных движениях головы: *тыманалу* марГ (букв. «совиная кость») ‘шейный позвонок’ (СГЯ: 285), ‘второй шейный позвонок, эпистрофей’ (СМЯ VII: 397; МРСБТ: 210). Ср. чув. *тймана шймми* ‘шейный позвонок’ (Ашмарин 2000: 267).

Совиные аллюзии можно найти и в других номинациях у марийцев. Например, внешнее сходство с сидящей совой находит отражение в наименовании гриба-сморчка. Сморчок имеет желто-коричневую окраску и морщинистую яйцевидную форму. Цвет шляпки меняется по мере созревания гриба и становится коричневым. Вероятно, это сходство по цвету и форме послужило основанием для метафорического наименования *тыманавонгы* марГ (букв. «сова-гриб») ‘сморчок’ (СМЯ VII: 397; СГЯ: 285). Ночной образ жизни совы отражен в горномарийском наименовании ночного вида бабочки *тымана лйпй* марГ ‘совка’ (СГЯ: 285), букв. «совиная бабочка». Насекомое и внешне похоже на сову своим мохнатым тельцем. Исследовательница русской энтомологической лексики Ю.А. Кривошапова происхождение лексемы *совка* также связывает с ночным (как у сов) образом жизни этих насекомых и с их темной «совиной» окраской (Кривошапова 2007: 74).

Мотив совы встречается также и в марийской вышивке; этот узор с изображением совы называется *тумына тур* (Соловьева 2002: 22).

По представлениям марийцев, Бог предопределил каждой твари ее судьбу и назначение. Сова жаловалась, что ей недостаточно одной птицы в день для пропитания, и что у нее мерзнет голова. Тогда Бог велел ей охотиться и ночью, а на голову дал пуховую шапку. С тех пор сова стала видеть и в темноте, а днем сидит в тепле, засунув клюв в свой пух (МКО: 25).

В этиологической легенде моркинских мари о том, как сова сохранила способность птиц летать, прослеживается мотив хитрости совы. Сова боялась признаться перед другими птицами, что не видит днем; она постоянно опаздывала на собрания, устраиваемые Богом. Свое опоздание она объясняла тем, что занималась важными делами. Текст легенды см. (ТМО: 42–44).

По мнению В.М. Васильева, названия деревень, связанные с именами некоторых животных и птиц, наталкивают на предположение об их тотемическом происхождении. Им записано предание, связанное с названием деревни *Тумна* (оф. Сусады-Эбелак, Янаульский р-он, Респ. Башкортостан) < мар. *тумна* ‘сова’. Раз в год все женатые мужчины только с женами, без других членов семьи, собирались в одном доме, где из рубленого мяса совы стряпали пирожки⁷⁰ и ели после соответствующего моления, устраиваемого перед столом. Здесь можно только допустить предположение, что сова в отдаленном прошлом почиталась как хранитель семей-

⁷⁰ Вопрос об использовании птиц в обрядовой пище следовало бы изучить отдельно, чтобы правильно истолковать семантику этих обрядов, назначение пирогов, причины использования конкретной птицы. Здесь можно привлечь к анализу упоминавшийся выше пример Л. Тойдыбековой о ритуальном пироге с мясом молодых грачат у уральских мари, который назывался *Корак когыльо*; к сожалению, без более подробных сведений (Тойдыбекова 2007: 121). К этой группе, видимо, принадлежит некогда распространенный обычай у русских печь воробьев (Гура 1997: 588) и вятский обряд «троецыплатница» (см. Зеленин 1994: 105–150), и др.

ного очага и благополучия семьи. Известно также, что сова, несмотря на то, что она является хищником, никогда не истреблялась марийцами (Васильев 1949: 15).

По мнению С.Я. Черных, среди горных мари, в отличие от луговых, в прошлом культ совы как священной птицы получил широкое распространение. Это доказывает серия антропонимов, бытовавших одновременно во многих селах: *Томана, Томанай, Томонка, Тomyна, Тумана, Туманай, Тумянь*⁷¹ (Черных 1995: 13).

Сова – символ не только семейного благополучия, но и хорошего приплода скота. Сову, иногда другую лесную птицу, иногда курицу использовали в обряде для увеличения приплода овец. В обряде, проводимом в овчарне, участвовали хозяева дома, приглашенные для участия в церемонии дети, изображавшие ягнят. Хозяин приносил в хлев сову и отдавал жене, после этого он зажигал огонь, вокруг которого хозяйка и дети обходили трижды. Затем сову варили и вместе съедали. Хозяева обращались к божествам, производителям овец, с просьбой увеличения приплода. Остатки совы бросали на крышу овчарни. Этот обряд проводился поздней осенью (Sebeok, Ingemann 1956: 153). Согласно материалам В.А. Акцорина, подобный обряд для увеличения приплода овец проводили во время праздника Шорыкйол (рус. *Рождество*) – хозяйка варила сову в хлеве и приглашала к себе детей-ряженных. Дети накидывали на себя овечью шкуру, в хлеве кружились вокруг огня, играли. Хозяйка после произнесения молитвы о хорошем приплоде овец, угощала всех мясом совы (Акцорин 1991: 6). От плодовитости овец зависела жизнь крестьянина: шкура шла на изготовление верхней зимней одежды, шерсть – на валенки, варежки, сукно, а мясо употребляли в пищу.

Согласно обычаю уржумских марийцев, во время Рождества вешали в овчарне сову⁷², чтобы овцы не пропадали и были здоровы: *Мари шорыкйольышто шорык вўташ тумнам сака: вара шорык ок коло, таза лиеш* [Во время Шорыкйол марийцы вешали сову в овчарне: после этого овцы не подышают, бывают здоровы] (Wichmann 1953: 32; ср. Sebeok,

⁷¹ Как пишет В.А. Акцорин, у каждого рода был свой тотем, животное или птица. Люди, чтобы быть ближе к своему родовому тотему, одевали на голову «животную голову» и «птичью голову». Раскопки городищ и могильников также подтверждают, что предки марийцев три-четыре тысячи лет тому назад надевали лосиную, медвежью головы, ставили на свою голову высушенную сову (Акцорин 1991: 12). В силу общепризнанного положения о том, «что формирование марийского народа происходило в основном в течение I тысячелетия н. э.» (Сепеев 2006: 25), нельзя согласиться с высказыванием В.А. Акцорина. Пока нет возможности анализировать доводы исследователя, так как в работе не указывается на источник его данных.

⁷² У славян сова наделяется отвращающими свойствами. Лужичане сову прибывают к дверям дома, считая, что подобным образом можно отвратить от дома болезни и несчастья. Украинцы вешают сову в конюшне, чтобы домовою не мучил лошадей, а поляки для устрашения мышей прибывают сову к воротам овина. В Польше существует представление о том, что повешенная в конюшне сова заставляла лошадей жирнеть (Гура 1997: 583–584).

Inngeman 1956: 223). Вероятно, жертва предназначалась покровителям хлеба. Того же мнения придерживается Н.С. Попов: раньше покровителям хлеба мари́йцы приносили в жертву сову, чтобы скотина была здоровая, чтобы в хлебе было тепло (МПЭ–РМЭ: Н.С. Попов, устная беседа, 2012). В.И. Вершинин по своим материалам экспедиций к мари́йцам Татарстана и Удмуртии также отмечает, что сову могли приносить в жертву духохранителю хлеба (Вершинин 2010: 45).

Представления о сове как птице, имеющей густое, мягкое оперение, сопоставимое в народном сознании с овечьей шерстью, послужили основой для возникновения благопожеланий. Восточные мари́йцы отдавали молодой семье скотину на содержание словами: «*Пулдырчо гай коя лий, тумна гай межан лий*» [Будь упитанным, как перепелка, чтобы шерсть была, как у совы] (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково). Согласно пожеланию горных мари, *Тыманан гань пынжы лижсѣ, кыткы ганьы тѹльжсѣ* [Пусть будет с шерстью как у совы, плодови́тым как муравей] (СГЯ: 221). Чтобы шерсть овец была густая, после их стрижки, поглаживая овец клочком шерсти, приговаривают: «*Межым тумна деч йод, чодыра янлык деч йод...*» [Спроси шерсть у совы, спроси у лесных зверей...] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Для сравнения приведем чувашский вариант: в их этикетном благопожелании встречается сравнение с совой при пожелании богатства: «*Тăмана нек тѣклѣ пулăр* (букв.: будьте в пуху, как совы)» (Борисова 2012: 23). Ср. символику богатства у шерсти у славян (СД V: 576–579).

С совой, филином и сычом связаны некоторые метеорологические приметы. Считалось, что своим голосом они предвещают дождь, холодную погоду, указывают на приближение весны и характер погоды: *Тумна кычкыра – игече йѹкшемда* [Кричит сова – к морозной погоде] (МНП: 55). «*Овда кычкыра – шошо лишемеш* [Филин кричит – близится весна] (Там же: 73). *Овда (пурташ тумна, мыртык тымана) сѹаным тарвата гын, йѹрлан* [Начинают кричать сычи – к дождю] (Там же: 126).

В сновидении и в приметах сова символизирует несчастье: *Тумна – тыланет зияным, туткарым сѹра* [Сова предвещает тебе беду, несчастье] (Омэлкан 2005: 96). Прилет совы в деревню настораживал мари́йцев, считается предвестием несчастья, пожара: «*Тумна ялыш толеш гын, пожар лиеш*» [Если сова прилетит в деревню, то будет пожар] (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево). *Тумна ялыш толеш гын, ойгылан* [Если сова прилетит в деревню, то к беде] (МПЭ–РМЭ Морк. д. Нуж-Ключ). Если весной сова кричит в деревне, то кто-нибудь в деревне умрет (Sebeok, Ingemann 1956: 200). С плохими предсказаниями связан прилет совы в усадьбу: *Тумна кудывечыш толеш – шѹкиѹ уверлан* [Сова прилетит во двор – к плохим новостям] (МПЭ–РМЭ Морк. д. Нуж-Ключ). *Тумна кудывечышке толеш – ойгылан* [Сова прилетит во двор – к несчастью] (МПЭ–РМЭ Параньг. д. Олоры). Недобрым предвестьем является крик совы в усадьбе: *Томына суртыш толын магыра гын, сай огыл* [Если сова, прилетев в усадьбу, кричит, то не к добру] (Wichmann 1931: 21). У луговых мари также считается,

что не к добру, если ночью сова кричит во дворе (Васильев 1928: 206). Согласно примете Кировских мари, если сова прилетит во двор и, разбив окно, залетит в дом – к распаду семьи. Это подтверждает также рассказ респондента:

«Мне было 7–8 лет. Сова разбила окно и залетела в дом. Бабушка сказала, что это к распаду семьи. И ведь правда, семья распалась, хотя нас 11 детей было» (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково).

По представлениям волжских мари, сова своим появлением вблизи дома предвещает смерть. Доказывая точность приметы «Сова стукнет в окно – к покойнику», респондент привел случай из жизни: «В день смерти свекра ночью прилетела сова и стукнула в окно. Он живьем сгорел во время пожара. В тот день было два покойника в деревне. Умерла пожилая женщина, в дом которой в ту же ночь стукнула сова» (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы).

Йудым тумуна пёрт вуйыш шинчын кычкыра гын, ты суртын озажлан иктаж-могай алама наста лиеш маныт [Если ночью закричит, сев на крышу дома, сова, то с хозяином этого дома произойдет что-то нехорошее] (Sebeok, Ingemann 1961: 60). Если сова сидит на крыше дома и кричит, то кто-нибудь из этого дома умрет в течение года (Sebeok, Ingemann 1956: 200). Такое же представление положено в основу пословицы: *Ен пёртвуйышито коракым ит кётö, ике пёртвуйышитет ала үнгö уло* [Не смотри на ворону на чужой крыше, на собственной может быть филин]. Примета о том, что сова предвещает смерть, несчастье встречается и у вепсов (Винокурова 2006: 83), чувашей (Борисова 2012: 22) и у славянских народов (Гура 1997: 569). Как считает Л.С. Мартин, крик совы означал приближающуюся смерть во многих культурах. Древние римляне считали, что сова предсказывает зло. Китайцы верили, что сова крадет душу. Когда слышали крик совы, то думали, что эта птица копает могилу (Martin 1993: 136).

И.Ю. Винокурова не без основания замечает, что совы связаны с лесом, который ассоциируется с «пространством, тождественным «иному» миру, с ночью и темнотой, а следовательно, – со смертью» (Винокурова 2006: 83). Видимо, поэтому их внезапное появление в деревне, вблизи жилища трактовалось как предвестник несчастья. Иначе воспринимается марицами сова, живущая в деревне, о чем свидетельствует примета марицев, проживающих в Новоторьяльском районе РМЭ, у которых сова наделяется апотропеическими свойствами. Здесь считается, что сова предохраняет от бед и несчастий: *Тумна ялыште ила гын, яллан илаш сае, осалым пүчкеда, осалым ок нурто* [Если сова живет в деревне, это для деревни хорошо, отсекает зло, не пускает нечистую силу] (Веке III: 109). Вероятно, обитание совы в деревне не предвещало опасности, поскольку сова уже не ассоциировалась с чужим пространством.

Как известно, совы в основном питаются мелкими грызунами, что отразилось в народной примете: *Кушито коля поша, тушито тумнат шуко лиеш, коля шагал – тумнат шагал* [Где заводятся мыши, там много сов,

мышей мало – сов мало] (СМЯ V: 24). Пословица *Тыманам шке шелешыжок жарат* (букв. «Сову жарят в собственном жире») (МКМ: 255) является эквивалентом русской пословицы «Человек учится на собственных ошибках».

В марийских загадках подчеркиваются внешние характеристики (большие глаза, маленький клюв, круглая голова), повадки птицы: *Йӱдым шинчан, кечывалым сокыр* [Ночью – зрячий, днём – слепой]; *Изи неран, кугу шинчан йӱд мурызо* [Клюв маленький, глаза большие, а сама певунья ночи]; *Йыр вуйн Стопан* [Круглоголовый Степан]; *Кугу шинчан, пун йолан, кечывалым мала, йӱдым лӱшка, эртен кайышым лӱдыкта* [С большими глазами, с мохнатыми ножками, днём спит, ночью шумит, прохожих пугает] (МНЗ: 153).

Образ совы как ночной птицы апотропеичен в колыбельной песне мари:

«*Ӧ-ӱ, ӧ-ӱ, аза папа,
Тумна толын тӱкалта.
Тумна толын тӱкалта,
Мыйын экам папалта.
Ӧ-ӱ, ӧ-ӱ, ӧ-ӱ, ӧ-ӱ,
Ӧ-ӱ, ӧ-ӱ!*»

[*Ӧ-ӱ, ӧ-ӱ, малыш спит,
Сова, прилетев, стучит.
Сова, прилетев, стучит,
Моё дитяtko спит,
Ӧ-ӱ, ӧ-ӱ, ӧ-ӱ, ӧ-ӱ,
Ӧ-ӱ, ӧ-ӱ!*]

(ПЛИМ II: 308).

Надо отметить параллелизм сна-смерти в тексте колыбельной. Если влетевшая в дом сова предвещает смерть, то стучащаяся в окно – только крепкий сон.

Рассмотренные примеры позволяют заключить, что сова – яркий и в то же время противоречивый образ в марийской традиционной культуре. С совой связаны представления о семейном благополучии, о приплоде скота, об обереге. Есть указания на ее тотемические свойства. В приметах и сновидениях эта птица имеет негативную символику. Поверье о зловещем крике совы, особенно вблизи человеческого жилья, было распространено во многих культурах. В марийских представлениях об этой птице, помимо зловещей характеристики, в фольклорных жанрах выявляется и иронично-пренебрежительное к ней отношение – в устойчивых сравнениях и фразеологизмах.

5. Утка

Название утки общее для всех носителей марийского языка: *лудо* марЛ, марВ, марСЗ, *лыды* марГ. Для обозначения уток по половому признаку используются термины *ава лудо* ‘утка-матка’, *узо лудо* ‘селезень’ (СМЯ III: 412). Слово *лудо* является финно-угорским по происхождению, финно-угорская праформа **lunta* (Васильев 1984: 32; см. также ТW: 350, UEW: 254).

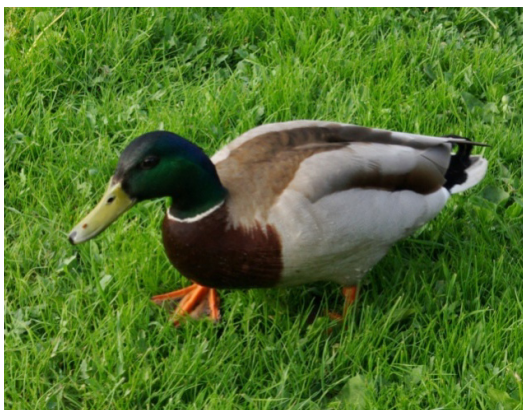

Рис. 7. Селезень кряквы

Компонент *лудо* включен в различные наименования предметов: челнока в ткацком станке – *лудо нер* (букв. «утиный клюв») (СМЯ III: 412); плотницкого инструмента *лудынер* (букв. «утиный клюв») ‘полукруглое долото’ (СМЯ III: 413) – очевидно, напоминающих утиный клюв по форме. Встречается этот корень также в названиях животных: *лудывоч* ‘горихвостка’, *лудынер* ‘утконос’.

Сравнения, переносные значения слова «утка» соотносятся с человеком. Про утиную походку говорят: *коя лудо гай кая* (букв. «идет как жирная утка») (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Эта характерная походка утки отмечена в загадке: *Лыптыр-лаптыр Пигельде* [Ковыляющий Пигельде⁷³], *Лартик кыва лырт-лыртке каремьш кыргызжеш* [Бабка Лартик, ковыляя, бежит к речке (к оврагу)] (МНЗ: 148). В других загадках загадывается крякание уток и другие ее отличительные признаки: *Чыви-чыви, кана-вана кучык нер* [Кана-вана, квак-квак – короткий нос], *Лоток неран, якшар лапан* [С клювом как совок, с красной лапой] (Там же: 148).

Выражение *лудо гай чывыртаташ* (букв. «плескаться как утка») (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково, с. Чураево) применяется по отношению к человеку, который долго, с удовольствием купается в водоеме, моется в бане. *Лудо гай почанаш* (букв. «плескаться как утка») употребляется по отношению к тому, кто долго купается (МПЭ–РБ Мишк. д. Ишимово).

Представление об утке как о водоплавающей птице, которая не может жить без воды, нашло отражение в черной магии. Голова утки и желудок применяли для наведения порчи на людей, чтобы они пристрастились к спиртному.

В марийских этиологических сказаниях о сотворении мира утка принимала активное участие в акте творения. Среди финно-угорских народов известны два космогонических мифа: «миф о ныряющей птице» и «миф

⁷³ А.Е. Китиков полагает, что, возможно, Пигельде выделялся из среды окружающих его людей своей ковыляющей походкой (МНЗ: 404).

о творении из яйца». Первый миф («водоплавающая птица, или творец в образе птицы, ныряет на дно первичного океана и приносит частицу земли, из которой возникает суша») распространен во всех финно-угорских традициях, в том числе и в самодийских. Второй («утка, реже – гусь, голубь, ласточка, сносит одно или несколько яиц посреди вод первичного океана. Из этих яиц или из частей одного возникают небо, земля, светила») распространен у финно-угров Прибалтики, саамов, коми и в мордовской мифологии (Напольских 1990: 5–6). В книге Ю.А. Калиева «Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия» (2003) миф о ныряющей птице представлен так: «*На лоно первичного океана из своего гнездовья – «Лудо пыжаши» (букв. «утиное гнездо» – созвездие Плеяды) прилетела утка. Снеся два яйца, она их высидела под своими крыльями. Из этих яиц родились два брата-селезня – Юмо и Йын. Затем они попеременно, нырнув под воду, достали со дна океана землю. Из той земли, что достал Юмо, образовалась ровная поверхность. Йын же поперхнулся и вместе с землей выплюнул и слюну. Так на земле возникли горы, озера и болота» (Калиев 2003: 17–18). Как считает Ю.А. Калиев, «та изначальная реальность, каковой является водная стихия, имеет иной смысл». Это стихия водоплавающей птицы. Вот почему здесь присутствуют две стихии – воздух и вода. «При этом воздушное пространство является связующим звеном между небесным и водным океанами. Лишь утка, будучи водоплавающей птицей, имела возможность общаться как с одним, так и с другим, перелетая между этими «мирами» (Калиев 2003: 20). Утка, как пишет Ю.А. Калиев, «как медиатор между земным и небесным океанами, выступает в качестве условия космогонического акта»; «образ утки – образ далеко не случайный. Не только промысловая значимость и, возможно, тотемистическая природа, определили ее место в созидательном процессе космогонии. Главное заключается в том, что в нем был найден обобщенный инвариант единственности мироздания. Утка, как никакая другая из водоплавающих птиц, символизировала собой целостность (воздушного, наземного, надводного и подводного) составляющих мироздания. Она могла летать, ходить по земле, плавать, и нырнув, значительное время находиться под водой. Данное обстоятельство и привело к осмыслению ее как образа, интегрирующего в себе все мыслимые составляющие действительности» (Там же: 23–24). По мнению исследователя марийских личных имен, утка является тотемной птицей: «в качестве тотемных имен в переписях фигурируют разные виды уток: нырок, представленный в антропониме *Алишайк* (стяж. ф. от *алашуэ* + суф. -ик); гоголь, название которого можно видеть в имени *Косеик* (*кос*, *косо* + суф. -ик); чернеть, воплощенный в имени *Турпан*» (Черных 1995: 13).*

По мнению В.В. Никитина, в бытовании образа водоплавающей птицы в украшениях финно-угров отражаются неолитические традиции в представлениях финно-угров о птице-утке как образе-предке. Он считает, что

изображение утки (вплоть до современных бытовых ковшиков) объединяет в изделия двух богов – Деву Неба и Мать Воды (Никитин 1996: 161).

Марийцы приносили утку в жертву многочисленным кереметям и духам: Матери воды *Вүд ава* (*Бүт ава*), если считали, что оскорбили этого духа; духам-помощникам кереметя *Немда курык кугу ен*⁷⁴, например, его докладчику *витньызе*⁷⁵ (*битнызы*) «докладчик»; керметю *Ял(х)тер водыж* (*бодыж*); домовому *Кудо водыж* (*Куды бодыж*); духам *Вүд ия*⁷⁶ (*Бүт ия*) (рус. *Водяной черт*); *Казначи*⁷⁷ «хранитель»; керметю *Кайык керемет*⁷⁸; *Күвар кугыза*⁷⁹ (*Күбар кугуза*) «старик моста»; божествам *Мүки он*⁸⁰ «владыка пчел»; *Мүки перешта*⁸¹ «ангел пчел»; *Саска пуйыришо*⁸² «создатель цветов (плодов)»; *Шурно саус*⁸³ (*Шурны саус*) «смотритель за урожаем»; духам деревьев *Пу өрт* (*Пушенге өрт*); *Юмын серлагыш*⁸⁴ (рус. *Хранитель*); ангелам *Юмын суксо*⁸⁵ (*Юмын шукчы*) (рус. *Божий ангел*); *Мланде суксо*⁸⁶ (*Мыланды шукчы*) «ангел земли»; *Мүки суксо*⁸⁷ (*Мүки шукшы*) «ангел пчел»; *Шурно суксо*⁸⁸ (*Шурно шукчы*)

⁷⁴ *Немда курык кугу ен* (*Курык кугыза*) – легендарный предводитель мари, сражавшийся с врагами. Был похоронен на горе Немда. Он продолжал и после смерти помогать мари в борьбе с врагами, пока не разгневался на них и не повелел каждый год приносить ему в жертву гнедого коня (Sebeok, Ingemann 1956: 63).

⁷⁵ *Витньызе* – в обязанности этого духа входит сообщать Богу о приносимых жертвоприношениях (Там же: 53).

⁷⁶ *Вүд ия* – дух, обитающий на дне реки или озера. В ответ на жертвоприношения водяной черт позволял ловить рыбу и не топил людей (Там же: 61).

⁷⁷ *Казначи* (< рус. *Казначей*) – дух, который входит в штат божества. Жертвоприношения этому духу совершались в то же время, что и Богу. Часто он имел своего жреца и свое дерево в священной роще (Там же: 73–74).

⁷⁸ *Кайык керемет* – в названии этого божества под словом *кайык* подразумевается животное с четырьмя ногами, равно как и птица (ср. чув. *кайык* ‘дикий, зверь’). Этому божеству поклонялись совместно две деревни один раз в три года (Там же: 76).

⁷⁹ *Күвар кугыза* – называли также *Күвар йымал кугыза*, входит в штат *Немда курык кугу ен*. К нему обращались с просьбой вылечить болезнь (Там же: 81).

⁸⁰ *Мүки он* – утка жертвовалась этому божеству во время церемонии *Мүки йыр*, посвященной божествам пчел (Там же: 89).

⁸¹ см. выше *Мүки он*.

⁸² *Саска пуйыришо* – утка жертвовалась на церемонии *Мүки йыр*, см. выше *Мүки он* (Там же: 100).

⁸³ *Шурно саус* – утка жертвовалась этому божеству на специальной церемонии, посвященной божествам хлебов (Там же: 103).

⁸⁴ *Юмын серлагыш* – посредник между Богом и человеком (Там же: 103).

⁸⁵ *Юмын суксо* – помощник Бога, принимавший жертвенных животных (Там же: 108).

⁸⁶ Подношения для ангела *Мланде суксо* совершались на церемониях *Күсө* и *Мланде йыр* (Там же: 109).

⁸⁷ Жертвоприношения для *Мүки суксо* совершались во время *Агавайрем*, *Күсө*, утка жертвовалась на обряде *Мүки йыр* (Там же).

⁸⁸ Жертвоприношения для *Шурно суксо* совершались во время *Агавайрем*, *Күсө*, утка жертвовалась на обряде *Шурно йыр* (Там же).

«ангел хлебов»; кереметю *Шкена ончымо керемет*⁸⁹ (*Шке керемет*) «свой кереметь» (Sebeok, Ingemann 1956: 47, 53, 54, 55, 61, 64, 73–74, 76, 81, 89, 92, 94, 100, 103, 108, 109). На праздник *Агавайрем* готовили ритуальный пирог из утятины, остатки утки (кости, голова, ноги) в качестве жертвы бросали в огонь (Там же: 116). Следует отметить, что утка и гусь жертвовались в основном для младших божеств (Там же: 167).

В песнях горных мари утка с утенком может ассоциироваться с матерью и ребенком; утка символизирует девушку, которая может быть «блондинкой-красавицей», «блондинкой капризной», которой трудно и словами угодить (Глухов, Глухова 2012: 83). К примеру, в восточномарийской песне утка также ассоциируется с девушкой-красавицей.

<i>«Возын-лай, пикишжым мый лүяльым, Лудо гынай шүмешат логале. Муралтал колтальым, шүшкартал колтальым, Мотор-влак шүмешат логале»</i>	[Стрелу выпустил, стреляя лежа, Попал в сердце уточки. И запел я, и засвистел я, Попал в сердце красавицы]
	(ПВМ: 49).

В песенной лирике восточных мари посредством фигуры параллелизма утка соотносится с родственниками:

<i>«Оралте-лай покшелнет ший волакет, Порсын лудо йүштылеш – пеш ямле. Устел гына-лай тōрыштем, шке ончылнем Шке шочшеем шинчалеш – эн ямле»</i>	[Посреди двора серебряное корыто, Купается шелковая уточка – одна радость. За столом моим против меня Мои родные сидят – одна радость]
	(ПВМ: 22).

Утка может быть предвестником погоды. О характере предстоящей весны судят по следующим приметам: *Кайыклудо чонештен толмыж годым коя гын, шошо кужу да юалге лиеш* [Если прилетевшие дикие утки жирные, то весна ожидается затяжная и холодная], *Толмекыже, кайыклудо тўшка тўрлō мogyрыш чонештылеш – шошо юалге да кужу лиеш* [Дикие утки по весне летают в разные стороны – к продолжительным холодам] (МНП: 79). С дождем связаны следующие приметы: *Лудо-влак вўд серыште шинчат гын, мардежан йўрым вучо* [Утки сидят на берегу – ожидай дождя с ветром], *Лудо-комбо почиштым пўтырат – йўр лийшашлан* [Утки и гуси крутят хвостами – быть дождю] (МНП: 120). О ветре говорят приметы: *Лудо вўд серыш лектеш – мардежан йўр тарвана* [Утки выходят на берег – поднимется ветер с дождем] (МНП: 154). Следующие приметы связаны с характером предстоящей осени: *Шошым ондак кайыккомбо толеш – шыже ояр лиеш, кайык лудо – йўран* [Весной раньше прилетают гуси – к сухой осени, утки – к дождливой] (МНП: 173), *Лудо шыжым ўлыч коштеш – лавыртышлан* [Осенью утки летают низко – к слякоти] (МНП:

⁸⁹ Под *Шкена ончымо керемет* понимается кереметь, которому поклонялась одна определенная семья. Белый баран или утка обычно жертвовались в июне перед церемонией *Кўсō* (Там же: 76).

177). Скорое наступление зимы предсказывает ранний отлет диких уток: *Кайыклудо вашке кая – теле вашке толеш* [Рано улетают дикие утки – рано придет зима] (МНП: 44).

Согласно марийской традиции снотолкования, утка во сне символизирует вертихвостку, которая кружится вокруг человека. Если во сне варишь или жарить утку – к соблазнению вертихвостки. Примеры см. в (Омэлкан 2005: 68). Ловля во сне дикой утки предвещает встречу с девушкой (Там же: 59). В сновидениях полет стаи диких уток может толковаться как жизненная дорога: «*Тўшка кайыклудын чонештым ужат – куштылго корным муынам шонет да, но...*» [Видишь полет стаи диких уток – думаешь, что нашел легкий путь, но...] (Там же: 59). С огорчением связано следующее снотолкование: «*Йўкланен чонештат – тыгодымак шке нергенет шоналтыде ойлен колтым шомак-влак кумылетым волтат*» [Летят (дикие утки. – К. Ю.) с криком – в то же время опрометчиво сказанные слова о себе испортят настроение] (Там же: 59).

Как отмечает Г.И. Соловьева, утка является любимым изображением при украшении костюма, причем не только в вышивке. Прием, когда ленты к подолу женской рубахи пришивались клювообразно, называется *лудынерла* («похожий на клюв утки»). В марийской вышивке встречается ряд орнаментальных мотивов с уткой: *лудотўр* (вышивка с мотивом «утка»), *лудопоч* (марВ *лудывочтўр*) «утиный хвост»; *лыды яллапа* марГ «утиная лапка» (Соловьева 2002: 17–18).

6. Гусь

В марийском языке гуси (*Anser*) имеют общее название *комбо* марЛ, марВ, *камты* марСЗ, *комбы* марГ. Для обозначения диких гусей используются компоненты *кайык-*, *ир-*: *кайыккомбо*, *иркомбо* ‘дикий гусь’. До настоящего времени для марийского слова *комбо* ‘гусь’ убедительной этимологии не предложено. В.Н. Васильев отмечает, что в других финно-угорских языках соответствий этому орнитониму нет. Он полагает, что данное

Рис. 8. Домашний гусь

наименование птицы можно сопоставить с коми *гыбавны* ‘плескаться’, *гыбалом* ‘плеск’, которое восходит к прауральскому **kitpa*. По его мнению, «не вызывает сомнения тот факт, что гуси селятся около

водоемов, любят плескаться в воде, предпочитают проточные, с наличием волн, воды» (подробнее см. Васильев 1984: 30–31).

Компонент *комбо*- встречается в фитонимах⁹⁰: *комбыйол* (букв. «гусиная лапка») ‘гусиные лапки, *Potentilla anserina*’, ‘стрелололист, *Sagittaria*’; *комбылана* (букв. «гусиная лапка») ‘герань лесная, *Geranium sylvaticum*’, ‘манжетка, *Alchemilla*’, ‘росянка, *Drosera*’; *комбычана* (букв. «гусиная лапка») ‘лапчатка, гусиные лапки, *Potentilla anserina*’, ‘калужница, *Caltha*’; *комбышудо* (букв. «гусиная трава») ‘герань лесная, *Geranium sylvaticum*’ (СМЯ II: 404–405); *комбышоган* (букв. «гусиный лук») ‘гусиный лук, *Gagea*’ (МРСБТ: 87), *комбымөр* (букв. «гусиная ягода») ‘очиток едкий, *Sedum acre*’ (СМЯ II: 405). В марийском наименовании орла-беркута *комбыктыж*, *комбы кучкыж* марГ (*комбо* ‘гусь’, *кучкыж*, *кучкыж* ‘беркут, орел-беркут’) (МРСБТ: 87, 99) можно видеть название гуся, видимо, как пищи для беркута. Также с корнем *комбы* связано название поперечины в ткацком станке, в котором есть отверстия для вьюшек: *комбылогар*, *комбылогер* марГ (букв. «гусиное горло») (СМЯ II: 405).

Гусиная походка с вытянутой шеей и поднятой головой нашла отражение в выражении *узбо комбо гай каяш* (букв. «идти как гусак») ‘идти важно, гордо’ (МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы). Через понятные ассоциации с гусем и гусиной стаей выражаются в поговорках некоторые человеческие отношения, в том числе социальные. Например, вдова сравнивается с диким гусем, отставшим от стаи: *Тулык вате – йомшо кайык комбо* [Вдова – потерявшийся дикий гусь] (Китиков 1981: 19). Стремления неженатого мужчины к браку сравнивается со стремлением гуся к воде: *Ватыдыме марий вудым кычалше комбо гай* [Неженатый мужчина как гусь, ищущий воду] (МКМ: 33). На противопоставлении утка / гусь, курица / петух строится пословица о зависти: *Енгын лудыжат – комбо, чывыжат – агытан* [У чужих и утка кажется гусем, курица – петухом] (МКМ: 56).

Как и утка, гусь тоже представлен в космогонических мифах. Разные народы Млечный путь называют гусиной дорогой. Считается, что по этой дороге гуси прилетают весной, и по ней же осенью улетают в теплые страны. В марийском космогоническом мифе «Кайыккомбо корно» (букв. «Дорога диких гусей») рассказывается о происхождении Небесной Дороги диких гусей (Млечного пути): «*В седой древности начал было наступать сильный холод. Дикие гуси тысячами летели от холода в теплые края, в сторону полудня. Их преследовали вслед холод и темные ночи. Некоторые гуси от долгого полета уставали и отставали от своей стаи. Чтобы уставшие и отставшие собратья нашли свою стаю, летевшие сильные гуси оставляли в небе свой белый пух. Так образовалась Дорога диких гусей (Млечный путь). Отдохнувшие гуси, ориентируясь по этим пушинкам, догоняли свою стаю. Так они находили в полуденных странах место стоянки основной стаи*» (МКО: 55–56).

⁹⁰ Мотивации могут быть разными, даже в тех фитонимах, что образованы от зоонимов, их очень много (Колосова 2014: 77–83).

Как пишет М.М. Маковский, «гусь в древности считался птицей Солнца: в Египте гуся приравнивали к Солнцу, которое вышло из божественного Яйца, символизировавшего Вселенную». Гусь был символом судьбы, души (Маковский 1996: 152). Как отмечает Г.И. Соловьева, «в трактовке фольклорного образа Онара, сошедшего на землю на белом коне и перевоплотившегося в гуся (Акцорин 1977: 5), явно ощущаются отголоски мировоззрения предков марийцев, считавших эту птицу (*кайык-комбо* – птицу-гуся) посредником между двумя мирами. Поэтому марийцы считали гуся священной птицей, изображали в вышивке, так и в резьбе по дереву» (Соловьева 2002: 15).

В марийской вышивке встречаются следующие орнаментальные мотивы: *комбо чапа*, *комбыйол*, *комбылапа* – «гусяная лапка»; *комбышуй тюр керыштыши*, *комбо шутюр кэрыштыши* марВ – вышивка с мотивом «шея гуся» «счетной гладью» на головном платке (Соловьева 2002: 16). *Кайыккомбо* – орнаментальный мотив «дикий гусь», *кайыккомбо корно* – название узора «Млечный путь» (букв. «Дорога диких гусей») (Соловьева 2002: 15).

В фольклоре гусь символизирует ум, доброту. Например, в сказке «Дикая Гусыня и Лиса» (СЛМНС: 9–12) гусыня оказалась умнее и хитрее лисы, что помогло ей спасти своих гусят. В «Сказании о Кокше-патыре» (СЛМНС: 36–40) белый гусь – символ чистоты, доверия, помощи.

Гусь – почитаемая птица. О почитании гуся предками марийцев свидетельствуют археологические данные, его изображение присутствовало в украшениях. В.А. Акцорин полагает, что марийцы, живущие в бассейне р. Вятки, считают гуся своим первопредком. Об этом свидетельствуют такие вещи, как головной убор женщин, сделанный в форме головы гуся; серьги из гусяного пуха. Такие же серьги носят марийцы Урала, переселившиеся с Вятки (Акцорин 1991: 18).

Гуся считали чистой птицей, приносили в жертву богам и духам. Он использовался в ритуалах как в местах основного расселения марийцев (Республика Марий Эл), так и у восточных марийцев, живущих на территории Республики Башкортостан, Пермской области (Наккараинен 1997: 361). Гуся приносили в жертву духу *витнызы* (*битнызы*) ‘докладчик’, кереметю *Рок шырт* (букв. «земляной черт»), духу *Вуд ия* (*Вут ия*) (рус. *Водяной черт*), духам-помощникам кереметя *Немда курык кугу ен* (букв. «Большой человек горы Немда»), духам *Шурно кава*⁹¹ (рус. *Богиня хлеба*), *Казначи* ‘хранитель’, *Мўки казначи* ‘хранитель пчел’, *Кўвар кугыза* ‘старик моста’, *Шиште корно пальштарыше*⁹² (букв. «подсказывающий

⁹¹ *Шурно кава* – жертвоприношения этому божеству совершались на обряде *Шурно йыр* ‘подношение хлебом’ с просьбой охранять хлеба и дать хороший урожай (Там же: 73, 154).

⁹² Подношения для духа *Шиште корно пальштарыше* совершались на празднике *Агавайрем*, гусь жертвовался на обряде *Мўки йыр*, посвященной божествам пчел (Там же: 92, 133).

восковую дорогу»), *Мўки саус*⁹³ ‘смотритель за пчелами’, *Юмын серлагыш* (рус. *Хранитель*), *Мўки (казна) сравочыш*⁹⁴ (букв. «пчелиной (казны) ключ»), *Юмын суксо* (*Юмын шукчы*) (рус. *Божий ангел*), *Мўки суксо* (*Мўки шукчы*) «ангел пчел» (Sebeok, Ingemann 1956: 53, 59, 61, 63, 73–74, 81, 92, 103, 104, 109, 133, 154). Гусей приносят в искупительную жертву в священной роще, если она была осквернена (напр., срублено дерево в роще) (Там же: 180). По данным Л.С. Тойдыбековой, гуся приносили в жертву *Кава Юмо* ‘Бог неба’, *Кече Юмо*⁹⁵ ‘Бог солнца’, а их докладчикам (*витньызе*) – утку. Во время моления гуся или утку посвящали старшим божествам-хозяевам (Тойдыбекова 2007: 104). Л.С. Тойдыбекова отмечает существование у башкирских мари мифов, согласно которым больные обращались к птицам-кереметям с просьбой отогнать от них болезни (см. подр. Там же: 121).

С почитанием гуся у восточных марийцев связаны следующие запреты: *Комбо пыжашыш вес комбо муным пышташ ок йөрө – шке муныжо пужла* [Нельзя класть чужие яйца в гнездо гусыни, иначе свои испортятся], *Комбо пўктымө годым пөртыштө кушташ, тёритьлаш ок йөрө – муныжо шелеш* [Нельзя танцевать, прыгать во время высиживания яиц гусыней, иначе яйца потрескаются]. *Комбо шылым торашке көстенеч семын колташ ок йөрө – комбо еш шалана, шоненйт. Тыгай көстенеч колтымо гын, тудым тамлен ончышо ең комбо луым мландыш урышаиш* [Думали, что количество гусей уменьшится, если гусятину отправлять далеко от дома в качестве гостинцев. Если гуся отправляли как гостинец, то отдававший мясо человек должен был кости зарыть в землю]. *Комбым чумалаш ок йөрө – исыр лиеш* [Нельзя пинать гусыню, иначе не выведет гусят] (Абукаева 2007: 38–39). *Комбым пий кочшаиш огыл, кочкеш гын, комбо ок тўлө, шке комбо ок лук. Инкубатор комбигым ончен керташ. Комбо луюмат пийлан пуюман огыл, лужым йўлатыман* [Собака не должна нападать на гуся, если съест его, то не будет приплода гусей, гусыня не выведет гусят. Можешь завести инкубаторских гусят. Нельзя давать также гусиные кости собаке, их нужно сжигать] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы).

Выгоняя в первый раз весной гусят, цыплят, утят из дома, произносили заклинание, некоторые клали лом, через который проходили домашние птицы. При первом выгоне гусят завязывали узел на чем-нибудь, чтобы возвращались все вместе и лишь на свой двор; с той же целью выпускали их на двор через штаны хозяина. Согласно традициям кильмезских мари, гусят на пастбище выгоняли пасхальной вербой, которая считается оберегом и наделяется магической силой. Некоторые советуют найденную по дороге щепку принести домой и сжечь, чтобы гуси возвращались домой

⁹³ Жертвоприношения совершались на тех же праздниках, что для духа *Шиште корно пальштарыше* (подр. см. Там же: 103).

⁹⁴ Гусь жертвовался на обряде *Мўки йыр*, посвященной божествам пчел (Там же: 104, 133).

⁹⁵ По данным Г. Яковлева, *Кече Юмо* является источником света, предохраняет землю и жителей земли от всякого вреда (сведения приводятся по: Тойдыбекова 2007: 103).

(МПЭ–КО Кильм. д. Таутово). «Гусей и уток с весны до осени выпускали на ближайший водоем, периодически навещая их летом. У гусей обламывали одно крыло, чтобы птицы не улетели» (Сепеев 1975: 82). Перед тем как в первый раз выпустить гусят из дома, восточные марийцы проводят защитный обряд, который называется «*Корак шинчам тўткем*», букв. «Закрываю глаза вороне» (см. подр. в статье «Вороновые»). Чтобы вороны и ястребы не нападали на гусят и цыплят, проводили такой обряд: *Шайтаншорвондым ведраш йўлатат да шикшеш кажне игым кучат, да ойлат: «Корак шинчаиш ит кой, тушман шинчаиш ит кой!* [Сжигают чертополох в ведре; держа каждого гусенка (цыпленка) в дыму, приговаривают: «Чтобы ворона не видела тебя, чтобы не видели вражеские глаза!»] (МПЭ–РБ Мишк. д. Сосновка). Согласно другому обряду восточных мари, цыплят, гусят, утят пропускали через трубу самовара и приговаривали: «*Шўч пундыш гай койын коштса, корак шинчаиш ида кой!*» [Ходите как черные пни, чтобы вороны глаза вас не видели] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Октябрь, Большесухоязово). У луговых мари есть обряд оберега: очерчивая лопатой круг вокруг гусят, приговаривают: «*Кўртньо печым ыштем осал тушман деч; пий, корак умшаиш ынже логал*» [Делаю железный забор от врага; пусть не попадутся в пасть собаки, в рот вороны]. Чтобы защитить гусят от сглаза и от нападения ворон и хищных птиц, нужно провести их между ног, наговаривая: «*Кунам ег ик минутышто пушенгыш кўзен-волен кертеш – тунам иже корак, пий умшаиш логал кертше, шинча возын кертше*» [Когда человек сможет в течение одной минуты подняться на дерево и спуститься, только тогда гусята смогут попасть в пасть собаки, в рот вороне, их можно будет сглазить]. От сглаза гусятам делают метки красной краской (МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы). Красный цвет считается сильным цветом, цветом огня. Например, от сглаза в огороде на грядку втыкают палочку с красной ленточкой, корове на рога завязывают красную ленту. Далее приведу рассказ респондента В.Н. Ивановой из Башкирии, который подтверждает, что гусеводство у марийцев было строго регламентировано традицией, тесно связано с обрядами и верованиями.

«*Кайыклан пёрвый оза йол мушмо вўдым йўктеныт, мўндырк ыньшит кай, мўнгышкак толиан лийышт манын. Комбым у шочшо семьялан пуат – поянлыклан. Комбым шўшкылмў годым вўмам погат, комбо вес ийынат шуко лийже манын. Комбым кўрмў годым шулдур йымалсе латкок пунжым кўрын луктыныт – тиде тулык пун. Тулык пун мендерыш или тўшақыш лозалеш гын, тулыкеш кодат, манын шоненыт. Комбо пыстылым шелыт, кодшо шўкышым капка гыч энгер мартен пырчын кышкен каеныт, кодшыжым вўдыш шоленыт, вес ийынат комбо шуко лийже манын (капка ончыч тўнгалын энгер мартен шуйныжо). Комбым шолтеныт. Ятасым кученыт, изирак луанже кугуракышым унала ўжын. Садет тоже комбым шолтен, вес ег дене ятасым кучен. Тыге комбо ятас пайрем тўнгалын да умбакыже шуйнен, тыге икте-весе деке унала коштыныт* [При первом выгоне гусят на подножный корм их поили

водой, в которой хозяин помыл свои ноги, чтобы гуси с гусятами далеко не уходили, чтобы они возвращались лишь в свой двор. Гуся дарят новой образовавшейся семье, чтобы молодые были богатыми. Обязательно в день, когда резали гусей, собирали помочь, чтобы в следующем году тоже было много гусей. Во время ощипывания гусей обязательно из-под крыла выщипывали двенадцать перьев – это «сиротский пух». Считается, что если «сиротский пух» попадет в перину или подушку, останешься сиротой. Обдирали гусиные перья, а голыми стержнями перьев посыпали дорогу от ворот до речки, остатки выкидывали в воду, чтобы в следующем году тоже было много гусей (чтобы стая тянулась от ворот дома до речки). Варили гуся. Два человека разламывали дужку (грудную кость): у кого оказалась маленькая косточка, тот звал в гости другого. Тот, кто приглашает, тоже варил гуся, а дужку он ломал уже с другим гостем. Так начинался праздник «гусяная дужка», а потом продолжался дальше, так друг к другу и ходили в гости] (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево).

Чтобы домашняя птица хорошо велась, «когда видишь весной прилет диких гусей, нужно взять что-нибудь из-под ног (палку, траву), то, что попадет под руку, и положить в гнездо гусыни или курицы, приговаривая: «Сколько диких гусей прилетело, чтобы столько много гусят было» (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). В семье все одновременно кладут солому в гнездо, чтобы много гусят было (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Согласно рассказу Кировских мари, того, кто будет сажать гусыню на яйца, выбирали с помощью следующего гадания: «Когда отелится корова, делают сыр из молозива (мар. *тувьиртыш*): в молозиво клали яйца, соль и ставили в печку. Туда клали золотое кольцо. Кому из членов семьи оно попадет, тот будет сажать гусыню на яйца» (МПЭ–КО Кильм. д. Малая Кильмезь). Под солому гусыне кладут шерсть или лоскуток от шерстяного носка, что-либо железное (гвоздь, крышку от консервной банки) (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково), ножницы (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково), гвоздь (МПЭ–КО Кильм. д. Малая Кильмезь). Когда гусыня сходит с гнезда, проверяют яйца: холодное – значит, яйцо-болтун, обычно его сразу убирают. Для достоверности еще можно потрясти, если болтается, то от них точно нужно избавиться (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). По представлениям маришцев, если гусыня начинает нести яйца на разговенье, то будет много гусят, и наоборот, гусыня начнет откладывать яйца в постные дни – гусят будет мало (Sebeok, Ingemann 1956: 199).

К Рождеству приурочены гадания о приплоде скота и птиц по звездам. Марийцы замечают, что если в рождественский вечер на небе много звезд, то предрекают плодородие гусят: «Шартял⁹⁶ йьид шьидьбьрэн – комбигьй лэктьйш лизш [В Шартял небо звездное – жди гусят] (Юадаров 1995: 42; Sebeok, Ingemann 1956: 209). Во время Рождества среди ряженных был «гусь», который желал хорошего приплода домашней птицы. Если ряже-

⁹⁶ *Шартял* – Рождество, зимний праздник (СМЯ IX: 244), в переводе означает ‘овечья нога’ (марЛ *Шорькйол*).

ный-гусь «клевал» кого-то, то этот человек считался счастливым (Акцорин 1991: 19). В следующем гадании марийцев гусиное перо символизирует везение в разведении домашних птиц. Девушки пекли пирожки, в которые клали деньги, гусиное перо, рожь, пшеницу. В зависимости от того, с какой «начинкой» пирожок достанется человеку, определяли, в чем ему повезет (Sebeok, Ingemann 1956: 217).

Наблюдения над повадками гусей, их прилетом-отлетом послужили основой для многих примет. Ряд примет связан с предсказанием богатства и хорошей жизни, что зачастую связывается с урожаем хлеба, благоприятной погодой: *Кайыккомбо кўшўчын кая, огеш пудыранен кае, каш-таланен гына кая гын, ылыш поро лиеш; ўлўчын пудыранен кая гын, тунам йўран кенгеж лиеш* [Если дикие гуси летят высоко, не суетясь, стаями, то жизнь будет спокойная; если летят низко, суетясь, тогда лето будет дождливое] (Beke IV: 378). *Кайыккомбын кечывал могыр каштаже кужу лиеш гын, ылыш куштылго лиеш; йўдйымал могыржо кужу лиеш гын, ылыш неле лиеш* [Если у клина диких гусей длиннее южная сторона, то жизнь будет легкая; если длиннее северная сторона стаи, то жизнь будет трудная] (Там же: 452). *Кеккомбы кемы годым кожла монгыр шылдырышты кужу гьинь, кожла сирышты урожай яжо лиеш, кырык монгыр гьинь – кырык сирышты* [Во время перелета диких гусей длиннее левая сторона клина – на этой стороне будет хороший урожай, если длиннее правая сторона, то там будет отменный урожай] (МНП: 191).

По перелетным гусям судили о характере весны: если весной раньше диких гусей прилетят журавли – весна будет сухая, гуси опередят журавлей – дождливая (Там же: 79). *Кайыккомбо кўшыч чонгештен толеш – вўдшор кугу лиеш* [Гуси весной летят высоко – к большому половодью]; *Кайыккомбо кўшыч чонгешта – шошо вўд кугу лиеш* [Гуси-лебеди летят высоко – к большому половодью] (Там же: 83, 84).

Гадания о погоде наступающего лета: *Шошым эн ончыч кайыккомбо толеш гын, кенгеж сай лиеш* [Весной первыми прилетят гуси – лето будет погожее] (Там же: 97), *Овдоки кечын пўрт ончыл мучашеш комбо йўштылаш вўд шинчеш гын, кенгеж шокишо лиеш, вўдымў шурно ума* [Если в день Евдокии на крыльце достаточно воды, чтобы искупаться гусью, то лето будет теплое, уродится хлеб] (Beke IV: 165). Если дикие гуси летят трубя, то лето будет ясным (Sebeok, Ingemann 1956: 199). Дождь предвещают следующие приметы: *Комбо-влак вўд йымаке пурен модыт – йўрлан* [Гуси резвятся, ныряя в воду, – будет дождь]; *Комбо кушта гын – йўрлан* [Гусь заплясал – к дождю]; *Лудо-комбо почыштым пўтырат – йўрлийшаашлан* [Утки и гуси крутят хвостами – быть дождю] (МНП: 120).

Характер предстоящей осени и времени наступления зимы определяли по следующим приметам: *Юмынкомбо шошым кўшыч чонгешта – кужу шыжылан* [Весной дикие гуси летят высоко – к продолжительной осени]; *Шыжым юмынкомбо-влак кычкырен каят гын, шыже кужу толеш, шып каят – кўчык* [Если дикие гуси отлетают с криком, то осень будет долгой, без крика – короткой]; *Шошым ондак кайыккомбо толеш – шыже ояр*

лиеш, кайыклудо – йўран [Весной раньше прилетают гуси – к сухой осени, утки – к дождливой]; *Кайыккомбо-влак ўлычын каят – кужу шыжылан* [Гуси летят низко – к долгой осени]; *Кайыккомбо ондак кая гын, шыже кўчык лиеш* [Гуси отлетают рано – осень будет короткая]; *Кайыккомбын тўшкан кайымыж годым эрвел шулдыржо кужу гын, теле вашке толеш, шыже кужу ок лий; касвел шулдыржо кужу гын, шуйнышо шыже лиеш* [Если во время отлета гусей восточное крыло клина длиннее западного – скоро наступит зима, осень будет непродолжительной, если западное крыло длиннее – предстоит долгая осень]; *Кайыккомбо, турня кычкырен каят – ночко шыжылан* [Гуси, журавли отлетают с криком – к сырой осени] (Там же: 172, 173–174). Если дикие гуси улетают рано, то зима наступит рано, и наоборот, гуси улетают поздно, то зима придет не скоро (Sebeok, Ingemann 1956: 199). Если дикие гуси летят осенью на юг, растянувшись цепочкой, то осень будет долгая; если они летят клином, то осень будет короткая, снег ляжет рано (Там же: 199). Если гуси летят низко – к долгой осени и теплой зиме (Там же: 200).

С характером предстоящей зимы связаны приметы: *Комбо кенгежым ятырышкен пел йолын шога гын, чывыштылише теле толеш* [Если летом гуси подолгу стоят на одной ноге, зима будет с трескучими морозами]; *Кеккомбы ўлыц кеа гўнь, тел шокшы лиэш* [Гуси летят низко – к теплой зиме] (Там же: 36, 37). О скором приходе зимы судят по следующей примете: *Кайыккомбо тўшкан эрвел шулдыржо кугу гын, теле вашке толеш* [Если крыло стаи диких гусей длиннее с восточной стороны – не за горами зима] (Там же: 43–44).

По приметам волжских мари, *кайыккомбо шыжым кўшыч каят гын, шыже кўчўк лиеш; ўлыч каят гын, шыже кужу лиеш* [Если осенью дикие гуси летят высоко, то осень будет короткая; если летят низко, то к долгой осени] (Веке I: 561). Аналогичная примета имеется у марийцев Медведевского района РМЭ с той разницей, что если гуси летят с шумом, то к ненастной осени (Там же: 401). Отлет диких гусей в теплые края предвещает скорый снег: *Кайыккомбо шыжым кечывал йымаке кая гын, лум вашке толеш* [Если осенью дикие гуси улетят на юг, то скоро ляжет снег] (Веке III: 426).

Широко распространена примета: «Гуси стоят на одной ноге – крепкие морозы будут» (Васильев 1918а: 54; Евсеев 1994: 61; МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Малиновка, Таутово; МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). *Кунам комбо пел йолла шога, йўшитō лиеш* [Если гусь стоит на одной ноге, будет холодно] (Веке I: 25; МНП: 52). Считается, что гуси-утки к холодам прячут головы под крыло: *Комбо, лудо вуйышитым шулдыр йымак чыкат гын, йўшитō лиеш* [Если гуси, утки свою голову прячут под крыло, то похолодает] (Евсеев 1994: 61; Васильев 1918а: 54; МНП: 52). *Комбо нержым шулдыр йымакыже чыка – йўшитō лиеш* [Гуси прячут свой клюв под крыло – к холодам] (МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Таутово). К холодам гуси щелкают клювом: *Комбо уншажым шолтка гын, йўшитō лиеш* [Гуси щелкают клювом – приближаются холода] (Веке IV: 164; Sebeok, Inge-

mann 1956: 199; МНП: 52). Потепление предвещает следующая примета: *Ўиты вереман комбы лымышты йўитылеи гънь, шокшемда* [В мороз гуси купаются в снегу – потеплеет] (МНП: 61). Согласно примете Кировских мари, гусь чистится – к ненастью (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково).

Следующие приметы имеют хозяйственное значение. Считается, что куда сядут отдыхать гуси, там можно копать колодец: *Комбо кушто эре шинча, тушто тавым кўнчыман* [Где обычно сидит гусь, там нужно копать колодец] (МНП: 257). По сведениям респондентов, вода в таких местах действительно находится неглубоко (МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Чебыково). Другая примета: *Кольа пыжашышкыжэ пуным опта гын, лудо-комбо шэргэ лэиш* [Если мыши в свое гнездо кладут пух, то утки-гуси будут стоить дорого] (Васильев 1918б: 55).

Гусь в снотолкованиях символизирует возлюбленного человека. Считается, что покупка или ловля гуся снится к встрече с любимым человеком. Для молодежи, как для девушки, так и для юноши, привидевшийся во сне гусь является предвестником встречи со второй половинкой, а потеря или продажа гуся сулят разлуку (Омэлкан 2005: 63). Дикий гусь может означать возлюбленного(-ую), пришедшего издалека: *Кучет* (кайыккомбым. – Ю. К.) – *йот мотор дене тангым кучет* [Поймаешь (дикого гуся) – начнешь дружить с красавцем(-ицей) издалека] (Там же: 59). Увиденный во сне полет диких уток предвещает прощальную дорогу (Там же: 59). Согласно другому снотолкованию, гусь может означать солдата: *Омышто кўшыч кайыше комбым ужат гын, салдак лиеиш* [Если во сне увидишь высоко летящего гуся, будет солдат] (Beke I: 410).

В медицине особенно ценится гусиный жир, он считается хорошим средством для роста волос, профилактики головной боли: *Комбо коям вуйышко йыгет – вуй ок корито, ўп куикеш* [Гусиный жир намажешь на голову – голова не будет болеть, волосы растут] (МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино). Гусиный жир считается действенным средством для внутреннего применения при затяжном кашле, им смазывали кожу при ссадинах, ожогах (Попов 2013: 317). Если человек упал в обморок, сжигали гусиное перо, чтобы привести его в сознание (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково). Для нанесения вреда здоровью человека в черной магии использовали гусиный или утиный желудок – чтобы человек не мог жить без спиртного так же, как эти птицы (утка или гусь) не могут жить без воды (МПЭ–РМЭ Звен. сс. Именцы, Кужмара, д. Нижние Памъялы).

По данным исследователей В.А. Глухова и Н.Н. Глуховой, гуси в песнях горных марийцев символизируют родителей, гусенок – ребенка-сироту. Гусь может означать также сестру, рекрутов (Глухов, Глухова 2012: 82). В песнях восточных марийцев гусь ассоциируется с родней (ПВМ: 140), может символизировать одинокого человека, который живет «словно гуси без гусят» (Там же: 252, 253).

«Ошо дечат ошо комбем ыле,
Вүдшö уке дене шемеме.
Лишыл дечат лишыл шочшем ыле,
Мийылде-толде, ялт йот лие»

[Белее белого был гусь у меня,
Почернел от того, что воды нет.
Ближе ближнего был родной у меня,
Не навещая друг друга, чужими стали]
(Там же: 107).

В другой восточномарийской песне гусь ассоциируется с сестрой, которая выйдет замуж в неизвестное место, как летящие гуси, которые сядут на неизвестное озеро (Там же: 75–76). В песне кировских мари с белым гусем сравнивается любимый человек:

«Ой, ава комбо – ош комбо,
Пура вүдыш йүштылаш.
Ош комбо гань мотор танем,
Лек ваитарешем тавалташ»

[Ой, гусыня – белая гусыня,
Заходит в воду купаться.
Как белый гусь (гусыня) мой красивый друг (подруга),
Выходи на встречу танцевать]
(МПЭ–КО Кильм. д. Азиково).

Подытожим изложенное выше: гусь в представлениях мари является священным, его приносили в жертву богам. У марийцев, как и у чувашей, как гусь, так и утка, являлись наиболее желанными жертвоприношениями Киреметю (Салмин 2010: 214). В связи с почитанием гуся связанные с ним практики в народной культуре окружены рядом запретов. У марийцев хорошо развито гусеводство, в связи с чем для защиты домашней птицы от дурного глаза и хищников, проводятся защитные обряды. Наблюдение над домашними и дикими гусями породило ряд метеорологических примет. Приметы, связанные с отлетом диких гусей, и предвещающие первый снег, продолжительную осень и т. п., сходны с приметами, в которых фигурируют журавли и лебеди. В песенной лирике по своей символике гусь близок к образу утки.

7. Лебедь

Лебедь – водоплавающая птица семейства утиных. Название лебедя едино на всей марийской территории с небольшими диалектными различиями: *йүксö* марЛ, *йүксы* марГ, *йүкчö* марВ, *йүкш* марСЗ ‘лебедь-кликун, *Cygnus cygnus*’. Исследователи этимологически возводят этот орнитоним к финно-пермскому языку-основе (ТW: 198, UEW: 101, EWT: 39–40): фин. *joutsen*, саам. *njukša*, эрз. *локсей*, удм. *юсь*, коми *юсь*.

Йүксö ‘лебедь’ фигурирует в качестве атрибутивной части лимнонимов, что указывает на то, что на этих озерах останавливались лебеди: *Йүксыер* (оз. Юксары) в Моркинском районе (Воронцова, Галкин 2002: 99), *Йүксы йяр* (оз. Юксары) в Килемарском районе и *Йүксы йяр* (оз. Лебединое) в Горномарийском районе (Васикова 2003: 75).

Лебедь – почитаемая, «святая» птица, о чем свидетельствует другое народное название лебедя *юмынгайык* (букв. «божья птица»). У вологодских вепсов лебедь также называется *Jumalan lind* (букв. «Божья

птица») (Винокурова 2006: 54). Как отмечает С.Я. Черных, члены рода, считавшие своим первопродком лебедя, носили имена, производные от апеллятива *йўксö*, *йўкчö*, *юксо*: «Юксын Эрге Юксалче: сын Лебеда (по имени) Юксалче; Йўксö Ёдыр: Дочь (рода) Лебедь – в легендах, сказках» (Черных 1995: 13). Большим грехом среди марийцев считается стрелять в лебеда и употреблять его мясо в пищу. Такое же отношение было

Рис. 9. Лебедь-кликун

и у других финно-угорских народов – удмуртов, карел, коми, вепсов (Винокурова 2006: 55), и у русских (СД III: 88). Отметим, что эта птица считалась священной и в Англии XII – XVI вв. В Европе лебеди были символом благосостояния и аристократичности (Martin 1993: 186).

Фразеологизм *йўксö муро* (букв. «лебединая песня») ‘самое последнее, значительное проявление таланта, деятельности, предсмертное творение кого-либо’ (Грачева 1989: 82) берет начало из древнего поверья, будто лебедь поет раз в жизни – перед смертью. Устойчивое выражение с тождественным значением имеет соответствия во многих языках: рус. *лебединая песня*, англ. *swan song*, эст. *luigelaul*, нем. *Schwanengesang*, франц. *chant du cygnet*.

Лебедь имеет женскую символику. Часто красивая девушка сравнивается с лебедем: *йўксö гай ёдыр* ‘девушка словно лебедь’, *йўксö гай шыма* ‘стройная как лебедь’, *йўксö гай иеш* (о походке) ‘плывет как лебедь’, *ош йўксö гай мотор* ‘красивая как белая лебедь’. Красивая походка девушки сравнивается с плавными движениями лебедя на воде: *ош йўксыла кая(ш)* ‘красиво идти, красивая походка’ (букв. «идет как белая лебедь»).

Дева-лебедь – древний и распространенный образ. Сюжет брака человека с девушкой-лебедем или превращения девушки в лебедя встречается у многих народов. Л. Мартин отмечает этот мотив в немецком фольклоре (Martin 1993: 186). Подобный сюжет нашел отражение в марийской сказке «Тойдемар и Белая Лебедушка» (СЛМНС: 13–17), которая рассказывает о браке человека с девушкой-лебедем и прославляет верность в любви. Чтобы улететь вместе с любимой молодой человек превращается в лебедя.

Исследователь марийской мифологии Ю.А. Калиев считает Лебеда третьим астральным созвездием (после Полярной звезды «кава менге» ‘небесный столб’, и созвездия Лося «шордо шўдыр», отождествляемого с Большой Медведицей). Как полагает автор, несмотря на то, что народная память не сохранила название созвездия Лебеда, оно может быть легко

локализовано в непосредственной близости от Полярной звезды – *небесного столба*. В одной из народных песен говорится:

Йүксө чонгешта шүдүр ужсын,

Куко чонгешта ер ужсын.

Лебедь летит, ориентируясь (глядя) на небесную ось,

Кукушка летит, ориентируясь (глядя) на озеро (Калиев 2003: 59).

Как уже было отмечено, у марийцев считалось, что лебедя нельзя убивать, поэтому на лебедей, которые считались «божьими гусями» (мар. *юмынкомбо*), никогда не охотились. Согласно представлениям восточных мари, охота на лебедя грозит распадом семьи: *Йүксым лүяш ок лий, тудо паран кайык. Паржым лүят, вара шкет кодшо йүксө лүйиш энгын суртышкыжо чонгештен толеш да пикила оралтыш пörдын кая да кола, а тиде сурт пыта* [Нельзя стрелять лебедей, они живут парами. Если одного из них убить, то оставшийся одинокий лебедь прилетает и падает, как стрела, во двор стрелявшего человека и разбивается, а этот дом запустеет] (МПЭ–РБ Мишк. д. Сосновка).

Марийцы по отлету лебедей гадали о предстоящей осени или зиме: *Йүксө пеш вара чонгештен кая – кужу да шокшо шыжылан* [Поздно улетают лебеди – к продолжительной и теплой осени] (МНП: 173; Евсеев 1994: 60; Васильев 1918а: 53). *Юмынкомбо шыжым кечывалымаке эр кая – йүшитö вайше толеш* [Если лебеди улетают ранней осенью, холода наступят скоро] (МНП: 36). *Юмынкомбо шыжым кечывал йымак кая гын, лум вайше толеш* [Осенью лебеди улетают на юг – к скорому снегу] (Веке III: 70). *Юмынкомбо шыжым кечывал йымак кая гын, почшо шуйнен, шыже кужу лиеш; тör кая гын, шыже күчык лиеш, лум вайше толеш* [Если осенью лебеди летят, растянувшись цепочкой, то осень будет затяжной; если лебеди летят клином, то осень будет недолгой, к скорому снегу] (Там же: 70). Народ также обращал внимание на то, как высоко или низко летят птицы, тихо или шумно. Считается, что если лебеди осенью летят высоко, то будет долгая осень, снег быстро не ляжет (Веке I: 2). Если осенью лебеди летят с шумом, издавая крик, это к долгой осени; если летят тихо, то к короткой осени (Там же: 4). С прилетом лебедей связаны представления об урожае хлеба: *Йүксө шошым лум валан толеш гын, кинде ок шоч, маныт; лум каен пытен мөнгö толеш гын, кинде шочеш, маныт, тене* [Если весной лебеди прилетают, когда еще лежит снег, то хлеб не уродится; если лебеди прилетят после того, как растаял снег, то говорят, что хлеб уродится в этом году] (Веке III: 64). Вероятно, ассоциация с белым оперением лебедя породила следующее поверье: *Шошым аул гоч йүксө кая гын, сай огыл, шолем киндым кырен кая* [Если весной лебеди летят через деревню, это нехорошо – град уничтожит хлеба] (Веке I: 400).

Представление о лебеде как о святой птице легло в основу марийской пословицы о доброте: *Йүксылан энгат йүксыла коеш* [Лебедю и человек лебедем кажется] (Китиков 1981: 31; МКМ: 100), которую надо понимать так, что доброму человеку все кажутся добрыми.

В фольклоре лебедь также имеет женскую символику. Белый лебедь воплощает женскую красоту. В песне восточных мари девушка сравнивается с лебедем:

<i>«Эгертүн пасу – төвә пасу, Онгыр вуян сәскә пеледеш-ла, Онгыр вуян сәскә пеледеш. Миньынат танем – Сулий йүксө, Савырналеш – олманула пеледеш-ла, Савырналеш – олманула пеледеш»</i>	[Наше поле – холмистое поле, Колокольчики там цветут, да, Колокольчики там цветут. Моя любимая – что лебедь с реки Сули, Повернется, как яблоня цветет, да, Повернется, как яблоня цветет]
---	---

(ПВМ: 195).

В хвалебных песнях голос человека сравнивается с лебединым (Там же: 97–98). Белая лебедь может символизировать грусть, тоску по родственникам:

<i>«Оралтыштем уло йыргешке ераш, Йыргыктенат коштылда ош йүкчө. Мыйынат-лай шочшеем пеш мундырнө, Йыргыктенат йогалеш шинчавүд»</i>	[В ограде у меня маленькое озеро, Плавает там белая лебедь. И мои родные очень далеко, Из-за них слезы мои катятся]
--	--

(Там же: 135).

В песнях о тяжелой, горькой доле свободный полет лебедя противопоставляется трудной жизни человека (Глухов, Глухова 2012: 83):

<i>«Ай, кұшычын-кұшычын чонешталеш ош йүкчө, Ший шулдыржо гыч йога, ош ойытшо йогалеш. Ильшыжат пеш йбсө, эрта ұмыр пеш нелын, Кок шинчанам вүд налеш, шинчавүдна йогалеш»</i>	[Ах, высоко-высоко лебедь белая пролетает, С серебряных ее крыльев искры так и сыплются. И жить-то так трудно, проходит жизнь так тяжело, Глаза слезами наливаются, и слезы наши льются]
--	---

(ПВМ: 248).

Итак, лебедь – достаточно яркий образ в марийском традиционном мировоззрении. Это почитаемая птица; в фольклоре ярко выражена женская символика лебедя. В приметах актуализируется перелет лебединых стай на зимовку, так же, как и перелет других перелетных птиц (уток, гусей).

8. Кукушка

На территории Республики Марий Эл, где проживает основная часть марийцев, встречаются два вида семейства кукушковых: обыкновенная кукушка⁹⁷ (*Cuculus canorus*), глухая кукушка (*Cuculus saturatus*). Первая является широко распространенным видом, а вторая из-за меньшей

⁹⁷ См. (Yuzieva 2014).

распространенности является малоизвестной в народе птицей. Голос глухой кукушки похож на голос удода: «гу-гу, гу-гу», и звук не разносится так далеко, как у обыкновенной кукушки (ККРМЭ: 75).

В марийском языке представлены следующие названия кукушек: *куку* марЛ, марГ, марСЗ ‘обыкновенная кукушка’, *дудыккуку* ‘глухая кукушка’, *рушккуку* марГ (букв. «русская кукушка») ‘глухая кукушка’ (МРСБТ: 43, 95, 186). Орнитоним *куку* ‘кукушка’

Рис. 10. Обыкновенная кукушка

в марийском языке – звукоподражательный⁹⁸. Для лугового наречия В.М. Васильев дает вариант *куко* (Васильев 1928: 89), для восточного наречия – *кѳкѳ*⁹⁹ (Там же: 83, 89).

Название глухой кукушки, *дудыккуку* является звукоподражательным: «Глухой эту кукушку назвали из-за брачной песенки ее самца – он поет не звонкое «ку-ку», а глухое и низкое «ду-ду-ду...ду-ду» (ППЭ: 153). Орнитоним *рушккуку* состоит из двух компонентов: отэтнонимического прилагательного *руш* ‘русский’ и орнитонима *куку* ‘кукушка’. Полагаем, что отэтнонимическое прилагательное указывает на необычность, нетипичность птицы для своего вида¹⁰⁰. Так, орнитоним *рушккуку* означает необычную, нетипичную птицу для своего вида, отличающуюся голосом.

По свидетельству Т.В. Козловой, для каждого названия животного можно выявить набор ассоциативных признаков, которые отражены во фразеологизмах. С кукушкой связаны следующие наиболее устойчивые характеристики и смысловые аспекты: беззаботный, беспутный, непостоянный, одинокий, замкнутый (Козлова 2003: 60–61). Кукушка встречается в ряде фразеологизмов и устойчивых выражений: *куку гай ава* (букв. «мать как кукушка») ‘женщина, которая не заботится о своих детях’, (МПЭ–РБ

⁹⁸ «It was concluded that *ku* in a simple or reduplicated form appears in 67% of the names of *cuckoo*, 100% of the verbs *to cuckoo* and 75% of the interjections *cuckoo!*» (Marttila 2009: 173).

⁹⁹ Отметим, что Н.И. Исанбаев название *кѳкѳ* возводит к татарскому источнику (Исанбаев 1994: 88). В.И. Вершинин полагает, что *кѳкѳ* может быть и древним вариантом *куку* ‘кукушка’ (Вершинин 2010: 51).

¹⁰⁰ Соглашаемся с мнением Е.В. Лысовой в том, что оценочное значение отэтнонимического прилагательного можно определить как ‘необычный’, ‘нетипичный для своего вида’ (Лысова 2002: 44). Исследователь отмечает, что «...птицы, наименование которых содержит пейоративное значение, воспринимаются (либо воспринимались когда-то) как необычные, нетипичные, что спровоцировано либо внешними, либо звуковыми особенностями» (Лысова 2002: 45).

Шаран. с. Акбарисово); *күкө иге* (букв. «кукушонок») ‘одинокий, сирота’; *күкө муно гае икте гына улат* (букв. «единственный как кукушкино яйцо») ‘единственный’ (МПЭ–РБ Мишк. д. Иликово); *куку иге гай* (букв. «как кукушонок») ‘одинокий, брошенный кем-то’; *куку гай йочам шолен кодаш* (букв. «бросать своих детей как кукушка») ‘не заниматься воспитанием детей’ (МПЭ–РМЭ Кужен. д. Мари-Шои); *куку койышан* (букв. «с характером кукушки») ‘безответственный’ (МПЭ–РМЭ Морк. с. Шиньша); *кукун мурыжым ит муро* (букв. «не пой песню кукушки») ‘не нужно печалиться’ (МПЭ–РМЭ Морк. д. Кубыш-Ключ); *куку кумыл* (букв. «кукушкино настроение») ‘одиночество, печаль’ (МПЭ–РМЭ Совет. д. Кундушумбал); *кукула муралта* (букв. «поет как кукушка») ‘хорошо поет, поет звонким голосом’ (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы).

Пестрость оперения кукушки является ее основным, конституирующим признаком, она также становится основой для сравнения пестроты других птиц: *куку чыве*, *кукула цывы* марГ – пестрая курица (СМЯ III: 107); совы: *кукулатумна*, *кукула тымана* марГ ‘ястребиная сова’ (СМЯ VII: 254). Пятнистость яиц кукушки обнаруживает связь с веснушками *кукумуно* (*шүргыштө*) ‘веснушки (на лице)’ (СМЯ III: 107), букв. ‘кукушкино яйцо’. *Күкүк* – подражание крику кукушки, например, *куку күкүк-күкүк шотла* (букв. ‘кукушка считает: куку-куку’) (СМЯ III: 225). Это подражательное слово употребляется в детской игре в прятки: *күкүк! куку!* ‘ищи меня!’, отсюда связанные с этим выражения *күкүм ышта* ‘прячется’, *күкүк лияш* ‘прятаться’ (СМЯ III: 225).

Слово *куку* выступает в качестве компонента сложных названий растений: *кукуняня* марГ (букв. «кукушкин хлеб») ‘молодые побеги хвоща’, *кукуйытын* (букв. «кукушкин лен») ‘кукушкин лен, *Polytrichum commune*’, *кукувуй* (букв. «кукушкина голова») ‘холатка, *Corydalis solida*’, *кукупеледыш* (букв. «кукушкин цветок») ‘дрема белая, кукушкины слезки, *Silene latifolia*’; *куку пеледыш* марГ, *кукувеледыш* марГ (букв. «кукушкин цветок») ‘горичвет, кукушкины слезки, *Adonis vernalis*’, *кукушудо*, *куку шуды* марГ (букв. «кукушкина трава») ‘ятрышник пятнистый, *Orchis maculata*’ (СГЯ: 109; СМЯ III: 107–108).

Всем известно, что одна из интереснейших особенностей биологии кукушки – подкла-

Рис. 11. Кормление кукушонка луговым чеканом

дывание яиц в чужие гнезда¹⁰¹, при котором все заботы по высиживанию и выкармливанию птенцов выполняют другие птицы. Чаще всего эту роль выполняют соловьи, трясогузки. Об этой специфической черте кукушки поется и в марийских песнях: «*Куку мура ик вере, пыжашыже вес вере...*» [Кукушка поет в одном месте, а ее гнездо в другом месте]. Отсутствие гнезда у кукушки в народе объясняется тем, что она согрешила – работала в праздник; легенда возникла или оформилась уже под влиянием христианства: кукушка свила гнездо в день Благовещения (7 апреля по православному календарю), поэтому Бог лишил ее семейного счастья. Теперь кукушка не вьет своего гнезда, а яйца оставляет в гнездах других птиц. День Благовещения Святой Богородицы считается большим праздником, что подтверждает и марийское поверье, совпадающее, впрочем, с восточнославянскими: *Благовещений пеш кугу пайрем, кайыкат пыжашым огеш опто, ўдыр ўтым ок удыро (пуно)* [Благовещение – большой праздник, и птица не вьет гнезда, и девушка не заплетает волосы] (МПЭ–РМЭ Горн. д. Цыганово).

Как отмечает Ю.А. Калиев, среди марийских космогонических мифов объяснению животного мира отводится незначительное место; эти данные редки и фрагментарны (Калиев 1994а: 141). Один из таких редких персонажей – *кукушка* (мар. *куку*). Это мифологизированная птица с ярко выраженной женской символикой. В представлениях марийцев она часто связывается с образами вдовы или сироты. Как отмечает Ю.А. Калиев, эти образы – как воплощение мечущейся одинокой души, заняты вечным поиском утраченного. Для воссоздания развернутой картины образа кукушки исследователь предлагает рассмотреть один из мифологических сюжетов, объясняющих возникновение данного образа в представлениях марийцев.

Как-то девушка купалась в реке. Выйдя на берег, она обнаружила змея, лежащего на ее одежде. За то, что он отдаст ей одежду, змей предложил девушке выйти за него замуж. Девушка вынуждена была дать согласие. Придя домой, она поведала об этом матери. Та, схватив топор, стала дожидаться появления змея. Но змей было так много, что она боялась отсечь голову змея-жениха.

Спустя год-два дочь пришла в гости к своей матери. Мать, разузнав, как дочь вызывает из воды своего мужа-змея, пришла к реке и, позвав змея, отрубила ему голову. Дочь же, устав ждать у водоема своего суженого, превратилась в кукушку и до сих пор ищет и кличет его по белу свету (Калиев 2004: 88).

Согласно другой этиологической легенде, распространенной у марийцев, в кукушку превратился ребенок первой жены овдовевшего мужчины. Когда он женился на другой женщине, та не хотела жить в его доме вместе

¹⁰¹ Семейство кукушек включает около 130 видов. Не для всех видов кукушек характерен гнездовой паразитизм, некоторые из них образуют пары и строят гнезда. Таких около 80 видов, почти все живут в Западном полушарии (ППЭ: 153).

с его сыном. Она убила ребенка, и мальчик превратился в кукушку и улетел:

Куку – кугыватын икшиве. Кугывате колен, а изивате тиде ешыш марлан толеш. Тудо ынеж иле: эрге улмаш кугыватын. Мӧнгеш кайымыже огеш шу. Кугыватын эргыжым налеш да руалеш, шолтен, сӧсналан пукша. Под шолеш. Йӱдым агытан муралта: «Ачай кучыш, авий шӱшкыльӧ». Агытан мурмымо годым подеш шолтымо эргет кукула кум гана муралта. Омсам почын колтат – куку чонештен кая. «Ку-ку, ку-ку, ачай кучыш, авай шӱшкыльӧ! Ынде мыйым ку-ку-кучыза, кугу чодыраш, келге коремыш чонештем!» – манын муралта. Кызытат куку тыгак мура.

[Кукушка – ребенок первой жены. Первая жена умерла, а вторая приходит в эту семью. Она не хочет жить: от первой жены был сын. Обратного ухода не хочет. Заколола сына первой жены, сварив, скормила свинье. Котел кипит. Ночью поет петух: «Отец поймал, мать зарезала». Во время пения петуха мальчик, которого варили в котле, три раза спел как кукушка. Открывают дверь – вылетела кукушка. «Ку-ку, ку-ку, отец поймал, мать зарезала! Теперь ловите меня, улечу в большой лес, глубокий овраг!» – поет. И сейчас кукушка поет также] (ТМО: 39).

В сказке падчерица, погибшая в результате преследований мачехи, превращается в кукушку, прилетает на крышу своего дома и поет, жалуясь на свою злосчастную судьбу (Васильев 1949: 21).

Образ кукушки также имеет отношение к похоронно-поминальному культу марийцев. Как отмечают исследователи, еще до XX в. были широко распространены фигурки кукушки на кладбищенских воротах, на надгробных столбах. Ю.А. Калиев считает эти факты свидетельством того, что кукушка понималась как медиатор между мирами или была связана с душой умерших. По его мнению, изображение кукушки на могильном столбе отражает часть мифологической картины мира, связанной с астральными представлениями марийцев, где могильный столб символизирует земной прообраз небесного столба. Как отмечает исследователь, в заговорных формулах часто встречается мотив *юмын куко* (небесной, или божьей кукушки), сидящей на огненном столбе (варианты: серебряном, золотом, медном) (Калиев 2003: 60). В ходе полевых экспедиций к восточным марийцам выяснилось, что в д. Кульчубаево Мишкинского района Республики Башкортостан еще сохранился обычай прикрепления к могильному столбу деревянной фигурки кукушки, чтобы «*куку гай чонештен кошташ*», букв. 'летать как кукушка'. Считали, что в облике кукушки душа слетает на землю побеседовать с близкими родственниками. Н.С. Попов отмечает, что этот обычай связан с верой в возможность перевоплощения души умершего в птицу (Попов 1981: 169).

С прилетом кукушки, с (первым) кукованием¹⁰² связаны разные приметы. Например, о сроке начала купания: *Куку мураш тўналеш – вўдыш пураш лиеш* [Кукушка начинает куковать – можно купаться] (МНП: 260; МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Кукование кукушки без умолку или дружное кукование этих птиц предсказывало ясную теплую погоду: *Куку пеш мура гын, ояр да шокшо лиеш* [Кукушка кукует без умолку – будет ясная жаркая погода] (МНП: 164). *Куку мура гын, умыр лиеш* [Если кукушка кукует, то будет тепло] (Евсеев 1994: 61). *Куку кукишо пушенгыште мура гын, йўштө толеш* [Если кукушка поет на сухом дереве, то похолодает] (МПЭ–РМЭ Мари-Тур. д. Мари-Купта). Кукушка кукует до конца июня: *Куку мура, шўшпык шўшка гын, кече турташ тўналеш* [Если кукушка кукует, соловей свистит, то день начинает сокращаться] (МПЭ–РМЭ Морк. д. Чодраял). «Кукушка поет на неделе Ивана Купалы, потом прекращает свое пение через неделю» (МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Малая Кильмезь). По народным представлениям, окончание пения кукушки приурочивается к Петрову дню. Пение кукушки после Петрова дня или окончание кукования до Петрова дня оцениваются негативно: *Куку Петро деч вара мура гын, шыже кужу лиеш* [Если кукушка поет после Петрова дня, то к долгой осени] (Веке I: 401, 562; Васильев 1918а: 53; МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково; Калт. д. Бабаево). Если кукование кукушки слышно после Петрова дня, то после Покрова снег долго не ляжет (Евсеев 1994: 61; Васильев 1918а: 54). Согласно другой примете, если кукушка заканчивает кукование за неделю до Петрова дня, то осень будет короткая, снег ляжет рано: *Петро кече арня ожно чарна гын куку мурымым, шыже кўчык лиеш (лум ондак возеш)* (Веке I: 562). Ряд народных примет связан с пчеловодством: *Куку кенгежым узак мура гын, мўкиш игым кужун колта* [Кукушка летом кукует долго – пчелы роятся допоздна]. *Куку нур воктен мура – мўй лиеш* [Кукушка запела у опушки – быть меду] (МНП: 239). Пение кукушки в саду предсказывало вылет пчелиного роя: *Куку пакчаиш толын мура гын, мўкишиге лектын кая* (Евсеев 1994: 64). Первое кукование кукушки является знаком, что можно сеять лен: *Куку мураш тўналын гын, йытын ўдаиш жап шуын* [Если кукушка начала куковать, то пришло время сеять лен] (МПЭ–РМЭ Кужен. д. Мари-Шои). Приметой неурожая было кукование кукушки ранней весной, когда лес еще не оделся листвой: *Куку лышташ лекме деч ончыч мураш тўналеш – шурно тўвыргө ок лий* [Кукушка начинает петь раньше появления листьев – хлеба не будут обильные] (МНП: 197).

По сложившимся представлениям марийцев, прилет кукушки в деревню считался недобрый знаком. Плохим предзнаменованием было, если кукушка куковала в деревне, это предвещало плохой год (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково; МПЭ–РМЭ Серн. д. Мари-Купта; Звен. с. Исменцы), не-

¹⁰² С.М. Евчина, 1969 г. р. из Республики Марий Эл Куженерского района д. Мари-Шои вела дневник наблюдения над птицами с 2003 по 2006 годы. По ее данным первое кукование кукушки в 2003 году было услышано 14 мая, 2004 – 6 мая, 2005 – 12 мая.

счастье (Sebeok, Ingemann 1956: 199; МПЭ–РБ Калт. д. Бабаево; Мишк. д. Сосновка; МПЭ–РМЭ Звен. д. Мари-Отары; Морк. д. Нуж-Ключ; Серн. д. Мари-Купта), смерть (МПЭ–РБ Калт. д. Василово; МПЭ–РМЭ Волж. д. Нуршари; Звен. с. Исменцы; МПЭ–КО Кильм. д. Малиновка), пожар (Sebeok, Ingemann 1956: 199). *Куку ялыш толеш – пожарлан, колышылан* [Кукушка прилетит в деревню – к пожару, к покойнику] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы; МПЭ–КО дд. Карманкино, Малиновка). Кукушка прилетит в деревню, во двор – к пожару (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково; МПЭ–РБ Дюрт. с. Маядык). *Куку ял воктенак кычкыра гын, порылан огыл* [Если кукушка кукует рядом с деревней, то не к добру] (МПЭ–РБ Балт. д. Ново-ямурзино). Плохим предвестием был прилет кукушки к дому: *Куку пöрт дек толеш гын, осал лиеш* [Если кукушка прилетит к дому, то будет несчастье (букв. «зло»)] (МПЭ–РМЭ Волж. д. Березники; МПЭ–РБ Мишк.). *Куку ялыш толын мура гын, иктаж-мо титак лиеш, маньт: ала ең кола, але вольык кола, иктаж-мо ала йўла* (Веке III: 76, 432) [Если кукушка прилетает в деревню и поет, то произойдет несчастье: человек умрет, или скотина падет, или что-то сгорит]. С точки зрения современной морали следующая примета оценивается как плохая: *Куку ялыш толеш – ўдыр мўшыкыран лиеш* [Кукушка прилетит в деревню – девушка забеременеет] (МПЭ–РМЭ Кужен. д. Мари-Шои). Возможно, когда-то это предсказание рассматривалось как хорошая новость.

С первым кукованием кукушки связано представление о том, что если в этот момент подержаться за деньги¹⁰³, тогда весь год не будешь испытывать в них нужды (МПЭ–РМЭ Волж. д. Шарембал; Кужен. д. Большой Ляждур; Звен. с. Исменцы, д. Нижние Памъялы; МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Согласно другой примете, рекомендуется считать деньги (МПЭ–РМЭ Совет. дд. Васлеево, Верх-Ушнур; Новотор. д. Шемермучаш) или трясти кошельком (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы), чтобы быть при деньгах, богатым. Еще лучше сначала услышать кваканье лягушки, тогда будешь жить весело, без забот, будешь счастливым: *Кукум икымие гана колат гын, окса лийман күсенъшите. Ондак ужава йўкым колаш тыршыман. Ужава гай онгырешнен, куанен илет* [Когда первый раз услышишь кукушку, в кармане должны быть деньги. Сначала нужно постараться услышать кваканье лягушки. Будешь жить беззаботно, весело] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Букленды, Сосновка, Чебыково, с. Чураево). Чтобы избавиться от блох, вшей, клопов, при первом куковании кукушки рекомендуется выкрикнуть: *Шуришым почкем – шуришым почкем!*» [Вытряхиваю блох – вытряхиваю блох]. Считалось, что таким образом можно избавиться от паразитов (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Очевидно, первое кукование кукушки наделяется у марийцев магическими свойствами.

¹⁰³ Деньги в кармане в этом случае предвещают богатство. Аналогичное явление можно наблюдать у белорусов, кашубов, болгар, немцев, у которых рекомендуется иметь при себе деньги при первом куковании кукушки, как и при первой встрече с аистом (Гура 1997: 652). «In Germany and England, however, it was considered lucky to have money in one's pocket when one first heard cuckoo» (Martin 1993: 42).

Неблагоприятность предсказаний, связанных с кукованием кукушки, породила необходимость появления оберегов (словесных формул, запретов), направленных на противодействие недобрым предсказаниям. Как отмечает Л.С. Тойдыбекова, часто кукование отождествляли со зловещим предзнаменованием и, услышав голос этой птицы, старались отвести беду заклинанием: «*Сайын мурет, ике вуетлан муро!*» [Хорошо поешь, пой на свою голову!] (Тойдыбекова 2007: 131). В народе существует запрет дразнить кукушку: «*Куку ваитареш мураш ок йөрө. Ку-ку манаш ок лий*» [Нельзя передразнивать кукушку. Нельзя говорить «ку-ку»] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). По народным представлениям не рекомендуется стоять спиной в ту сторону, откуда слышалось кукование: *Куку мурымо годым йүк дек туп дене шогыман огыл* [Нельзя стоять спиной в сторону пения кукушки] (МПЭ–РМЭ Кужен. д. Большой Ляждур). По верованиям восточных марийцев, если первое пение кукушки услышишь правым ухом, не будет счастья: *Шошым первый күкү мурымым нурла пылыш ден колат гын, бәхьтан*¹⁰⁴ *от лий маныт* (Sebeok, Ingemann 1961: 60). Для сравнения: «Cornishmen say it is lucky to hear the Cuckoo from the right, unlucky from the left» [Корнцы¹⁰⁵ говорят, что слышать кукушку справа – к счастью, слева – к несчастью] (Loyd 2010: 130). Считается, что человек станет глухим, если услышав пение кукушки весной, съест брюкву (Beke I: 401). Согласно народным представлениям восточных марийцев (бирский диалект), если стельная корова услышит пение кукушки, то она вовремя не отелится: *Ушкар тўж лиеш гын, эр презылже! Күкө мурмашеш кодеш гын, йыле огеш презыле: (күкө мурмым колаш гын, 12 тылзышкен огеш презыле)* [Если корова стельная, пусть рано отелится! Если останется на время кукования кукушки, то быстро не отелится: (если услышит пение кукушки, то не отелится до 12 месяцев)] (Beke IV: 392).

С кукованием кукушки связывали и предсказания. Так, девушки гадали о замужестве: сколько раз прокукует кукушка, столько лет ходить в девках: *Куку мыняр гана ку-ку манын муралта, тунар ий гыч марлан кает* [Сколько раз прокукует кукушка, через столько лет выйдешь замуж] (МПЭ–РМЭ Параньг. д. Мурзанаево; МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино). *Куку мыняр гана йүкым луктеш, тунар ий гыч тиде мурым колыштишо үдыр марлан лектеш* [Сколько раз прокукует кукушка, через столько лет слышавшая это пение девушка выйдет замуж] (МПЭ–РМЭ Волж. д. Сотнур). По кукованию кукушки марийцы пытаются посчитать продолжительность своей жизни. Вот рассказ респондентки о реальном случае из жизни: «*Муж ходил рыбачить. Издалека доносился голос кукушки. Он проверял снасть, вытаскивал рыбу. Вдруг прилетела кукушка и села на сосну. Он спросил: «Кукушка, скажи мне, сколько осталось жить?».*

¹⁰⁴ *бәхьт, бәгьт* ‘счастье, удача’. *Бәхьтем уло* ‘есть у меня счастье’ < тат. *бәхет*, башк. *бәхет* ‘счастье, везенье’. Ср. лит. *тиал* ‘тж.’ (Илиева 2009: 26).

¹⁰⁵ «Корнцы (корнск. *Kernowyon*) – этнотерриториальная группа кельтского происхождения, исторически населяющая Корнуолл, графство в юго-западной части Великобритании» (ru.wikipedia.org/wiki/Корнцы).

Кукушка ответила «Кү-күк-коок». Муж еще два раза переспросил, но она отвечала только кү-күк-коок». Когда пришел с рыбалки, рассказал мне. А ведь, правда, прожил недолго, умер примерно через полгода» (МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино).

Одни информанты говорят, что для получения достоверной информации нужно втыкать в землю косовище или палку (МПЭ–РБ Мишк. д. Букленды), другие – обхватить руками дерево, на котором поет кукушка (МПЭ–РМЭ Горн. д. Цыганово; Звен. д. Нижние Памъялы; Мари-Тур. д. Агачи; Морк. дд. Кубышкюч, Чодраял; МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино; Веке III: 77), и сосчитать, сколько раз кукушка прокукует, что и означает число оставшихся лет жизни: *Куку мурымо куэм ондалат гын, мыняр гана муралта, тунар ий илет* [Если обнимешь берёзу, где кукует кукушка, то сколько раз она прокукует, столько лет и проживёшь] (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево). *Күкүн шинчын мурымо пушенгыжым элтален шогалат гын, мунар ий илет, тунар гана мура, маныт* [Говорят, что если обнять дерево, на котором кукует кукушка, сколько проживёшь, столько раз она прокукует] (Веке IV: 452). Подобное представление о том, что нужно обнимать дерево, на котором кукует кукушка, есть и у южных эстонцев (Petseri, Vilo vald), только с той разницей, что если тебе не нравится количество выпеваемых кукушкой выкриков, то можно самому продолжить выкрикивать «ку-ку». По мнению М. Мягера, «предпосылкой предвещения кукушкой продолжительности жизни, вероятно, является расчлененность ее пения на отдельные «куку» (Мягер 1963: 23).

Как пишет Ёло Тедре, по всей Эстонии известен обычай утром обязательно что-нибудь поесть (Tedre 1991: 106). Считалось, что услышанное весной пение птиц (особенно это касалось кукушки) натошак может предвещать несчастье. Чтобы избежать этого, эстонцы съедали кусочек хлеба, и это называлось *linnupete* – обман птиц (подр. см.: Hiiemäe, <http://www.folklore.ee/Tagused/nr1/linnud.htm>). По представлениям марийцев, если утром слышишь первое пение кукушки на сытый желудок – к добру, и наоборот, если услышишь кукование на голодный желудок – не к добру, будет голод. Недобрым знаком также было пение кукушки вечером (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево). Согласно карельской примете, кукушка нагадит на голову тому, кто весной первый раз услышит кукушку, не позавтракав (Огнева, Конкка 2013: 140). Эстонцы также обращали внимание на время кукования кукушки, в зависимости от этого ее называли по-разному: *Hommikul hoolekägu, sööma ajal surmakägu, lõuna ajal leinakägu* ja *õhtul õnnikägu* [Утром – кукушка заботы, во время еды – кукушка смерти, во время обеда – кукушка траура, вечером – кукушка счастья] (Mäger 1969: 115).

По окраске и размерам кукушка несколько напоминает ястреба-перепелятника. Этим, видимо, объясняется народное представление марийцев о том, что кукушка к концу жизни или после прекращения пения превращается в ястреба: *Куку шонгеммекше вараыш савырна* (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево), *Куко мурен ситара, осаллана, вараыш савырна* (МПЭ–РБ

Мишк. д. Чебыково); в пустельгу (хищная птица семейства соколиных): *Куку мыраш цярнйят, каля вярйшйш сярнйлтеш* (МПЭ–РМЭ Горн. д. Цыганово). Такая метаморфоза встречается в поверьях многих народов. «У славян широко распространено поверье о том, что, прекратив к осени свое кукование, кукушка обращается в ястреба, коршуна или кобчика (реже в орла, сокола, сову). Это поверье, известное со времен античности (Аристотель, Плиний), отмечено у многих европейских народов» (Гура 1997: 696).

Образ кукушки, который входит в группу главных символов песен (Глухов, Глухова 2012: 78), часто встречается в марийских песнях, главным образом, песен печальных, как и само пение кукушки, которое наводит тоску и настораживает. В песнях горящий человек не может слушать кукование кукушки без плача, это тяжело для сердца (Sebeok, Ingemann 1956: 199).

*«Кўкыжат-лай кўкўк манылдалеш,
Ала-молан тўрзашкем рас шокта.
Омат-лай ойгыро, омат монгял,
Ала-молан кумылем тодылтеш»*

[Кукушка-то кукует «ку-ку»,
Почему-то в окошко мне четко слышно.
И не горюю, и не печалюсь,
Почему-то грустно у меня на душе]
(ПВМ: 250).

Часто в песнях кукушка фигурирует в связке с березой: *«Ужаргыше куэр-лаште куку йўкйш шергылтеш»* [В зеленом березняке раздается пение кукушки]. В.М. Бердникова и Е.А. Тудоровская считают, что в марийских песнях кукушка – символ тоскующей матери, девицы или вдовы; кукование кукушки – символ плача матери (Бердников, Тудоровская 1945: 46). Кукушка может символизировать родственников, отца, мать, девушку-красавицу; ее птенцы символизируют молодежь. С помощью образа кукушки передаются женское одиночество, тоска, печаль (Глухов, Глухова 2007: 85; 2012: 78, 80). В лирической песне два птенца одной кукушки отождествляются с двумя влюбленными, которые разлучены, как эти два кукушонка, оказавшихся в разных гнездах (МНПС: 58). В следующем примере: верный отец (= как лебедь), беспутная мать (= кукушка), несчастная, брошенная матерью дочь (= кукушонок):

*«Вакиылдалме тўшакем, ай, йўкчө пун,
Тонедальме мындерем – кўкө пун.
Ачаем – йўкчө, аваем – кўкө,
Шке улам кўкынат игыже»*

[Перина моя из лебяжьего пуха,
Подушка под головой – из пуха кукушки.
Отец мой – лебедь, мать – кукушка,
Сама я – дитя кукушки]

(ПВМ: 48).

В поминальной песне восточных марийцев кукушка – образ смерти, медиатора:

*«Кўкыжә-лай кўкүкат манылдалеш
Шўгарла-лай капка вуйышто.
Миньынат-лай изаем кушко каен? –
Киямат-лай тўра кидышке»*

[Кукушка «ку-ку» прокукует
На воротах кладбищенских.
Куда же делся мой брат? –
В руках Киямата-хозяина]

(ПВМ: 281).

Согласно народным поверьям, у кукушки нет пары. По некоторым легендам, она живет с ястребом, с соловьем (Тойдыбекова 1997: 131). Народные представления о кукушке легли в основу загадки:

*«Шкенжын муныжым ок пўктө,
Игым ок пукшо, ок йўктө,
Весьлан огеш лий кум,
Паледа, векат, кукум»*

[Яйца не несет,
Птенцов не кормит, не поит,
Другим не будет кумом,
Знаете, наверное, кукушку]

(МНЗ: 161).

Семейно-бытовые отношения зафиксированы в пословице: *Кукуат муным мунча, но шке огеш пўктө* [И кукушка яйца несет, да сама не высиживает] (Ибатов 1960: 64). Образ кукушки встречается и в пословице о хвастовстве (хитрости) человека: *Ончыч мурышо куку вараиш кодеиш* [Рано запевшая кукушка запаздывает] (Там же: 94).

Образ кукушки, глубоко проникший в марийскую культуру и имеющий много ассоциаций, не несет явных отрицательных или положительных коннотаций. Он в основном укладывается в рамки общеевропейской традиции. Отметим, что много общего с марийскими представлениями можно найти у других народов, как родственных, так и неродственных. Кукушка чаще связывается с образом вдовы или сироты. Кукушка также соотносится с похоронно-поминальным культом у марийцев. Ярко выражена у кукушки символика смерти. Она проявляется не только в гаданиях по кукованию, но в целом ряде примет и поверий. Крик кукушки часто расценивался как злое предзнаменование. Голос и образ жизни этой птицы выделили ее из множества других птиц. С кукованием связаны гадания о браке и о продолжительности жизни, предсказания погоды, урожая. Ряд примет связан с пчеловодством – одним из древних промыслов мари. Прилет кукушки в деревню, тем более кукование вблизи дома считался плохим знаком. Кукушка у марийцев – вещая птица.

9. Журавль

Журавль¹⁰⁶ – птица семейства журавлиных с длинными ногами и длинной шеей: *турня* марЛ, марВ, марСЗ, *тыртня* марГ, *тырня* марГ, *труня* марГ ‘серый журавль, *Grus grus*’. В марийском языке *турня* считается заимствованием из чувашского языка, в котором он является оноματοпеическим: ср. чув. *тырна*, башк., тат. *торна* (Васильев 1984: 56). Журавль гнездится в болотистой местности, чем объясняются названия болот с компонентом *турня* ‘журавль’. По данным исследования «Топонимика Республики Марий Эл» (2002) в разных районах республики имеются четыре болота *Турня куп* («Журавлиное болото», Волжск., Звен., Морк.), *Тырня куп* («Журавлиное болото», Горн.) (Воронцова, Галкин 2002: 331, 333). Компонент *тырня* также встречается в названиях оз. *Тырня йяр* («Журавлиное озеро», Горн.), лес *Тырня куп* («Журавлиное болото», Горн.) (Васикова 2003: 285).

Рис. 12. Серый журавль

В переносном значении в марийском слово «журавль» обозначает разиню, рассеянного или неспособного постоять за себя человека (СМЯ VII: 289), ср. фразеологизмы: *йомшо турня* (букв. «потерявшийся журавль») ‘бестолковый, сбившийся с правильного пути’, *шкет турня* (букв. «одинокий журавль») ‘одинокий, неприкаянный (о человеке)’ (СМЯ VII: 289), *йомшо турня гай перныл кошташ* (букв. «слоняться как потерявшийся журавль») ‘одиноко блуждать, быть оторванным от друзей, товарищей, близких и т. д.’ (Грачева 1989: 81). В пословице *Нерыше турня вуйжым йомдара* [Зевающий журавль голову теряет] (МКМ: 186) говорится о том, что невнимательно, неосторожно выполненное действие может привести к необратимым последствиям. При внезапном удивлении говорят: «*Теве тылат турня муно!*» [Вот тебе журавлиное яйцо!] (МКМ: 246). В целом, образ журавля имеет скорее отрицательную символику, но в марийской сказке о лисе и журавле (см. Веке 1938: 632–633) журавль оказывается умнее хвастливой лисы, которая говорит, что у нее *нылле ушем* (букв. «у меня сорок умов»).

Внешние признаки журавля, особенно его длинные ноги и шея, легли в основу наименований некоторых предметов и их частей из повседневного крестьянского быта. Так называется кривой брус в телеге: *турняшуй*

¹⁰⁶ См. (Юзиева 2015).

(букв. «журавлиная шея») или *путурняшуй* (букв. «деревянная журавлиная шея») ‘изогнутый деревянный брус у сохи, телеги’ (*Путурняшуйын ик мучашыжым шоган ораташ, весыжым капка покшелан пижыктат. Ыпмари.* [Изогнутый деревянный брус одним концом прикрепляют к рассохе сохи, другим – к сошнику]) (СМЯ V: 376). Внешним сходством с журавлем, его наклонами обусловлено наименование шеста у колодца в горномарийском языке (как и в русском): *тырня* марГ, *тыртня* марГ (СГЯ: 287).

Компонент *турня* встречается в ряде марийских фитонимов и указывает на пищевые пристрастия журавля или на сходство растений с внешним обликом птицы. Любимое лакомство журавля – клюква (лат. *Oxycoccus*) – в марийском языке получило название *турнявӧчыж*, *тырнявӧчыж* марГ, *тыртнявӧтыж* марГ (МРСБТ: 205, 211; СГЯ: 287) ‘клюква; болотное растение семейства вересковых с красными кислыми ягодами, а также его ягоды’ (СМЯ VII: 289). В следующих фитонимах компонент *турня* также указывает на растения, которые клюет журавль: *турнявурса*, *тырнявырса* марГ, *тыртнявырса* марГ (букв. «журавлиный горох») (МРСБТ 205, 211; СГЯ: 287) ‘чина лесная, *Lathyrus sylvestris*’: *Турнявурса*, *шеч кутыш калтаже*, *турня волен кочкеш*, *маным ыле*. МДЭ. [Чина лесная, стручок у нее в одну пядь; говорили, что журавли спускаются и питаются ими] (СМЯ VII: 289); *тыртнягинды* марГ, *тыртняня* марГ (букв. «журавлиный хлеб») ‘ранневесенние «колоски или пестики» спорангии полевого хвоща, которые весной охотно поедают журавли’ (МРСБТ: 211). Касатик аировидный (*Iris pseudacorus*) – травянистое растение с крупными желтыми, фиолетовыми и синими цветами – получил в марийском языке название *турнягӧрж* (МРСБТ: 205; СМЯ VII: 289), возможно, из-за своего длинного стебля и специфической формы цветка. *Турняшорвондо* (МРСБТ: 205) (*Geranium*) ‘аистник обыкновенный, журавельник; травянистое растение семейства гераниевых’: *Турняшорвондо – вичкыж кужу вондан кушкыл* [Журавельник – растение с тонким длинным стеблем] (СМЯ VII: 289). Основанием для метафоры, вероятно, послужила форма плодов растения. Ср.: латинское название произошло от греч. *γέρανιον* от *γέρανος* ‘журавль’, так как плоды герани напоминают клюв журавля (ЭСРЯ I: 58).

Отношение к журавлям было двойственным: одни в них стреляли, чтобы отпугнуть от полей, в частности, от посевов гороха (иногда мясо журавля употребляли в пищу); другие считали грехом убивать журавля и есть их мясо (Сепеев 1981: 118). Согласно представлениям восточных мари, охотиться на журавлей и есть их мясо запрещалось. Нарушение запрета сулило несчастье, например, болезнь в семье: *Турням луйш ок лий*, *турням кочкаш ок лий – еш черлана* [Нельзя стрелять журавлей, нельзя есть журавлиное мясо – семья заболит] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Сосновка, Старокульчубаево). Ссылаясь на Г.А. Сепеева, Л.А. Абукаева отмечает, что восточные марийцы некоторые запреты переняли у башкир. Например, башкиры никогда не охотились на журавлей, эта птица у них счита-

ется запретной (Абукаева 2007: 21). «Ловить журавлей решались только вечером, чтобы идти домой в темноте, если поймали раньше, ждали наступления темноты: полагали, что другие журавли могут отомстить за товарища – подожгут дом охотника, прихватив от какого-нибудь костра горящую ветку» (Вершинин 2010: 44–45). Если журавли спускались на поле, то это предвещало хороший урожай хлеба, а в некоторых локальных традициях появление журавлей на поле связывалось с хорошим урожаем гороха (Акцорин 1991: 19). Видимо, это толкование обусловлено представлением о горохе как о любимом лакомстве журавлей. По представлениям марийцев, если журавль поет, то просит горох (Sebeok, Ingemann 1956: 216). Как писал В.А. Акцорин, некоторые марийцы почитали журавля, поэтому во время праздника *Шорыкйол* (рус. Рождество) наряжались журавлем. Если ряженный «журавль» «клевал пол», то считалось, будет хороший урожай гороха, если он гонялся за девушками и «клевал их клювом», то это предвещало скорое замужество в новом году (Акцорин 1991: 19). У марийцев, как у многих других народов, например, у вепсов (Винокурова 2006: 60), журавль был одним из популярных персонажей святочного ряженья – обряда, связанного с плодородием и почитанием предков.

Среди восточных мари бытует поверье, согласно которому осенью журавли, улетаая на юг, «оставляют свои ноги» детям, которые еще не начали ходить. Поэтому родители старались выйти на улицу с ребенком на руках во время пролета журавлей (МПЭ–РБ Мишк. дд. Сосновка, Чебыково). Или же, наоборот, считается, что журавли прилетают весной и приносят с собой «ноги» (т. е. способность ходить) детям: *Турня шошым толеш, йолым конда йочалан* [Журавль прилетает весной – ноги приносит детям] (МПЭ–РБ Мишк. д. Каргино). В основе этого представления – отличительный признак птицы – длинные тонкие ноги, ср.: *турняйол* («журавлиная нога») ‘два шеста для ходьбы с приступками для ног’ (СМЯ VII: 289). Через длинные ноги журавль загадывается в загадках: *Лаканже деч йолжо кужу* [У лохани ножки длиннее ее самой] (МНЗ: 157).

С журавлем связаны метеорологические приметы. *Турня лум ўмбалан толеш гын, лум йыле огеш кае* [Если журавли прилетят на снег, то снег сойдет не скоро] (Веке IV: 402; МНП: 84). *Турня вайше толеш – шошо эр лиеш* [Прилетят журавли рано – будет ранняя весна] (СМЯ VII: 288; МНП: 79). Следующая примета предвещает беду: *Турня лум ўмбач мура гын, калыклан илаш неле лиеш* [Если журавли курлычут пока лежит снег, то народу будет жить трудно] (Евсеев 1994: 68). Считается, что если журавли прилетят раньше диких уток или гусей, то лето будет засушливым, а если позже – то дождливым: *Турня эр толеш – кукишо кенез лиеш, лудо эр толеш – йўран кенез лиеш* [Журавль прилетит рано – лето будет сухое, утка прилетит рано – лето будет дождливое] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Каргино, Сосновка); *Шошым кайыккомбо деч ондакрак турня толеш (турня «Аршын келгытыш мландым коштем», – манеш) – шошо ояр лиеш, турня деч ончыч кайыккомбо – йўран лиеш* [Весной раньше диких гусей прилетят

журавли (журавли говорят: «Просушим землю на аршин») – весна будет сухая, гуси опередят журавлей – дождливая] (МНП: 79).

Громкий крик журавлей летом предупреждает, что нужно готовиться к похолоданию: *Турня пей кычкыра – йўитӧ толеш* [Кричит журавль – похолодает] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Если журавли кричат на поле, то будет дождь (Sebeok, Ingemann 1956: 198). Журавлиное курлыканье высоко в небе предвещает ясную погоду летом: *Кенгежым турня кўшкӧ, шинча ужмашке, кўзен, чонгештен, кычкырен коштеш гын, ояр лиеш* [Если летом журавль поднимается в небо на расстояние видимости и курлычет, то будет ясно] (Веке IV: 163); *Турня, кўшкӧ кўзен, кычкырен чонгештылеш – ояр лиеш* [Если журавль, поднявшись высоко, летает и курлычет – будет погожий день] (МНП: 164). Журавли летят низко, курлычут – к непогоде (МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино): *Турня-влак ўлычын чонгештылыт – игече начарештеш* [Журавли летают низко – погода ухудшится] (МНП: 91).

По наблюдениям марийцев, если осенью журавль стоит на стоге сена, то осень будет сухая, если стоит на земле – то будет дождливая (МПЭ–РБ Мишк. д. Каргино). С отлетом журавлей связаны следующие приметы: *Турня эр кая – лум йыле возеш* [Журавли улетают рано – снег быстро ляжет] (МПЭ–РБ Мишк. д. Сосновка); *Турня кайыме деч вара ик тылзе гыч лум возеш* [После отлета журавлей через месяц ляжет снег] (МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково); *Турня шыжым кечывал йымак кая гын тӧр, шыже кўчык лиеш; шуйнен кая гын почшо, шыже кужу лиеш* [Если журавли улетают на юг ровными рядами, то предстоит короткая осень; если журавлиный клин тянется, то осень будет долгая] (Веке III: 110); *Кайык-комбо, турня кычкырен каят – ночко шыжылан* [Гуси, журавли отлетают с криком – к сырой осени] (МНП: 174); *Турня кўшыч кая – шыже кужун шуйна* [Журавли летят высоко – к долгой осени] (Там же: 172).

По представлениям восточных мари, увидеть отлет журавлей в теплые края – к радости: *Шыжым турня чонгештен кайымым ужат гын, куанет* [Если осенью увидишь полет журавлей, то будет радость] (МПЭ–РБ Мишк. д. Каргино). Примета, связанная с отлетом журавлей, предсказывает, какой будет жизнь: *Турня лугалтын кая – ылыш пудырана, ылыш алама лиеш* [Если журавли улетают суетясь, то жизнь станет беспокойной, плохой] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Сосновка, Старокульчубаево).

Журавль близок по своей символике аисту, является вестником новой жизни, семейного счастья (в паре). Журавль, приснившийся во сне, предвещает рождение ребенка: *Турня – ешышет, тукымышет у айдеме нерген увер. Ала-кӧн суртыштыжо – садын тукымжылан конча* [Журавль – новость о рождении человека в семье, в роду. В чьей-то другой усадьбе – снится к новорожденному в том роду] (Омэлкан 2005: 96). Добрым предвестьем является курлыканье журавлей, слышаное во сне: *Турня йўкым колат – лишылет нерген сай шомак* [Если слышишь голос журавля, то к хорошим словам о близком человеке] (Там же: 96). Другие два толкования снов построены на противопоставлениях «прилет – отлет»,

«встреча – прощание», где журавль символизирует близкого человека. Прилетающий журавль во сне является предвестником приятной встречи с дорогим человеком. Недобрым знаком считается сон об улетающем журавле, что толкуется как прощание с близким человеком: *Чонештен толмыжым ужат – лишыл енет дене поро вашиймаш* [Увидишь прилет журавлей – добрая встреча с близким человеком]; *Чонештен кайымыжым ужат – лишыл енет дене порын чеверласымаш* [Увидишь отлет журавлей – доброе прощание с близким человеком] (Там же: 96).

Итак, представления марийцев о журавле связаны с предсказанием урожая и погоды. Отличительные внешние черты, пищевые предпочтения журавля отражены в фитонимах. Внешний облик журавля нашел отражение в названиях некоторых предметов крестьянского быта. В переносном значении журавль обозначает разиню, неприкаянного человека. О почитании в прошлом журавля у марийцев свидетельствуют запреты убивать и есть мясо этой птицы, ряжение в журавля на значимые праздники.

10. Голубь

Кӧгӧрчен марЛ, *кӧгерчен* марВ, *кӱгерчы* марСЗ, *кӧды* марГ ‘сизый голубь’ (*Columba livia*) – распространенная птица семейства голубиных. Полудомашние сизые голуби встречаются в большом количестве в городах и в сельской местности. Перелетные птицы – вяхирь, клинтух и горлица – являются типичными обитателями леса. Дикие голуби получили названия *иргӧгӧрчен-влак*, *иргӧдывлӓ* марГ, для отдельных видов имеются названия *кеде*, *кӧды* марГ, *кеды* марСЗ ‘клинтух’, *кугеде*, *когӧды* марГ, *шыргы кӧды* марГ ‘вяхирь, или витютень’; *иргеде*, *чодырагеде*, *ӱлдык*, *ӱлдык кӧды* марГ ‘клинтух’; *тургеде*, *тыргӧды* марГ, ‘горлица’. По мнению исследователей, название *кӧгӧрчен* в марийском языке считается татарским заимствованием, тат. *кугарчен* ‘голубь’ (Васильев 1984: 64). Наименование *кеде* / *кӧды* является собственно марийским и образовано повторением звукоподражательных корней (Там же: 65).

Рис. 13. Сизый голубь

Компонент *кӧгӧрчен* ‘голубь’ встречается в марийском названии купены лекарственной (*Polygonatum odoratum*): *кӧгӧрченишудо* (букв. «голубиная трава»), *кӧгӧрченишча* (букв. «голубиный глаз»), *кӧгӧрченийол* (букв.

«голубиная лапка») ‘купена лекарственная’. Как считает А.Е. Ефремов, название дано за синевато-темную окраску цветов реалии (Ефремов 1986а: 56).

Голубь – почитаемая мари́йцами птица. У многих народов есть легенды о голубе, которые отражают библейские мотивы (Гура 1997: 614). Так, например, в горномарийском мифе (мар. *тоштыен ой*) говорится о том, что во время потопа уцелела только одна птица – голубь. Уставши, эта птица села отдохнуть на голову окуня, поэтому у этой рыбы в голове есть кость цвета голубя («*вуйыштыжо кедде тўсан лу уло*») (Калиев 1994а: 136). У мари́йцев голубь считается божьей птицей, любимой Богом. Согласно сюжету мари́йской легенды о сотворении мира животные и птицы приходили к Богу, чтобы узнать свою судьбу. Голубь получил от Бога такой наказ: «Из всех птиц ты будь самой опрятной птицей! На чердаке царского дворца живи!» (МКО: 28). По представлениям мари́йцев, одна сторона этой птицы считается голубиной, а другая сторона – человеческой («человеческое мясо»). Такое представление мари́йцев закрепилось и в табу: *Көгөрченын шола шулдыржым кочкаш ок йөрө – шола шулдыр шылже айдемын гай* [Нельзя есть мясо из левого крыла голубя – оно напоминает мясо человека] (Абукаева 2007: 39).

Голубь воспринимается как образ души. В облике голубей представляют души умерших родственников, прилетающих навесить родной дом. Во время полевых экспедиций среди мари были записаны рассказы о том, как на годовщину смерти членов семьи во двор прилетели два голубя (МПЭ–КО Кильм. д. Малая Кильмезь), как голуби прилетели в 40-й день после смерти семейной пары (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково), как в день смерти сына прилетела во двор стая голубей (Там же). *Айдеме кола да көгөрченын савырна, нылле кече кайык. Тиде кайыкын пурла могыржо – айдеме, шола могыржо – көгөрчен, айдеме-кайык маныт* [Человек умирает и превращается в голубя, сорокового дня птица. Правая сторона этой птицы – человек, левая сторона – голубь, говорят, что человек-птица] (МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково). С представлением о душе-птице связана примета, в которой голубь своим появлением предвещает смерть: *Көгөрчен окнаш тура гын, айдеме чоным нангая манын ойланыт* [Если голубь залетит в окно, то говорили, что заберет человеческую душу] (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево). Этот мотив сближает голубя с синицей и другими птицами. По представлениям мари́йцев, если синица стучит в окно или залетит в него, то предвещает смерть. Согласно другим приметам, прилет голубя во двор может толковаться как предвестие гостей (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево; МПЭ–КО Кильм. дд. Карманкино, Малиновка) или связываться с хорошим событием: *Голубь прилетит во двор – к добру* (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). У восточных мари голубь также может предвещать пожар: *Голубь стучится в окно – к пожару* (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково). Для сравнения: согласно приметам мордвы, «если голубь влетит в окно – к беде, стучит в окно – к известию

или предупреждает об опасности, особенно о пожаре» (Девяткина 2010: 255).

К голубям марийцы относятся с почитанием. Некоторые называют их *юмо пумо кайык* ‘птица, данная богом’, *сурт орол* ‘охранник усадьбы’, *суртсакче / суртлык сакче* ‘ангел-хранитель усадьбы’ (МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы), *юмын чиве* ‘божья курица’ (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Раньше марийцы специально для голубей к крыше дома (к мауэрлату с наружной стороны) прибавляли отдельную доску, чтобы эти птицы могли устраивать свои гнезда (МПЭ–РБ Мишк. д. Каргино). Считается, что голуби приносят счастье, богатство. *Суртышто көгөрчен ияра гын, поян лият* [Во дворе поселятся голуби – разбогатеешь] (МПЭ–РБ Мишк. д. Сосновка). *Көгөрчен ияра гын, рыскал толеш* [Если поселятся голуби, то придет счастье] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Сосновка, Старокульчубаево). Вместе с тем, не все марийцы подтверждают положительную символику голубя в усадьбе. Согласно другим информантам, постройка голубем гнезда в усадьбе сулила запустение дома (МПЭ–РМЭ Волж. д. Березники).

На основании наблюдений марийцев над поведением голубей появились приметы о погоде: *Көгөрчен сянлан ямдылалтеш – лывырта* [Голуби гуртуются (досл. «готовятся к свадьбе») – к потеплению] (МНП: 63). Если марийцы гуртование голубей связывают с предсказанием погоды, то, эстонцы услышанное весной воркование лесного голубя считают предвестием кашля и заболеваний груди. Как считает М. Мягер, это поверье возникло ассоциативно, на основе сходства глухого воркования голубя с слышимыми звуками сильного кашля (Мягер 1963: 23).

Всем известно, что белый голубь символизирует мир. Нрав голубей кажется настолько кротким, что еще в глубокой древности этих птиц считали эмблемой мира и любви. Многие люди, наверное, замечали обаятельную нежность голубиной пары, взаимное поклевывание которых так напоминают поцелуи. Так, в марийском языке появилось выражение *мужыр көгөрченла илаш* (букв. «жить как пара голубей») ‘жить словно голубок с голубкой’. На свадьбе восточные марийцы молодоженам желают: *көгөрчен гай кудыраен илаш* ‘жить, воркуя как голуби’ (МПЭ–РБ, Мишк. д. Сосновка). На основе противопоставления (антитезы) построена марийская пословица: *Вараш ден көгөрчен тан огыт лий* [Ястреб с голубем не друзья] (Ибатов 1960: 107). В загадках голубь загадывается как птица, которая не садится на дерево: *Шке кайык – пушенгеш ок шич* [Птица, а на дерево не садится] или как синий клубок ниток: *Төрза вуйышто зангар мундыра кия* [На карнизе окна синий клубок ниток лежит] (Ибатов 1960: 171).

В марийской песенной лирике голубь символизирует лирического героя, прилет голубя поэтически изображает приезд родни. В одной горномарийской песне голубок ассоциируется с сиротой. Также в песнях голубь может быть символом молодой девушки, невесты или молодого парня (Глухов, Глухова 2012: 83–84). У восточных марийцев голубь в пес-

нях символизирует невесту (ПВМ: 221), брата (ПВМ: 102), белый голубь ассоциируется с родней:

«Йошкар гына чапанат ош кӧгерчен
Чолман гочын пӧчыжым нумалеш.
Чолманже-лай кылма гын, корно возеш,
Тунам толеш мемнанат родо-шоочшо»

[Красноногий белый голубь
Через Каму клюкву таскает.
Если Кама замерзнет, откроется дорога,
Тогда приедут и наши родные]

(ПВМ: 144).

Подытожим: голубь – чистая, святая, почитаемая птица, соединяющая в себе как положительную символику молодости, любви, счастья, так и хтоническое начало благодаря образу души-птицы.

11. Ласточка

Волжско-Камский регион представлен тремя видами ласточек: деревенская ласточка, или ласточка-касатка (*Hirundo rustica*), городская ласточка (*Delichon urbicum*), береговая ласточка (*Riparia riparia*). У марийцев известно несколько названий ласточки: *вараксим* (варианты: *варасем*, *вӱрӱсем*, *вӱрӱсем*, *варасьем*, *варсенге*, *варасенге*, *барцингы* (ЭСМЯ II: 44)) означает как деревен-

Рис. 14. Деревенские ласточки

скую, так и городскую ласточку. Исследователь марийских названий птиц В.Н. Васильев считает, что происхождение орнитонима *вараксим* неясно. В волжском говоре лугового наречия для номинации всех ласточек употребляется орнитоним *чезек*. Лексема *чезек*, *цӱгӱак* возводится к финно-угорской общей лексике и сопоставляется с коми *чикыш* ‘ласточка’, коми-п. *чикиськай* ‘ласточка’, удм. *чечек* ‘трясогузка’ (Васильев 1984: 79–80). Можно отметить следующие названия для каждого вида ласточек: *вараксим*, *варсенге* марЛ, марВ, *чезек*, *цӱгӱак* марГ, *якшар онган цӱгӱак* марГ (букв. «красногрудая ласточка») ‘деревенская ласточка’; *льыртык*, *ош онган цӱгӱак* марГ (букв. «белогрудая ласточка») ‘городская ласточка’; *курержан*, *пучыре*, *пычыранге*, *сервараксим* (букв. «береговая ласточка»), *сергайык* (букв. «береговая птица»), *сиргельй* марГ, *юлвараксим* (букв. «волжская ласточка»), *ляркӱ* марГ ‘береговая ласточка’. В словаре В.М. Васильева для обозначения городской ласточки встречаются названия: *ошкутан* (букв. «белый зад»), *ошпоч* (букв. «белый хвост»), *крэсын-вараксим* ‘городская ласточка’ (Васильев 1928: 149).

Ласточка – традиционный вестник весны, символ воскрешения во многих культурных традициях (Тресиддер 2001: 187). Если русские говорят: «*Ласточка весну начинает, а соловей кончает*», то марийцы скажут настороженно: *Ик варсенге шошым ок кондо* [Одна ласточка еще не делает весны]. Впрочем, русские тоже с ними согласны: «Одна ласточка весны не делает». «В Китае, где прилет ласточек совпадал с весенними ритуалами плодородия в дни мартовского равноденствия, считалось, что в доме, который они выберут для гнездования, вскоре случится свадьба и будет много детей» (Тресиддер 2001: 187). В народных представлениях славян ласточке также свойственна брачная символика (Гура 1997: 623).

Компонент *вараксим* (*чезек, цѣгӓк*) ‘ласточка’ встречается в марийских названиях растений семейства гвоздичных. Фиксируются следующие марийские названия гвоздики (*Dianthus*): *вараксимйолаш* (букв. «ласточкины штаны»), *вараксимшинча* (букв. «ласточкин глаз»), диал. *вараксимшудо* (букв. «ласточкина трава»), *вараксимпеледыш, цѣгӓк пеледѣиш* марГ (букв. «ласточкин цветок») ‘гвоздика луговая, *Dianthus pratensis*’ (СМЯ I: 182). *Чезекйол* (букв. «ласточкина нога»), ‘гвоздика-травянка, *Dianthus deltoides*’ – травянистое растение семейства гвоздичных (СМЯ VIII: 342).

Яйца ласточки с характерными пепельными или красноватыми точками, вероятно, дали основание для наименования веснушек у человека: *цѣгӓкпнышкедѣиш* марГ (букв. «ласточкин понос»), *цѣгӓкшадыра* марГ (букв. «ласточкина оспа») ‘веснушки’ (СГЯ: 321), ср. *кукумуно (шӱргыштӧ)* (букв. «кукушкино яйцо») ‘веснушки (на лице)’ (СМЯ III: 107); у малмыжских мари веснушки – *кӱдырмуно* (букв. «тетеревиное яйцо») (Галкин 1961: 169). Появление веснушек и пигментных пятен славянские народы связывали с расплатой ласточки за разорение ее гнезда (Гура 1997: 621–622).

Образ ласточки встречается в вышивке. *Цѣгӓк пач* – вышивка с мотивом «хвост ласточки». *Вараксимшулдыр* – вышивка с мотивом «крыло ласточки» на рукаве женской рубахи. Этот мотив имеет начертания двух крупных рогообразных мотивов, «крючков» (Соловьева 2002: 13). Отметим также, что четкие, красивые брови человека сравниваются с крыльями ласточки: *пӱсӧ варсенге шулдыр гай шинчапунжо* (букв. «брови, как острые крылышки ласточки») (СМЯ I: 182).

У ласточки длинный хвост с глубоким разрезом в форме вил, и этот признак загадывается в загадке: *Тыш тыртыш, туш тыртыш – возжын поч* [И так круглая, и этак круглая, а сзади вилы] (МНЗ: 151). О возникновении примечательного хвоста птицы у восточных марийцев есть легенда, согласно которой змея откусила кусок хвоста у ласточки, отчего он стал раздвоенным.

Потоп годым ик пӧрӱен кодын, лодка дене ийын коштеш. Лодкыштыжо рож лиш да кишкым почи ден чыка. Ёврӓ чоҥештен толеш. Айдеме йодеш, кӧн вӱржӧ эн тамле. Ёврӓ айдемын манеш. Тидын годым вараксим чоҥештен толеш да ёврӓм почи гыч куча. Вараксимым тидын

годым кишке почи гыч руалта. Поч мучашыже катлен кодеи. Тыге вараксим вожын почан лийын [Во время потопа уцелел один мужчина, плавает на лодке. В лодке образовалась пробоина, куда он засунул змею хвостом вниз. Прилетел комар. Человек спрашивает, у кого самая вкусная кровь. Комар говорит, что у человека. В это время прилетает ласточка и хватается комара за хвост. Змея в это время хватается ласточку за хвост. Конец хвоста ласточки отламывается. Таким образом, у ласточки хвост стал раздвоенным] (МПЭ–РБ Мишк. д. Кайраково).

В другой зафиксированной на территории проживания восточных марийцев легенде ласточка выступает защитником человека.

Вараксим айдемын йолташыже. Көн эн тамле вўржым пален налаиш манын, Аждага ўврәм колта. Ўврә пален налеи: айдемын вўржө эн тамле. Тидым вараксим пален налын да ўврә деч йодеш: «Вара көн вўржө эн тамле?» Ўврә айдемын манын каласа. Вараксим йодеш: «Кушто вўран йылмет, айдемын вўржым ончалам?». Ўврә йылмыжым ончыкта, вараксим йылмыжым пурлын налеи. Тын деч вара ўврә мый-й-й гына манеш. Аждага дек миен, нимат ойлен кертын огыл. Тыге вараксим айдемым утарен коден [Ласточка – друг человека. Змей Горыныч посылает комара, чтобы узнать, чья кровь самая вкусная. Комар узнал, что человеческая кровь – самая вкусная. Об этом узнала ласточка и спрашивает у комара: «Чья кровь самая вкусная?» Комар отвечает, что у человека. Ласточка спрашивает: «Где твой язык с кровью? Посмотрю на человеческую кровь». Комар показал свой язык и ласточка откусила его. После этого комар издает только «мый-й-й». Придя к Змею Горынычу, он ничего не смог рассказать. Так ласточка спасла человека] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Акбулатово, Ишимово).

В одном из вариантов горномарийской легенды «Свет кого Юма» есть интересный момент. Первый сотворенный Богом человек был без головы. Бог сделал сначала тело человека, потом пошел за головой. В это время прилетела ласточка, села на место головы и застряла, так как глина еще не высохла. Бог сделал голову и присоединил ее к шее человека, а ласточку не заметил. Поэтому человек начал щебетать как ласточка. Во время сна человека ласточка по-своему начинает говорить, пытается выбраться. Говорят, будто в то время, когда ласточка хочет улететь, пытаясь вытащить из глины свои застрявшие лапки, человеку снятся кошмары (Калиев 1994а: 140). По мнению Ю.А. Калиева, в этой легенде душа человека представляется в облике ласточки (Там же: 141).

По представлениям древних марийцев, как пишет Ю.А. Калиев, ласточка спустила всем живым судьбу от Бога и подарила язык человеку, потому что сначала люди не умели говорить.

Акрет годым айдеме ойлен моштен огыл. Икана Юмо, мландыи волен коштмыжла, айдемым ужсын да тудын деч ала-мом йодын. Айдеме нимом вашештен кертын огыл. Тудо нимогай йылмым пален огыл улмаи. Тидлан көра Юмо мландүмбаке вараксымым колтен, тыгодым тудлан айдеме-влакым ойлаи туныктаи күштен [В старину человек не умел

разговаривать. Однажды Бог, спустившись на Землю, увидел человека и что-то спросил. Человек ничего не смог ответить. Он не знал никакого языка. Поэтому Бог послал на землю ласточку, чтобы она научила людей разговаривать] (Калиев 1994б: 138). Ю.А. Калиев отмечает, что среди марийцев еще сохранилось представление о том, что ребенок начинает говорить весной с прилетом ласточки или после отлета этой птицы осенью (*Изи азалан йылмым вараксим шошым толмыж годым але шыжым кайымыж годым пуа, маныныт*). Об этом же свидетельствует поверье восточных марийцев: *Вараксим толеш – йылмым конда, йоча ойлаш тўналеш* [Ласточка прилетит – принесет язык, ребенок начинает говорить] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Акбулатово, Ишимово). Исследователь марийской мифологии приходит к выводу, что эта птица наделила языком все живое на Земле и подтверждает свою мысль строчками из песни:

«Вараксим-йожек поч огеш лий гын,

Сар шўшпыклан йылмыже кушто ыле?»

[Если не было бы ласточки с раздвоенным хвостом,

Откуда бы взяться языку соловьиному?] (Калиев 1994б: 138).

Ср. также строчки из песни восточных мари:

«Вараксим-лай вожын почшо ок лий гын,

Мыланна шыл йылме кушто ыле?»

[Если не было бы ласточки с раздвоенным хвостом,

Откуда взять бы нам язык?] (МПЭ–РБ Мишк. д. Сосновка).

Следует отметить, что ласточка коррелирует с птицами, которые выделяются голосом, певчими способностями: *Вараксим вожын поч огеш лий гын, ўжўвўрлан шыл йылме кушто ыле* [Если не было бы ласточки с раздвоенным хвостом, откуда бы взяться языку иволги] или *Вараксим поч огеш лий гын, сар шўшпыклан муро кушто ыле* [Если не было бы хвоста ласточки, откуда бы взяться песне соловья] (МКМ: 31).

Щебетание ласточки воспринимается как доброжелательная речь, может быть, даже как молитва. Недаром, во время свадьбы молодой семье желают мирной семейной жизни, взаимопонимания словами: *«вараксим гай келшен, вараксим гай вычыматен, икте-весым вараксим гай йўратен ылыза»* (букв. «живите дружно как ласточки, щебеча как ласточки, любя друг друга как ласточки»). Ср. *вараксим гай выче-выче илат* ‘семья живет дружно, весело’, букв. «живут как ласточки» (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Часто в марийской деревне на наличниках окон изображают ласточек, вероятно, как символ мира, добра, покоя в доме. К примеру, часто гости желают хозяевам дома: *«Вараксим гай вычыматен илаш пуйыржо»* [Дай Бог вам жить дружно, хорошо, щебеча как ласточки].

Часто эта птица строит свое гнездо под крышей сарая или дома, летней кухни. Это отражено и в марийской песне:

«Йошкар йолан көгөрченже карнизан пörтым йöрата.

Вожын почан чезекше шикшан кудым йöрата.»

[Голубь с красными ножками любит дом с карнизом.

Ласточка с раздвоенным хвостом любит дымную летнюю кухню].

По представлениям марийцев, ласточка приносит счастье в семью. Гнездо ласточки считается хорошим знаком, оберегом для дома и хозяйства. Если в хозяйстве поселилась ласточка, говорят, что эта птица оберегает от зла, пожара, обеспечивает спокойную, счастливую жизнь. Такое представление марийцев сохранилось до сегодняшних дней, например: *Вараксим вичашет ияра – пожар ок лий* [Ласточка поселится в сарае – не будет пожара] (МПЭ–РБ Мишк. д. Сосновка). Если ласточка свила гнездо на доме – к процветанию семьи, этот дом всегда будет полным. Разрушение гнезда грозит распадом семьи (МПЭ–КО Кильм. д. Таутово). Ласточка свила гнездо – хозяйство будет процветать (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Марийцы верят, что ласточка приносит счастье, даже специально делают отверстие для гнезда на фронтоне дома, но не в каждом доме она поселяется (МПЭ–КО Кильм. д. Малая Кильмезь).

За разорение гнезда ласточки грозит наказание. Считается, что ласточка спалит дом обидчику, разорившему ее гнездо; недаром у нее есть красное пятно (МПЭ–РБ Мишк. дд. Сосновка, Чебыково; МПЭ–РМЭ Звен. с. Кужмара). *Вараксим сурт оралтеш пыжашым опта гын, айват ильшлан. Пыжашыжым налаш ок лий – пожар лиеш* [Если ласточка свила гнездо в усадьбе – к хорошей жизни. Нельзя убирать ее гнездо – будет пожар] (МПЭ–РБ Мишк. д. Каргино). *Вараксим пыжашым пужет гын, кидет-йолет тугат* [Если разрушишь гнездо ласточки, то сломаешь руки-ноги] (МПЭ–КО Кильм. д. Малиновка). Согласно другой примете кировских мари, если ласточка покинет свое гнездо – к покойнику (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). *Варсенкым логалман огыл, тудо шудалеш да кольшо лиеш* [Нельзя трогать ласточку, она проклянет, и будет покойник] (МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино). По поверьям разных народов, нельзя разорять гнездо этой птицы. Если птица покинет гнездо, то семью ожидают несчастья. По поверьям марийцев, большим грехом считается разорять гнездо любой птицы. Человеку, разрушившему птичье гнездо, грозил распад семьи. Однако заброшенное птичье гнездо могло использоваться в магии, например, девушки использовали его в любовной магии.

У русских есть такое поверье: ласточка в наказание за разорение своего гнезда пролетает под коровой обидчика, и после этого корова доится кровью. При появлении у коровы крови в молоке нужно было подоить ее сквозь обручальное кольцо хозяйки (Даль 1994: 99). Подобное поверье есть и у других славянских народов – украинцев и поляков, а также у вепсов: если ласточка пролетит под выменем коровы, то корова будет доиться кровью (Винокурова 2006: 64; Гура 1997: 622).

Как выше отмечалось, ласточка с ее позитивными характеристиками в некоторых случаях может выступать предвестницей неудачи. Плохой приметой у восточных марийцев считается, если ласточка перелетит дорогу путника. Считается, что ласточка обрезает своим хвостом предстоящую дорогу, что сулит неудачу (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково). Видимо, это поверье породило сходство раздвоенного хвоста ласточки с ножницами.

С ласточкой связаны приметы о погоде, которые известны многим народам. В них ласточка выступает предвестницей тепла, дождя. Марийцы связывали прилет ласточки с началом теплых дней: *Чезек толеш – шокшо лиеш, шыга лектын кая* [Прилетела ласточка – тепло будет, появляются мухи, комары] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы). *Вараксим толмеке, кўдырчым вучыман* [Прилетели ласточки – жди грома] (МНП: 91). Если ласточки прилетают за неделю до *Егорвылекече* (рус. *Егорьев день, Георгиев день* (Атрошенко и др. 2015: 498)), то скоро будет теплая погода; если прилетят неделю спустя, то тепло будет не скоро, продержится холодная погода (Веке I: 562). Считается, что если птицы делают гнезда на южной стороне избы – будет прохладное лето: *Вараксим пыжашым пёртын кечывал велешыже ненча – юалге кенезым вучо* [Если ласточки лепят гнезда на южной стороне избы – жди прохладного лета] (МНП: 97). Общеизвестно, что если ласточки летают низко, будет дождь (*Вараксим ўлык чонешта гын, йўр лиеш*) и наоборот, если ласточка летает высоко – к ясной погоде (*Вараксим кўшинё чонешта – ояр кечылан*). *Вараксим-шамыч вўдеш тўкнен чонештылыт гын, йўр толеш* [Если ласточки летают, касаясь воды, то будет дождь] (Евсеев 1994: 60). Считается, что если ласточки сидят плотно друг к другу, то это к дождю. *Чезек уремшыте кошташ тўнгалеш – йўр лиеш* [Ласточки начинают летать на улице – нагрянет дождь] (МНП: 123). О возможности ветра говорит следующая примета: *Вараксим-влак ўлык-кўш чонештылыт – кугу мардежлан* [Ласточки стремительно летают сверху вниз и снизу вверх – к сильному ветру] (Там же: 155).

Прилет ласточек был знаком для начала полевых работ (Sebeok, Inge-mann 1956: 201). Появление ласточек на пашне предвещало хорошее время для посева ржи: *Куралме мландўмбаке варсенге кашакын чонештен вола гын, уржа ўдаш жап шуын* [Если на пашню стаями прилетают ласточки, то настало время сеять рожь] (Wichmann 1931: 13). Новоторьяльские марийцы считают, что скорее нужно сажать рожь, если ласточки летают стаями над вспаханной землей. Если ласточки летают разрозненно или же их немного, один-две-три, можно сеять чуть погодя (Веке III: 60).

Пророческие способности ласточки проявляются в следующих приметах-гаданиях: *Вараксим пыжашеш мом сака, тудо шерге лиеш* [Что ласточка вешает в гнезде, то и будет дорогим] (Евсеев 1994: 63). Если ласточка вешает конский волос в слепленное в усадьбе гнездо, значит, скотина будет дорогая; если кладет солому, то хлеб будет дорогой (Васильев 1918б: 55).

В толкованиях снов ласточка символизирует письмо, весточку. *Вараксим кўшинё чоғешита – тый декет серыши вашика* [Если ласточка летает высоко – к получению письма], *Пёрт лукышкет пыжашиым опта – шукерте вучымо серыши куаным конда* [Если ласточка свила гнездо в углу твоего дома, то долгожданная новость принесет радость], *Вараксим энер серышите ила – серышыым налат гынат, но тудо чонышитет нимогай кумылымат ок лук* [Если во сне видишь, что ласточка живет на берегу реки, то полученное письмо не вызовет никаких чувств] (Омэлкан 2005: 43).

По мнению В.А. Глухова и Н.Н. Глуховой, в марийской песенной лирике ласточка является наиболее часто используемым символом. Ласточка может ассоциироваться с родственниками, братом, сестрой, детьми (Глухов, Глухова 2012: 83). В следующей народной песне восточных мари ласточка символизирует друга или подругу:

<i>«Вараксемже манме-лай – вожсын почан, Сар шўшпыкшй манме-лай – сар онан. Вараксемже тинье, минь – сар шўшпык, Минь шўшкалтымем годым миен шу»</i>	[Ласточкой с двойным хвостом называемая, Соловьем с желтой грудью называемый. Я – ласточка, сестра, ты – соловушка, ¹⁰⁷ Когда свистну я, ты прилетай ко мне]
	(ПВМ: 121).

В дарственной песне родителям у восточных мари ласточка символизирует детей, которые живут при заботливых родителях:

<i>«Варасемже кушто? – Пыл помышто, Чанаже-лай шулдыржо йымалне. Ужар гына вуйна-лай, ужар капна Ача-ава шулдыр-лай йымалне»</i>	[Где же ласточка? – Под небесами, А ноженьки под крылышком. Зеленая наша головушка, зеленое тело Под крылышком отца-матери]
	(ПВМ: 69–70).

В представлениях марийцев ласточка – красивая, чистая, почитаемая птица, которая выступает посредником между Богом и человеком. В сложносоставных фитонимах элемент «ласточка» указывает на сходство растений и их частей с хвостом ласточки. В поверьях о ласточкином гнезде прочитываются апотропейные функции ласточки, с этим же концептом связаны и представления о наказании за разрушение гнезда. В основном приметы о ласточке связаны с предсказанием погоды, многие из которых известны и другим народам. В сновидениях ласточка ассоциируется с письмом. Ласточка также – частый образ в песенной лирике марийцев.

¹⁰⁷ В переводе строчки песни «Вараксемже тинье, минь – сар шўшпык...» допущена ошибка, следует перевести как «Ты – ласточка, я – желтый соловей...».

12. Жаворонок

Турий марЛ, марВ, *тыъри* марГ, *турей* марСЗ, *тьорей* марСЗ ‘полевой жаворонок, *Alauda arvensis*’ – птица отряда воробьинообразных. Лингвисты возводят данный орнитоним к чувашскому *тари* ‘жаворонок’, который образован от глагола *тур* ‘стоять’, так как жаворонок часто поет, зависая в воздухе на одном месте (см. Васильев 1984: 78). Другое марийское народное название птицы *агавоктышо кайык* (букв. «птица-гонитель полевых работ») (СМЯ I: 34)

Рис. 15. Хохлатый жаворонок

связано с приметой: *Агавоктышо кайык агаш лэкмэ лэч ончыч «лэк-лэк-лэк» манын кычкыра; ага пытымдӱнгӱ «пэчэтым пэчэ!» манын мура* [Жаворонок перед полевыми работами кричит «выходи-выходи-выходи»; после завершения полевых работ поет «огороди-огороди-огороди!»] (Васильев 1928: 16).

В марийском языке подражание пению жаворонка передается как *тлингта-ти-та*: «Турий шӱвырым шокта: «Тлингта-ти-та! Тлингта-ти-та!» Н. Лекайн. [Жаворонок поёт: «тлингта-ти-та! Тлингта-ти-та!»] (СМЯ VII: 116). Для передачи подражания пению, трели жаворонка в горномарийском языке используется подражательное слово *тыыр-йор*: «Пӱлгомьшты тыъри – тыыр-йор» И. Горный. [В небе жаворонок поёт] (СМЯ VII: 431).

Орнитоним *жаворонок* встречается во фразеологизме горномарийского языка *тыъри мыным оролен шалгаш* (букв. «караулить яйца жаворонка») ‘бездельничать в пору полевых работ (в страду)’ (СГЯ: 295). Жаворонок устраивает свое гнездо прямо на земле в небольшом углублении почвы, среди травы; часто – на полях, засеянных в озимых и яровых хлебах.

Народные представления марийцев о жаворонке ярко отражаются в пословицах: *Турий волымо кечын турий имне пӱгыш шинчеш* [В день приземления жаворонок садится на лошадиную дугу] (МКМ: 253). Считается, что с этого дня пора начинать полевые работы. Заметим, что днем прилета жаворонка считается шестое мая, Егорьев день (*кайык волымо кече*, букв. «день приземления птицы»). *Кайык волымо кечын ковыштам шагыш удат* [В Егорьев день сеют капусту на рассаду] (СМЯ II: 223). Особенность полета жаворонка – высоко подниматься в воздух, издавая трели, и резко спускаться вниз – нашло отражение в следующей пословице: *Сур турий пеш кӱшкӱ кӱза да кенета волен возеш* [Серый

жаворонок очень высоко поднимается, да неожиданно падает] (МКМ: 240). Народная мудрость, предупреждая, напоминает о том, что может случиться с человеком, который берется за непосильную работу. Человеку-мечтателю, фантазеру говорят: *Турий юмын кылымдым кучынеже да мландумбак шунгалтеш* [Жаворонок хочет дотянуться до пупка бога, но падает на землю] (МКМ: 253). Эта пословица имеет связь с народной легендой, согласно которой, когда жаворонок, оглашая округу своими трелями, поднимается в поднебесье, он хочет взобраться на небеса и взять в жены Юмынұдыр¹⁰⁸. Но она ударяет его своей серебряной сковородницей, после чего жаворонок камнем падает на землю. По мнению Ю.А. Калиева, из-за того, что жаворонок гнездится на земле, он не относится к птицам, спускающимся по весне с небесной выси, а считается птицей, связанной с подземным миром. Исследователь отмечает, что некоторое объяснение этого факта можно обнаружить в следующей детской песенке-закличке:

<i>«Турий тур-тур,</i>	[Жаворонок тур-тур,
<i>Турий тур-тур,</i>	Жаворонок тур-тур,
<i>Ший товарет волен возеш,</i>	Серебряный топорик выскочит из рук,
<i>Юмынұдырым налын от керт!»</i>	Не сможешь взять в жены Юмынұдыр!]

После этого заклинания жаворонок, якобы, падает наземь, так и не успев долететь до заоблачной выси, где находится жилище Юмынұдыр (Калиев 2003: 112). Как считает Ю.А. Калиев, ключом к пониманию заклинания является сказка «Ший Пўян Ший Пампалче» («Среброзубая Серебряная Пампалче»). Серебряный топорик – это ключ к верхнему миру (Там же: 113–117). В народной памяти восточных мари до настоящего времени сохраняется поверье: *Турий пасу ўмбалне мура да вдруг кўйла пўрдын вола. Ойлат, пуйто ший товаржым пўрдыктен колтен да кычалеши* [Жаворонок поет в небе и вдруг камнем падает на землю. Говорят, что он уронил серебряный топор и ищет его] (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково). Согласно другому рассказу, «*Турий кавашке Юмо тошкалтышым руалаш кўза, товарже волен возеш да пикишла товаржым кучаш вола*» [Жаворонок поднимается в небо, чтобы срубить лестницу бога, случайно роняет свой топор и как стрела спускается за ним вниз] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Сосновка, Чебыково). В некоторых микротрадициях сохранилось представление только о том, что жаворонок поднимается к Богу: *Турий Юмо деке кўза* [Жаворонок поднимается к Богу] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Акбулатово, Ишимово).

В одном рассказе жаворонок берет соломинку и поднимается вверх, говоря, что погубит Бога, но роняет соломинку. Снова опускается вниз, снова берет соломку, но никогда не достигает Бога: *Турий олым пырчым налеш да кўшкө кўза, «Юмпабайым руалам!» манеш. Олым пырчыжым*

¹⁰⁸ *Юмынұдыр* – дочь бога, мифический женский персонаж марицев (Тойдыбекова 2007: 284).

пӧрдыктен колта. Адак мландышке вола. Вара адак олым пырчым налеш да кўза, но икганат Юмо деке кўзен ок шу (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево).

В словаре Ӧ. Беке зафиксирован следующий текст, который также связан с народным представлением о жаворонке, поднимающемся в поднебесье: *Д'ен шойештеиш, вес д'ен колыштеиш, вик ок каласе, котора, вес д'ен ойла тўтлан*: «Торила торгоктет, ик ойетат вик уко, манеш, тори олат»; *тори шойештеиш, эре тори тор-тор манеш, морен куза, д'омон ўдўрўм налам, манеш, о пу дык, манеш, ўдўржўм д'омо, изи товарем дӧн руэн порем, манеш, д'омошко; кузен, кузен вара морен, изи товаржы торин мочештен ўлкӧ миен возеш* [Один человек обманывает, другой человек слушает, прямо не скажет, что [он только] болтает, а говорит ему: «Тыходишь на жаворонка, ни одного правдивого слова, – он говорит, – ты жаворонок». Жаворонок обманывает, жаворонок всегда говорит тортор, он поет, поднимаясь в небо: «Я женюсь на дочери Бога, – он говорит, – если Бог не даст свою дочь, я сделаю отверстие своим маленьким топором и проникну в небеса»; потом он поднимается и поднимается, издавая трели [все громче], маленький топор выскальзывает и падает вниз] (TDW VIII: 2916). Поэтому у марийцев лживый человек, пустослов ассоциируется с жаворонком.

С жаворонком связаны метеорологические приметы: *Турий, тура кўзен, ўлыкӧ вола гын, сай игече лийшаиш* [Если жаворонок, круто поднявшись вверх, сразу опускается вниз, то должна быть хорошая погода]. Согласно примете восточных мари, *Турий толмеке лум йўдшӧ-кечыже кая* [С прилетом жаворонка снег тает днем и ночью] (МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково). *Шемкорак ден турий ондак толыт – шошо леве лиеш* [Рано прилетят грачи и жаворонки – к теплой весне] (МНП: 79). *Турий эрденак мура гын, кече ояр лиеш* [Если жаворонок поет с раннего утра, будет ясная погода] (МНП: 164). *Турий мура, кўшкӧ кўза – кече мотор лиеш* [Жаворонок поет, поднимается вверх – будет хорошая погода] (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). По пению жаворонка, в зависимости от того, какие трели он издает, можно определить предстоящую погоду. Если жаворонок поет много и долго, это к дождю, а если издает короткие трели, то к ясной погоде: *Турий кужу мурым мура гын, ночно лиеш, кўчык мурым мура гын, йўр вайше ок лий* (Sebeok, Ingemann 1956: 200; Беке III: 110). По наблюдениям марийцев, во время полевых работ жаворонок может предвещать дождь: *Шудо погымо годым пошышто турий мура – йўр толеш* [Во время уборки сена на поле поет жаворонок – к дождю] (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). *Турий кудо вечла чонешита, тудо вечла йўр толеш* [С какой стороны летит жаворонок, с той стороны и придет дождь] (МНП: 125).

Сон, связанный с жаворонком, предвещает хорошие новости: *Турий – весела уверым колат* [Жаворонок – услышишь веселые новости] (Омэлкан 2005: 96).

В целом представления марийцев о жаворонке связаны с мифологическим сюжетом о жаворонке, поднимающемся в поднебесье. Подобное представление распространено у славян, у которых жаворонок даже отваживается соперничать с Богом (СД II: 190).

13. Перепел

Перепел (*Coturnix coturnix*) – птица семейства фазановых с темно-бурым пятнистым оперением: *пулдырчо* марЛ, марВ, *вьльдырцан* марГ, *пулдурицо* марСЗ ‘перепел’. Исследователи М. Рясянен, Н.И. Исанбаев данный орнитоним считают татарским заимствованием, мы же соглашаемся с мнением В.Н. Васильева о том, что в марийском языке название перепелки является собственно марийским оноματοпоэтическим наименованием (Васильев 1984: 55).

Рис. 16. Обыкновенный перепел

В марийском языке подражание крику, свисту перепела передается как *пульт-пудырик* (СМЯ V: 326); ср. тж. *пудырташ* ‘издавать крик, посвист (о перепелке)’ (Там же: 322). Крик перепела также передается подражательным словом *пут-пудырик*: *Умбалнырак пулдырчо пут-пудырик, пут-пудырик пудыртата*. И. Васильев. [Чуть подальше слышен крик перепела] (СМЯ V: 376).

Народные представления о перепеле в основном касаются его крика и связаны с темой жатвы в связи с тем, что перепел начинает петь ко времени созревания зерна, перед жатвой. Согласно марийским приметам, считается, что долгое пение перепела – к хорошему урожаю хлеба. *Пулдырчо пеш шуко мура гын, кинде лектышан лиеш* [Если очень долго поет перепел, то будет хороший урожай хлеба] (Веке I: 402; МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы). *Пульт-пудырик шуко гана кычкыра – шуко шурно лиеш. Шурно унга, кычкыра гын* [Много раз кричит перепел – много зерна будет. Будет богатый урожай хлеба, если кричит] (МПЭ–РБ Мишк. д. Сосновка). *Пулдырчо шуко гана муралта гын, тунар кинде лиеш* [Если много раз споет перепел, то много хлеба будет] (МПЭ–КО Кильм. д. Малая Кильмезь). По числу криков перепела марийцы определяли, сколько пудов хлеба будет в одной повозке: *Пулдырчо мыняр гана кычкыра – тунар воз шурно лиеш* [Сколько раз кричит перепел – столько будет повозок зерна] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Сосновка, Старокульчубаево). *Кенезым мыняр гана*

пулдырчо пульт-пульт-пульт манеш, тунар пудапка ик орва гыч лектеш [Летом сколько раз кричит перепел, столько пудов зерна выйдет из одного воза] (Евсеев 1994: 63). *Пулдырчо пульт-пульдрык манын кычкыра. Мыняр кана пулдырчо «пульт-пульт-пульт» манеш гын, тунар пудапка уржа ырче лектеш ик ораваите* [Перепел кричит: «пульт-пульдрык». Сколько раз перепелка кричит «пульт-пульт-пульт», столько пудов ржаного зерна будет в одной телеге] (Васильев 1928: 167). Восточные мари отмечают: *Пулдырчо 5 гана кычкыра гын, ораваите 5 пуд лектеш; 10 гана кычкыра гын, 10 пуд лектеш ик орва гүлтәштыже* [Если перепел кричит 5 раз, то из воза выйдет 5 пудов; если кричит 10 раз, то получится 10 пудов из одного воза снопов] (Веке IV: 350). По пению перепелки судили и об урожае хлеба на поле: *Кенжежым пасушто пулдырчын кычкырмыжым сайлат: кум гана кычкыра гын, ик агаите кум орва шурно шочеш маныт; ныл-вич гана кычкыра гын, ныл-вич орва шочеш маныт; можыч куд-шым гана кычкыра, куд-шым орва шочеш маныт* [Летом следят за криком перепела в поле: если прокричит три раза, то в поле уродится три воза зерна; если прокричит четыре-пять раз – четыре-пять возов зерна; а если же крик перепела раздастся шесть-семь раз, то шесть-семь возов зерна уродится] (Sebeok, Ingemann 1961: 60). Примета луговых мари гласит: *Пулдырчо пасушто уржа лонгышто кычкыра гын иктаж ныл гана, тунам ойлат, коло пуд лектеш агунышто, кум гана кычкыра гын, лектышан ок лий, агунышто 15 пуд вел лектеш; иктаж 6 гана, 7 гана кычкыра гын, лектышан лиеш, сай, 30 пуд лектеш, 35, сай тунам пеш* [Когда на ржаном поле перепел кричит где-то 4 раза, то говорят, что 20 пудов будет в овине; если кричит 3 раза, то хорошего урожая не будет, в овине выйдет только 15 пудов; если кричит примерно 6–7 раз, то будет хороший урожай, выйдет 30 пудов, 35, тогда очень хорошо] (Веке III: 94).

Марийцы обращали внимание на то, кто из птиц – перепел или коростель – весной подаст первым свой голос. Согласно представлениям восточных мари, если первым кричит перепел, то это было хорошим знаком, ибо скотина этим летом будет упитанной: *Пулдырчо ожно кычкыра гын, вольык коя лиеш, карше ондак кычкыра гын, вольык явык лиеш* [Если сначала кричит перепел, то скотина будет жирной, если сначала кричит коростель, то скотина будет хилой] (Веке IV: 453, 338). Восточные марийцы передают скотину на содержание молодой семье со следующим пожеланием: *Пулдырчо гай коя лий, тумна гай межан лий* [Будь упитанным, как перепелка, чтобы шерсть была, как у совы] (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково). Заметим, что скотину, жирную, как перепелка, просят и в молитве (мар. *кумалтыш мут*): *Арыкшым (вольыкым) пулдырчо гай коям ыште*. Кум. мут. [Тошую скотину делай жирной, как перепелку] (СМЯ I: 111). Сравнение с перепелкой нам кажется неслучайным. Когда поспевают хлеба, эти птицы переселяются в поля, быстро откармливаются и жирнеют. Это свойство птиц и послужило основанием для подобных высказываний. Логично предположить, что в представлениях древних марийцев перепелка была символом упитанности, и в этом понимании образ птицы

закрепился и в молитве. Перепела были также объектом охоты марийцев, мясо и яйца этой птицы считаются вкусными.

Согласно народной примете, пение перепела предсказывало время полевых работ: *Пулдырчо мура гын, нурьш лекташ ямдылалт* [Начнут петь перепела, готовься к полевым работам]. Пение перепела марийцы редко связывают с предсказанием погоды. Единственным у нас примером является примета: *Пулдырчо мура гын, сай погода лиеш* [Если поет перепел, то будет хорошая погода] (МПЭ–РМЭ Волжск. д. Березники).

Исследователи системы символов в марийских народных песнях В.А. Глухов и Н.Н. Глухова отмечают, что перепелка может символизировать родственников, младших свойственников; птенец перепелки ассоциируется с замужней женщиной, женой, а голос перепела – с голосом родного брата или родственников (Глухов, Глухова 2012: 83). Образ перепела встречается в застольной песне восточных мари (ПВМ: 26). Следующая песня была записана во время полевой экспедиции летом 2014 года.

«Эй, пулдырчо

Кайыш ангана мучко.

Тиде йўмына-кочмына

Кайыже ўмырна мучко»

[Ах, препёлочка

Прошла наше полечко.

Эти встречи, празднества

Помнятся всю жизнь]

(МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково).

В фольклоре образ перепелки встречается очень редко. В сказке «Лиса и Перепелка» (СЛМНС: 5) перепелка является положительным персонажем. Умной перепелке, понимающей, что просьбам подруги-лисы нет конца, удается проучить ее.

В представлениях марийцев пятнистость яиц перепелки обнаруживает связь с веснушками. Считается, что для сведения веснушек нужно использовать перепелиное яйцо (МПЭ–РБ Мишк. д. Сосновка), которое имеет пятнистую окраску, в основном коричневые пятнышки (магия подобия). Согласно другому способу выведения веснушек, нужно съесть вареное индюшиное яйцо (МПЭ–РБ Дюрт. с. Маядык). Ср. русское шуточное поверье: кто потрет лицо первым яйцом рябенькой курицы, у того не будет веснушек (Даль 1994: 104). Перепелиные яйца считаются также хорошим средством от болей в суставах (МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково).

14. Соловей

Шўштык марЛ, марВ, *шбїжвбїк* марГ, *шўштўк* марВ, марСЗ ‘обыкновенный соловей, *Luscinia luscinia*’ – птица семейства дроздовых (*Turdidae*), отличающаяся звучным пением; чуть крупнее воробья, с большими темными глазками, оперение буроватое, хвост с рыжеватым оттенком. Как отмечает В.Н. Васильев, орнитоним *шўштык* в марийском языке считается чувашским заимствованием, ср. чув. звукоподражательное *шанчак* (Ва-

сильев 1984: 96–97). Следующее название соловья *сандугач*, которое употребляется только в говорах восточного наречия марийского языка, Н.И. Исанбаев возводит к татарскому источнику (Исанбаев 1978: 21).

Известно, что многозначность слов развивается на основе сходства или смежности обозначаемых предметов и явлений. Так, в марийском языке свистулька (приспособление) на основе сходства по издаваемому звуку получила название *шўшпык* (см. *шўшпык* II, СМЯ IX: 439).

Рис. 17. Обыкновенный соловей

Соловей пользуется особой любовью благодаря своему красивому пению. Мастерство пения марийцы сравнивают с пением соловья: *шўшпык гай мураш* (букв. «петь как соловей»), *шўшпык йўкан* (букв. «с соловьиным голосом») ‘человек со звонким голосом’ (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Пение лежит в основе марийской загадки о соловье: *Парня вуй гай веле – семь луктеш* [Сам с напёрсток, а мелодии выводит] (МНЗ: 156).

Неглубокий, недолгий сон марийцы называют *шўшпык омо* (букв. «соловьиный сон») (СМЯ IX: 439), а о мало спящем человеке говорят *омыдымо шўшпык* (букв. «бессонный соловей»).

Сучок или ветка от дерева, где сидел соловей, обладает магическими свойствами¹⁰⁹. Таковую ветку нужно сорвать и положить под подушку, тогда будешь рано вставать, как соловей (МПЭ–РМЭ: Н.С. Попов, устная беседа, 2012). Интерес представляет поверье эстонцев, согласно которому, чтобы потерять сон, нужно три раза обойти вокруг поющего соловья так, чтобы тот не заметил. Если хочешь вернуть сон обратно, то надо в следующем году три раза обойти соловья в обратном направлении (Hiimäe, <http://www.folklore.ee/Tagused/nr1/linnud.htm>).

Согласно народным представлениям горных мари, соловей прекращает петь, когда взойдет вся трава: *Шыжвёйкшй, шыжвёйкшй кышкевек мыра? Цилä сескä лäкмешкй веле мыра* [До каких пор поет соловей? Поет, пока не взойдет вся трава] (Wichmann 1953: 12). Примета *Куку мура, шўшпык шўшка кече турташ тўналмеш* [Кукушка кукует, соловей свистит, пока не начнут убавляться дни] (МНП: 97) находит параллель с народными представлениями славян о том, что окончание пения соловья связано

¹⁰⁹ Ср.: у славян *кукушечий сучок* (ветка, на которой сидела и куковала кукушка) использовался в самых разных сферах. К примеру, у сербов существовало представление о том, что он придает бодрость (см.: Никитина 2002: 55).

с временем прекращения кукования кукушки (СД V: 107). Пословица, связанная со сроком окончания пения соловья, указывает на то, что всякое дело имеет конец: *Шушпык игыже лекмешке веле мура* [Соловей поет только до вылупления птенцов] (МКМ: 303). В представлениях марийцев, как и русских, *вараксим шошым тунгалеш, шушпык кенгежым пытара* [ласточка весну начинает, а соловей лето кончает] (МКМ: 31).

Концепт «голос» объединяет соловья и не умеющего пока говорить ребенка: *Шошым шушпык толеш – мутым конда. Ойлыдымо йоча лодымандаш тунгалеш* [Весной соловей прилетает – приносит с собой язык. Неговорящий ребенок начинает говорить]. Когда прилетает соловей, говорят: *Тый (лүм) шушпык гай вашке ойлаш тунгалат, шуко мутым ойло* [Ты (имя) скоро начнешь говорить, как соловей, много слов говори] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы).

С пением соловья у марийцев связаны метеорологические приметы: *Йур толшашлан шушпык чот шушкаш тунгалеш* [Перед дождем беспрепятственно заливаются соловьи] (МНП: 125), *Ояр лийшашлан шушпык йудвошт мура* [К ясной погоде соловьи заливаются всю ночь] (Там же: 165). Если соловей поет, сидя на конце ветви дерева – дождя не будет; и наоборот, если соловей поет, спрятавшись за листьями дерева, то будет дождь (Sebeok, Ingemann 1956: 200).

В сноведениях проявляется любовная символика соловья: *Шушпык – лишыл айдеметлан йоратыше чонетым почшашет уло, але ондак тудо ончылно шке шүмжым почеш* [Если увидишь во сне соловья, это значит, ты признаешься в любви близкому человеку, или он тебе первым откроет свое сердце] (Омэлкан 2005: 109).

В марийских народных песнях соловей может символизировать мать, отца, родню, а птенцы соловья – детей. Пение соловья ассоциируется с голосом отца или матери, с расставанием с родственниками, с жизнью в разлуке с близкими (Глухов, Глухова 2012: 81–82). Пение этой птицы символизирует жизнь в разлуке с другом или подругой:

<i>«Куку мура, шушпык шушка Ямле май числаштыже. Куку мурмо, шушпык шушкымö годым Кушто ильыч, йолташем?»</i>	[Кукушка поет, соловей свистит В красивые майские дни. Во время пения кукушки, соловья Где ты был, мой друг?] (МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково).
---	---

Соловей может ассоциироваться с родней (дочерью).

*Вставши рано, вышла я на двор,
(Услыхала) соловей поет вдали;
Родня (дочь) моя подобна соловью,
Скучает теперь обо мне, живя вдали* (Аптриев 1908: 12).

В песне восточных мари соловей является символом любимого или любимой.

«Сар шўшпык игым луктеш
Кандаш игым-лу игым.
Эй, йолташем, йбратенам
Латкандаш ияш улмем годым»

[Желтый соловей птенцов выводит
Восемь птенцов – десять птенцов.
Эй, мой друг, я любил(а),
Когда мне было восемнадцать лет]
(МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево).

В популярной марийской частушке талантливый гармонист тоже сравнивается с соловьем:

«Ах, семже могае!
А шкеже могае!
Ончалза гыст, музыканче
Сар шўшпык иге гае!»

[Ах, какая мелодия!
А сам какой!
Посмотрите-ка, гармонист
Как желтого соловья птенец!]
(МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково, с. Чураево).

Итак, соловей является светлым, положительным образом в марийском традиционном мировоззрении. Птица примечательна своим звучным голосом. Соловей является одним из ярких образов в песенной лирике.

15. Скворец

Шырчык марЛ, марВ, *шб́нгб́ртб́иш* марГ, *шб́нгкб́рцб́н* марСЗ, *шб́нгкб́рцб́и* марСЗ ‘скворец, *Sturnus vulgaris*’ – певчая птица семейства скворцовых с темным оперением, длинным клювом, который в период размножения имеет желтую окраску, а в остальное время – черную. По мнению исследователей, названия скворца являются заимствованиями из тюркских языков (см. Васильев 1984: 105–106). Как считает В.Н. Васильев, в северо-западном наречии наименование *шапренкб́и* перенесено с сорокопуга на скворца из-за некоторого внешнего сходства птиц и их пения (Васильев 1984: 106).

Рис. 18. Обыкновенный скворец

У марийцев скворец пользуется большой любовью, для него специально устраивают в саду скворечники. Со скворцом, поселяющимся в доме, который сам не строил, в поговорке горных марийцев сравнивается зять, пришедший в дом жены примаком: «*пырыш мары – шб́нгб́р-*

тѣи» (Юадаров 1995: 28). Мужчину, который переехал жить к женщине на все готовое, называют *шѣнгѣртѣи* ‘скворец’. Интересно, что восточные мари пришедшего в дом жены мужчину называют петухом (мар. *агытан*) (МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Чебыково). Скорее всего, название скворца в марийском языке было перенесено на кузнечика: *шудышырчык*, марГ *цѣрцѣк* ‘кузнечик’, диал. *шырчык* (СМЯ IX: 510) – насекомого отряда прямокрылых. Пищание, похожее на скрип, скворчат в скворечнике схоже со стрекотанием кузнечиков.

Прилет скворца для марийцев связан с приходом весны: *Шырчык толеш – шошо толеш* [Прилетят скворцы – весна придет] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Чебыково; МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы, д. Большой Кожвож). Если весной скворец прилетит до 17 марта, то весна будет холодной, и наоборот, если прилетит после 17 марта – будет теплой. (Sebeok, Ingemann 1956: 201). *Комака шындыме деч ончыч шырчык толеш – шошо эр леш* [Если скворцы прилетят до Благовещения (досл. «День остановки печи») – к ранней весне] (МНП: 74–75). Широко распространенной приметой является: *Шошым шырчык эр толеш – лум вашке кая* [Если весной рано прилетят скворцы – рано растает снег] (Wichmann 1953: 30; 1931: 12; МНП: 84; Веке III: 446; IV: 24, 131, 168; Sebeok, Ingemann 1956: 201). Также и у восточных мари: *Шырчык тер кудагыме кече деч ончыч толеш – лум эр кая* [Если скворцы прилетят раньше Благовещения – рано сойдет снег] (МНП: 84). По мнению малмыжских мари, ранний прилет скворцов сулит скорое лето: *Шошым шырчык вашке толеш гын, кенгеж эр толеш* [Если весной рано прилетят скворцы, то лето наступит скоро] (Wichmann 1931: 22).

Согласно наблюдениям, после появления скворчат наблюдается похолодание и заморозки. *Шырчык иге омарта гыч вуйым ончыкташ тѣналмылан ик йѣштѣ толеш* [Когда скворчата начинают показывать головы из скворечника, к этому времени похолодает], *Шырчыкын игым кынетыме мекыже, покшым огеи тол, кынетыме жаплан ик йѣштѣ покшым толеш* [Как вылетели скворчата – заморозки отошли, только ко времени подъема один мороз нагрывает] (Васильев 1918а: 54; 1928: 286; МНП: 89). *Шырчык игым ойырышашлан шыже йѣштѣ мардеж лектеш* [Когда скворцы отделяются от выводков, бывают по-осеннему холодные ветра] (МНП: 177).

По скворцам сверяют время посева гречихи и конопля; обычно знаком для посева служит появление скворчат (показывают головы из скворечника, учатся летать). *Шырчык иге лектеш гын, шемшыдан ѣдаи жап шуын* [Вывелись скворчата – пора сеять гречиху] (МНП: 218), *Шырчык игым луктеш гын, кирча ѣдаи жап шуын* [Если скворец вывел птенцов, пришло время сеять гречиху] (Wichmann 1931: 24), *Шырчык иге рож гыч вуйым луктын магыраи тѣнгалеш – шемшыдан ѣдаи лектаи леш* [Скворчата начали пищать и высовывать из домиков головы – можно выезжать на сев гречихи] (МНП: 218), *Шырчыкиге-шамыч рож гыч вуйыштым луктын магырат гын, шемшыдан ѣдаи время* [Если скворчата

пищат и выглядывают из скворечника, то наступило время для посева гречихи] (Евсеев 1994: 66; Васильев 1918б: 55), *Шырчык игым кынелта гын, шемшидан ўдаш йўра* [Если скворчата начали летать, то можно сеять гречиху] (Wichmann 1931: 19). Примета о благоприятном времени сева гречихи, связанная со скворцом, имеется у уржумских, малмыжских, восточных мари (Веке III: 443; IV: 24, 168). *Шырчык муно шўмжым омарта гыч луктын кышка – кынелан анга куралаш врема* [Если скворцы выбрасывают скорлупки из скворечника – пора пахать землю под посев конопли] (МНП: 215). *Шырчык игыжым омарта гыч луктеш – кыне ўдаш йўра* [Скворцы выводят птенцов из домиков – пора сеять коноплю], *Шырчык иге чонештылаш тўналеш – кыне ўдаш лекман* [Начинают летать скворчата – время сеять коноплю] (МНП: 213).

Богатый урожай гречихи предвещает прилет лесных скворцов: *Чодыра шырчык ялыш толеш – шемшидан ума* [Лесные скворцы прилетят в деревню – гречиха будет тучная] (МНП: 208). *Шошым шырчык шемын толеш гын, шемшидан шеме лиеш* [Если весной скворцы прилетят с вороным оттенком, ядро гречихи будет черным] (Веке IV: 25; МНП: 205).

По сей день особое значение придается первой встрече со скворцами, нередко в матримониальном контексте¹¹⁰: *Ўдырлан ойлат: «Шошым пўрвўй мужыр шырчыкым ужат гын, тений марлан кает»* [Девушке говорят: «Если сначала увидишь пару скворцов, то в этом году выйдешь замуж»] (Веке I: 402). Когда первый раз весной парни и девушки видят скворцов, то замечают, пара это, или нет; если пара, то в этом году встретят своего суженого (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы, д. Большой Кожвож). *Шырчыкым парым ужат – тений марлан кает или паран лият* [Увидишь пару скворцов – в этом году выйдешь замуж или найдешь свою вторую половину] (МПЭ–РБ Мишк. д. Каргино). *Ширчиким иктым ужат – шкет лият, кок ширчиким – коктын лият* [Увидишь одного скворца – будешь одинок, двух скворцов – будете вдвоем] (МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Малая Кильмезь, Малиновка). *Ик шырчыкым ужат – шкет кодат, 3–4 ужат – еш дене илаш тўналат* [Увидишь одного скворца – останешься один, увидишь 3–4 скворцов – будешь жить с семьей] (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково).

Отметим, что скворец – одна из любимых, почитаемых птиц марицев. Об этом также свидетельствует запрет обижать скворца. *Шырчыкым тўкет гын, шырчык шудал кая: «Вес гана толмешкем тыйын суртет шў когар лийже!»* [Если тронешь скворца, то он проклянет словами: «Пусть к следующему прилету твой дом превратится в уголек!»] (Веке I: 402).

¹¹⁰ Вообще приметы с птицами, предвещающие встречу суженого или свадьбу, очень редки. Примечательной является следующая: *Олык кайык толеш гын, ўдырын оралте ўмбак шинчын муралта гын, тудо ўдыр качылан кая (олык кайык пеш ола, пеш сайын мура)* [Если олык кайык (?) прилетит и споет, сев во дворе девушки, то эта девушка выйдет замуж (олык кайык – очень пестрая птица, очень хорошо поет)] (Веке I: 402). Диалектное название птицы *олык кайык* не зафиксировано в словарях. По описанию можно предположить, что эта птица – певчий дрозд *Turdus philomelos*.

Образ скворца также встречается в песенной лирике мари. Скворец символизирует любимого или любимую. В песнях горных мари пение скворца ассоциируется с плачем брата, голосом матери (Глухов, Глухова 2012: 84). В песне восточных мари скворец символизирует гостей:

<p>«Порткайыкше манмет век ок кае, Шырчыкше-лай каялеш, ай, шыжым. Сагыненат толишо унам-влакым Ўстелтӧрыш шындемат, тӧрлем кызыт»</p>	<p>[Пташка-воробей никогда не улетает, А скворец-то улетает осенью. Пришедших гостей, скучавших по мне, Посажу за стол и угощу одинаково]</p> <p style="text-align: right;">(ПВМ: 24).</p>
--	--

Итак, по народным представлениям марийцев, скворец – предвестник весны. Широко распространено среди марийцев представление о любовно-брачной символике скворца. В марийской традиционной культуре скворец – положительный образ почитаемой птицы.

16. Трясогузка

Трясогузка (*Motacilla*) – певчая птица семейства трясогузковых, она периодически дергает (трясет) своим хвостом, за что получила свое название в русском языке. Иной принцип номинации птицы и в марийском: *вырлянге* (марЛ, марВ) с разными фонетическими вариантами (*вӱрлянге* марЛ, *вӱрлӱнгӱ* марГ, *вӱтлӱнгӱ* марГ, *вӱрлӱнкӱ* марСЗ) связывается со словом марГ *вырдымакташ* ‘трепетать, порхать’ (Васильев 1984: 102).

Рис. 19. Белая трясогузка

Орнитоним *чывызык/чывызык* употребляется в Звениговском кусте волжского говора, калтасинском и малмыжском говорах восточного наречия (Васильев 1984: 103) и по мнению Н.И. Исанбаева, является татарским заимствованием (Исанбаев 1978: 21). Х.Ф. Балдаев в своем словаре биологических терминов отмечает следующие названия, которые, вероятно, являются кальками с русских орнитонимов: *ошвырлянге*, *ош вӱтлӱнгӱ* марГ (букв. «белая трясогузка») ‘белая трясогузка, *Motacilla alba*’, *нарынчывырлянге*, *сар(ы) вӱтлӱнгӱ* марГ (букв. «желтая трясогузка») ‘желтая трясогузка, *Motacilla flava*’, *нарынче вуян вӱрлянге*, *сары вуян вӱтлӱнгӱ* марГ (букв. «желтоголовая трясогузка») ‘желтоголовая трясогузка, *Motacilla citreola*’ (МРСБТ: 38, 41).

Трясогузка у восточных марийцев символизирует красивую, стройную девушку (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково). В представлениях марийцев птица ассоциируется с таянием снега и весенним половодьем. *Чывызык толеш гын, ик арня гыч лум кая* [Если прилетела трясогузка, то через неделю сойдет снег] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы). По народным приметам, прилетит трясогузка, махнет хвостом и снег сойдет через 12 дней: *Шошым чывызык толеш гын, лумым почи дене лупшен колта, вайше кая* [Если весной прилетит трясогузка, то своим хвостом прогонит снег, снег быстро сойдет]; *Вырлянге чонештен толеш тык, лум 12 кече веле кия, лева* [Если прилетит трясогузка, то снег пролежит только 12 дней, растает] (Веке I: 402). *Вырлянге толмеке, латкок кече гыч лум кая* [Трясогузка прилетит – через двенадцать дней сойдет снег], *Чывылдик толеш – лым вайше шыла* [Прилетели трясогузки – вскоре сойдет снег], *Вярлэнгё пачшы мўлэндё вёлнё лыпшалта дык – лым шыла* [Трясогузка махнет хвостом по снегу – тот и растает] (МНП: 84). Со скорым ледоходом на Волге связана следующая примета: *Вёрлэнгё Йылыштыш им латкок гана пачшы доны лыпшалеш гёнь, Йыл тёрвёнь* [Если трясогузка ударит хвостом лед на Волге двенадцать раз, то он скоро тронется] (МНП: 82). Дождь предвещает следующая примета: *Йур толшаиш лишан вырлянге вўдеш йўштылеш* [Перед дождем трясогузка купается в воде] (МНП: 125; Веке III: 64).

Представление о высокой конопле, вероятно, связано с длинным хвостом трясогузки: *Вырлянгым кўшан ужат гын, кыне кужу лиеш; ўлан ужат гын, кўчык лиеш* [Если увидишь трясогузку высоко, то конопля будет высокая; если увидишь внизу, то будет короткая] (Wichmann 1931: 19). К сравнению, приметы с трясогузкой о высоком, длинном льне встречаются у славян, проживающих в Черниговской области, в некоторых районах Литвы и литовско-белорусском пограничье (Гура 1997: 726).

У луговых мари есть примета о первой весенней трясогузке, согласно которой трясогузка сулит хорошее настроение тому, кто увидит ее летящей: *Вырлянгым чонештышым ужат гын, сай кумылан коштит; мландыште шинчышым гын, ойганен коштит* [Если увидишь летящую трясогузку, то будешь в хорошем настроении; если увидишь сидящую на земле, то будешь ходить печальным] (МПЭ–РМЭ: Н.С. Попов, устная беседа, 2012).

Примечательной является запрет трогать яйца трясогузки: *Чывызык муным пудыртет гын, ковышта озымым кочкеш* [Если разобьешь яйцо трясогузки, то она уничтожит капустную рассаду] (Веке I: 402).

Образ трясогузки в марийской традиции компактный, но узнаваемый. Он представлен преимущественно в приметах о погоде.

17. Дятел

На территории Волжско-Камского края встречается восемь видов дятлов, которые обозначаются словом финно-угорского происхождения *шиште* (Васильев 1984: 76; EWT: 236–237): *шиште* марЛ, марВ, *шиштѝ* марГ ‘дятел, *Picidae*’.

Желна (лат. *Dryocopus martius*) – крупный черный дятел – получила обозначение *керге* (марЛ, марВ), *кергѝ* (марГ, марСЗ), которое, по мнению В.Н. Васильева, является ономапопеческим словом (Васильев 1984: 77). Марийскому орнитониму имеются соответствия в финно-волжских языках (см. UEW: 652). В другом названии этой птицы *шемшиште* (марЛ, марВ), *шим шиштѝ* (марГ) первый компонент *шем / шим* ‘черный’ указывает на цвет оперения. Характерной особенностью дятлов является долотообразный клюв, с помощью которого они долбят кору дерева и извлекают насекомых и их личинки.

Рис. 20. Большой пестрый дятел

В марийских загадках резкие звуки, издаваемые дятлом, ассоциируются с рубкой дерева: *Ўмыржѝ мучко пушенгым руа, руэн ок ситаре* [Всю жизнь рубит деревья – не может нарубить]; *Чопай кугыза пум руа* [Дед Степан дрова рубит] (МНЗ: 154). В следующей загадке отмечается мастерство и трудолюбие дятла: *Апишат огыл, плотникат огыл – чодыраште ончыл пашазе* [Не плотник, не кузнец – первый в лесу работник] (Там же: 154). Примечательно, что пословица о работе основана на образе дятла: *Шиште шке пашажым шинча* [Дятел свою работу знает] (Китиков 1981: 94). В одной из загадок желна загадывается как черная красавица: *Шем пачката ўдырем чодыра шенгеч ончалеи* [Черная красotka выглядывает из-за леса] (МНЗ: 160).

Можно говорить о сакральности дятла – на основании обряда жертвоприношения его кереметям *Ял ўмбач коштишо керемет* (Яковлев 1887: 79), *Йамшенер (Йомшенер)*, хозяину родников. Он насылал болезни тем, кто оставлял волосы или лоскуток одежды в роднике. Чтобы задобрить духа, ему приносили в жертву рыбу или дятла (Sebeok, Ingemann 1956: 62).

С дятлами связаны метеорологические приметы. Как и у славян (поляков, чехов, белорусов), у которых крик желны служит приметой дождя (СД II: 170), у марийцев протяжный голос желны летом предвещает дождь, а зимой – снег: *Керге кужун магырен ченекла гын, йўр лиеш* [Желна пищит протяжно – быть дождю] (МНП: 123, Васильев 1918а: 53), *Керге цыньяла гѝнь, юр веке* [Черный дятел закричал протяжно – потянуло

к дождю] (МНП: 123); *Керге кужун кычкырал-кычкырал колта – думлан* [Протяжно кричит желна – жди снега] (Там же: 67). Другая примета связана с предсказанием ясной погоды: *Керге цыньла (пур-пур манеш) – яжо кечы веке* [Черный дятел (желна) кричит грубым голосом – к хорошей погоде] (Там же: 165). Предстоящие холода предвещает сильный голос дятла: *Шиште вес йүк дене кыр-р манеш – йүштылан* [Дятел закричал сильным голосом – к холодам] (Там же: 56). Согласно другой примете, *Пу чүнгышо кайык оралте пырням чүнга гын – йүштылан* [Дятел (букв. «долбящая дерево птица») долбит бревна строений – будет холодно] (Там же: 56). С характером предстоящей весны связана примета: *Шиште кужун шуйдарен пералта – шошо кужун шуйна* [Протяжно стучит дятел – к затяжной весне] (Там же: 77).

Столь же неоднозначны и охотничьи приметы, где акцент делается на то, какие звуки издает желна: *Пычал дене кайыме годым, чодырашке пурмеке, керге икана чынекла¹¹¹ гын (чинек ышта), ик кайыкымат от кучен керт; керге кирикла гын, кучен кертат* [Когда с ружьем идешь в лес, если желна кричит чинек, то ни одну птицу не поймашь; если желна кричит кирик, то поймашь]. *Чодырашке шолышташ кает гын, керге чинек ышта гын, кучалтат сторожлан* [Когда идешь воровать в лес, если желна кричит «чинек», то поймает сторож] (Веке I: 564). Если во время охоты дятел кричит *кыр-кыр*, то предвещает удачу, если он кричит протяжно, то удачи не будет (Sebeok, Ingemann 1956: 201). По представлениям звениговских мари, характер издаваемых желной звуков предвещает удачу / неудачу в любом деле: *Шем шиште кир-кир ышта – сайлан, чынек-чынек ышта – сайлан огыл* [Желна кричит *кир-кир* – к добру, кричит *чинек-чинек* – к неудаче]. Проиллюстрируем следующей приметой: если в чашобе черный дятел кричит *чынек* – получишь двойку в школе. В ответ птице в зависимости от характера издаваемых звуков произносили: *Умшашет кукишо кошарге!* [Типун тебе на язык!], – если кричит *чинек*, и *Умшашет үй лийже!* [В рот тебе масло!], – в ответ на *кир-кир* (МПЭ–РМЭ Звен. д. Нижние Памъялы). Удача, счастье ждет охотника, идущего в лес, если он по пути встречает какую-нибудь птицу. По представлениям марицев, считается, что *Чодыраш кайыме годым корно гоч пурла вел гыч шолашке кайык чонештен эрта гын, сае* [Если по пути в лес птица перелетает дорогу справа налево, то хорошо] (Веке I: 400). Если птица летит за спиной, то удачи не будет (Веке III: 429).

В народных представлениях мари дятел также может быть предвестником смерти: *Шиште пөрт лукым чүнга гын, покойник лиеш* [Если дятел долбит угол дома, то к покойнику] (МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино). *Чүнгышө пөрт лукым чүнга – колышо лектеш* [Если дятел (букв. «долбящий») долбит угол дома, то будет покойник] (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Примета о дятле, долбящем стену или угол дома как о предвестнике

¹¹¹ *Чынеклаш* – кричать, пищать, издавать протяжные звуки (о желне); *чынек* подражат. слово – подражание звукам, крикам, издаваемым желной (СМЯ VIII: 492).

покойника, также распространена у восточных славян (СД II: 171). В таких приметах стук дятла ассоциируется со стуком топора и молотка при изготовлении гроба. Согласно другим марийским приметам, долбящий угол дома дятел предвещает несчастье, болезнь, новости. *Шиште пöрт лукым тўкала – к болезни* [Дятел долбит угол дома – к болезни] (МПЭ–КО Кильм. д. Таутово). Дятел долбит угол дома – к несчастью, недоброй вести (МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино). *Шиште пöрт лукым чўнга гын, порылан огыл* [Если дятел долбит угол дома, то не к добру] (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево). *Шиште толеш пöрт воктек – увер лиеш* [Дятел прилетит близко к дому – к новостям] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Образ дятла во сне связан с неожиданными новостями, вероятно, из-за издаваемых этой птицей резких звуков (обычно дятел громко и быстро барабанит (стучит) по стволу дерева) и несвойственности для дятла как лесной птицы среды обитания человека: *Шиште – ала-мом палыдымым, öрыктарышым пален налат* [Дятел – узнаешь что-то новое, удивительное] (Омэлкан 2005: 105). Следующая примета связана с пчеловодством: *Телым йошкар вуян шиште кукишо пушенгым вож гыч чўнгаиш тўнгалеш – мўй ок лий, илыше пушенгым гын – лиеш* [Зимой красный дятел начинает долбить сухое дерево с корня – не будет урожая меда, сырое дерево – будет] (МНП: 240).

Итак, образ дятла представлен преимущественно в метеорологических приметах, также проявляется его хтоническая символика.

18. Петух

По единогласному мнению исследователей, марийское название петуха (*агытан* марЛ, марВ, *äптäн* марГ, марСЗ и другие фонетические варианты: *агутан*, *аптан*, *авутан*, *апутан*) является чувашским заимствованием, ср. чуваш. *автан* 'петух' (< чуваш. *ават* 'петь'). Ф.И. Гордеев диалектное наименование *äтач* 'петух' в марийском языке считает татарским проникновением (см. в: Васильев 1984: 49–50).

Рис. 21. Петух

По сравнению с названиями других птиц *агытан-*, *агутан-* – довольно распространенная основа топонимов: овраг *Агутан корем* (букв. «петушиный овраг»), д. *Агытан памаш* (букв. «петушиный родник»), два «петушиных» озера *Агытаньер* (Воронцова, Галкин 2002: 24). Правда, мотивация этих топонимов авто-

рами не указана. По мнению исследователей, ойконим *Агытансола*, образованный под влиянием сближения с марийским словом *агытан* ‘петух’, вторичен по отношению к официальному названию *Актугансола* (< *Актуган* – личное имя) (Там же: 24). В ходе полевых исследований выявлено два топонима с буквальным значением «петушиная горка»: *Агытанарка* в Республике Башкортостан и *Агытанкурък* в Республике Марий Эл (МПЭ–РБ Мишк. д. Букленды, МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Ср.: в вепсской топонимии названия с компонентом *петух* чаще всего используются для обозначения гор и холмов (Винокурова 2006: 353).

Апеллятив *агытан* встречается и в ботанической терминологии марийского языка. В фитониме *агытанйол* марЛ, *äптăнъял* марГ (букв. «лапка петуха») ‘бальзамин, недотрога обыкновенная, *Impatiens noli-tangere*’ подчеркивается особенности строения стебля (Ефремов 1986а: 22). Внешнее сходство с хвостом петуха соцветия у плевела отражается в марийском наименовании этого растения *агытанпоч* (букв. «петушиный хвост») ‘плевел, *Lolium*’ (СМЯ I: 39). Вероятно, цветовая гамма петуха легла в основу метафорического наименования боярышника (*Crataegus*): *агытанора* (букв. «петушиная куча») (СМЯ I: 39), поскольку у боярышника в сентябре поспевают ягоды красного (ярко-оранжевого) цвета.

Огненная символика петуха, обусловленная его красным гребешком и разноцветным ярким оперением, отражена во фразеологии, обозначающей пожар: *йошкар агытан*, *якишар äптăн* марГ (букв. «красный петух») ‘пожар’; *йошкар агытаным колташ* (*пурташ*, *чыкаш*), *якишар äптăнйым колташ* (*пырташ*) марГ (букв. «пустить красного петуха») ‘устроить пожар, поджигать’ (Грачева 1989: 81)¹¹². С этой символикой связано и поверье марийцев, что пожар, возникший в результате удара молнии, можно потушить, кинув в огонь красного петуха или красное пасхальное яйцо. Также, как и у славян, такой пожар можно потушить бросанием в него пасхальных яиц, а также заливая молоком черной коровы (Sebeok, Ingemann 1956: 229).

Переносные значения слова *петух* в марийском языке – ‘выскачка’, ‘забияка’. Мотив драчливости петуха лежит в основе народной игры *агытан ўчаш* ‘петушиный бой’, когда два игрока, прыгая на одной ноге, пытаются столкнуть друг друга. Человека, который суется не в свое дело, или слишком старается и усердствует в чью-либо пользу, называют *тареш пурышо агытан* (букв. «нанявшийся петух») (Грачева 1989: 203). *Шыже агытан* (букв. «осенний петух») означает молодого петушка, а наблюдение над повадками этих молодых птиц легло в основу второго переносного значения выражения *шыже агытан* ‘драчун, забияка; петух’ (СМЯ I: 39). Ср. еще другие фразеологизмы с компонентом *петух*: *агытанла тёрштылаш* (букв. «прыгать как петух») ‘вести себя задиристо, лезть в ссоры без каких-либо оснований’ (Грачева 1989: 14); *вуйдымо агытан* (*гай*) (букв. «(как) безголовый петух») ‘глупый, взбалмошный,

¹¹² Ср. дословные совпадения в русской фразеологии.

безрассудный' (Там же: 42); *вуйдымо агытан гай төриштылаш* (букв. «прыгать как безголовый петух») 'глупо, бестолково, неумело что-то делать, говорить' (Там же: 43). В этих фразеологизмах и поговорках отразились обыденные, профанные характеристики петуха, наблюдаемые ежедневно. Но есть у петуха и мифологическая семантика.

Согласно легенде Кировских марийцев, петух является свидетелем во время Божьего суда. *Петух всегда поет в полночь. Каждую полночь петух будит человека, чтобы помолиться. После смерти на том свете нас ведут на суд, где петух выступает свидетелем. Во время суда Бог спрашивает петуха, будил ли он человека помолиться? Петух говорит правду, что будил человека, но он не встал. Видимо, положено молиться в полночь. Например, это же поп советует в церкви»* (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Эта легенда у марийцев появилась под влиянием христианства. По верованиям уржумских русских, в полночь на небе служится обедня. Считается, что кто причит себя встать в полночь и молиться, тот может все вымолить (Магницкий 1883: 10).

Отличительные качества петуха запечатлены в загадках и пословицах. Петух загадывается через способность будить людей: *Орол огыл – еным кынетта* [Не сторож, а людей будит] (МНЗ: 146), внешний облик: *Вуйжо шерге, почи сорла* [Головка – гребешком, хвост – серпом] (Там же: 144). Хвастовство, бахвальство перед более слабыми сравнивается с поведением петуха: *Чыве-влак коклаште веле агытан, агытан-влак коклаште шкежат чывиге* [Только среди кур петух, а среди петухов сам цыпленок] (Ибатов 1960: 93). О ссоре говорят: *Кок агытан эре чўнгедылыт* [Два петуха все время клюются], и советуют к ним не соваться: *Кок агытан крдалеш гын, чыве клат йымак шылеш* [Если два петуха дерутся, курица прячется под клетку] (Там же: 107). В следующей пословице говорится о человеке, который делает поспешные выводы: *Тареш пурышо агытан, кечывалет шуын огыл, ит мура* [Не пой, петух, твой полдень еще не настал] (Там же: 80).

Как в фольклоре других народов, например, славянских (СД IV: 28–29), вепсском (Винокурова 2006: 350), так и в марийском, образ петуха может выступать как олицетворение солнца, огня, света. Каждое утро петух возвещает восход солнца. Эта отличительная черта легла в основу марийской пословицы *Агытан – йорло енын шагатше* [Петух – часы бедняка] (Китиков 1981: 16). В прошлом крестьяне дневное время определяли по солнцу, а ночное – по пению петухов. *Агутан ныл шагат времаште мура – пашасомылкам ыштан кыналаш жап* [Петух поет примерно в четыре часа – время вставать заниматься хозяйством] (МПЭ–РМЭ Звен. д. Ташнур). Вечером петух поет в десять часов: *Кастен агытан шукуж годым лу часлан мура; Кастен керек-кунам агытан пелйўд деч кок час ончыч мура* [В большинстве случаев вечером петух поет в десять часов. Вечером петух всегда поет за два часа до полуночи] (Евсеев 1994: 60). По наблюдениям марийцев, петух поет около 12 часов, в два часа, после четырех около пяти (МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково), другие информанты называют время

пения: в 6–7 часов вечера, очень редко поет в 9 часов – к перемене погоды, потом в два часа ночи, после четырех утра (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Согласно примете марийцев, пение петуха до полуночи предвещает удачный день (Sebeok, Ingemann 1956: 198). По поговорке марийцев, *Пойышааш энгын агытан эн пӧрвӧй мура, тудын почеш мурат весат* [Петух человека, которому суждено разбогатеть, самым первым начинает петь, после него поют и остальные] (Евсеев 1994: 68), то есть день у работающего человека начинается раньше других. Бытует верование, что пение петуха вечером является недобрый предвестием: *Кастен агытан пеш сайлан огеш мура* [Вечером петух поет совсем не к добру] (Там же: 67), *Кастен агытан мура гын, война лиеш* [Если вечером поет петух, то будет война] (Там же: 66). Благодаря дневной, солнечной природе, петух выступает как противник нечистой силы. Считается, что он прогоняет демонов. Так, время от полуночи до первых петухов считалось наиболее опасным. По представлениям марийцев, с первым криком петуха мертвецы возвращаются в свои могилы (Sebeok, Ingemann 1956: 228). Пение петуха после полуночи было знаком для начала обряда изгнания нечистой силы, проводимого во время *Сӱрема* (подр. см. Там же: 150–151).

Образ петуха представлен в волшебных и бытовых сказках. Петух всегда выходит победителем, часто является помощником главного героя. Так в сказке «Патыр агытан» (КТМКЙ: 54–57) петух помогает зайцу выгнать сверчка, который поселился в его доме.

Вместе с тем, в сказках петух амбивалентен. Черный петух, как черный ворон, черная кошка, может символизировать нечистую силу, например, в сказке «Злой колдун и его ученик» (СЛИМНЗ: 24–28) колдун, способный превращаться в кого угодно, умер в образе черного петуха. Цветовая символика опять оказывается решающей. Как отмечает Л.С. Тойдыбекова, согласно поверью, девятилетний петух откладывает яйцо, из которого вылупляется огненный змей (Тойдыбекова 2007: 58–59).

Петух является жертвенной птицей. Как сообщает Л.С. Тойдыбекова, в праздник наречения имени новорожденному (мар. *Узытка пайрем*), в честь праздника новоселья, при внезапной болезни человека, чтобы задобрить духов болезни, приносили в жертву петуха (Тойдыбекова 2007: 58). Тот же автор также отмечает, что при переходе в новый дом первым пускают петуха¹¹³, иногда – кошку. Во время свадьбы петуха дарили молодоженам при переезде в новый дом. В свадебном обряде петух выступает как символ благополучия и плодovitости (Там же: 58). К сожалению, наши материалы полевых экспедиций не подтверждают использование петуха в отмеченных ритуалах. Возможно, эти традиции имеют территориально ограниченное распространение, а может быть, просто разрушены.

¹¹³ Вместо петуха может быть любое другое животное (кошка, курица), которое первым войдет (или переночует) в новом доме – на его голову и падут все будущие несчастья.

Петуха приносили в жертву духу поля (мар. *нур водыж, нур бодыж*), духу (кереметю) *Ибашка*, старому еловому человеку (мар. *Тошто кож ен*¹¹⁴), большому человеку (мар. *Кугу ен*, то же что *Немда курык кугу ен* и *Чумбылат*), ангелу смерти (мар. *Азырен*), кереметю *Ноль ен*¹¹⁵ (Sebeok, Ingemann 1956: 56, 62, 63, 64, 78).

У марийцев петух выступает также как строительная жертва. Луговые марийцы при закладке нового дома отрубленную голову петуха клали под угол дома со стороны восхода солнца (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). После сложения новой печи покровительнице домашнего очага приносили в жертву петуха, «чтобы он всегда охранял домашний очаг, чтобы в доме были достаток и благополучие» (Тойдыбекова 2007: 120). Нужно отметить, что печь (мар. *конга*) для марийцев, как и для большинства других народов – это одно из сакральных мест дома. С ней связана практика народного целительства, печь участвует в свадебных и похоронных обрядах, магических действиях, направленных против колдунов, поиска воров (Там же: 119). Традиция использования петуха как строительной жертвы известна славянам и другим индоевропейским народам (СД IV: 30).

Петух, как и курица, используется в погребально-поминальной обрядности. По данным В.М. Васильева, у бирских марийцев закалывают петуха после того, как тронется повозка с покойником и притом на том месте, где стояла повозка (Васильев 1927: 73). У луговых марийцев продолжает бытование обычай колоть петуха или курицу на похоронах в качестве выкупа покойному, чтобы он не приходил забирать на тот свет оставшихся в живых (Там же: 73). По предсмертной агонии курицы или петуха гадали. Отрубив петуху (или курице) голову, смотрели, куда он поскачет: если к улице – хорошо, если к дому – нужно было ожидать нового умершего (МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Карманкино, Малиновка). По данным Т.А. Себеока и Ф.Й. Ингеманна, петуха закалывали, если покойником был мужчина, курицу – если умерла женщина (Sebeok, Ingemann 1956: 156). Поминальные обряды у марийцев имеют много вариантов в разных микротрадициях. В четверг пасхальной недели проводился обряд *сорта чўктыш* (букв. «зажигание свечей»). Закалывали петуха и варили суп для поминовения умерших. Если не было петуха, то варили рыбный суп (Sebeok, Ingemann 1956: 121–122, 134).

На святочной неделе девушки гадали о замужестве. Например, кидали валенок, носок которого указывал, в какую сторону девушка выйдет замуж, или в темноте дергали шерсть у овец и по ее цвету судили о цвете волос будущего мужа. Есть гадания с использованием петуха и курицы, широко распространенные и во многих других народных традициях. Для

¹¹⁴ *Кугу ен* – легендарный предводитель мари, сражавшийся с врагами. Он продолжал и после смерти помогать мари в борьбе с врагами, пока не разгневался на них и не повелел каждый год приносить ему в жертву коня (отождествляется с Чумбылатом) (Sebeok, Ingemann 1956: 63).

¹¹⁵ Вероятно, *Ноль ен* являлся духом-покровителем мари, проживающих на реке Ноля. В РМЭ известны несколько рек с названием *Нольо* (рус. *Ноля, Нолька*).

гадания, проводимого девушками в полночь в бане, нужны были петух и курица из чужого двора. Обычно их крали у соседей, а потом после гадания возвращали. Суть гадания заключалась в том, что выберет петух: курицу, зерно или воду. Девушки по очереди выпускали из рук петуха и смотрели: если петух не обращает внимания на курицу, то это означало нескорое замужество. Воду пьет – муж будет пьющий; зерно клюет – будущему мужу главное будет только покушать. Если петух кружится вокруг курицы – муж будет любящий, заботливый (МПЭ–КО Кильм. д. Таутово).

Согласно гаданию горных мари, на святочной неделе заносили в дом петуха, выпускали и следили, к какому из разложенных на полу предметов он пойдет: к зеркалу, воде, зерну, золе или полену. Зеркало сулило мужа-щеголя, вода – мужа-пьяницу, зерно – богатую жизнь, зола – бедность; если петух переступает через полено, то будущий муж будет издалека, придет через мост (из-за реки) (МПЭ–РМЭ Горномар. д. Цыганово). Эстонские девушки гадали о замужестве так: каждая насыпала на пол горсть зерна, затем приносили сонного петуха и смотрели, из чьей кучки петух начнет клевать зерно – та и выйдет первой замуж (Tedre 1991: 48).

Кировские мари гадали следующим образом: курицу и петуха накрывали лукошком, которое затем резко убирали. Если курица с петухом расходятся в разные стороны, то девушка со своим парнем разлюбят друг друга. Другое гадание девушек проводилось таким образом: петуха накрывали лукошком, на это лукошко присаживался тот, кому гадали. Ставили на пол чашки с водой, вином и зерном. Выпускали петуха и смотрели: если петух направлялся к чашке с водой, то жених будет непьющий, если к зерну – богатый, а если к чашке с вином – пьяницей (Ермакова 2011: 139).

С пением петуха связан ряд примет. Повсеместно пение петуха толкуется как предвестие перемены погоды: *Кастене агытан мура – кече ваишталтеш, леве лиеш* [Вечером поет петух – погода изменится, потеплеет] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Если петух поет вечером после заката, то погода поменяется на следующий день (Sebeok, Ingemann 1956: 198). *Кастене кашташте агытан мура гын, игече ваишталтеш* [Петухи запели вечером на шестке – погода изменится] (МНП: 146). *Йўштõ годым агытан эррак мура – лывырта* [Если петух в холодную погоду поет раньше обычного, то потеплеет] (Там же: 61).

Согласно разным приметам, пение петуха под навесом, на изгороди или на насесте – к дождю: *Агытан клат йымалне мура гын, йўр лиеш* [Если петух поет под клетью, то будет дождь] (Евсеев 1994: 60). *Агытан пече ўмбаке кўзен мура гын, йўрлан* [Если петух поет на изгороди – быть дождю], *Аптән бїлбїш (леваш) лївїлнї мыра гїнь, юр лиеш* [Петух поет под навесом – будет дождь], *Аптән вїрїш шїцїмїк мыра – юрлан* [Поднявшись на шесток, вечером поет петух – к дождю] (МНП: 118). Заметим, что пение петуха на изгороди, согласно горномарийской примете, наоборот, предвещает ясную погоду: *Аптән пичї вїлнї мыра – аяра* [Петух

поет на изгороди – прояснится] (Евсеев 1994: 163). О продолжительности дождя узнавали по следующей примете: *Йўр йўрмō годым агытан мура – йўр вайшке чарна* [Во время дождя запел петух – дождь скоро пройдет] (Там же: 140). Ясную погоду сулит пение петуха на открытом месте: *Агытан чара верыште мура гын, ояра* [Если петух поет на открытом месте, прояснится] (МНП: 163). По наблюдениям марийцев, если петух усердно чистится – к потеплению (Там же: 61). *Шыжым агытан кўчык мурым мура гын, йўштō толеш* [Если осенью петух поет короткую песню, то наступят холода] (Там же: 97; Sebeok, Ingemann 1956: 198).

Петух может выступать как предвестник гостей. Так, если петух пришел на крыльцо (МПЭ–РМЭ Звен. с. Кужмара; Веке III: 59), поет на крыльце (Веке I: 25, 400; Веке III: 301, 420; Веке IV: 130, 162; Sebeok, Ingemann 1956: 198) – к приходу гостей. *Агытан эрдене пōртончылан мура гын, уна толеш* [Если утром петух поет на крыльце, то придет гость] (Веке IV: 22). *Агытан пōртончылно мура гын, вайшке уна толеш* [Если петух поет у крыльца, то скоро придет гость] (Wichmann 1931: 15; 1953: 31). *Агытан капка ончык толын мура гын, уна толеш* [Если петух поет, придя к воротам, то придет гость] (Евсеев 1994: 66).

В сновидениях петух трактуется в основном как получение новостей, как хороших, так и неприятных, иногда также как страх. Поющий петух предвещает хорошие новости, драчливый петух – к тревожным вестям. *Агытан – тыглай увер* [Петух – обыденная новость]. Поющий петух – к скорым радостным вестям: *Мурышо агытан – вайшке куан уверым колат* [Поющий петух – скоро услышишь радостную новость]. Дерущиеся петухи во сне сулят тревожные новости: *Кредалше агытан – тургыжландарыше увер* [Дерущийся петух – тревожная новость]. Во сне колоть петуха – кто-то неожиданно придет с новостью. Колоть его в год петуха – счастливая новость обойдет тебя стороной, если кто-то другой колет петуха в этот год, то его плохое настроение скажется на тебе (Омэлкан 2005: 38–39). Пение петуха в сновидениях сулит страх, испуг: *Агытан мурымo: ѳрткымō* [Пение петуха: страх] (Михайлов 2011: 141).

Исследователи марийской песенной лирики отмечают, что курица / петух в песнях ассоциируются с родственниками, с юношами и девушками (Глухов, Глухова 2012: 83). В песне восточных мари, призывающей к дружбе, образом петуха кодируется сосед:

<i>«Йўдынат-лай пельж годым мо йўк ямле?»</i>	[Посреди ночи чей голос приятен?
<i>Шем шулдыран шем агытан йўк ямле.</i>	Чернокрылого черного петуха пение приятно.
<i>Шышым гына йот-лай толешат, кая, Йўдпел годым пошкудо кўльда»</i>	Чужие к нам приходят и уходят, А сосед и посреди ночи нужен будет]
	(ПВМ: 160).

В марийской традиционной вышивке мотив «петух» является довольно редким: *агытан тўр* – вышивка с мотивом «петушок» (Соловьева 2002:

31). Встречаются следующие орнаментальные мотивы, связанные с этой птицей: *агытан куч* ‘петушиный коготь’, *агытан поч* ‘петушиный хвост’. *Антан ял* (марГ) – орнаментальный мотив «петушиная нога» («лапка петуха»), более всего имеет место в вышивке горномарийских шарпанов¹¹⁶ (Там же: 13).

Итак, петух является ярким образом в марийской традиционной культуре. Рассмотренные примеры позволяют заключить, что в представлениях марийцев петух – вещая птица, наделяемая огненной, хтонической, мужской символикой. В основе этой символики – цвет, голос, характер петуха. В то же время этот марийский образ во многом сходен с образом этой птицы в общеевропейской традиции. Можно сказать, что он практически универсален.

19. Курица

Курица в марийском языке имеет название *чыве* (марЛ, марВ), *цйвй* (марГ, марСЗ), которое считается чувашским заимствованием, как и в мордовских и пермских языках (Васильев 1984: 48). В народных названиях курицы отражаются внешние признаки: *арава чыве* ‘пестрая курица’, *йошкар чыве* ‘рябая курица’, *кӧк чыве* ‘коричневато-серая курица’, *ола чыве* ‘пестрая курица’, *куку чыве*, *кукула цйвй* марГ ‘пестрая курица’ (компонент

Рис. 22. Курица

куку ‘кукушка’ указывает на пестроту окраски), *ош чыве* ‘белая курица’, *пырты-парты чыве* ‘крапчатая курица’, *чувар чыве* ‘рябая курица’, *шем чыве* ‘черная курица’. Индивидуальные признаки и качества выражаются в следующих наименованиях: *иган чыве*, *иган цйвй* марГ ‘наседка с цыплятами’ (*иган*, *иган* ‘с птенцом’), *игычыве*, *игй цйвй* марГ ‘курица-молодка’ (*иге*, *игй* марГ ‘птенец’), *мунчышо чыве* (букв. «несущая курица») ‘курица-несушка’, *пуктышӧ чыве*, *пуктышй цйвй* марГ, *шинчыше чыве*, *шӧнзйш цйвй* марГ (букв. «насиживающая курица») ‘курица-наседка’.

В некоторых местностях марийцы именуют октябрь *чыве-агытан тылзе* (букв. «месяц курицы-петуха»), потому что в этом месяце кололи подросшую и нагулявшую жир домашнюю птицу (Сепеев 1975: 213).

¹¹⁶ *Шарпан* – название головного убора замужней женщины-марийки в виде полотенца, украшенного по краям вышитыми узорами и тесьмой (подр. см. Молотова 1992: 36–37).

В словаре горномарийских топонимов зафиксированы, к примеру, названия: *Цѳѳѳ карем* (букв. «куриный овраг»), *Цѳѳѳ куп* (букв. «куриное болото»), *Цѳѳѳ лидѳѳ* (букв. «куриная ложбина») и т. д. (Васикова 2003: 306).

Наиболее устойчивыми характеристиками и смысловыми аспектами, связанными с курицей, являются: мало есть, мокрый, грязный, подслеповатый, глупый, беспамятливый, безвольный (Козлова 2003: 61). Человека, который ест мало, марийцы называют *чыве пагар* (букв. «куриный желудок») ‘малоежка’ (СМЯ VIII: 460), а который часто и много пьет – *цѳѳѳ логер* марГ (букв. «куриное горло») ‘часто и много пьющий’ (СМЯ VIII: 459). *Ночко чыве* (букв. «мокрая курица») – человек, который выглядит жалко; несчастный; безвольный человек, размазня (СМЯ VIII: 459), ср. рус. *мокрая курица*. *Чыве сѳѳ (сар)* шутол. (букв. «куриный переполох») – ссора, нелады, перебранка, конфликт из-за пустяков (СМЯ VIII: 460). В народном представлении кудахтанье курицы может ассоциироваться с беспрестанным смехом, например, детей: *чывыла ит кыдетле* (букв. «не кудахчи как курица») ‘хватит смеяться’ (МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы).

Мотив глупости курицы нашел отражение во фразеологизмах: *чыве вуй* (букв. «куриная голова») ‘с плохой памятью’ (МПЭ–РБ Мишк. д. Ишимово); *устымо чыве* (букв. «бестолковая курица») ‘глупый’ (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). О крепких надворных постройках вокруг усадьбы с глухими заборами говорят *чыват лектын ок керт* (букв. «даже курица не выберется») (СМЯ VIII: 459–460). Большое количество чего-либо выражается фразеологизмом *чыват чѳнген ок пытаре (ок шукто)* (букв. «даже курица не клюет») ‘очень много’, ср. рус. *куры не клюют* (о деньгах). Данный фразеологизм в горномарийском языке используется в значении ‘очень быстро, очень часто (говорить, стучать и т. д.)’: *Цѳѳѳ чѳнген ак шокты, мѳѳѳ вѳкемлѳ анжыктен, (Рита) тамам тѳтѳтлѳи тѳнгѳлѳѳѳ*. А. Канюшков. [Рита, показывая в мою сторону, стала очень быстро говорить (букв. тараторить) что-то] (Там же: 460). О богато накрытом самыми разными яствами столе говорят *чыве шѳр гына уке (шѳрым гына от му)* (букв. «птичьего (букв. куриного) молока только нет (не найдешь)») ‘чего только нет’ (Там же: 460).

Образ курицы встречается в марийской вышивке. Такие мотивы называются: *чыве тѳр* (вышивка с мотивом «курица») (Соловьева 2002: 23), *цѳѳѳ кекырек* марГ (букв. «гребень курицы») (Там же: 22), *чывышинча тѳр* (букв. «вышивка «куриный глаз») (СМЯ VIII: 463). Вид вышивки крестом, орнамент которой напоминает след птицы, получил название *чывыйол тѳр* (Там же: 461) (букв. «вышивка «куриная лапка»). По мнению Г.И. Соловьевой, «куриная лапка» является самостоятельным орнаментальным мотивом, «выполняется из трех лицевых стежков, сходящихся внизу в одной точке, обычно повторяется через интервалы по всей полосе бордюрной вышивки. Этот мотив является наиболее любимым у восточно-славянских народов. У марийцев довольно часто применяли его в вышивке горномарийских шарпанов» (Соловьева 2002: 23).

Марийцы с давних времен занимаются разведением кур. Мясо курицы используется в обрядовых блюдах, яйца для выпечки. Как сообщает Г.А. Сепеев, к традиционной праздничной и обрядовой пище марийцев относятся блюда из домашней птицы. Это суп-бульон из курицы, утки или гуся. Сваренная курица подавалась на стол в качестве второго блюда после бульона. По мнению исследователя, вторым распространенным кушаньем из домашней птицы являются пирожки из рубленого мяса уток или гуся (Сепеев 1981: 117–118). Марийская семья была большая. Варили суп из целой курицы, за столом ее разламывал старший в семье. Традиционно мясо курицы распределяли следующим образом: бедро – мужчинам, голову ел кто-то из самых старших. Крылья давали дочерям, чтобы они вышли замуж. Последнее подтверждает и марийская поговорка: *Ончыч толшылан – чыве вуй, вараи кодшылан – чыве йол, рвезе ўдырлан – чыве шулдыр* [Первому пришедшему – голова, опоздавшему – куриная ножка (лапка), молодой девушке – куриные крылья] (Китиков 1981: 18). У волжских мари традиция распределения мяса курицы во время прихода гостей такова: *Ончыч толшылан – шўйым пуыман, шенгеч толшылан – йолкопкам пуат, марлан кайшаш ўдыремлан – шулдыр. Моло чыве шка-немак кодеи, ешем дене кочкына* [Первому пришедшему дают шею, последующему – куриную ножку, молодой девушке – крылышко. Остальная курица остается себе, съедим вместе с семьей] (МПЭ–РМЭ Звен. д. Ташнур). Беременной женщине запрещалось есть печень курицы или других птиц, иначе ребенок мог родиться синегубым, то есть хилым (Ефимова 1991: 15). На этот признак обращали внимание и другие народы. Например, сербы синие губы у ребенка объясняют тем, что его мать, будучи беременной, съела желудок курицы (СД III: 61). У восточных марийцев не принято отправлять курицу в качестве приданого. Обычно на гостинцы отправляют гуся или утку (МПЭ–РБ Мишк. дд. Сосновка, Чебыково). *Чывым кузыклан кондет гын, пиалетым удырен колта* [Если курицу принесешь на приданое, то разгребет твое счастье] (Евсеев 1994: 69). У чувашей курица на свадьбе выполняет двоякую функцию: в одних локальных традициях ее дарят в качестве приданого невесте, в других – не дарят, так как курица, которая разгребает ногами землю, может быть «знаком неладной жизни в замужестве» (Салмин 2010: 214). Свойство куриц разгребать лапами землю получило негативный смысл и в вепских представлениях. У оятских вепсов также было запрещено давать в приданое невесте курицу (Винокурова 2006: 355).

Как известно, во многих космогонических мифах символом мироздания является яйцо. По представлениям многих народов, в том числе и марийцев, яйцо обладает некой магической силой, считается «живым». Яйца приносят на моления, используют во время обрядов. Яйца были не только символом возрождения, давали жизнь, но и были способны победить зло. Яйца использовались в ритуале изгнания злого духа, который совершался раз в год – весной (Юадаров 1995: 44–45). Как символ плодородия яйцо выступает в земледельческих обрядах у многих народов.

Магический обряд *урлык лукмаи* (букв. «вынос семян»), совершаемый марицами во время первого сева, Г.А. Сепеев описывает следующим образом: «В севалку вместе с зерном клали несколько сваренных вкрутую яиц и горбушку хлеба, которые сеятель бросал вместе с семенами в землю, приговаривая: «Пусть будут крупными, как яйца». Затем одно яйцо вместе с куском хлеба зарывалось в землю, а остальные яйца подбирались прибывшими на поле членами семьи. После небольшой молитвы Матери земли («мланде-ава») с просьбой о благоприятствовании будущему урожаю здесь же в поле яйца съедались» (Сепеев 1975: 73). Описан также обряд, который совершался после весеннего моления: шли на свое поле и клали на землю яйцо и немного каши, чтобы задобрить Мать земли (мар. *Мланде ава, Мланде аба*) (Sebeok, Ingemann 1956: 48).

Чтобы куры хорошо неслись, в день Шорыкйол хозяйки с утра кормили кур конопляным семенем, пшеницей, чтобы они несли столько яиц, сколько семян съели (Веке III: 98; Sebeok, Ingemann 1956: 152, 223; Тойдыбекова 2007: 268). *Шорыкйол эрдене чывылан кыне нӧшмым пуат шуко*: «кунар нӧшмӧ пырче уло, тунар муным мунчыза!» манят [Утром праздника Шорыкйол курам дают много льняных семян и говорят: «Сколько есть семян, столько яиц снесите!»] (Веке III: 98). Льняные семена и зерно в обрядности символизируют множественность (поскольку они мелкие, курица может съесть их много). По представлениям звениговских мари, куры будут хорошо нестись, если на Спиридона (25 декабря) кормить кур зерном, которое сыплут через правый рукав. Строгих правил нужно было придерживаться и при сборе яиц. Яйца нужно собирать по одному, чтобы курица неслась на одном месте, и обязательно нужно оставлять одно яйцо. Курица не должна видеть, как собирают яйца, если увидит, то будет нестись на улице вразброс. Нельзя собирать яйца вечером после захода солнца, иначе курица перестанет нестись (МПЭ–РМЭ Звен. д. Ташнур). Рекомендуются собирать яйца в дневное время. Яйца нельзя передавать из рук в руки, иначе куры будут нестись в разных местах (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). Считается, что нельзя своими руками отдавать или продавать яйца – чтобы свои куры не перестали нестись. Когда едешь продавать яйца на рынок, ведро с яйцами нужно закрывать красным лоскутком ткани (МПЭ–РМЭ Звен. д. Ташнур).

Хозяйственные рекомендации, как сажать курицу на яйца, различаются: наседку сажают на нечетное число яиц (МПЭ–КО Кильм. д. Малиновка); сажают на свежие, трехдневные яйца в количестве 9, 11, 13 яиц (МПЭ–РМЭ Звен. д. Ташнур); сажают на 8–10 яиц (МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино). «Курицу нужно сажать при растущей луне на нечетное количество яиц. По форме яиц можно определять пол будущих цыплят: округлой формы – курочка, вытянутой формы – петушок. Для подкладывания яиц специально ждут растущей луны, а пока она просто сидит, без яиц» (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). По представлениям звениговских мари, курицу нужно сажать вечером на растущей луне, когда придут овцы, или рано утром. Важно, чтобы на голове была шапка, шея не должна быть

открыта, иначе цыплята будут с голой шеей. Оденешь на голову шапку – цыплята будут с колпачками на голове. Как известно, курица высидивает яйца 21 день. На это время ее накрывали корзиной, чтобы никто не сглазил. Чтобы цыплята вылупились одновременно, вечером во время прихода овец из пастбища проводят следующее магическое действие: ведро с яйцами ставят у ворот так, чтобы овцы перескочили через ведро. При этом приговаривают: «*Шорык кўтё кузе рўж толеш, мыйын чывигемат рўж лектын шогыжо*» [Как стадо овец приходит дружно, так же мои цыплята пусть вылупятся одновременно]. Считается, что если посадить курицу во вторник или среду – вылупится много петушков; если в четверг или пятницу – то будут курочки. В понедельник и субботу сажать курицу не рекомендуется (МПЭ–РМЭ Звен. д. Ташнур).

Когда сажают курицу-наседку, то соседи взаимно обмениваются яйцами. Считается, что такие яйца не будут болтунами. Некоторые заранее клали яйца в гнездо в зависимости от того, требовалось ли больше кур или петухов: *Чывын муныжо кошарге лиеш гын, агытанаш чывыгине лектеш; чумураш муно лиеш гын, чываш чывыгине лиеш* [Если куриное яйцо остроконечное, то вылупится петушок; если яйцо округлое, то вылупится курочка] (Веке IV: 390). *Чывым нўкташ шындыме годым кошар муно дене шындет гын, эре агытан лектеш* [Если курицу сажаешь на яйца продолговатой формы, то всегда вылупятся цыплята-петушки] (Евсеев 1994: 65). Пол будущих цыплят зависит от пола человека, сажающего курицу-наседку: *Чывым нўкташ пўрѐен шында гын, шукыжым агытан лиеш* [Если мужчина сажает курицу-наседку, то в большинстве вылупятся цыплята-петушки] (Евсеев 1994: 65). Чтобы курица не квохтала и не садилась на яйца, можно отучить ее следующим образом: *Чывым кутанже дене йўшитё вўдыш чыкаш кўлеш, кок-кум гана чыкыман или нўрѐныш кудалташ кўлеш кок-кум кечылан – йўкша* [Курицу нужно два-три раза опустить в холодную воду или бросить в погреб на два-три дня, успокоится] (МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Карманкино; МПЭ–РМЭ Звен. с. Именцы, д. Ташнур; МПЭ–РБ Мишк. дд. Бикшиково, Чебыково, с. Чураево).

Чтобы уберечь цыплят от хищных птиц, проводили защитные обряды. Подробнее они были описаны в статье «Вороновые». Например, произносили заклинания и пропускали птиц через передник, штанины. Вылупившихся цыплят пропускали через платье, приговаривая: «*Кунам корак тувыр помышышкем пурен кертеш, тунам иже корак чивиниге-влакем налын кертше*» [Когда ворона сможет залезть в мою пазуху, только тогда она сможет взять моих цыплят] (МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино).

С целью обеспечить защиту домашних птиц маришцы обращались к Богоматери птиц (мар. *Кайык шочын ава*). Для того чтобы увеличить поголовье птиц и чтобы охота была удачной, обращались к Богу птиц (мар. *Кайык юмо*). Бог кур (мар. *Чыве юмо, Чыбе юмо*) предохранял домашних птиц от разных бед и болезней (Sebeok, Ingemann 1956: 50, 67, 68). *Чыве-Юмо уло. Сортам чўктат черкыште и маныт: «чыве-шамыч-*

лан тазалыкым нуза, шкеак ашныза» [Есть куриный бог. В церкви зажигают свечи и говорят: «Дайте здоровья курам, берегите»] (Веке III: 119). Если часто умирают куры, чтобы прогнать птичью холеру, одну сдохшую курицу вешали в курятнике, привязав ногу к шесту. Считается, что после этого куры не будут подыхать. Думали, что «чывын калерже сакыме чыве йырже кум йыр пӧрдын савырна, вара каласа: «Мый толмемлеч ончылтенак коленат маш». Вара кудалтен кая ты сурт гычын вес суртышко» [Куриная холера три круга делает вокруг повешенной курицы, потом говорит: «Оказывается, до моего прихода еще умерла». Потом, оставив, уходит из этого двора в другой] (Веке IV: 352, 390).

Связь курицы с потусторонним миром проявляется в использовании ее в поминальных обрядах. Как отмечает Н.С. Попов в своей книге «Марий веран йыжынже» («О язычестве»), курица может облегчить переход из земного мира в потусторонний, для чего кровью курицы смазывали гроб или лицо покойника, а куриные когти клали рядом с ним. При выносе усопшего перед воротами отрубали голову курице, что означало стремление выкупить человеческую кровь куриной (Попов 1985: 14). «Обезглавленную курицу выбрасывали на улицу или следили, в какую сторону она побежит; если курица выбегала на улицу, то предполагалось, что в этом доме в ближайшее время покойника не будет» (Попов 1981: 166). Обычно эту курицу выгоняют пинком, чтобы не залетела во двор, что было бы недобрым знаком. Иногда случается так, что она залетает обратно во двор, тогда она предвещает еще одну смерть (МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Карманкино, Малиновка). Во время похорон рубят курице голову и смотрят: если курица вылетает из двора – в семье больше не будет покойника, в какую сторону улицы направится – там и будет покойник (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Считается, что курица собирает ногти покойника, раскиданные повсюду в течение жизни. По верованиям марийцев, на том свете человека заставляют собирать ногти (Sebeok, Ingemann 1956: 111–112, 155–156), поэтому некоторые стараются выкидывать их в одно место (МПЭ–КО Кильм. д. Карманкино; МПЭ–РБ Мишк. д. Бикшиково, с. Чураево).

В некоторых регионах курицу оставляли там же, где она умирала, на поедание собакам. В других микротрадициях курицу ощипывали, готовили и ели. Иногда заколотую курицу вешали за шею под повозку, чтобы «освободить кровь» умершего человека (Sebeok, Ingemann 1956: 156). В Кильмезском районе Кировской области в день похорон из ритуальной курицы варят суп с домашней лапшой до прихода людей с кладбища (МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Таутово). Считается, что курицу нельзя оставлять на потом, если посушили, нужно есть сразу. Подтверждение этому находим в рассказе респондента: «Женщину похоронили, зарезали курицу. Кто-то посоветовал молодой хозяйке не варить курицу в день похорон. Так она ощипала курицу и, сказав, что в другой раз накормит мужа, положила в холодильник. Через сорок дней умер муж. Поэтому обряд нужно проводить, соблюдая правила и доводить до конца» (МПЭ–

КО Кильм. д. Таутово). На поминки по недавно умершему покойнику на седьмой день также резали курицу для приготовления супа (Sebeok, Ingemann 1956: 158). Резали курицу для супа также в четверг (мар. *сорта изарня*) пасхальной недели, в день общеродовых поминок (Там же: 122).

В представлениях марийцев курица принимает на себя несчастье, которое могло бы случиться с человеком, поэтому если она где-то подыхала, то ее не спасали. Считали, что курица предотвратила беду в доме (смерть членов семьи или близких) (Юадаров 1999: 36; 1995: 60). При закладке дома под фундамент также закапывали курицу. Кур не продавали на рынке и не покупали (Юадаров 1999: 37). Жестокими были обычаи наказания вора кур. У уржумских марийцев вору вешали эту курицу на шею или давали ему в руки и гоняли по всей деревне, а он должен был говорить: «*Минь вор улам*» [Я вор] (МПЭ–КО Урж. д. Собакино).

Широко известно ритуальное использование курицы. «Хозяином дома был *Орт*. Сейчас все детали установить трудно, по обычаю для него при закладке дома или перед новосельем, а может быть и в обоих случаях, в подполье закапывали курицу» (Юадаров 1995: 29). Это было жертвоприношение мифическому хозяину дома, но теперь этот обычай не сохранился. Подобный обряд был отмечен А.А. Петровым у уральских марийцев. При закладке дома всей семьей делали жертвоприношение в летнем домике (мар. *кудо*), где обитал домовый дух (мар. *кудоводыш*). Обычно жертвовали курицу или какое-нибудь мелкое животное (Петров 1896: 25).

По материалам Т.А. Себеока и Ф.Й. Ингеманна, духу дома (мар. *кудо водыж*) обычно приносили в жертву черную овцу; в зависимости от ситуации вместо овцы в жертву могли быть принесены утка, курица и даже заяц. В некоторых местах жертвоприношение проводилось осенью. Чаще всего подношения духу дома делалось в случае беды или болезни членов семьи. В микротрадициях при заболевании трахомой жертвовалась курица или утка (Sebeok, Ingemann 1956: 54–55). Курица, как и петух, жертвовались духу поля (мар. *нур водыж*), большому человеку горы Немда (мар. *Кугу ен, Немда курык кугу ен*), ангелу смерти (мар. *Азырен*), керемету *Ноль ен* (Там же: 56, 63, 64). Кроме того, курица использовалась в обрядах жертвоприношения духам *водыж*, *аш*¹¹⁸, *ужедыш*, черту (мар. *шырт*), духам хлеба (мар. *вича кугыза, вича кува*) (Там же: 78, 78–79). Черная курица фигурирует в обряде вызывания дождя *Черлак үдыржө* (букв. «дочь Черлака»¹¹⁹). В ходе обряда участники обливали водой друг друга, а также черную овцу и кур (Там же: 113). Куры используются в качестве жертвы в священной роще, если она была осквернена (Там же: 180).

Колдуны при помощи курицы наводили порчу: они подкидывали курицу во двор или закапывали на территории усадьбы того человека, кому предназначалась порча. Часто весной при вспашке огорода находили

¹¹⁸ *Аш* – дух, помощник Бога и дух Керемета (Sebeok, Ingemann 1956: 52).

¹¹⁹ *Черлак* – озеро в Калтасинском районе Республики Башкортостан.

закопанную курицу, от которой потом избавлялись (МПЭ–РМЭ Звен.; МПЭ–КО Кильм.).

Обрядовые манипуляции, связанные с курицей, имели календарную или иную временную приуроченность. «Среда – *Колишугон кече* («день умерших»). Считали, что в этот день нельзя мыть и мести полы, расчесывать волосы, стричь ногти, топить печь утром, открывать сундук. На столб забора в этот день опрокидывали горшок и говорили: «*Щёгертен шинчажим петрем, корак шинчажим петрем* [закрою глаза сороке, закрою глаза вороне]. Считалось, после такой процедуры летом все цыплята и утята будут целыми, их не будут таскать сороки и вороны» (Ермакова 2011: 143). Вместо горшка иногда использовали обычную банку. В этот день рекомендовалось не выпускать кур (МПЭ–КО Кильм. д. Малая Кильмезь). Считается, что курица выведет много цыплят, если в Пасху спать на печке. Пасхальное яйцо сохраняли, веря, что оно может остановить пожар: его бросали в огонь или обходили с пасхальным яйцом горящее строение, приговаривая: «*Тулъм авырен коштам, умбакыже ынже кай*» [Хожу и закрываю огонь, чтобы дальше не распространилась] (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Подобный способ тушения пожара был распространен у вепсов, русских, коми (Винокурова 2006: 359). Старое пасхальное яйцо сжигали в печке (МПЭ–КО Кильм. д. Таутово) или пускали по реке (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). В некоторых микротрадициях вместо пасхального яйца маришцы кидали в огонь черную курицу (Sebeok, Ingemann 1956: 51).

В среду (мар. *Оймо кече*) на пасхальной неделе волжские маришцы делают оберег для будущих цыплят. Для этого берут красный лоскуток ткани и начинают шить, приговаривая: «*Вараи шинчам ургем, тумна шинчам ургем, корак шинчам ургем, чывем-чывенем сурт-оралтем гыч нумал ышт керт*» [Зашиваю ястребиные глаза, зашиваю совиные глаза, зашиваю вороньи глаза, чтобы не смогли унести моих кур-цыплят из моего двора]. Этот лоскуток вешали на угол сарая. Весной, когда выведутся цыплята, этот лоскуток вешали на клетку. Цыплят пропускали между ног и приговаривали: «*Вараи шинчам, тумна шинчам, корак шинчам ынде ме урген пытарен улына. Ен шинча, шем шинча, шара шинча, кўрен шинча тиде ластыкеш вочшо, чывиге ўмбак ынже воч*» [Мы уже зашили ястребиные, совиные, вороньи глаза. Пусть чужие глаза, черноглазые, светлоглазые, кареглазые сглазят этот лоскуток, чтобы не сглазили цыплят] (МПЭ–РМЭ Звен. д. Ташнур).

В четверг пасхальной недели брали золу из печи и насыпали в курятнике (потом куры купаются в ней, клюют ее). Это делается в целях защиты кур от сглаза, и ради хорошей яйценоскости (МПЭ–РМЭ Звен. д. Ташнур).

Существует много запретов, приуроченных к Пасхе (мар. *Кугече*). На пасхальной неделе, в среду, запрещалось расчесывать волосы, чтобы куры не разгребали грядки. В этот день также нельзя было топить (чтобы из трубы шел дым), сено скотине давали руками, чтобы был хороший при-

плод скотины в хозяйстве (МПЭ–РБ Мишк.; МПЭ–КО Кильм. д. Малая Кильмезь; Урж. дд. Ешпаево, Собакино). Не разрешалось шить или вышивать, чтобы черви не уничтожали зерно; плести лапти – чтобы крот не ел картошку. Если расчесывать голову, подметать пол, то куры разгребут грядку (Веке I: 391). *Конкечын вуетым ит шер! Маныт, чыве йыраным улыра, маныт, чырам ит чўктё, шўльё шўчвуйн*¹²⁰ *лиеш* [В день Конкече (среда пасхальной недели) волосы не расчесывай! Говорят, что курица разгребет грядку, говорят, не зажигай лучину, иначе овес будет заражен головней] (Веке III: 176). На пасхальной неделе, в среду и пятницу (мар. *Пенгыде кугарня*, букв. «строгая пятница», рус. *Страстная пятница*) не собирают яйца, иначе куры разгребут грядки. После Пасхи во вторник (мар. *Радинча* < рус. *Радоница*) не разрешалось брать в руки иглу, иначе куры разгребут огород (Sebeok, Ingemann 1956: 225).

На Благовещение (7 апреля, мар. *Тер кудалтыме кече*, букв. «день скидывания саней») также нельзя расчесывать волосы, чтобы куры не разгребали грядки (МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Таутово, Малая Кильмезь). Были и другие запреты. Например, нельзя было долго спать. Если откроешь сундук, то сильный ветер снесет крышу дома, поэтому заранее вытаскивали необходимую одежду из сундука (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). В этот день рекомендуется закрывать столбы в огороде тарелкой, чтобы куры не разгребали грядки (МПЭ–КО Кильм. д. Таутово). Нельзя было работать в огороде: «В этот день поработаешь в огороде – все грядки летом разгребут куры, а оставшуюся рассаду поедят гусеницы» (Юадаров 1995: 43).

Второго августа марийцы отмечают *Угинде* (букв. «новый хлеб», рус. *Ильин день*). В этот день обязательно нужно испечь хлеб; «кровь нужно пускать», т. е. резать курицу, петуха или овцу (МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Таутово). Как отмечали марийцы, если сказал, что нужно резать курицу – режь, иначе она сама пропадет, через день-два где-нибудь подохнет. То же касается и скотины. Если задумал резать скотину, режь. Бывает, что овечка пропадает, вечером не возвращается домой с пастбища (МПЭ–КО Кильм. д. Таутово).

Курица используется в народной медицине. При флегмоне, панариции (гнойные заболевания тканей пальца, кисти) к больному органу прикладывали куриный или лошадиный помет (Ефимова 1991: 32). Свежим куриным яйцом лечили желудок; яйцо также считали противоядием при отравлении солями тяжелых металлов, сульфатами. Свежий белок куриного яйца использовали при ожогах, смесь куриного яйца с соком чистотела – при псориазе. Высушенные куриные желудки применяли как лекарство при заболеваниях желудка (МПЭ–РБ Мишк. д. Чебыково). Яйцо использовалось в качестве жертвы в обряде лечения слабых, бледных детей: яйцо и три блина клали на пень и просили Мать солнца (мар. *Кече ава, Кече*

¹²⁰ *Шўчвуй* – головня, спорынья; болезнь хлебных злаков, при которой зерно превращается в черную пыль или в твердый черный нарост, рожок (СМЯ IX: 430).

аба) вернуть ребенку здоровый цвет лица (Sebeok, Ingemann 1956: 47–48). Отвар из внутренней пленки куриного желудка пьют при камнях в почках. Куриную желчь использовали при ожогах (МПЭ–РБ Мишк. с. Чураево). Бульон из куриных ног считали полезным для суставов (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). При поражении больших участков кожи прикладывали к ожогам свежую шкуру курицы или овцы (Попов 2013: 317).

Во время праздника *Шорыкйол* (рус. *Рождество*) девушки гадали о суженых. По цвету курицы, пойманной в темноте в курятнике судили о цвете волос своих суженых. Другой способ гадания «с курицей» заключался в том, что заносили в дом курицу и наблюдали: «Если курица клюнет зерно, монету или соль – то, соответственно, быть богатой, если курица клюнет уголь – выйдешь за бедного, если песок – то муж (жена) будет плешивым. Если ловится курица старая, то муж будет старым, молодая – будет молодым» (Тойдыбекова 1997: 223; 2007: 270–271). Согласно гаданию луговых мари, записанному Ö. Беке, молодые люди идут ночью в курятник и, поймав в темноте курицу, заносят в дом. Девушки наливают воду в сковородку, кладут хлеб, уголь, деньги. Потом девушки подносят курицу к сковородке. У кого курица пьет воду – та выйдет за пьяницу, клюет хлеб – выйдет за того, у кого есть зерно, клюет деньги – за богатого, клюет уголь – за бедного (Беке I: 417–418; 565). Подобное гадание есть и у восточных мари. Заносили в дом петуха или курицу, клали деньги, сыпали зерно, ставили воду, а затем смотрели, что выберет эта птица: деньги клюет – к богатому мужу, зерно – муж среднего достатка, воду пьет – бедный муж (МПЭ–РБ Мишк. д. Ишимово). Согласно другому способу гадания, девушки в темноте ловили кур в курятнике. Считалось, что девушка, поймавшая петуха, выйдет замуж за солдата. Остальные гадали таким же способом, как и в предыдущих гаданиях: если курица клюет хлеб – будет богатый муж, уголь – бедный, табак – курильщик, вода – пьяница (Sebeok, Ingemann 1956: 218). Интересным способом гадали кировские мари: «Курицу и петуха закрывали лукошком, потом открывали. Если они идут вместе, с мужем будешь жить дружно и вместе; если курица и петух разойдутся, то соответственно и с мужем будет разлад (МПЭ–КО Кильм. д. Малая Кильмезь). В этом гадании курица и петух символизировали семейную пару. В свадебной песне восточных мари невеста отождествляется с курицей, а жених – с ястребом. Эта песня поется невесте в доме родных жениха:

<i>«Виче гына воктен чувар чывым</i>	[Около хлева пеструю курицу
<i>Теве-теве нангая шем вараи.</i>	Чуть-чуть не унес черный ястреб.
<i>Капээтат сай, тусет чевер,</i>	Стан твой стройный, облик красивый,
<i>Теве шуын тылатат пуйырымаш»</i>	Вот и пришла к тебе твоя судьба]

(ПВМ: 222).

Широко распространены предсказания погоды по поведению курицы. *Чыве пунжым шыжым ондак йоктара гын, теле лывырге лиеи* [Если курица линяет рано осенью, зима будет мягкая] (МНП: 36). *Чыве мологунамсе деч эр каштаи шинчеш – йуштылан* [Куры раньше обычного

салятся на насест – к холоду] (Там же: 53). О предстоящем буране, метели и вьюге говорят следующие приметы: *Чыве пунжым кўреш гын, поран толшаиш* [Курица щиплет свой пух – жди метели]; *Чыве почшым луга – поранлан* [Курица крутит хвостом – к пурге] (Там же: 71). С ранней весной, дождливым летом связаны следующие приметы: *Овдоким кечын чывылан йўаш ситыше вўд уло – шошо вашке толеш* [Если на Евдокии есть лужица, из которой курица может напиться, – к ранней весне]. *Овдоким кечын пўртўнчыл мучаите чывылан йўаш ситыше вўд лиеиш – йўран кенгежлан* [На Евдокии курица напьется из лужицы – к дождливому лету] (Там же: 99). *Евдоки кечын чыве йўаш вўд лиеиш гын пўрт ончылно, кенгеж шокишо лиеиш; вўд ок лий гын, кенгеж йўишў лиеиш* [Если на Евдокию у крыльца наберется водица курице напиться – к хорошему лету, не будет воды – к прохладному лету] (Beke IV: 23).

Согласно приметам, куры клюют топтун-траву, стоят, сгрудившись – к дождю (МНП: 119; Евсеев 1994: 62). Если куры клюют либо садятся на деревья или на другие возвышенные места – просят дождя (МНП: 119). Куры щиплют свой пух, хлопают крыльями, катаются по песку или в пыли – к дождю (МНП: 119; Евсеев 1994: 62; Васильев 1918а: 54). Куры, индюки чистят свои перья – к ненастной погоде (Васильев 1918а: 54). Куры крутят хвостом или собираются вместе и бродят по улице – будет дождь (МНП: 120). Наседка прячет цыплят под крылья или курица прячется под строения – к дождю (Там же). Если курица качает головой, то будет дождь (Sebeok, Ingemann 1956: 198).

О продолжительности дождя можно судить по приметам: *Чыве йўрышкў лектеш гын, йўр узак лиеиш* [Если куры выходят на дождь, он продлится долго] (МНП: 140). *Йўр годым йўр воиш чыве-влак коштыт – йўр долго лиеиш* [Куры гуляют в дождь – дождь будет долго]. *Кўчык йўрлан чыве-влак леваиш йымак шылыт* [К непродолжительному дождю куры прячутся под навесом] (МПЭ–РБ Мишк. д. Каргино). О перемене погоды (ненастье, слякоть, похолодание) говорят следующие приметы: *Чыве йўр деч ок шыл гын, кужу ночко лиеиш* [Если курица не прячется от дождя, будет долгое ненастье] (МНП: 146). *Чыве пыстылжым йогыкта гын, лавыртышлан* [Перед слякотью куры, ошипываясь, роняют перья] (МНП: 152).

Ряд примет связан с предсказанием будущего урожая. *Чыве каиша ймбаке кўзен мура гын, шурно перкем йодеш* [Если курица поет на насесте, то просит изобилия хлеба] (Beke IV: 388). Встречаются разные варианты приметы, согласно которой снесенные весной первые большие куриные яйца предвещают хороший урожай (Beke III: 108; Beke IV: 132; Sebeok, Ingemann 1956: 198). Если курица несет крупные яйца, зерно будет чистым. Если весной курица несется крупными яйцами, то рожь и овес будут хорошо расти (Sebeok, Ingemann 1956: 198). *Чыве шошым изи муным мунча гын, пытартышлан вара ўдымў шўльў кўчык лиеиш* [Весной курица несет маленькие яйца – последний посев овса будет невысоким] (Beke III: 108). Учитывают вес куриного яйца: если первое яйцо тяжелое –

начинают сеять овес рано; следующее яйцо тяжелее – сеют чуть погодя; третье яйцо самое тяжелое – сеют поздно (Beke IV: 351; Sebeok, Ingemann 1956: 198). *Чыве муно шолдыра гын, пырче шолдыра лиеш* [Весенние первые яйца крупные – к ядреным семенам] (МНП: 192). Куры начинают нести сначала крупные яйца – благоприятен ранний сев яровых, если маленькие яйца, то с началом полевых работ лучше не спешить (Beke III: 104; Васильев 1918б: 55; МНП: 215). У уржумских мари подобная примета по размеру яиц связана с овсом: *Чыве шошым первый мунчаш тўнгалмыж годым кугу муным мунча гын, шўльым эр вўдаш кўлеш; изи муным мунча гын, варарак вўдаш кўлеш; эр вўдымў шўльў мотор лиеш* [Если весной курица сперва несет крупное яйцо, то овес нужно сеять рано; если снесет маленькое яйцо, то сеять чуть погодя; рано посеянный овес будет красивым] (Beke III: 450). Аналогичный способ гадания записан и у красноуфимских мари: чтобы узнать, который сев будет лучше, т. е. ранний, средний или поздний – маришцы следят за первыми тремя несенными курицей яйцами: которая из них будет больше или тяжелее, тот и сев будет лучше (Городской 1864: 24–25).

Как отмечает Л.С. Тойдыбекова, «чтобы предсказать урожай, также слушали кур, сидящих на шесте: если куры ведут себя шумно, то хлеб не уродится, если сидят тихо, то хлеб уродится» (Тойдыбекова 1997: 223–224; 2007: 270).

О яйценоскости кур говорят следующие приметы: *Чывын кекырекише йошкарга – мунчаш тўнгалеш* [Зарумянится гребешок у курицы – начнет нестись]. *Кыдетлыше чыве шуко мунчышан* [Курица много кудахчет – яйценоская] (МНП: 259). Согласно другой примете, «как зацветет шиповник, куры несутся хуже» (Там же).

Известны и приметы, предвещающие неудачу и даже смерть. *Чыве пўртончык пура – сай огыл, нельлыклан* [Курица зайдет в веранду – не к добру, к трудностям] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы). *Чыве кутанешыже шудым пижыкта – кольшо лиеш* [Курица зацепит на хвосте сено – к покойнику] (МПЭ–РМЭ Звен. с. Исменцы, д. Нижние Памьялы). *Чыве мура – кольшо лиеш* [Курица поет – к покойнику] (МПЭ–КО Кильм.), *Чыве мураш тўнгалеш – алама* [Курица начинает петь – к несчастью] (МПЭ–РБ Мишк. дд. Большесухоязово, Октябрь). Курица поет петухом – к покойнику (МПЭ–КО Кильм. дд. Азиково, Таутово). *Чыве мура – ойгылан, чумал колтат* [Курица поет – к несчастью, нужно пнуть ее] (МПЭ–КО Кильм. д. Азиково). Чтобы отвратить несчастье, обычно маришцы эту курицу резали. У чувашей также курица, которая поет петухом, предвещает смерть кого-либо в семье. Эту курицу следовало зарезать и съесть (Салмин 2010: 214). У русских есть примета, согласно которой «Курица поет петухом и ноги у нее холодные – к несчастью, к покойнику. Если куры поют по петушину, особенно цыплята, то это считается недобрым предзнаменованием – непременно случится в доме несчастье, которое отвратить можно только следующим образом: надо поймать курицу (или цыпленка) и мерить ею от переднего угла до порога (или от

ворот до порога), и какая часть тела ляжет на порог, ту отрубить, если голова – голову, если хвост – хвост. Думают, что тут-то и находится нечистый дух. Другие, заслышав пение курицы или цыпленка, отвечают ему: «На свою голову!» – и немедленно режут» (КНП: 387).

Две другие приметы связаны с предсказанием войны: *Шорыкйол деч ончыч чыве мунча гын, согыш (война) лиеш* [Курица снесет яйцо раньше Рождества, будет война] (Веке IV: 388). *Чыве шаршудым чўнга гын, сар лиеш* [Курица щиплет топтун-траву, будет война] (Евсеев 1994: 69), хотя согласно другому толкованию, та же примета предвещает дождь (Там же: 62).

В сновидениях курица символизирует домашние хлопоты. *Чыве – мўнгысо тыгыде сомылка* [Курица – мелкие домашние хлопоты] (Омэлкан 2005: 103). Если приснится курица с цыплятами – к радости: *Чыве да шуко чывиге – тыгыде сомылкат кунамже кугу куаным конда* [Курица и много цыплят – иногда домашние хлопоты тоже могут принести радость] (Там же: 103). Куриные лапки во сне связаны с неудовлетворением, предсказывают то, что не получишь никакой благодарности за выполненную работу по хозяйству, по дому: *Чывыйол – сурт сомылкам шуктен толашет-толашет, а тауыжым иктат ок каласе* [Куриная лапка – выполняешь-выполняешь домашние работы, а спасибо никто не скажет] (Там же: 103).

Как было показано, курица является ярким образом в марийской традиционной культуре. В представлениях марийцев курица наделяется женской символикой, а также связана с областью смерти. Курица участвует в ритуалах, связанных с похоронами и поминками. Аналогичные ритуалы есть у соседнего народа – чувашей (Салмин 2010: 213). В обрядах курица используется в качестве строительной жертвы. Голос и поведение этой домашней птицы служили важными предсказаниями. С развитием птицеводства у марийцев курица стала объектом многих продуцирующих (яйцо как символ плодородия, жертвоприношение духам хлева и др.) и предохранительных (жертвоприношение духу дома, куриному Богу, ангелу смерти и др.) обрядов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная лингвистика характеризуется повышенным вниманием к проблемам лексической семантики. Среди них важное место занимает проблема выражения национальных различий с помощью лексических средств, поскольку именно в лексике наиболее ярко и очевидно отражена специфика национальных языковых систем. Этнокультурный анализ лексики, прежде всего лексики традиционной духовной культуры, предоставляет возможность раскрыть своеобразие народа и его языка на фоне других языковых картин мира.

Данное исследование представляет собой опыт лингвистической и фольклорно-мифологической реконструкции марийских народных представлений, связанных с миром орнитофауны.

На первом этапе работы был определен объем знаний орнитонимической лексики у марийцев восточной диалектной зоны; осуществлен ономаσιологический анализ орнитонимов. По результатам социолингвистического исследования, проведенного автором, было установлено, что объем знаний в области орнитонимики в большей степени обусловлен возрастом и профессией, и в меньшей – полом информанта. Социолингвистический анализ показал, что количество названий птиц, известных разным респондентам, сильно варьирует. В среднем перечислялось около 20 орнитонимов каждым информантом. Несомненно, объем знаний орнитонимической лексики больше у представителей старшего поколения, что связано с большим жизненным опытом как в производственной (охота, земледелие), так и в созерцательной сфере (наблюдение за природой), а также с хорошим владением марийским языком.

В ходе социолингвистического опроса 226 респондентов были выявлены диалектные орнитонимы, не зафиксированные в толковых и диалектных словарях. У восточных мари были записаны: *ăкăянкайык* ‘обыкновенный свиристель’, *ирчыве* ‘серая куропатка’, *кадырнер* ‘клестеловик’, *мландевараксим* ‘береговая ласточка’, *олмагочшокайык* ‘дрозд’, *пембекиса* ‘зяблик’, *печегайык* ‘обыкновенная чечевица’, *поланкайык* ‘обыкновенный свиристель’, *пучӱнгышӱкайык* ‘дятел’, *пырткӱлудо* ‘чирок-свистунук’, *тагагайык* ‘бекас’, *тӱканкайык* ‘обыкновенный свиристель’, *шопкекайык* ‘поползень’, *упшанкайык* ‘обыкновенный свиристель’, *ушменкайык* ‘зяблик’; у луговых – *бзиктумна* ‘вид совы, филин’, *пызлыгайык* ‘рябинник’, *чилили* ‘обыкновенный свиристель’, *юмынгайык* ‘лебедь-кликун’.

В перспективе планируется провести подобное исследование у марийцев западной диалектной зоны.

В результате ономаσιологического анализа марийских орнитонимов, сохранивших прозрачную внутреннюю форму, был выделен следующий комплекс мотивационных моделей:

1. Наименование по собственному признаку:

- голосу птицы (*куку* ‘обыкновенная кукушка’, *чилили* ‘обыкновенный свиристель’, *юмынтага* ‘бекас’, букв. «божий баран»),
- размеру птицы (*кугылого*, *кого лагы* марГ ‘деряба’, букв. «большой дрозд»; *кугыгиса* ‘большая синица’, диал. ‘варакушка’, букв. «большая синица»; *изигек* марГ ‘обыкновенная овсянка’, букв. «маленькая птица»),
- общему внешнему виду или характерной детали внешнего облика (*ужаргорак*, *ыжар карак* марГ ‘сизоворонка, или ракша’, букв. «зеленая ворона»; *йошкарон* ‘снегирь’, букв. «красная грудь»; *важыкнер* ‘клест-еловик’, букв. «кривой клюв»),
- по поведению, образу жизни птицы (*пёрдышгайык* ‘поползень’, букв. «крутящаяся птица»).

2. По относительному признаку:

- питанию птицы (*колкочшо* диал. ‘обыкновенный зимородок’, букв. «питающийся рыбой»; *пызлыгайык* ‘рябинник’, букв. «пызле ‘рябина’ + *гайык* < *кайык* ‘птица’»); *поланкайык* ‘обыкновенный свиристель’, букв. «*полан* ‘калина’ + ‘птица’»),
- локативной привязанности (*сергайык* ‘береговая ласточка’, букв. «береговая птица»; *нужгайык* ‘крапивник’, букв. «*нуж* ‘крапива’ + ‘птица’»; *шопкекайык* ‘поползень’, букв. «осиновая птица»),
- времени прилета или отлета перелетных птиц, времени активности птицы (*йүдвараи* ‘обыкновенный козодой’, букв. «ночной ястреб»; *пёршйёкайык* ‘снегирь’, букв. «птица инея»; *йүдымгайык* ‘луговой чекан’, букв. «птица посева»),
- на основе мифологем в верованиях или связи с приметам (*йүштыгайык* ‘зяблик, букв. «птица холода»; *анагайык* ‘вертишейка’, букв. «птица поля»; *юмынгайык* ‘лебедь’, букв. «божья птица»).

На основании проведенного мотивационного анализа можно утверждать, что в марийском языке сформировалась устойчивая орнитонимическая система. Наиболее частотными и значительными признаками, мотивировавшими названия птиц в марийском языке, являются внешность, голос, образ жизни птицы. В ряде орнитонимов совмещаются несколько птичьих признаков. Наблюдается закономерность, согласно которой птицы мало заметные для человека, получают названия по голосу. Существует омоимия названий: одно и то же имя может относиться к разным птицам, сходным между собой по внешнему виду, голосу, повадкам.

На втором этапе исследования был проведен анализ дериватов и фразеологизмов с компонентом-орнитонимом. В результате анализа семантических дериватов, образованных на базе орнитонимической лексики, фразеологических единиц, в состав которых входят обозначения птиц, были выделены смысловые диапазоны образов птиц в национальном языке. Большинство признаков образов птиц следует обозначить как дескрип-

тивные (эмпирические), т. е. связанные с реальными характеристиками птицы (голос, цвет, размер). Отдельную категорию составляют эмпатические признаки, связанные с ирреальными свойствами птиц, приписываемые им номинатором (плохая память, способность предсказывать события). В семантическом аспекте наиболее разработана группа орнитонимов, в которую входят: *ворона, вóрон, утка, гусь, кукушка, сова, петух, курица, журавль*. Узким спектром смысловых различительных признаков обладают *сорока, соловей, ласточка, синица, голубь, жаворонок, лебедь*. Практически не разработаны в народной традиции и слабо включены в паремийный фонд орнитонимы *кулик, трясогузка, скворец, глухарь*.

Небольшая группа орнитонимов в марийском языке образует семантические дериваты – производные значения без изменения формы исходного слова. К таким орнитонимам относятся: *агытан* ‘петух’, *вырлянге* ‘трясогузка’, марГ *вйтельбй* ‘кулик’, *купиульб* ‘сойка’, *турий* ‘жаворонок’, *турня* ‘журавль’, *тумна* ‘сова’, *шогертен* ‘сорока’. Например, восточные мари орнитонимом *вырлянге* (рус. *трясогузка*) именуют красивую, стройную девушку. Луговые мари орнитонимом *купиульб* (рус. *сойка*) называют худого человека. У горных мари *вйтельбй*, (рус. *кулик*) – юркий, неугомонный или вредный, нехороший человек. Все они относятся к семантической сфере «характеристика человека по определенным качествам». Деривационный потенциал лексемы *корак* ‘ворона’ проявляется также в сфере цветообозначения (*корак* ‘серый, серовато-синий’) и наименования предмета (*корак* ‘шерсть с комочками’).

Названия птиц служат базой для создания оторнитонимических наименований: обозначений человека (*коракшинча*, букв. «вороний глаз» ‘слепец; о невнимательном человеке’), названий растений (*вараксимйолаш*, букв. «ласточкины штаны» ‘гвоздика’), названий болезней (*чывышинча*, букв. «куриный глаз» ‘куриная слепота’), предметов крестьянского быта (*турняшуй*, букв. «журавлиная шея» ‘кривой брус в телеге’), и др. Большую группу производных от названий птиц составляют фитонимы, в которых отразилась окраска, форма птицы или частей ее тела, время пения, место обитания, питание. Орнитонимы послужили базой для образования фразеологизмов, отражающих внешний облик человека, физические качества, психические свойства, характер действия человека.

На третьем этапе была предпринята попытка реконструкции образов птиц в традиционной культуре марийцев по языковым, диалектным и фольклорным данным. Был выявлен ряд наиболее ярких образов птиц, которым марийская традиция оказала предпочтение. Им в работе посвящены 19 очерков. Это: ворона, грач, галка, вóрон, сорока, сова, утка, гусь, лебедь, кукушка, журавль, голубь, ласточка, жаворонок, перепел, соловей, скворец, трясогузка, дятел, петух, курица.

В культурных традициях мари находит отражение почитание некоторых птиц. Об этом можно судить на основании запрета убивать птицу или использования ее в качестве жертвы богам и духам, использование орнитонима в качестве имени собственного, наличие мифоло-

гических сюжетов, религиозных обрядов, использования птицы в качестве мотива вышивки. Например, традиция запрещает дразнить или ругать кукушку или вóрона. Считается, что если убить лебедя, вóрона, кукушку, будет несчастье. Марийцы с благоволением относятся к диким животным. В народе осуждается охота и употребление в пищу лебедей и диких гусей, запрещается отстреливать и есть мясо журавлей и голубей. Лебедей в народе называют *юмынкомбо* (букв. «божий гусь») или *юмынгайык* (букв. «божья птица») (Юадаров 1999: 40). По верованиям марийцев, душа человека после смерти превращается в птицу, – впрочем, подобное представление есть у многих других народов (Попов 1985: 12).

Марийцы верят, что птицы приносят счастье, семейное благополучие, приплод скота. Так, свитое гнездо ласточки в усадьбе считается хорошим знаком, оберегает от пожара, приносит счастье в дом. Обряд, связанный с совой, проводился для улучшения плодородия скота.

В народном врачевании птицы использовались достаточно редко, в основном домашние птицы. Встречаются способы лечения с помощью гусиного сала, куриного желудка, помета, куриных яиц, желчи домашних птиц.

Вóрон, сова, филин, иногда также дятел и кукушка, – считаются зловещими птицами, и притом не только у марийцев, но и у других народов. Эта трактовка ночных птиц обусловлена диким, неприятным криком, который среди глухой ночи наводит страх; так например, *кайыковда* ‘филин’ завывает, как человек, отчаянно зовущий на помощь; а иногда плачет, как ребенок, хохочет, стонет или ржет. Вóрон, ворона, сорока, грач, вероятно, попали в этот разряд, как полухищные, птицы-падальщики, до нестерпимости крикливые, вещуньи (Даль 1994: 100). С появлением куроводства ястреб стал рассматриваться как злостный вредитель хозяйства марийцев. Куропатка, рябчик, тетерев, глухарь, несмотря на их важное промысловое значение, крайне слабо отразились в марийской традиционной культуре, зато отмечены в обрядности гусь, утка. Они фигурировали в молениях марийцев высшим и низшим духам; петух и курица – в поминальных обрядах.

Образы птиц нашли яркое отражение в фольклоре. Каждому конкретному образу птицы соответствует свой жанровый диапазон, который в ряде случаев может быть и достаточно узким, как, например, для дятла, скворца, перепела. Мифологические сюжеты с участием птиц встречаются редко, в основном, они связаны с уткой, кукушкой, ласточкой, канюком, вороной. Наиболее ярко птицы представлены в приметах и поверьях. Бóльшая часть примет связана с предсказанием погоды, что объясняется зависимостью хозяйственной деятельности крестьянина-земледельца от природных явлений. Появление лесных птиц вблизи жилища человека расценивалось как положительно, так и отрицательно, в зависимости от того, какая птица и когда появлялась около дома. Приметы могут предвещать приход гостей, новости, несчастье, пожар, смерть. Приметы, как и снотолкования, имеют бинарную структуру, поэтому мы можем

говорить о наличии символа (образа) и его интерпретации. Согласимся с высказыванием крупнейшего специалиста в области славянской этнолингвистики С.М. Толстой о том, что «отношение между символом и его толкованием носит характер предсказания будущего по некому зрительному образу, явившемуся во сне». По ее мнению, прогнозирующая сила образов основывается на видимой случайности, неконтролируемости их появления, что сближает сонник с такими жанрами народной традиции, как приметы, предсказания, гадания (Толстая 2002а: 205). Сновидения играют специфическую роль в культуре любого народа, а их интерпретации зависят от этнического контекста. Согласно традиционным представлениям марицев, птицы, будучи носителями этнокультурной информации, попадая в знаковую систему сна, выступают в качестве символа, воплощающего тот или иной смысл. Изучив семиотическое пространство сна (см. Юзиева 2014: 378–381), можно говорить о позитивной (птицы как предвестники хороших новостей, счастливой дороги, радостной встречи, счастья, прибавления) и негативной (птицы в качестве знаков плохих вестей, разлуки, несчастья, утраты) символике образов птиц в снотолкованиях.

Образы птиц являются яркими символами в песенной лирике. По результатам статистического анализа марицких народных песен В.А. Глуховым и Н.Н. Глуховой главными героями и символами песен оказались соловей, кукушка и курица, которые составляют половину всех упоминаний (52,4%). Вспомогательными образами-символами предстали гусь, ласточка, голубь, перепелка, лебедь, утка (24,6%). Дополнительные образы-символы – это иволга, жаворонок, сокол, дрозд, дятел, скворец, снегирь, их доля составила 11,2%. Последнюю четвертую группу образуют малоиспользуемые образы-символы (11, 8%), как отмечают авторы, часто с отрицательной коннотацией (Глухов, Глухова 2007: 83). Птицы в песнях отражают разнообразие смыслов. Кукушка – символ тоскующей матери, девицы или вдовы; кукование кукушки – символ плача матери; лебедь – тяжелой жизни, плача от горя, вестей; гусь, утка, соловей отождествляются с родней; ласточка – символ любимого или любимой, курица и петух символизируют девушек и юношей деревни. Названия следующих птиц: ястреб, воробей, иволга, журавль, коршун, ворон, трясогузка, сокол, кулик – в песенной лирике встречаются не часто. Незначительное число их упоминаний в песнях не позволяет определить их символический смысл, но иногда по контексту некоторых песен можно выявить их символические ассоциации. Ворон, например, может ассоциироваться с молодым парнем.

Ворона, сорока, кукушка – частые персонажи сказок (Васильев 1949: 16).

В заключение следует отметить, что наличие ярких образов птиц со сложившимся комплексом представлений в марицкой народной традиции еще раз доказывает, что птицы имели важное значение в жизни марицев, были объектами наблюдений в течение длительного времени.

Опыт полевых экспедиций показывает, что только пожилые люди сельской местности – хранители обычаев и традиций, которые не только знают много мари́йских орнитонимов, но могут рассказать легенды, суеверия и поверья, связанные с птицами, вспомнить об их использовании в народных обрядах и магических действиях. С постепенным уходом из жизни представителей старого поколения, с уменьшением числа сельского населения исчезает уникальный материал о духовной культуре народа. Эта сторона знаний уже не воспринимается молодым поколением в век глобализации, компьютеризации и современных технологий. Проведение своевременных научных исследований способствует сохранению народной традиционной культуры мари́йцев, в том числе представлений о птицах как одной из ее составляющих.

Данная работа представляет собой лишь небольшую часть реконструкции представлений мари́йцев о животном мире. Имеющийся в нашем распоряжении материал пока не позволяет решать проблему заимствований, взаимовлияния культур, определить ареал распространения тех или иных явлений. Для этого нужно проводить дополнительные компаративные и конфронтационные исследования, собрать материалы по традиционной культуре уральских (пермских и свердловских) и нижегородских мари́йцев.

Однако уже сейчас имеющийся материал по мари́йской этноорнитологии можно использовать в сравнительных исследованиях с родственными и неродственными традициями с целью генетических и типологических построений и реконструкции финно-угорской традиционной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Абукаева, Л.А. 2007. *Ойёрё: кугезе ой да ильш умылымаш*. Йошкар-Ола: Марий Эл Республикын тўвыра, печать да калык кокласе паша шотышто министерствыже. Республикысе калык уста рўдер.
- Акцорин, В.А. 1991. *Шорыкйол*. Йошкар-Ола.
- Амелина, Л.В. 2012. *Семантические процессы, принципы лексикографического толкования, лингвокультурологическая интерпретация орнитонимов (на материале русского и немецкого языков)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел.
- Аптриев, А. 1908. *Сборник черемисских песен*. Казань.
- Арутюнян и др. 1984 = Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, В.С. Кондратьев, А.А. Сусоколов. *Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования*. Москва: Наука.
- Атрошенко, О.В., Ю.А. Кривошапова, К.В. Осипова 2015. *Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь*. Москва: АСТ–ПРЕСС КНИГА.
- Ашмарин, Н.И. 2000. *Словарь чувашского языка*. В 17 тт.: Т. 13 С–Т. Чебоксары.
- Бердников, В.М., Е.А. Тудоровская 1945. *Поэтика марийских народных песен*. Йошкар-Ола.
- Березович, Е.Л., К.В. Осипова 2014. «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка. – *Антропологический форум* № 20, 218–239.
- Борисова, Л.В. 2012. Мир сквозь призму языка (русско-чувашские параллели). – *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева* 3 (75), 21–24.
- БТСРЯ = Кузнецов, С.А. 2000. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Булаховский, Л.А. 1948. Общеславянские названия птиц. – *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*, т. VII, вып. 2, 97–124.
- Булаховский, Л.А. 1968. Морфологическая проблематика русских наименований птиц. – *Вопросы языкознания* №4, 100–106.
- Варина, В.Г. 1976. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц. – *Принципы и методы семантических исследований*. Москва: Наука, 1976, 233–244.
- Васикова, Л.П. 2003. *Горномарийско-русский словарь географических названий*. Йошкар-Ола.
- Васильев, В.М. 1918а. Кече вашталтым, ояр, йўр, лум лийшашым да монь ончыктышо пале-влак. – *Марла календарь*, 53–54.
- Васильев, В.М. 1918б. Мари калыкын шурно шочмаш-шочдымаш да шурно ўдымё жап нерген ойлымо пальже. – *Марла календарь*, 55.
- Васильев, В.М. 1927. *Материалы для изучения верований народа мари*. Краснококшайск.
- Васильев, В.М. 1928. *Марий мутер*. Тўрлө вэрэ ильшэ марийын мутшым танастарэн нэргэлымэ кнага. Москва.
- Васильев, В.М. 1949. *Тотемистические пережитки в воззрениях марийского народа*. НРФ МарНИИ. Оп.1. Ед. хр. 15.
- Васильев, В.Н. 1979. К истории названия птицы колегуш. – *Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии*. Йошкар-Ола, 171–172.
- Васильев, В.Н. 1981а. Пол и возраст в марийских орнитонимах. – *Вопросы марийского языка. Вопросы марийской диалектологии*. Йошкар-Ола, 132–138.

- Васильев, В.Н. 1981б. Марийские орнитонимы-синонимы. – *Fenno-ugristica*. Труды по финно-угроведению. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 8. Тарту, 111–118.
- Васильев, В.Н. 1982. Марийские орнитонимы, их структура и историческое развитие орнитонимов. – *Вопросы марийской ономастики* 3. Йошкар-Ола, 65–80.
- Васильев, В.Н. 1983. К этимологии некоторых марийских орнитонимов. – *Вопросы марийской ономастики* 4. Йошкар-Ола, 32–56.
- Васильев, В.Н. 1984. *Марийская орнитонимия*: дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тартуский гос. ун-т.
- Васильев, В.Н. 1990. Марийско-удмуртские лексические параллели. – *Вопросы марийской ономастики*, вып. 7. Йошкар-Ола, 140–147.
- Вершинин, В.И. 2010. *Марийский язык: этимология, психология, культура*. Йошкар-Ола: СТРИНГ.
- Вершинин, В.И. 2011. *Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- Винокурова, И.Ю. 2006. *Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ.
- Воронцова, О.П., И.С. Галкин 2002. *Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ*. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината.
- Галинова, Н.В. 2001. К изучению явления контаминации в лексике говоров Русского Севера. – *Этимологические исследования: сб. науч. тр.* Вып. 7. Екатеринбург, 25–48.
- Галкин, И.С. 1961. Краткие итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1959 г. – *Вопросы языка, литературы и фольклора*. Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Труды XV. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Герд, А.С. 1995. *Введение в этнолингвистику*: Учебное пособие. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т.
- Гинатулин, М.М. 1970. К проблеме номинации и мотивации слов. – *Иностранный язык*. Вып. V. Сборник статей аспирантов и соискателей. Алма-Ата, 118–124.
- Глухов, В.А., Н.Н. Глухова 2007. *Системная реконструкция марийской этнической идентичности: научное издание*. Йошкар-Ола.
- Глухов, В.А., Н.Н. Глухова 2012. *Системы символов песен финно-угров Урало-Поволжья: монография*. Москва: Спецкнига.
- Голев, Н.Д. 1972. О принципах номинации и методе их исследования. – *Материалы межвуз. науч. конференции, посвященной 50-летию образования СССР* 5. Томск: Изд-во Томского ун-та, 94–99.
<http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z66.html> (14.03.2012).
- Голев, Н.Д. 1974. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами. – *Вопросы ономастики* №8–9, 88–97.
- Голев, Н.Д. 1981. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны. – *Русские говоры Сибири*. Томск: Изд-во ТГУ, 17–28.
<http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z08.html> (14.03.2012).
- Городской, Г.О. 1864. О черемисах, проживающих в Красноуфимском уезде Пермской губернии. – *Этнографический сборник* 6, 23–34.
- Грачева, Ф.Т. 1975. *Фразеология марийского языка*: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола.

- Грачева, Ф.Т. 1989. *Марий фразеологий мутер*: Тунемше-влаклан пособий. Йошкар-Ола: Марий кн. изд-во.
- Гура, А.В. 1997. *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик.
- Даль, В.И. 1994. *О повериях, суевериях и предрассудках русского народа*. Санкт-Петербург: Литера.
- Девяткина, Т.П. 2011. Образы птиц в мифологии мордвы. – *Congressus XI Intenationalis Fenno-ugristarum*. Piliscsaba, 9–14.VIII. 2010. Pilischaba, 250–257.
- Евсеев, Т.Е. 1994. *Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаиш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шуведыме ю-влак*. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш.
- Ермаков, А.А. 1991. *Кушкыл, ялык, кайык... Марла-рушла мутер*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Ермакова, В.В. 2011 (сост.). «У ключа безымянного»: Сборник издан по рассказам родителей, родственников и односельчан; по материалам районного архива, домашнее фото. Кильмезь: Центральная районная библиотека.
- Ефимова, Н.А. 1991 (сост.). *Сам себе знахарь: тайны марийского языческого целительства*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Ефремов, А.С. 1986а. *Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора)*: дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тартуский гос. ун-т.
- Ефремов, А.С. 1986б. Структурно-семантический анализ марийских названий растений. – *Грамматика и лексикология. Вопросы марийского языка*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 33–45.
- Зеленин, Д.К. 1994. *Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913*. Москва: Индрик.
- Ибатов, С.И. 1960. *Марий калык мут ден тушто-влак. Марийские пословицы, поговорки, загадки*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Иванов, И.Г. 1981. *Марий диалектологий*. Университетсысе студент-влаклан тунемме книга. Йошкар-Ола.
- Илиева, А.А. 2009. *Словарь балтачевского говора марийского языка*. Йошкар-Ола.
- ИОРСР II = Губанов, И.А., К.В. Кисилева, В.С. Новиков, В.Н. Тихомиров 2003. *Иллюстрированный определитель растений Средней России*. Том 2: Покрыто-семенные (двудольные: раздельнолепестные). Москва: Т-во научных изданий КМК, Ин-т технологических исследований.
- Ипакова, М.Т. 2013. Диалекты марийского языка. – *Марийцы. Историко-этнографические очерки*. Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 108–117.
- Исанбаев, Н.И. 1978. Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке. – *Вопросы марийского языкознания*. Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола, 3–50.
- Исанбаев, Н.И. 1994. *Марийско-тюркские языковые контакты*. Часть вторая (Словарь татарских и башкирских заимствований). Йошкар-Ола.
- Ишбердин, Э.Ф. *Названия животных и птиц в башкирских говорах*: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1970.
- Калиев, Ю.А. 1994а. Марий калыкын мифологийже. – *Ончыко* 1, 134–145.
- Калиев, Ю.А. 1994б. Марий калыкын мифологийже. – *Ончыко* 2, 133–145.
- Калиев, Ю.А. 2003. *Мифологическое сознание мари: Феноменология традиционного мировосприятия*: Монография. Йошкар-Ола.

- Калиев, Ю.А. 2004. *Этнокультурный статус мифологического сознания: генезис, функционирование и эволюция традиционного мировосприятия (на примере марийской мифологии)*. Уфа: РИО БашГУ.
- Китиков, А.Е. 1981. *Калыкмут*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- ККРМЭ = Балдаев, Х.Ф. 2002 (автор-сост.). *Красная книга Республики Марий Эл. Редкие и исчезающие виды животных*. Йошкар-Ола.
- Клинггер, В. 1911. *Животное в античном и современном суеверии*. Киев.
- КНП = Бабух, Т.А. 2012 (ред.). *Календарь народных примет*. Москва: Белые альвы.
- Козлова, Т.В. 2003. *Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке*. Москва: Изд-во МГУ.
- Колосова, В.Б. 2009. *Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект*. Москва: Индрик.
- Колосова, В.Б. 2014. Мотивации славянских названий растений, образованных от зоонимов. – *Научный альманах. Традиционная культура* No 3, 77–84.
- Колосова, В.Б. 2015. Этноботанические заметки. IX. Росзянка. – *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX (чтения памяти И.М. Тронского)*. Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2015 г. Н.Н. Казанский (отв. ред.). Санкт-Петербург: Наука, 411–424.
- Коппалева, Ю.Э. 2007. *Финская народная лексика флоры (становление и функционирование)*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.
- Кривошапова, Ю.А. 2007. *Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении*: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- КТМКЙ = Китиков, А.Е. 1979. *Күсле зе тукым: марий калык йомак-влак*. Йошкар-Ола: Книга лушко марий изд-во.
- Куклин, А.Н. 1980. К этимологии некоторых диалектных слов. – *Вопросы грамматики и лексикологии*. Н.И. Исанбаев (науч. ред.). Йошкар-Ола: МарНИИ.
- Лысова, Е.В. 1999. *Названия птиц как источник семантической деривации в русской языковой традиции*: дипл. раб. Екатеринбург (Уральский гос. университет). Науч. рук. Е.Л. Березович.
- Лысова, Е.В. 2002. *Орнитонимия Русского Севера*: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- Магницкий, В.К. 1883. *Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии*. Вятка: Губернская типография.
- Маковский, М.М. 1996. *Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов*. Москва: Русские словари.
- Методы = Андреенков, В.Г., О.М. Маслова 1990 (отв. ред.). *Методы сбора информации в социологических исследованиях*. Кн. 1. Москва: Наука.
- Михайлов, В.Т. 2011 (сост.). *Марий калык ойпого: Хрестоматий*. Йошкар-Ола.
- МЙ = Четкарев, К.А. 1950 (сост.). *Марий йомак: сборник = Марийские сказки: сборник*. Йошкар-Ола.
- МКМ = Китиков, А.Е. 1991 (сост.). *Марий калыкмут мутер*. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во.
- МКО = Аккорин, В.А. 1991 (сост.). *Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- МНЗ = Китиков, А.Е. 2006 (сост.). *Марий калык ойпого: Марий калык тушто-влак = Свод марийского фольклора: Марийские народные загадки*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.

- МНП = Китиков, А.Е. 1989 (сост.). *Марийские народные приметы*. 2-е изд., испр. и доп. Йошкар-Ола.
- МНПС = *Марийские народные песни*. 2-е изд. В пер. С. Поделкова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976.
- Моисеева, Е.Ю. 2014. Фитонимы с компонентами *курица, петух* в народной и научной ботанике русского языка. – *Томский журнал ЛИНГ и АНТР* 4 (6), 13–20.
- Молотова, Т.Л. 1992. *Марийский народный костюм*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- МРСБТ = Балдаев, Х.Ф. 2012. *Марийско-русский словарь биологических терминов*. Изд. 2-е, доп. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.
- Мягер, М. 1963. *Эстонские названия птиц*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин.
- Напольских, В.В. 1990. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли. – *Мировоззрение финно-угорских народов*. И.Н. Гемуев (отв. ред.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 5–21.
- Неронова, Н.Б. 2000. *Наименования птиц в русском языке (Семантико-грамматический аспект)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Никитин, В.В. 1996. *Каменный век Марийского края*. Труды Марийской археологической экспедиции, т. IV. Йошкар-Ола: Мар. полигр.-изд. комбинат.
- Никитина А.В. 2002. *Образ кукушки в славянском фольклоре*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Огнева, О., А. Конкка 2013. *Праздники и будни = Pyhat da arret: карельский народный календарь*. Изд. 2-е, исп., доп., Петрозаводск.
- Омэлкан, Г. 2005. *Омо тогедыш – уда дечын аралмыш*. Йошкар-Ола: ГУП «Газета «Марий Эл».
- ПВМ = Гадиятов, Г. 1994 (сост.). *Эрвел марий муру = Песни восточных мари*. Йошкар-Ола.
- Петров, А.А. 1896. Заметки по этнографии черемис Красноуфимского уезда Пермской губернии. – *Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества*, вып. 6. Оренбург, 23–31.
- Петров, Л.П. 1995. *Чувашская орнитонимия и история ее формирования*: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары.
- Петрухин, В.Я. 2003. *Мифы финно-угров*. Москва: Издательство Астрель: Издательство АСТ.
- ПЛМ II = Мушкина, Н.В. 2013 (сост.). *Песни луговых мари. Ч. II. Необрядовые песни. Свод марийского фольклора*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- ПОП = Дементьев, Г.П. 1937. *Полный определитель птиц*. Том 4. Воробьиные. Москва–Ленинград: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство.
- Попов, Н.С. 1981. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX веков. – *Археология и этнография Марийского края*, вып. 5: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 154–173.
- Попов, Н.С. 1985. *Марий веран йыжынже: О язычестве*. Йошкар-Ола.
- Попов, Н.С. 2013. Народная медицина. – *Марийцы. Историко-этнографические очерки*. Издание 2-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 314–319.
- ППЭ = Школьник, Ю. 2007 (сост.). *Птицы. Полная энциклопедия*. Москва.
- Ракин, А.Н. 2009. *Исследования по пермским языкам*. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола».

- Русско-коми словарь*. Под общ. ред. Д.А. Тимушева. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1966.
- Русско-удмуртский словарь*. Под ред. В.М. Вахрушева и др. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.
- РЭС = *Русско-эрзянский словарь*. Под общ. ред. доц. М.Н. Коляденкова и Н.Ф. Цыганова. Москва: ОГИЗ, 1948.
- Рябинский, К.С. 1900. Ардинский приход Козьмодамианского уезда. Исторические сведения. Языческие верования и обычаи черемис. Черемисское население. – *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете*. Т. 16. (2). Казань, 176–212.
- Салмин, А.К. 2010. *Традиционные обряды и верования чувашей*. Санкт-Петербург: Наука.
- Сафина, Э.И. 2006. *Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование*. Казань: Дом печати.
- СГЯ = Саваткова, А.А. 2008. *Словарь горномарийского языка*. 2-е изд., перераб. и доп. Йошкар-Ола.
- СД = Толстой, Н.И. 1995–2012 (ред.). *Славянские древности: этнолингвистический словарь*: в 5 томах. Том 1, А-Г; Т 2, Д-К; Т 3, К-П; Т 4, П-С; Т 5, С-Я. Москва.
- Сепеев, Г.А. 1975. *Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.)*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Сепеев, Г.А. 1981. Традиционная пища луговых марийцев. – *Археология и этнография Марийского края*. Вып. 5: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 100–121.
- Сепеев, Г.А. 2006. *История расселения марийцев*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- Сергеев, О.А. 2002. *Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Симакова, О.Б. 2003. *Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков)*: дис. ... канд. филол. наук. Пенза.
- СЛМНС = Аккорин, В.А. 1972 (сост. и перев.). *Сказки лесов. Марийские народные сказки*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- СМЯ = *Словарь марийского языка*: в 10 томах. Йошкар-Ола, 1990–2005.
- Соколов, С.В. 1973а. *Названия птиц в удмуртском языке*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту.
- Соколов, С.В. 1973б. *Названия птиц в удмуртском языке*: дис. ... канд. филол. наук. Тарту.
- Соловар, В.Н., Т.А. Радымова 2000. Орнитонимическая лексика хантыйского языка. – *Linguistica Uralica* 4.
- Соловьева, Г.И. 1982. *Орнамент марийской вышивки*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Соловьева, Г.И. 2002. *Терминология марийской вышивки*. Ч. 1. Йошкар-Ола.
- ССЗНМЯ = Иванов, И.Г., Г.М. Тужаров 1971. *Словарь северо-западного наречия марийского языка*. Диалекты марийского языка, вып. 2. Йошкар-Ола.
- Султангареева, Р.А., Ф.Д. Аккужина 2014. Башкирский календарно-обрядовый праздник «Воронья каша»: семантика, функция, бытование. – *Вестник Челябинского государственного университета* 3 (332). Филология. Искусствоведение. Вып. 87, 100–103.

- ТМО = Акцорин, В.А. 1972 (сост.). *Тошто марий ой-влак: Марийские легенды и предания*. Йошкар-Ола.
- Тойдыбекова, Л.С. 1997. *Марийская языческая вера и этническое самосознание*. Joensuu.
- Тойдыбекова, Л.С. 2007. *Марийская мифология. – Этнографический справочник*. Йошкар-Ола.
- Толстая, С.М. 2002а. Иномировое пространство сна. – *Сны и видения в народной культуре*. Москва, 198–219.
- Толстая, С.М. 2002б. Мотивационные семантические модели и картина мира. – *Русский язык в научном освещении*. No 1 (3), 112–127.
- Толстые, Н.И. и С.М. 1983. О задачах этнолингвистического изучения Полесья. – *Полесский этнолингвистический сборник*. Н.И. Толстой (отв. ред.). Москва.
- Тресиддер, Джек 2001. *Словарь символов*. Пер. с англ. С. Палько. Москва: ФАИР-ПРЕСС: Гранд.
- Троицкий, В.П. 1893. Черемисско-русский словарь. – *Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете*. Том XI, вып. 2. Казань: Типография Императорского университета, 1–24.
- Хольмберг, У. 2010 = Садиков, Р.Р., К.Х. Мякеля. *Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга)*. Уфа.
- Черных, С.Я. 1995. *Словарь марийских личных имен. Марий ен лум-влак мутер*. Йошкар-Ола: МарГУ.
- ЭСМЯ = Гордеев, Ф.И. 1983. *Этимологический словарь марийского языка*. Том 2. В–Д. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- ЭСРЯ = Шанский, Н.М. (ред.). *Этимологический словарь русского языка*. Том 1, вып. 4 (1972). Том 2, вып. 8 (1982). Москва: Изд-во Московского ун-та.
- ЭСЧЯ = Федотов, М.Р. 1996. *Этимологический словарь чувашского языка*. В 2-х тт. Том 1. А – Ритаван. Том 2. Сав – Яштака. Чебоксары: Чув. гос. институт гуман. наук.
- Юадаров, К.Г. 1995. *Горные марийцы*. Йошкар-Ола.
- Юадаров, К.Г. 1999. *Вера предков. Язычество*. Йошкар-Ола.
- Юзиева, К.С. 2014. Образы птиц в марийских толкованиях снов. – *Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России*. Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. Н.Г. Зайцева, И.И. Муллонен и др. (ред.). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 378–381.
- Юзиева, К.С. 2015. Образ журавля в представлениях марийцев: этнолингвистический аспект. – *Проблемы марийской и сравнительной филологии*: сб. ст. Р.А. Кудрявцева (отв. ред.). Йошкар-Ола, 302–308.
- Якимова, Э.С. 1975. *Соматическая фразеология в марийском языке*: дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тартуский гос. ун-т.
- Яковлев, Г. 1887. *Религиозные обряды черемис*. Казань: Типография и литография В. М. Ключникова.
- Beke, Ödön 1938. *Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen / gesammelt und herausgegeben von Ödön Beke*. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 76. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Beke, Ödön 1957–1961. *Mari szövegek / gyűjtötte és kiadta Beke Ödön = Tscheremissische Texte / gesammelt und herausgegeben von Ö. Beke*, Budapest.

- Bogár, Edit G. 2009. *The Lappish (Saami) bird names (a linguistic analysis)*. Egyetemi doctori (PhD) értekezés tézisei. Debrecen: University of Debrecen, Doctoral School for Linguistics.
- EWT = Bereczki, Gábor 2013. *Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari)*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Földi, János 1801. *Természeti história. A Linné systémája szerint. I. Az állatok országa*. Pozsonban.
- Gerd, Kuzebaj 1993. *Etnographica. Человек и его рождение у восточных финнов*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Hakkarainen, Tarmo 1997. Sylva-joen marien historiasta ja elämästä Permin läänissä. – *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja* 87, 357–362.
- Hiiemäe, Mall 1983. Vares vaagub vihma. – *Eesti Loodus* 5, 313–314.
- Hiiemäe, Mall 1985. Linnud ilmaennetes. – *Eesti Loodus* 12, 792–797.
- Hiiemäe, Mall. Nelikümmend lindu eesti rahvausundis I. – *Mäetagused* 1&2. <http://www.folklore.ee/Tagused/nr1/linnud.htm> (25.9.2015).
- Häkkinen, Kaisa 2004. *Linnun nimi*. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Teos.
- Häkkinen, Kaisa 2013. *Suomalaisen linnunnimistön etymologinen sanakirja*. Turun yliopiston suomen kielen ja suomalais-ugrilaisen kielentutkimuksen oppiaineen julkaisuja 4. Turku.
- Karhu, Jarna 1998. Eläinaiheiset luonnonkasvien nimet kansankielessä. – *Virittäjä* 2, 184–201.
- Kendla, Mari, Helmi Neetar 2014. Mart Mäger and His Research on Estonian Bird and Fish Names. – *Pioneers in European Ethnobiology*. Edited by Ingvar Svanberg and Łukasz Łuczaj. Uppsala Universitet, 307–322. <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:760819/FULLTEXT01.pdf> (15.11.2014).
- Kiss, Jenő 1984. *Magyar madárnevek: (az Európai madarak elnevezései)*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Loyd, Lewis R. 2010. *Bird facts and fallacies – bird legend and superstitions*. London: Hutchinson & CO (Publishers), LTD.
- Lukkari, Pekka 1977. *Suoma-sami sadnekirji (suomalais-saamelainen sanakirja)*. Helsinki.
- Martin, Laura C. 1993. *The Folklore of Birds*. Old Saybrook.
- Marttila, Annu 2010. Leksikaalinen ikonisuus ja sen esiintyminen linnun nimissä. – *Virittäjä* 1, 1–5. http://www.kotikielenseura.fi/virittaja/hakemistot/jutut/marttila1_2010.pdf (14.03.2012).
- Marttila, Annu 2009. *A cross-linguistic study of lexical iconicity and its manifestation in bird names*. Helsinki: Yliopistonpaino.
- Mäger, Mart 1958. Eesti rahvapärastest linnunimetustest. – *Eesti Loodus* 5, 290–293.
- Mäger, Mart 1961. Eesti linnunimetuste alused. – *Emakeele Seltsi Aastaraamat* 7. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Selts, 54–73.
- Mäger, Mart 1962a. Linnunimetused ja rahvaetümoloogia. – *Emakeele Seltsi Aastaraamat* 8. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Selts, 63–74.
- Mäger, Mart 1962b. Öösorr rahvalike nimetuste peeglis. – *Keel ja Kirjandus* 1, 41–47.
- Mäger, Mart 1963. Kuidas linnunimetused ristuvad ja üle kanduvad. – *Nonaginta* (= Emakeele Seltsi toimetised 6). Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 206–216.
- Mäger, Mart 1964. Linnu hääliitus uskumuste alusena. – *Emakeele Seltsi Aastaraamat* 10. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Selts, 81–107.

- Mäger, Mart 1967. *Eesti linnunimetused*. Tallinn: Eesti NSV teaduste akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut.
- Mäger, Mart 1969. *Linnud rahva keeles ja meeles*. Tallinn: Eesti raamat.
- Paasonen, Heikki 1948. *Ost-Tscheremissisches Wörterbuch*. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XI. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Sebeok, Thomas A., Frances J. Ingemann 1956. *Studies in Cheremis: The Supernatural*. Viking Fund Publications in Anthropology 22. New York: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research.
- Sebeok, Thomas A., Frances J. Ingemann 1961. *An eastern Cheremis manual: phonology grammar texts and glossar*. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton.
- Sivula, Jaakko 1989. *Lintu soidessa sokea. Suomen murteiden kiimatermistö*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Sutrop, Urmas, 2001. List task and a cognitive salience index. – *Field Methods*, Vol. 13, No. 3, 263–276.
- Svensson, Lars 2009. *Collins bird guide / text & maps by Lars Svensson; illustrations & captions by Killian Mullarney & Dan Zetterström; with a significant contribution by Peter J. Grant; translated by David Christie & Lars Svensson*. London: Collins.
- TDW = Beke, Ödön. *Mari nyelvjárás szótár = Tscheremissisches Dialektwörterbuch*. Bd. 1: a–β (b). Szombathely: Savaria Univ. Press, 1997; Bd. 3: k (γ, G). Szombathely: Savaria Univ. Press, 1997; Bd. 8: t, t'. Szombathely: Savaria Univ. Press, 2001.
- Tedre, Ülo 1991 (koost.). *Vanadest eesti rahvakommetest*. 2., täiend. ja par. tr. Tallinn: Periodika.
- TW = Moisio, Arto, Sirkka Saarinen 2008. *Tscheremissisches Wörterbuch*. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T.E. Uotila und Erkki Itkonen. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXII.
- UEW = Rédei, Károly 1986–1991. *Uralisches etymologisches wörterbuch*. Bd. 1–3. Weisbaden: Otto Harrassowitz.
- Vilbaste, Gustav 1993. *Eesti taimenimetused*. Eesti Teaduste Akadeemia Emakeele Seltsi toimetised nr. 20 (67). Tallinn.
- Wichmann, Yrjö 1931. *Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen*. Herausgegeben von Yrjö Wichmann. Helsinki: SUS.
- Wichmann, Yrjö 1953. *Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriss*. Zweite auflage. Helsinki: SUS.
- Yuzieva, Kristina 2012. The semantics of bird denominations in the mari language. – *ESUKA – JEFUL. Word and concept in the Estonian and Finno-Ugric languages* 3–1, 395–408.
- Yuzieva, Kristina 2014. Bird image in the traditional vision of the Mari people (ethnolinguistic aspect): the cuckoo. – *ESUKA – JEFUL* 5–2, 205–221.

СПИСОК РЕСПОНДЕНТОВ

Республика Башкортостан

- Аблекова Зоя Михайловна 1936 г. р., д. Большесухоязово Мишкинского района
Айгузин Антон Айгузинович 1933 г. р., д. Букленды Мишкинского района
Айгузина Анастасия Артемовна 1989 г. р., д. Старокульчубаево Мишкинского района
Айгузина Лариса Ислыбаевна 1967 г. р., д. Сосновка Мишкинского района
Акадеева Марина Павловна 1986 г. р., д. Бирюбашево Мишкинского района
Александров Альберт Евгеньевич 1983 г. р., д. Чебыково Мишкинского района
Александрова Валерия Рудольфовна 2006 г. р., пос. Краснохолмский Калтасинского района
Александрова Любовь Алексеевна 1969 г. р., д. Новоключево Мишкинского района
Алексеева Зинаида Иванаевна 1946 г. р., д. Сосновка Мишкинского района
Алексеева Илона Эриковна 1990 г. р., д. Сосновка Мишкинского района
Алексеева Канипа Пазлиевна 1938 г. р., д. Курманаево Мишкинского района
Аликова Ирина Григорьевна 1978 г. р., д. Кайраково Мишкинского района
Аликова Людмила Анатольевна 1961 г. р., д. Кайраково Мишкинского района
Аликова Людмила Антоновна 1962 г. р., д. Кайраково Мишкинского района
Алмиев Алексей Михайлович 1969 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
Алмиева Елизавета Сальякановна 1929 г. р., д. Чебыково Мишкинского района
Андарьянова Марианна 1988 г. р., с. Рабак Янаульского района
Андреев Алкай Изгибаевич 1956 г. р., д. Чебыково Мишкинского района
Андреева Лилия Анатольевна, 1985 г. р., с. Чураево Мишкинского района
Апкадилова Полина Геннадьевна 1990 г. р., д. Иликово Мишкинского района
Апкаликова Белла Валентиновна 1988 г. р., д. Новониколаевка Мишкинского района
Апканиев Александр Юрьевич 1986 г. р., с. Чураево Мишкинского района
Апсатаров Радислав Иванович 1981 г. р., д. Кайраково Мишкинского района
Апсатарова Серафима Ивановна 1970 г. р., д. Кайраково Мишкинского района
Асмеева Алтынсулу Мурзагареевна 1957 г. р., д. Мещерево Шаранского района
Ахмадеева Лиана 1988 г. р., д. Раевка Мишкинского района
Ахмадиева Надежда Олеговна 1984 г. р., д. Курманаево Мишкинского района
Ахмадиева Нина Ивановна 1955 г. р., д. Калмиябаш Калтасинского района
Ахмадянова Светлана Витальевна 1985 г. р., д. Букленды Мишкинского района
Байбатырова Лидия Михайловна 1970 г. р., д. Башкия Татышлинского района
Байрамов Вениамин Витальевич 1995 г. р., д. Каргино Мишкинского района
Байрамов Дмитрий Леонидович 1994 г. р., д. Каргино Мишкинского района
Биктубаев Андрей Биктубаевич 1938 г. р., д. Октябрь Мишкинского района
Биктубаева Амиза Кутлубаевна 1942 г. р., д. Большесухоязово Мишкинского района
Гарайшина Наталья Валериевна 1976 г. р., д. Анач Илишевского района
Гумерова Алена 1988 г. р., д. Старотумбагушево Шаранского района
Димитриев Сергей Алексеевич 1986 г. р., г. Нефтекамск
Дмитриева Елена 1990 г. р., с. Кариево Краснокамского района
Зайнакаева Светлана Сергеевна 1971 г. р., д. Токтарово Мишкинского района
Зайнетдинов Эдуард Яковлевич 1976 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
Захарова Майсуло Александровна 1935 г. р., д. Чебыково Мишкинского района
Захарова Мария Игоревна 1985 г. р., д. Чебыково Мишкинского района

Звездин Юрий Павлович 1961 г. р., с. Акбарисово Шаранского района
Звездина Татьяна Юрьевна 1994 г. р., с. Акбарисово Шаранского района
Ибаева Александра Сапаревна 1959 г. р., д. Тынбаево Мишкинского района
Ибулаева Елена Александровна 1994 г. р., д. Лепешкино Мишкинского района
Иванова Антонида Шамыковна 1933 г. р., д. Лепешкино Мишкинского района
Иванов Борис Изилиянович 1946 г. р., д. Сосновка Мишкинского района
Иванова Валентина Николаевна 1970 г. р., с. Чураево Мишкинского района
Иванова Валентина Николаевна 1970 г. р., с. Чураево Мишкинского района
Иванова Галина Николаевна 1950 г. р., с. Бахтыбаево Бирского района
Изибаирова Алевтина Алексеевна 1951 г. р., д. Каргино Мишкинского района
Изилиянов Алексей Изилиянович 1940 г. р., д. Букленды Мишкинского района
Илиева Алена Андреевна 1972 г. р., д. Иликово Мишкинского района
Илиева Ольга Дмитриевна 1966 г. р., д. Старотураево Калтасинского района
Иликбаев Леонид Искебаевич 1955 г. р., д. Мари-Менеуз Илишевского района
Иликбаев Руслан Борисович 1972 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
Иликбаева Анастасия 1987 г. р., д. Новая Бура Краснокамского района
Иликбаева Людмила 1988 г. р., д. Бирюбашево Мишкинского района
Ильина Светлана Аликовна 1989 г. р., д. Бикмурзино Бирского района
Иляева Алена Тимировна 1985 г. р., с. Маядык Дюртюлинского района
Иманбаева Онисия Ямидановна 1933 г. р., д. Сосновка Мишкинского района
Имучаев Альберт Михайлович 1968 г. р., д. Старооткустино Караидельского района
Имучаева Виолетта Альбертовна 1994 г. р., д. Старооткустино Караидельского района
Имучаева Дилара Борисовна 1972 г. р., д. Старооткустино Караидельского района
Ипаков Альберт Денисович 1969 г. р., д. Тынбаево Мишкинского района
Ипакова Марина Тимерьяновна 1972 г. р., д. Нижняя Татъя Краснокамского района
Ирбулатов Владимир Васильевич 1994 г. р., д. Каргино Мишкинского района
Иркабаев Виталий Иргубаевич 1952 г. р., д. Маевка Мишкинского района
Иркабаева Олина Вячеславовна 1981 г. р., д. Иликово Мишкинского района
Исаметова Анжелика Дмитриевна 1989 г. р., с. Кариево Краснокамского района
Исанбаев Геннадий Исанбаевич 1985 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
Ислаева Людмила Рифовна 1990 г. р., д. Большой Кельтей Калтасинского района
Исламова Елена Сергеевна 1991 г. р., д. Иликово Мишкинского района
Ишалина Янина Вячеславовна 1987 г. р., д. Верхнесорокино Мишкинского района
Ишмуратова Юлия Евгеньевна 1993 г. р., с. Пеньково Бирского района
Ишпахтин Дмитрий Данилович 1985 г. р., д. Чебыково Мишкинского района
Ишпахтин Яков Иванович 1948 г. р., д. Чебыково Мишкинского района
Ишпахтина Марина Алексеевна 1950 г. р., д. Сосновка Мишкинского района
Ишпахтина Ольга Саметовна 1954 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
Кайниева Валентина Леонидовна 1957 г. р., д. Чебыково Мишкинского района
Каниева Елена 1988 г. р., д. Елышево Мишкинского района
Кибатуллина Алена Олеговна 1979 г. р., с. Камеево Мишкинского района
Кибатуллина Ольга Николаевна 1957 г. р., д. Каргино Мишкинского района
Киликаева Зинаида Павловна 1952 г. р., д. Каргино Мишкинского района
Килимбаев Юрий Олегович 1985 г. р., д. Каргино Мишкинского района
Килимбаева Светлана Айдыбаевна 1967 г. р., д. Кайраково Мишкинского района
Кильдиярова Светлана Геннадьевна 1985 г. р., д. Ирсаево Мишкинского района
Кугубаева Светлана Владимировна 1990 г. р., д. Новоакбулатово Мишкинского района

Кумужбаева Лиана Валерьевна 1990 г. р., д. Амзибаш Калтасинского района
 Курмакаева Любовь Давлетгуловна 1960 г. р., д. Шалтыкбашево Шаранского рай-
 она
 Максимова Ирина Егоровна 1974 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
 Миндиярова Галина Радиковна 1990 г. р., д. Чебыково Мишкинского района
 Миндиярова Елена Радиковна 1990 г. р., д. Чебыково Мишкинского района
 Минилбаева Мария Витальевна 1995 г. р., д. Василово Калтасинского района
 Назмутдинова Ирина Сиреневна 1994 г. р., д. Новоямурзино Балтачевского района
 Николаев Денис Эдуардович 1994 г. р., д. Каргино Мишкинского района
 Осипова Марина Юрьевна 1988 г. р., с. Чураево Мишкинского района
 Парсаев Игорь Валентинович 1994 г. р., д. Каргино Мишкинского района
 Першина Анна Емельяновна 1955 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
 Петрова Оксана Анатольевна 1990 г. р., д. Верхний Качмаш Калтасинского рай-
 она
 Петькина Лидия Паситовна 1935 г. р., д. Старокульчубаево Мишкинского района
 Сайранова Марина Егоровна 1980 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
 Сайфутдинова Лидия Шакмаевна 1968 г. р., д. Красный Ключ Мишкинского района
 Салиева Юлия Шайбаковна 1936 г. р., д. Букленды Мишкинского района
 Салимгареева Маруся Ибаевна 1942 г. р., д. Байгильдино Дюртюлинского района
 Салишева Галина Павловна 1991 г. р., д. Каргино Мишкинского района
 Салишева Людмила Павловна 1960 г. р., д. Каргино Мишкинского района
 Салмиянов Валентин Вячеславович 1972 г. р., д. Ишимово Мишкинского района
 Салмиянов Геннадий Вячеславович 1974 г. р., д. Ишимово Мишкинского района
 Салмиянова Янипа Исанбаевна 1948 г. р., д. Ишимово Мишкинского района
 Сатлаева Сия Васильевна 1941 г. р., д. Букленды Мишкинского района
 Сафарова Юлия Владимировна 1989 г. р., с. Ивачево Дюртюлинского района
 Тимиркаева Витолина Витальевна 1992 г. р., с. Чураево Мишкинского района
 Тимирьянов Тимофей Дмитриевич 1956 г. р., д. Василово Калтасинского района
 Тимирьянова Елена Игнатъевна 1989 г. р., д. Василово Калтасинского района
 Тимирьянова Надежда Игнатъевна 1998 г. р., д. Василово Калтасинского района
 Тимирьянова Такия Тимирьяновна 1928 г. р., д. Василово Калтасинского района
 Тимирьянова Ульяна Иргибаявна 1965 г. р., д. Сазово Калтасинского района
 Тойгильдина Ирина Георгиевна 1974 г. р., д. Сазово Калтасинского района
 Токмурзина Эльза Николаевна 1939 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
 Федорова Анна Айдушевна 1936 г. р., д. Старокульчубаево Мишкинского района
 Хайдырова Светлана Александровна 1991 г. р., д. Иликово Мишкинского района
 Чатиев Андрей Игоревич 1992 г. р., д. Токтарово Мишкинского района
 Чатиева Ирина Ивановна 1968 г. р., д. Арсланбек Бураевского района
 Чатиева Лилия Игоревна 1993 г. р., д. Токтарово Мишкинского района
 Шагалина Анисья Сайсановна 1954 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
 Шамшиев Борис Михайдарович 1947 г. р., д. Ишимово Мишкинского района
 Шамшиева Валентина Михайловна 1952 г. р., д. Акбулатово Мишкинского района
 Шарафутдинова Кристина Вадиновна 1994 г. р., г. Нефтекамск
 Юзиев Алеш Сайсанович 1949 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
 Юзиев Пайзет Юзиевич 1948 г. р., д. Курманаево Мишкинского района
 Юзиев Сергей Сайсанович 1961 г. р., д. Бикшиково Мишкинского района
 Юзиева Роза Ишмуратовна 1955 г. р., с. Ивачево Дюртюлинского района
 Юзиева Светлана Николаевна 1962 г. р., с. Чураево Мишкинского района
 Юкчубаева Анастасия Юрьевна 1990 г. р., с. Никольское Краснокамского района

Юнусова Елена Андрияновна 1960 г. р., с. Маядык Дюртюлинского района
Янгубаев Александр Олегович 1995 г. р., д. Каргино Мишкинского района
Янситова Алена Эриковна 1994 г. р., д. Каргино Мишкинского района
Янситова Анна Изилияновна 1935 г. р., д. Каргино Мишкинского района
Янсубин Олег Николаевич 1957 г. р., д. Верхнесухоязово Мишкинского района
Янсубина Елизавета Ивановна 1933 г. р., с. Чураево Мишкинского района
Япаева Алевтина Тимировна 1939 г. р., д. Букленды Мишкинского района
Яшкильдина Саскай Аптиевна 1938 г. р., д. Митяево Калтасинского района

Республика Марий Эл

Акпаева Лиана Юрьевна 1990 г. р., д. Осипсола Моркинского района
Александрова Анжелика Валентиновна 1990 г. р., д. Шарембал Волжского района
Андреев Анатолий Николаевич 1989 г. р., д. Балдырка Моркинского района
Апчикова Наталья Витальевна 1992 г. р., д. Филиппсола Звениговского района
Архипова Ольга Викторовна 1991 г. р., с. Исменцы Звениговского района
Байкова Галина Ильинична 1966 г. р., д. Мари-Ляжмарь Параньгинского района
Березина Кристина Олеговна 1992 г. р., д. Чендемерово Сернурского района
Богданова Олеся Владимировна 1993 г. р., д. Кундушумбал Советского района
Бородов Иван Федорович 1946 г. р., с. Исменцы Звениговского района
Васильев Владимир Викторович 1973 г. р., с. Помары Волжского района
Васильев Георгий Владимирович 1968 г. р., д. Чодраяр Моркинского района
Васильева Алена Валериановна 1990 г. р., д. Курыкюмал Моркинского района
Васильева Зинаида Васильевна 1963 г. р., д. Малый Карамас Моркинского района
Васильева Лилия Георгиевна 1991 г. р., д. Чодраяр Моркинского района
Васильева Мария Васильевна 1931 г. р., д. Чодраяр Моркинского района
Васильева Нина Викторовна 1968 г. р., д. Новый Карамас Волжского района
Васильева Роза Георгиевна 1993 г. р., д. Чодраяр Моркинского района
Ведерникова Надежда Валериевна 1992 г. р., д. Токтарсола Новоторьяльского района
Ведерникова Надежда Васильевна 1974 г. р., д. Шой-Шудумарь Куженерского района
Венина Надежда Константиновна 1993 г. р., с. Исменцы Звениговского района
Венина Наталья Константиновна 1992 г. р., с. Исменцы Звениговского района
Веревкина Марина Владимировна 1992 г. р., д. Большая Нурма Новоторьяльского района
Гаврилова Раисия Николаевна 1956 г. р., д. Нижний Памъял Звениговского района
Головина Алена Ивановна 1990 г. р., д. Васлеево Советского района
Градов Альберт Захарович 1959 г. р., д. Большой Ляждур Куженерского района
Градов Артур Альбертович 1960 г. р., д. Большой Ляждур Куженерского района
Градова Татьяна Владимировна 1989 г. р., д. Старый Юледур Куженерского района
Григорьева Мария Сергеевна 1991 г. р., д. Мари-Кужеры Моркинского района
Добинов Николай Викторович 1956 г. р., д. Мари-Отары Звениговского района
Дружинин Алексей Николаевич 1978 г. р., д. Большое Шигаково Звениговского района
Дубникова Ирина Вячеславовна 1990 г. р., д. Кубер-Сола Советского района
Евчина Серафима Михайловна 1969 г. р., д. Мари-Шои Куженерского района
Егорова Алена Эдуардовна 1991 г. р., с. Шоруньжа Моркинского района
Зенкина Любовь Александровна 1941 г. р., с. Исменцы Звениговского района

Иванов Николай Викторович 1993 г. р., д. Кубыш-Ключ Моркинского района
Иванова Алевтина Рудольфовна 1990 г. р., д. Коркатово Моркинского района
Иванова Елена Родионовна 1990 г. р., д. Краснояр Моркинского района
Иванова Лариса Викторовна 1993 г. р., д. Памашнур Куженерского района
Иванова Надежда Витальевна 1992 г. р., д. Саламатнур Куженерского района
Иванова Ольга Геннадьевна 1990 г. р., д. Мурзанаево Параньгинского района
Иванова Татьяна Руслановна 1991 г. р., д. Янситово Моркинского района
Ильина Алена Николаевна 1991 г. р., д. Карай Волжского района
Исаева Татьяна Витальевна 1985 г. р., д. Нуктуж Звениговского района
Кабышева Юлия Дмитриевна 1992 г. р., д. Бизюргуб Волжского района
Карпова Людмила Владимировна 1992 г. р., с. Шиньша Моркинского района
Козырева Надежда Ивановна 1959 г. р., д. Мари-Отары Звениговского района
Комарова Альбина Васильевна 1993 г. р., д. Кокшамары Звениговского района
Константинов Константин Эдуардович 1988 г. р., д. Мари-Купта Мари-Турекского района
Константинова Алефтина Романовна 1962 г. р., д. Шургунур Мари-Турекского района
Константинова Снежана Эдуардовна 1992 г. р., д. Мари-Купта Мари-Турекского района
Коньшева Алевтина Григорьевна 1958 г. р., д. Мари-Купта Мари-Турекского района
Королева Наталья Ивановна 1990 г. р., д. Верх-Ушнур Советского района
Кошаев Андрей Васильевич 1993 г. р., с. Сотнур Волжского района
Кузьмин Валерий Васильевич 1968 г. р., д. Мари-Отары Звениговского района
Кузьмин Василий Семенович 1947 г. р., д. Изоткино Звениговского района
Кузьмин Евгений Викторович 1964 г. р., д. Березники Волжского района
Кузьмина Александра Юрьевна 1993 г. р., д. Мари-Отары Звениговского района
Кузьмина Елена Геннадьевна 1964 г. р., д. Мари-Отары Звениговского района
Кузьмина Маргарита Гурьевна 1969 г. р., с. Исменцы Звениговского района
Кузьмина Ольга Александровна 1949 г. р., с. Исменцы Звениговского района
Кузьмина Светлана Валерьевна 1996 г. р., с. Исменцы Звениговского района
Кузьмина Светлана Витальевна 1972 г. р., с. Исменцы Звениговского района
Кузьмина Светлана Витальевна 1975 г. р., с. Исменцы Звениговского района
Кузьмина Снежана Валерьевна 1996 г. р., с. Исменцы Звениговского района
Куликов Виталий Алексеевич 1966 г. р., д. Мари-Шои Куженерского района
Куликов Владимир Алексеевич 1972 г. р., д. Мари-Шои Куженерского района
Куликова Людмила Витальевна 1990 г. р., д. Мари-Шои Куженерского района
Куликова Раисия Ивановна 1968 г. р., д. Чодраял Куженерского района
Лебедева Татьяна Игорьевна 1990 г. р., д. Визимбиль Куженерского района
Логинова Марина Александровна 1991 г. р., д. Купсола Моркинского района
Макарова Диана Юрьевна 1993 г. р., д. Нижний Азъял Волжского района
Максимова Роза Васильевна 1949 г. р., д. Мельничный Памъял Звениговского района
Малинин Вячеслав Михайлович 1947 г. р., д. Мари-Отары Звениговского района
Малинин Петр Михайлович 1960 г. р., д. Мари-Отары Звениговского района
Матвеева Александра Валериановна 1991 г. р., д. Нуж-Ключ Моркинского района
Милютин Татьяна Васильевна 1941 г. р., д. Мари-Купта Сернурского района
Москвина Анастасия Максимовна 1938 г. р., д. Ирмарь Куженерского района
Муромцева Виктория Николаевна 1992 г. р., д. Малое Иваново Волжского района
Николаева Марина Александровна 1991 г. р., д. Юрдур Моркинского района

Орлов Артем Александрович 1990 г. р., д. Мари-Купта Мари-Турекского района
Осипова Серафима Матвеевна 1942 г. р., д. Ильнетуры Волжского района
Пекшеева Эльвира Ивановна 1977 г. р., д. Пургак-Сола Куженерского района
Петров Андрей Витальевич 1993 г. р., д. Коркатово Моркинского района
Петрова Татьяна Эриковна 1992 г. р., д. Йошкар-Памаш Сернурского района
Петухова Татьяна Эриковна 1990 г. р., д. Пуялка-Орлово Оршанского района
Попов Никандр Семенович 1950 г. р., д. Помосъял Параньгинского района
Попова Надежда Вячеславовна 1975 г. р., д. Мари-Шои Куженерского района
Поторочина Марина Олеговна 1990 г. р., пос. Морки
Пустяков Владимир Леонидович 1984 г. р., с. Именцы Звениговского района
Пустяков Леонид Аркадьевич 1958 г. р., с. Именцы Звениговского района
Пустякова Валентина Ивановна 1973 г. р., с. Именцы Звениговского района
Пустякова Галина Юрьевна 1963 г. р., с. Именцы Звениговского района
Рыбаков Василий Федотович 1941 г. р., д. Мари-Шои Куженерского района
Рыжова Светлана Эриковна 1993 г. р., д. Балдырка Моркинского района
Рыжова Эльвира Эриковна 1991 г. р., д. Балдырка Моркинского района
Рябчиков Аркадий Иванович 1971 г. р., д. Мари-Отары Звениговского района
Савельев Василий Николаевич 1977 г. р., д. Большой Ляждур Куженерского рай-
она
Савельева Марина Ивановна 1975 г. р., д. Чодраял Куженерского района
Санникова Александра Григорьевна 1939 г. р., д. Нуктуж Звениговского района
Семенов Григорий Сергеевич 1993 г. р., д. Сардаял Мари-Турекского района
Сергеева Вероника Александровна 1992 г. р., д. Кучко-Памаш Моркинского района
Скворцова Нина Васильевна 1954 г. р., д. Малая Кужмара Звениговского района
Соловьев Виталий Витальевич 1974 г. р., с. Именцы Звениговского района
Соловьев Владислав Игоревич 1994 г. р., с. Именцы Звениговского района
Соловьев Евгений Игоревич 1996 г. р., д. Мари-Отары Звениговского района
Соловьева Елена Валерьевна 1991 г. р., д. Большая Лумарь Новоторьяльского
района
Соловьева Елена Сергеевна 1993 г. р., д. Тушнур Новоторьяльского района
Соловьева Татьяна Павловна 1959 г. р., д. Мари-Отары Звениговского района
Соломина Валентина Юрьевна 1992 г. р., д. Пибактино Советского района
Степанова Елизавета Александровна 1939 г. р., с. Именцы Звениговского района
Усихин Никита Сергеевич 1997 г. р., с. Именцы Звениговского района
Усихина Ирина Витальевна 1967 г. р., с. Именцы Звениговского района
Федоров Владимир Ильич 1966 г. р., д. Большой Кожвож Звениговского района
Федорова Анжелика Александровна 1991 г. р., д. Чодрасола Моркинского района
Чемышев Валерий Степанович 1947 г. р., д. Большая Мушка Сернурского района
Чемышев Михаил Валерьевич 1984 г. р., д. Большая Мушка Сернурского района
Чемышева Валентина Ивановна 1950 г. р., д. Малый Сернур Сернурского района
Чермакова Марина Анатольевна 1993 г. р., д. Олоры Параньгинского района
Черняева Наталья Сергеевна 1990 г. р., д. Шемермучаш Новоторьяльского района
Шестаков Spartak Иванович 1991 г. р., д. Кузнецы Новоторьяльского района
Шишкина Анна Анатольевна 1991 г. р., д. Китнемучаш Мари-Турекского района
Элембаева Татьяна Николаевна 1993 г. р., д. Кузнецы Новоторьяльского района
Ягодарова Анфиса Алексеевна 1993 г. р., д. Мари-Купта Мари-Турекского района
Яковлева Ираида Андреевна 1993 г. р., с. Шиньша Моркинского района
Ямбулатова Алиса Евгеньевна 1992 г. р., д. Осипсола Моркинского района
Ямтеев Андрей Юрьевич 1983 г. р., пос. Советский

Кировская область

Белоусова Федосия Александровна 1928 г. р., д. Таутово Кильмезского района
Бушкова Зоя Ивановна 1959 г. р., д. Ешпаево Уржумского района
Григорьева Алевтина Васильевна 1969 г. р., д. Таутово Кильмезского района
Григорьева Елена Александровна 1927 г. р., д. Таутово Кильмезского района
Гужавина Нина Петровна 1962 г. р., д. Азиково Кильмезского района
Двинских Татьяна Николаевна 1969 г. р., д. Арпорек Малмыжского района
Ермакова Алевтина Владимировна 1972 г. р., д. Азиково Кильмезского района
Иванкова Людмила Дмитриевна 1951 г. р., д. Малиновка Кильмезского района
Иванова Татьяна Александровна 1951 г. р., д. Малиновка Кильмезского района
Лебедева Нина Алексеевна 1930 г. р., д. Собакино Уржумского района
Лесникова Алевтина Алексеевна 1952 г. р., д. Малая Кильмезь Кильмезского района
Морозова Ольга Васильевна 1942 г. р., д. Таутово Кильмезского района
Никифорова Пелагея Васильевна 1931 г. р., д. Азиково Кильмезского района.
Рябова Ольга Николаевна 1929 г. р., д. Малая Кильмезь Кильмезского района
Саламатов Петр Николаевич 1962 г. р., д. Пекшинер Кильмезского района
Сергеев Евгений Владимирович 1966 г. р., д. Таутово Кильмезского района
Сергеева Валентина Васильевна 1953 г. р., д. Таутово Кильмезского района
Сергеева Раиса Николаевна 1961 г. р., д. Таутово Кильмезского района
Сметанина Галина Леонидовна 1965 г. р., д. Собакино Уржумского района
Смирнова Любовь Яковлевна 1949 г. р., д. Моторки Кильмезского района
Смирнова Таисия Александровна 1931 г. р., д. Таутово Кильмезского района
Стрельникова Валентина Семеновна 1936 г. р., д. Азиково Кильмезского района
Суворов Александр Васильевич 1957 г. р., д. Карманкино Кильмезского района
Тетесова Марина Алексеевна 1970 г. р., д. Малая Кильмезь Кильмезского района
Шакирова Татьяна Алексеевна 1956 г. р., д. Малая Кильмезь Кильмезского района
Шачикова Светлана Евгеньевна 1972 г. р., д. Азиково Кильмезского района

Республика Татарстан

Вершинин Валерий Иванович 1948 г. р., д. Ильнеть Менделеевского района
Ямниева Лада Родионовна 1993 г. р., д. Шурабаш Арского района

СОКРАЩЕНИЯ

Материалы экспедиций

МПЭ-РБ: Балт., Калт., Красн., Мишк., Татыш., Шаран. – Материалы полевой экспедиции в Республику Башкортостан: Балтачевский район: д. Новоямузино; Дюртюлинский район: с. Маядык; Калтасинский район: дд. Василово, Бабаево; Краснокамский район: д. Нижняя Татъя; Мишкинский район: дд. Акбулатово, Бикшиково, Большесухоязово, Букленды, Иликово, Ишимово, Кайраково, Каргино, Новоключево, Новониколаевка, Октябрь, Сосновка, Старокульчубаево, Тынбаево, Чебыково, с. Чураево; Татышлинский район: д. Башкия; Шаранский район: с. Акбарисово. 2010, 2013, 2014 гг.

МПЭ-РМЭ: Волж., Горномар., Звен., Кужен., Мари-Тур., Морк., Новотор., Параньг., Серн., Совет. – Материалы полевой экспедиции в Республику Марий Эл: Волжский район: дд. Березники, Нуршари, Шарембал, с. Сотнур; Горномарийский район: д. Цыганово; Звениговский район: дд. Большой Кожвож, Малые Моламасы, Мари-Отары, Нижние Памъялы, Ташнур, Янашбеляк, сс. Исменцы, Кужмара; Куженерский район: дд. Большой Ляждур, Мари-Шои, Юшут; Мари-Турекский район: дд. Агачи, Мари-Купта, Сардаял; Моркинский район: дд. Кубыш-Ключ, Нуж-Ключ, Чодраял, с. Шиньша; Новоторьяльский район: дд. Кузнецы, Шемермучаш; Параньгинский район: дд. Мари-Ляжмарь, Мурзанаево, Олоры; Сернурский район: д. Мари-Купта; Советский район: дд. Васлеево, Верх-Ушнур, Кундушумбал. 2012, 2013, 2014, 2015 гг.

МПЭ-КО: Кильм., Урж. – Материалы полевой экспедиции в Кировскую область: Кильмезский район: дд. Азиково, Карманкино, Малая Кильмезь, Малиновка, Таутово; Уржумский район: дд. Собакино, Ешпаево. 2014 г.

Сокращенные названия языков и диалектов

англ. – английский

башк. – башкирский

коми-п. – коми-пермяцкий

лат. – латинский

манс. – мансийский

марВ – восточное наречие марийского языка

марГ – горное наречие марийского языка

марЛ – луговое наречие марийского языка

марСЗ – северо-западное наречие марийского языка

мокш. – мокшанский

нем. – немецкий

ненец. – ненецкий

рус. – русский

саам. – саамский

тат. – татарский

удм. – удмуртский

фин. – финский

франц. – французский

хант. – хантыйский

чув. – чувашский

эрз. – эрзянский
эст. – эстонский

Другие сокращения

букв. – буквально
диал. – диалектное
жарг. – жаргонное
оз. – озеро
перен. – переносное значение
разг. – разговорное
шутл. – шутивное

KOKKUVÕTE

Mari ornitonüümid etnolingvistika aspektist

Väitekirja käsitleb mari rahvalikku ornitonüümiat, samuti lindude nimetuste ning nende tähendustega seotud sõnavara ja fraseoloogiat mari keeles ja murretes. Rahvalik sõnavara ja terminoloogia, mis pole sõnaraamatutes alati täielikult jäädvustatud, on säilinud vaimse kultuuri tekstides – rituaalides, uskumustes, ennustustes ja muudes rahvaluuležanrites. Seetõttu on töös suurt tähelepanu pööratud etnograafilistele andmetele – maride traditsioonilistele ettekujutustele lindudest. Marikeelsete linnunimede etnolingvistiline uurimine näitab inimese ümbritsevast maailmast arusaamise viise, sealhulgas arhailisi. Uuringud ise-loomustavad keele funktsioneerimist antud leksikaal-semantilisest sfäärist, näitavad ornitoloogilise sõnavara geneetilist karakteristikat, samuti ka selle rahvalikku ja kultuurilist eripära. See teeb uurimuse aktuaalseks mitte ainult keeleteaduse, vaid ka etnograafia ja teiste kulturooloogiliste teadusharude jaoks.

Mari ornitonüümilist sõnavara vaadeldakse väitekirjas etnolingvistilisest, sotsiolingvistilisest ja onomasioloogilisest aspektist. Soome-ugri keelsete linnunimetuste lingvistiliste uurimuste ülevaade näitab, et tänini ei ole maride ornitonüümilise sõnavara täielikku etnolingvistilist uurimust, mis tõestab käesoleva töö teaduslikku uudsust.

Käesoleva töö põhieesmärgiks olev mari ornitonüümilise sõnavara etnolingvistiline uurimine nõuab järgmiste ülesannete lahendamist: 1) linnunimede kogumine ja klassifitseerimine; 2) mari keele oskajate ornitonüümilise sõnavara tundmise väljaselgitamine; 3) läbipaistva sisestruktuuriga linnunimede moodustamise aluseks olevate motivatsioonitunnuste ja nimetamise põhimõtete väljaselgitamine ja klassifitseerimine; 4) linnunimedest tekkinud derivaatide ja fraseologismide korpuse koostamine; 5) linnukujundite semantiliste eristamistunnuste väljaselgitamine; 6) linnukujundite rekonstrueerimine traditsioonilises mari kultuuris keele- ja rahvaluulematerjali põhjal.

Väitekirja struktuur on üles ehitatud tulenevalt uurimuse eesmärkidest ja ülesannetest ning koosneb kolmest peatükist. Töös on kasutatud autori välitöömaterjale, mis on kogutud erinevatest Baškortostani, Mari Eli Vabariigi ja Kirovi oblasti rajoonidest. Sporaadiliselt on võrdluseks kasutatud soome-ugri, slaavi ja teiste keelte andmeid.

Folkloorsete ja etnograafiliste andmete allikaks on Ö. Beke, T.A. Sebeoki ja F.J. Ingemanni, Y. Wichmanni, T.E. Jevsejevi, S.I. Ibatovi materjalide kogud, A.E. Kitikovi mari mõistatuste ja vanasõnade kogumikud, V.A. Aktsorini müütide ja legendide kogu ning teiste uurijate tööd. Teoreetiliseks aluseks olid A.V. Gura (1997), E.V. Lõsovi (1999, 2002), U. Sutropi (2001), M. Mägeri (1967, 1969) ja teiste tööd.

Materjali analüüsid on kasutatud järgmisi meetodeid: sotsiolingvistilise analüüsi meetodid, semasioloogilise analüüsi meetod, semantilise rekonstruktsiooni meetod, onomasioloogilise ja etimoloogilise analüüsi meetod. Analüüsis

realiseerub keeleliste faktide, aga ka keelevälise (rahvaluule, kombestiku ja uskumuste sfääri kuuluvate) faktide komplekse analüüsi põhimõte.

Lindude nimetused mari keeles

Töö esimeses etapis selgitati välja idamurret kõnelevate maride ornitonüümilise sõnavara tundmine; rakendati linnunimede onomasioloogilist analüüsi. Selleks kasutati sotsiolingvistilist analüüsi. Uurimuse selles osas vaadeldakse leksikoloogilis-semantilist „lindude“ rühma sünkroonses seisukohast, kuna määratletakse ornitonüümilise sõnavara tänane olukord. Töö autor viis aastatel 2010–2012 läbi sotsiolingvistilise küsitluse, milles osales 226 vastajat – mari keelt vabalt kõnelevad inimesed Baškortostani Vabariigi, Mari Eli Vabariigi ja Tatarstani Vabariigi erinevatest rajoonidest. Erinevas vanuses ning erinevate elukutsetega nais- ja meessoost vastajad jagati linnunimede tundmise võrdlemiseks nelja gruppi: *grupp 1* (vanus 6–25 eluaastat), *grupp 2* (26–45 eluaastat), *grupp 3* (46–60 eluaastat), *grupp 4* (alates 61 ja vanemad). Iga grupp jaguneb sookuluvuse järgi omakorda veel kahte alagruppi. Sel viisil tekib kuus mikrogruppi. Sotsiolingvistilisest uurimusest selgus, et linnunimede tundmine on suuresti tingitud vanusest ja elukutsest ning vähemalt määral informandi soost. Sotsiolingvistiline analüüs näitas, et vastajatele tuttavate linnunimetuste hulk varieerub suuresti. Keskmiselt loetleti ligikaudu 20 linnunime. Kahtlemata on ornitonüümilise sõnavara tundmine parem vanema põlvkonna hulgas tänu nende suurele tööalasele (jahipidamine, põllundus) elukogemusele, oskusele jälgida loodust ning mari keele heale valdamisele.

Sotsiolingvistilise küsitluse käigus tõid vastajad esile murdelisi linnunimesid, mida ei ole jäädvustatud seletussõnaraamatutes ega murdesõnastikes. Idamarid olid kirja pannud: *äкәянкайык* ‘siidisaba’, *ирчыве* ‘hall põldpüü’, *кадырнер* ‘käbilind, kuuse-käbilind’, *мландевараксим* ‘kaldapääsuke’, *олмагочишокайык* ‘rästas’, *нембекиса* ‘metsvint’, *печегайык* ‘karmiinleevike’, *поланкайык* ‘siidisaba’, *пучүнгышөкайык* ‘rähn’, *пырткәлудо* ‘piilpart’, *тагагайык* ‘(rohu)kurvits’, *түканкайык* ‘siidisaba’, *шопкекайык* ‘puukoris-taja’, *упшанкайык* ‘siidisaba’, *ушменкайык* ‘metsvint’; niidumarid: *бзик-тумна* ‘öökulliliik, kakk’, *пызлыгайык* ‘lumelõoke’, *чилили* ‘siidisaba’, *юмынгайык* ‘luik’.

Tulevikus plaanitakse sarnane uurimus läbi viia läänemurdeala maride juures.

Läbipaistva sisestruktuuriga mari linnunimede onomasioloogilise analüüsi tulemusena eraldati järgmine motivatsioonimudelite kompleks:

I. isikliku tunnuse järgi:

- linnu hääl (*куку* ‘kägu’, *чилили* ‘siidisaba’, *юмынтага* ‘(rohu)kurvits’, sõna-sõnalt „jumala tall“);
- linnu suurus (*кугылого* ‘hoburästas’, sõna-sõnalt „suur rästas“; *кугыгиса* ‘suur tihane, murd. sinirind’, sõna-sõnalt „suur tihane“; *изигек* ‘põld-tsiitsitaja’, sõna-sõnalt „väike lind“);

- üldilme või välimuse iseloomuliku detaili järgi (*у жаргорак* ‘siniraag’, sõna-sõnalt „roheline vares“; *йошкарон* ‘leevike’, sõna-sõnalt „punane rind“; *важыкнер* ‘kuuse-käbilind’, sõna-sõnalt „kõver nokk“);
- käitumise, linnu eluviisi järgi (*нордшыгайык* ‘puukoristaja’, sõna-sõnalt „keerlev lind“).

2. suhtelise tunnuse järgi:

- lindude toitumise järgi (*колкочшо* ‘harilik jäähind’, sõna-sõnalt „kalast toituv“; *пызлыгайык* ‘hallrästas’, sõna-sõnalt „pihlakalind“; *поланкайык* ‘siidisaba’, sõna-sõnalt „lodjapuu lind“);
- kohakuuluvuse järgi (*сергайык* ‘kaldapääsuke’, sõna-sõnalt „kaldalind“; *нужгайык* ‘käblik’, sõna-sõnalt „nõgeslind“; *шопкекайык* ‘puukoristaja’, sõna-sõnalt „haavalind“);
- rändlindude saabumise ja äralennu järgi, lindude aktiivsuse järgi (*йүдвараи* ‘öösorr’, sõna-sõnalt „õine kull“; *норшодкайык* ‘leevike’, sõna-sõnalt „härmatise lind“; *йдымгайык* ‘kadakatäks’, sõna-sõnalt „külvilind“);
- linnunimede seose järgi ennete ja uskumustega (*йүйитыгайык* ‘metsvint’, sõna-sõnalt „külma lind“; *аһагайык* ‘väänkael’, sõna-sõnalt „põllulind“; *юмынгайык* ‘luik’, sõna-sõnalt „jumala lind“).

Läbiviidud motivatsioonianalüüsi põhjal võib kinnitada, et mari keeles on välja arenenud püsiv ornitonüümiline süsteem. Kõige sagedasemateks ja olulisemateks tunnusteks marikeelsetes motiveeritud linnunimedes on välimuse, hääl ja lindude eluviis. Mõningatel juhtudel ühendatakse linnunimedes mitmeid lindude tunnuseid. Esineb seaduspärasus, et raskesti nähtavad linnud saavad nime oma hääle järgi. Mõned nimed võivad kuuluda ka erinevatele, kuid üksteisega sarnase välimuse, hääle või harjumustega lindudele.

Linnunimede derivatsioonilis-fraseoloogiline semantika

Uurimuse teises etapis viidi läbi linnunimede semantilis-derivatsiooniline ja fraseoloogiline analüüs. Ornitonüümilise sõnavara ja linnunimesid sisaldavate fraseoloogismide põhiste semantiliste derivaatide analüüsi tulemusena tõusevad esile kõige iseloomulikud ja märkimisväärsed lindudele omased jooned keeles ja kultuuris. Selliste tunnuste enamik hõlmab lindude reaalseid omadusi (hääl, värv, suurus). Vähem iseloomulikud on tunnused, mis on lindudele antud rahvalike (mütoloogiliste, folkloorsete jne) ettekujutluste põhjal – halb mälu, võime sünnimusi ette ennustada.

Semantilises aspektis on kõige enam läbi töötatud linnunimede rühm *vares*, *kaaren*, *part*, *hani*, *kägu*, *öökull*, *kukk*, *kana*, *kurk*. Kitsa spektriga tähendusi eristavaid tunnuseid omavad *harakas*, *ööbik*, *pääsuke*, *tihane*, *tuvi*, *lõoke*, *luik*. Praktiliselt läbi töötamata on linnunimed *kurvits*, *västrik*, *kuldnokk*, *metsis*.

Väike rühm mari linnunimesid moodustavad semantilisi derivaate – tuletatud tähendusi ilma algsõna vorme muutmata. Sellisteks peetakse järgmisi linnu-

nimesid: *агытан* ‘kukk’, *вырлянге* ‘västrik’, mäemari *вѣтельѣи* ‘kurvits’, *купиульѣ* ‘pasknäär’, *турий* ‘lõoke’, *турня* ‘kurg’, *тумна* ‘öökull’, *шогертен* ‘harakas’. Näiteks linnunimega *вырлянге* ‘västrik’ tähistavad idamarid ilusat ja sihvakat tütarlast. Niidumarid tähistavad linnunimega *купиульѣ* ‘pasknäär’ kõhna inimest. Mäemaridel tähendab *вѣтельѣи* ‘kurvits’ nobedat ja püsimatut või kiuslikku ja halba inimest. Kõik need linnunimed, välja arvatud lekseem *корак* ‘vares’, kuuluvad seminatilisse sfääri „inimese iseloom kindlate omaduste järgi“. Lekseemi *корак* ‘vares’ derivatsiooniline potentsiaal avaldub värvitähenduse sfääris (*корак* ‘hall, hallikassinine’) ja esemete nimetustes (*корак* ‘pulstunud karv’).

Linnunimetusi kasutatakse teiste sõnade moodustamisel: inimese tähistamine (*коракшинча*, sõna-sõnalt „varese silm“ ‘pime; tähelepanematu inimese kohta’), taimenimed (*вараксимйолаш*, sõna-sõnalt „pääsukese püksid“ ‘aednelk’), haiguste nimed (*чывышинча*, sõna-sõnalt „kana silm“ ‘kanapimedus’), talurahva tarbeesemed (*турняшуй*, sõna-sõnalt „kure kael“ ‘vankri viltune pruss’) jne. Suure rühma linnunimede tuletistest moodustavad fütönüümid, milles peegeldub linnu värvus, kuju või tema keha osad, laulmise aeg, elukoht, toitumine. Linnunimede baasil moodustati fraseologisme, mis peegeldavad inimese välimust, füüsilisi ja psüühilisi omadusi ning inimese tegevuse iseloomu.

Rahvalike linnunimede ülevaade

Töö kolmandas etapis võeti ette katse taastada linnukujundeid maride traditsioonilises kultuuris keeleliste (ka murdeliste) ja keeleväliste (etnograafiliste ja rahvaluule) andmete järgi, kasutades keele kui rahva vaimse kultuuri teabeallika uurimiseks etnolingvistika meetodeid. Selgitati välja hulk mari traditsioonis esiletõusvaid kõige ilmekamaid linnukujundeid. Neile linnukujundeile on töös pühendatud 19 ülevaadet, milles iseloomustatakse järgmisi linde: vares, künnivares, hakk, kaaren, harakas, öökull, part, hani, luik, kägu, kurg, tuvi, pääsuke, lõoke, vutt, ööbik, kuldnokk, linavästrik, rähn, kukk, kana.

Konkreetsete lindude valimine kirjeldamiseks oli tingitud nende tähenduslikkusest mari kultuuris. Iga ülevaate objektiks on lind koos temaga seotud kujundite kogumiga. Metodoloogiliseks toeks ülevaadete loomisel olid lindudele ja loomadele pühendatud artiklid etnolingvistilises sõnastikus „Slaavi muistised“ („Славянские древности“, toimetaja N.I. Tolstoi, edaspidi SD, 1995–2012) ning looma- ja linnukujundite kirjelduste skeem, mis pärineb A.V. Gura monograafiast „Loomade sümboolika slaavi rahvatraditsioonis“ („Символика животных в славянской народной традиции“) (Gura 1997: 31–118). Enne lindude kirjeldamist pööratakse erilist tähelepanu nende nimedele ja nendega seotud fraseoloogiale, sealhulgas ornitoloogilise sõnavarale, mida on kasutatud botaanilises terminoloogias, toponüümides, esemete nimetustes jne. Uurimuse rahvaluuleallikateks on müüdid, legendid, muinasjutud, rahvalaulud ja nn lühizanrid: ended, ennustused, unenägede seletamine, vanasõnad, mõista-

tused, keelud (mari *oïöpö*), uskumused ja mängud. Arvesse võetakse ka lindude kasutamine või nende nimetamine kombestik, maagilises tegevuses (objektina, ohvrina jne) ja rahvameditsiinis ning linnukujundid tikanditel ja ehitistel.

Mari kultuurile on iseloomulik lindude austamine. Seda võib järeltada lindude tapmiskeelu ja ornitonüümide pärisnimedena kasutamise põhjal, mütooloogilistes süžeedes ja usukommetes kajastumise järgi, lindude kasutamise põhjal tikandimotiivides. Näiteks keelavad tavad kägu või varest narrida või nendega riielda. Luige, varese või käo tapmine toob õnnetust. Marid suhtuvad metsloomadesse aupaklikult. Rahvas on hukka mõistnud luikede ning metsahanedega jahtimise ning nende toiduks tarvitamise. Keelatud on tulistada ning süüa kurgi ning tuvisid. Luiki kutsutakse rahva seas *юмынкомбо* (sõna-sõnalt „jumala hani“) või *юмынгайык* (sõna-sõnalt „jumala lind“) (Juadarov 1999: 40). Maride uskumuse järgi võib inimese hing pärast surma linnuks muutuda – sarnased ettekujutused on ka teistel rahvastel (Popov 1985: 12).

Marid usuvad, et linnud toovad õnne, perele heaolu ja karjale viljakust. Heaks märgiks peetakse tallu ehitatud pääsukesepesa – see kaitseb tulekahju eest ning toob majale õnne. Öökulliga seotud kombetalitus viidi läbi karja viljakuse edendamiseks.

Rahvameditsiinis kasutati linde harva. Inimesi raviti hanerasva, kanamao, kanasõnniku, kanamunade ja kodulindude sapi abil.

Kaarnat, öökulli ja kakku, vahel ka rähni ja kägu peetakse pahaendelisteks lindudeks ning seda mitte ainult maride, vaid ka teiste rahvaste seas. Öölinde tajutakse kurjakuulutavatena nende võika hüüu tõttu, mis keset pilkast ööd on mõnikord äärmiselt ebameeldiv ning hirmu tekitav. Näiteks kisab *кайыковда* ‘kassikakk, kakk’ nagu meelegeitlikult appi karjuv inimene, vahel nutab nagu laps, naerab, oigab või irvitab. Kaaren, vares, harakas ja künnivares on sellesse kategooriasse usutavasti sattunud pooleldi röövlindudena, raipesööjatena, talumatult kärarikaste lindude, ennustajatena (Dal 1994: 100). Kanakasvatuse arenedes hakkasid marid kulli suhtuma kui majapidamisele pahatahtlikku kahju tekitajasse. Vaatamata oma tähtsusele jahilindudena on põldpüü, laanepüü, teder ja metsis maride kultuuris üsna vähe kajastust leidnud. Seevastu on kombestik märgitud hane ja parti, kes esinesid maride palvustes kõrgematele ja madalamatele vaimudele; kukke ja kana matusekombestik; varest, harakat ja kägu sagedaste muinasjututegelastena (Vasiljev 1949: 16).

Linnukujundid on leidnud rahvaluules värvikat kajastamist. Igale konkreetsele linnukujundile vastab oma žanriline ulatus, mis mõningatel juhtudel võib olla küllalt kitsas, näiteks rähni, kuldnoka ja vuti puhul. Mütooloogilistes süžeedes kohtab linde harva, peamiselt on need seotud käo, pääsukese, hiireviu, varese ja pardiga. Värvikamalt on linnud esindatud ennetes ja uskumustes. Suur osa endeid on seotud ilmaennustustega, kuna talutööd sõltusid ilmast. Lindude ilmumist inimeste elukoha lähedusse peeti nii positiivseks kui ka negatiivseks, seetõttu võib rääkida positiivsest ja negatiivsest lindude sümboolikast ennustustes ja uskumustes. Ended võivad ette kuulutada külaliste või uudiste saabumist, ennustada õnnetust, tulekahju või surma. Nii ennetel kui unenägede seletustel on binaarne struktuur, seetõttu saame rääkida sümbolist (kujundist) ning

selle interpretatsioonidest. Nõustume slaavi etnolingvistika väljapaistva spetsialisti S.M. Tolstaja väitega, et „suhe sümboli ja selle tõlgenduse vahel kannab tuleviku ennustamise iseloomu kellelegi unes ilmuva visuaalse pildi järgi“. Tema arvates põhineb kujundite prognoositav jõud nähtavatel juhusel, nende ilmumist kontrollida suutmata, mis lähendab unenäo-seletaja rahvatraditsiooni žanritele nagu ended, ettekuulutused ja ennustused (Tolstaja 2002a: 205). Unenäod mängivad iga rahva kultuuris spetsiifilist rolli, nende tõlgendamine sõltub aga etnilisest kontekstist. Maride traditsioonilise ettekujutuse kohaselt on linnud unenägude märgisüsteemi sattunud etnokultuurilise informatsiooni kandjad, kes esinevad seal sümbolina, kehastavad üht või teist mõtet. Tutvununa unenägude semiootilise vallaga (Yuzieva 2014: 378–381), võib järeldada, et linnukujundite ilmumine unenägudes on nii positiivne kui negatiivne, st on asjakohane rääkida positiivsest (linnud kui heade uudiste, õnnelike teede, rõõmsate kohtumiste, õnne ja juurdekasvu kuulutajad) ja negatiivsest (linnud kui halbade uudiste, lahusoleku, õnnetuse ja kaotuste märgid) linnukujundite sümboolikast unenäo-seletustes.

Lauludes esinevad linnukujundid meeldejäävate sümbolitena. V.A. Gluhovi ja N.N. Gluhova mari rahvalaulude statistilise analüüsi tulemuste järgi olid põhilisteks sümboliteks ööbik, kägu ja kana, kes moodustavad poole kõigist mainimistest (52,4%); abistavateks kujunditeks olid hani, pääsuke, tuvi, põldvutt, luik ja part (24,6%); täiendavateks sümboliteks peoleo, lõoke, kotkas, räs-tas, rähn, kuldnokk ja leevike (11,2%). Viimase, neljanda rühma moodustavad vähekasutatud sümbolid (11,8%), mis on autorite sõnul sageli negatiivse varjundiga (Gluhov, Gluhova 2007: 83). Linnud kannavad lauludes mitmesuguseid tähendusi. Kägu on igatseva ema, neiu või lese sümbol, käo kukkumine tähendab ema nuttu. Luik tähendab rasket elu, nuttu või uudiseid; hani, part ja ööbik sugulastega samastumist. Pääsuke on armastatu sümbol; kana ja kukk sümboliseerivad külatüdrukuid ja -poisse. Kanakulli, varblast, peoleod, kurge, kulli, kaarnat, västriku, kotkast ja kurvitsat kohtab lauludes harva. Nende lindude lauludes mainimise vähene hulk ei võimalda määratleda nende sümboolset tähendust, kuid vahel võib mõne laulu konteksti järgi välja selgitada nende sümboolsed assotsiatsioonid. Varest võib näiteks seostada noorte mees-tega.

Kokkuvõtteks tuleb mainida, et mari rahvatraditsioonis esinevad ilmekad linnukujundid koos neile omaste ettekujutuste kogumiga kinnitavad veelkord, et linnud olid omandanud olulise tähenduse, nad olid jälgimisobjektideks väga pika aja jooksul.

Välitööde kogemus näitab, et vaid maapiirkondadest pärit eakad inimesed on kommete ja traditsioonide säilitajad. Nad teavad palju mari linnunimedest, võivad jutustada lindudega seotud legende, rääkida ebausust ja uskumustest, lindude kasutamisest rahvakommetes ja maagias. Vanema põlvkonna järkjärgulise kadumise ja maaelanikkonna vähenemisega kaob rahva unikaalne vaimne kultuur. Noorem põlvkond ei võta globaliseerumise, arvutiseerumise ja kaasaegse tehnoloogia ajajärgul neid teadmisi enam vastu. Kaasaegsete teadusuuringute

läbiviimine võimaldab talletada ettekujutusi lindudest osana maride traditsioonilisest rahvakultuurist.

Käesolev töö kujutab endast vaid väikest osa maride ettekujutuste rekonstruktsioonist loomariigi kohta. Meie käsutuses olev materjal ei võimalda veel lahendada laenude ja kultuuride vastastikune mõju probleeme, samuti määratleda ühtede või teiste ilmingute levikuareaali. Selleks on tarvis läbi viia täiendavaid võrdlevaid uuringuid, koguda Permi ja Sverdlovski oblastis elavate uurali maride ja Nižni Novgorodi oblasti maride traditsioonilise kultuuri materjali.

Siiski saab juba praegu olemasolevat maride etnoornitoloogia materjali kasutada sugulas- ja teiste rahvaste traditsioonide võrdlevateks uurimusteks, mille eesmärgiks on soome-ugri traditsioonilise kultuuri geneetilised ja tüpoloogilised konstruktsioonid ja rekonstruktsioonid.

SUMMARY

An ethnolinguistic analysis of Mari ornithonyms

This dissertation is devoted to the subject of folk ornithonyms in the Mari language and its dialects. It is based on the analysis of lexis, including phraseology, that is related to bird denominations. Folk lexis and terminology preserved in the texts of spiritual culture – customs, beliefs, signs, and folklore genres – have not been fully registered in dictionaries. In this work, special attention is paid to ethnographic data contained in traditional Mari ideas concerning birds.

An ethnolinguistic approach to the study of bird names helps to characterize the functioning of the language in the given semantic area of lexis and allows tracing the ways, by which the Mari learnt the world. It enables a researcher to identify the genetic characteristics as well as the national and cultural specifics of ornithological vocabulary, which makes this research relevant for linguistics, ethnography, and other culturological subjects. In this dissertation, the ethnolinguistic, sociolinguistic and onomasiological aspects of Mari ornithonyms are examined.

The review of linguistic research devoted to bird names in Finno-Ugric languages shows that up to now there has been no complex ethnolinguistic study of Mari ornithonyms; this fact testifies to the scientific novelty of the work.

The main goal of the dissertation consisted in the ethnolinguistic analysis of bird names in Mari. The objectives set in the dissertation included the collection and classification of ornithonyms, the collection of derivational forms and phraseological units based on ornithonyms, as well as the evaluation of the size of the vocabulary related to ornithonyms, which is known among different groups of native speakers of Mari. Among the objectives were also the identification and classification of the motivating indicators and principles that underlie bird names with a transparent internal form, the identification of the distinctive indicators of bird images, and the reconstruction of bird names in traditional Mari culture using linguistic, dialectal and folklore data.

The structure of the dissertation, which consists of three chapters, follows the listed goal and objectives of the research.

Analyses were made of field study materials collected by the author in different regions of Bashkortostan, the Republic of Mari El, and the Kirov oblast. For comparison, some data of Finno-Ugric, Slavonic and other languages are used.

Among the sources of folklore and ethnographic data were materials collected by Ö. Beke, T.A. Sebeok and F.J. Ingemann, Y. Wichmann, T.E. Evseev, S.I. Ibatov, as well as the collections of Mari riddles and proverbs by A.E. Kitikov, the collections of myths and legends by A.V. Aktsorin, and other materials.

The works of A.V. Gura (1997), E.V. Lysova (1999, 2002), U. Sutrop (2001), M. Mäger (1967, 1969) and of other authors constituted the theoretical basis of the dissertation.

In the research, methods of sociolinguistic, semasiological, onomasiological and etymological analyses and semantic reconstruction were used. The author applied the principle of complex linguistic fact analysis and made use of extralinguistic facts relating to the sphere of folklore, beliefs and rituals.

Names of birds in the Mari language

In the first stage of the work, the size of the vocabulary related to ornithonyms, which is known among the Mari people of the eastern dialect zone, was defined and an onomasiological analysis of the ornithonyms was performed. For this purpose, a sociolinguistic analysis was made. In 2010–2012, the author conducted a sociolinguistic poll, in which 226 respondents took part. The respondents were fluent speakers of Mari from different areas of Bashkortostan, Mari El and Tatarstan. The size of the vocabulary related to ornithonyms, which is known by the respondents was estimated in groups of respondents differentiated by age: group 1 (aged 6–25), group 2 (aged 26–45), group 3 (aged 46–60), group 4 (aged 61 and older) and among male and female respondents.

Comparison of the data collected in these six micro groups of respondents showed that the age (and occupation) of the respondents is an important factor that influenced the results. The size of the vocabulary was larger among the older respondents, who have greater life experience both in the production (hunting, agriculture) and in the deliberative sphere (observation of nature). These respondents had a better knowledge of the Mari language, as well. The results depended less on the factor of informant's gender. This sociolinguistic analysis showed that the number of bird names known to different respondents varies significantly. On average, nearly 20 ornithonyms were mentioned. In this part of the research, we used a synchronic analysis of the lexical and semantic meaning of bird names.

In the course of the sociolinguistic poll we collected dialect ornithonyms that are not registered in dialect and other dictionaries. From eastern Mari, the following ornithonyms were recorded: *йкъянкайык* 'waxbird', *ирчыве* 'gray partridge', *кадырнер* 'crossbill, common crossbill', *мландевараксим* 'bank swallow', *олмагочшокайык* 'thrush', *пембекиса* 'chaffinch', *печегайык* 'large rosefinch', *поланкайык* 'waxbird', *пучўнгышюкайык* 'woodpecker', *пырткәлудо* 'common teal', *тагагайык* 'jacksnipe', *тўканкайык* 'waxbird', *шопкекайык* 'nuthatch', *ушианкайык* 'waxbird', *ушменкайык* 'chaffinch'; from meadow Mari – *бзиктумна* 'a kind of owl, eagle-owl', *пызлыгайык* 'snowbird', *чилили* 'waxbird', *юмынгайык* 'swan'.

In future, we are planning to conduct a similar research among the Mari of the western dialect zone.

As the result of the onomasiological analysis of Mari ornithonyms preserving a transparent internal form, two motivation models distinguished by sets of indicators were identified.

The first model is based on a proper indicator:

- bird's voice (*куку* 'cuckoo, *чилили* 'waxbird', *юмынтага* 'jacksnipe', literally "God's lamb"),
- bird's size (*кугылого* 'mistle thrush', literally "big thrush"; *кугыгиса* 'large oxeye, dial. *варакушка*', literally "large oxeye"; *изигек* 'bunting', literally "small bird"),
- general appearance or a characteristic detail of the appearance (*ужаргорак* 'blue roller', literally "green crow"; *йошкарон* 'bullfinch', literally "red breast"; *важыкнер* 'common crossbill', literally "crooked bill"),
- behavior, the bird's way of life (*пӧрдишыгайык* 'nuthatch', literally "spinning bird").

The second model is based on a relative indicator:

- bird's food (*колкошио* 'common kingfisher', literally "eating fish"; *пызлыгайык* 'snowbird', literally "mountain-ash bird"; *поланкайык* 'waxbird', literally "arrowwood bird"),
- location attachment (*сергайык* 'bank swallow', literally "bank bird"; *нужгайык* 'jenny wren', literally "nettle bird"; *шопкекайык* 'nuthatch', literally "aspen bird"),
- time of flying in or out, time of the bird's activity (*йӱдвараи* 'nightjar', literally "night hawk"; *пӧршӱкайык* 'bullfinch', literally "hoarfrost bird"; *ӱдымгайык* 'whinchat', literally "sowing bird"),
- relation of the bird's name to the superstitions and beliefs (*йӱштыгайык* 'chaffinch, literally "bird of the cold"; *агагайык* 'wryneck', literally "bird of the field"; *юмынгайык* 'swan', literally "God's bird").

The analysis of motivation showed that there is a stable ornithonymic system in the Mari language. The most frequent and significant indicators motivating bird names in the Mari language are the bird's appearance, voice, and the way of life. In a number of ornithonyms, several bird features are combined. There is a certain regularity about the indicators. Namely, birds that are hard to see get their names according to their voice. Some names can refer to different birds; in such cases, the birds have similar appearance, voice or habits.

The semantic analysis of derivational and phraseological ornithonyms

In the second stage of the research, a semantic analysis of derivational and phraseological bird names was made and the most typical bird features marked in the language and culture were selected. Most of these features refer to real bird characteristics (voice, color, size). Less typical are features ascribed to the birds by the nominator on the basis of folk notions – mythological, folklore and other (poor memory, ability to forecast events).

From the point of view of semantics, the most developed group of ornithonyms is constituted by the following names: *crow, raven, duck, goose, cuckoo, owl, rooster, hen, and crane*. The *magpie, nightingale, swallow, tit, pigeon, skylark and swan* have a narrow spectrum of distinctive features. Such ornithonyms as *wader, wagtail, starling and capercaillie* are practically undeveloped.

Some ornithonyms occur as semantic derivatives. Such words, with no change in the form, acquire secondary meanings. The group of these ornithonyms is not numerous: *агытан* ‘rooster’, *вырлянге* ‘wagtail’, *мапГ вѣтельбѣ* ‘wader’, *купиульѣ* ‘jay’, *турий* ‘skylark’, *турня* ‘crane’, *тумна* ‘owl’, *шогертен* ‘magpie’. The eastern Mari, for instance, use the ornithonym *вырлянге* (Russian *трясогузка*) to denote a pretty, slender girl. The meadow Mari use the ornithonym *купиульѣ* (Russian *сойка*) to denote a skinny person. The mountain Mari use the word *вѣтельбѣ* (Russian *кулик*) for a nimble, restless or naughty, bad person. All of them, except the lexical item *корак* ‘crow’, belong to the semantic sphere “personal characteristics according to certain features”. The derivational potential of the lexical item *корак* ‘crow’ demonstrates itself in the sphere of words denoting color (*корак* ‘gray, grayish-blue’) and objects (*корак* ‘lumpy wool’).

Ornithonyms serve as the basis for creating names denoting people (*коракшинча*, literally “crow eye” ‘blind man; about an inattentive person’), plants (*вараксимйолаш*, literally “swallow’s pants” ‘carnation’), illnesses (*чывышинча*, literally “chicken eye” ‘mooneye’), objects of farmer’s work (*турняшуй*, literally “crane’s neck” ‘crooked drawbar in the carriage’), etc. A large group of bird name derivatives reflecting color, shape of birds or parts of their body, the time of singing, habitat and nutrition form phytonyms. Ornithonyms are basis for the formation of phraseological units reflecting the appearance, physical features, and psychic traits of people, or the nature of their actions.

Essays on folk ornithonymy

In the third stage of the work, an attempt was made to reconstruct bird images in traditional Mari culture by using linguistic (including dialect) and non-linguistic (ethnographic and folklore) data. For this purpose, we implemented ethnolinguistic methods of studying the language as a source of information about the traditional spiritual culture of the people. We identified the images of birds that were given preference to in Mari tradition. In this work, nineteen essays are devoted to the description of the characteristics of the following birds: crow, rook, raven, magpie, owl, duck, goose, swan, cuckoo, crane, pigeon, swallow, skylark, quail, nightingale, starling, wagtail, woodpecker, rooster and hen.

These concrete birds were selected due to the significance ascribed to the image of the birds in traditional Mari culture. Each essay features a bird

together with the set of notions formed around it. Articles about birds and animals from the ethnolinguistic dictionary “Slavonic Antiquities” edited by N.I. Tolstoy (hereinafter SA, 1995–2012) and the system proposed for the description of animals and birds in the work of A.V. Gura “Animal Symbols in the Slavonic Folk Tradition” (Gura 1997: 31–118) served as the methodological basis of the essays. In the description of birds, special attention was paid to their names and related phraseology including ornithological words used as part of botanical terminology, toponymy, of names for objects, etc. For sources, we resorted to folklore – myths, legends, fairy tales, folk songs, and so-called “small genres” – superstitions, fortune telling, dream interpretations, proverbs, riddles, taboos (Mari *oïöpö*), beliefs, and games. We also took into account the use of birds or their names in rituals, magical actions (as an object, sacrifice, etc.), folk medicine, as well as the images of birds in embroidery and buildings.

In the cultural traditions of the Mari, worship for birds is reflected. There is, for example, prohibition to kill birds, to use ornithonyms for proper names and bird images in embroidery. There are mythological plots and religious rituals connected with birds. Mari tradition prohibits teasing or scolding a cuckoo or raven. It is believed that if you kill a swan, raven or a cuckoo, there will be misfortune. Mari people feel benevolence towards wild animals. People disapprove of hunting and eating swans and wild geese, it is prohibited to shoot and eat cranes and pigeons. Swans are called *юмынкомбо* (literally “God’s geese”) or *юмынгайык* (literally “God’s bird”) (Yuadarov 1999: 40). According to Mari beliefs, the soul of a person after death can turn into a bird; a similar belief exists among other peoples (Popov 1985: 12).

The Mari believe that birds bring happiness, family well-being, and cattle crop. Thus, a swallow nest on the house is considered a good sign; it protects from fire and brings happiness to the house. A ritual involving an owl was performed to improve cattle crop.

Birds were rarely used for folk medicine. There are cases of treatment with the use of goose fat, hen stomach, excrement, chicken eggs, and bile of domestic birds.

A raven, owl, eagle-owl, in some cases also woodpecker and cuckoo, are believed to be evil birds, and not only by Mari people, but also by other nations. Nocturnal birds got the evil name certainly for their wild, unpleasant cry, which in the middle of the night may be extremely unpleasant and scary; for instance, *кайыковда* ‘popgun, eagle-owl’ howls like a man screaming for help or cries like a baby, laughs, moans or guffaws. The raven, crow, magpie, rook probably found themselves in this group as semi-predators, scavenger birds, extremely loud and also prophetic (Dahl 1994: 100). With the appearance of chicken farming, the hawk was seen as an evil pest of Mari farms. The quail, hazel grouse, woodcock, and capercaillie, in spite of their commercial value, are seldom represented in traditional Mari culture. However, in rituals, the goose and duck may be found; they were used by Mari in prayers to high and low spirits. The rooster and hen appeared in funeral customs; the crow, magpie, cuckoo are frequent characters in fairy tales (Vasiliev 1949: 16).

Bird images are clearly present in folklore. Each concrete bird image has its own genre range, which for some birds, for instance, the woodpecker, starling or quail, may be narrow. Mythological plots with birds are rarely found; they are mostly related to the cuckoo, swallow, buzzard, crow, or duck. Birds mainly appear in superstitions and beliefs. Most superstitions concern weather forecasts. This is explained by the dependence of peasant economic activity on natural phenomena. Birds' arrival near people's homes was considered both a positive and a negative mark; therefore, we can speak about positive and negative bird symbols in superstitions and beliefs. Superstitions can forecast the arrival of guests, news, misfortune, fire or death. Just like dream interpretations, superstitions have a binary structure, so we can speak about a symbol (image) and its interpretation. We agree with the statement of one of the authorities in the sphere of Slavonic ethnolinguistics, S.M. Tolstaya, who writes: "relation between the symbol and its interpretation has the nature of a forecast of the future according to some visual image that came in a dream". In her opinion, the forecasting power of images is based on evident occasionality, uncontrolled appearance, which brings the dream book closer to such traditional folk genres as superstitions, predictions, and fortune telling (Tolstaya 2002a: 205). Dreams play a specific role in the culture of any nation and their interpretations depend on the ethnic context. According to traditional Mari beliefs, birds, being bearers of ethnocultural information, in the symbolic system of dreams act as symbols embodying a certain meaning. In the context of the semiotic space of dreams (Yuzieva 2014: 378–381), the appearance of bird images in dreams may be considered either a positive or a negative sign. It is possible to speak of positive (birds meaning good news, a pleasant journey, a happy meeting, happiness, a bundle of joy) and negative (birds as signs of bad news, parting, misfortune, loss) symbolism of bird images in dream interpretation.

Bird images are noticeable symbols in song lyrics. According to the results of the statistical analysis of Mari folk songs conducted by V.A. Glukhov and N.N. Glukhova, four groups of bird symbols can be distinguished. The main symbols are the nightingale, cuckoo and hen, which constitute half of all mentions (52,4%). Auxiliary symbol images are the goose, swallow, pigeon, quail, swan and duck (24,6%). Additional symbol images are the oriole, skylark, falcon, thrush, woodpecker, bullfinch, and starling, which amount to 11,2%. The last group is formed by symbol images that are used rarely (11, 8%), often with a negative connotation (Glukhov, Glukhova 2007: 83). Birds in songs reflect a variety of meanings. The cuckoo is a symbol of a wistful mother, maiden or widow; its cuckooing signifies mother's weeping. The swan is a symbol of hard life, cry of grief, and news; the goose, duck or nightingale are compared to relatives; the swallow is a symbol of a loved one; the hen and rooster symbolize young girls and boys from countryside. The names of the hawk, sparrow, oriole, crane, kite, raven, wagtail, falcon and wader are rarely found in song lyrics. This, however, does not mean that they lack symbolic significance – sometimes the context of the song reveals their symbolic associations. A raven, for instance, can be associated with a young guy.

In conclusion, it should be noted that the occurrence of bird images and the developed set of notions associated with birds in Mari folk tradition once again prove that birds carried an important meaning and were objects of observation for a long time.

The field experience shows that only elderly people from rural areas – keepers of customs and traditions know a great number of Mari ornithonyms and can tell legends, superstitions and beliefs related to birds and their use in folk rituals and magical happenings. As the older generation passes away and rural inhabitants decrease in numbers, the unique material of the spiritual culture of the people is disappearing. In the age of globalization, computerization and modern technology, younger generations do not acquire this area of knowledge. Modern scientific research promotes the preservation of bird images as one of the spheres of traditional Mari folk culture.

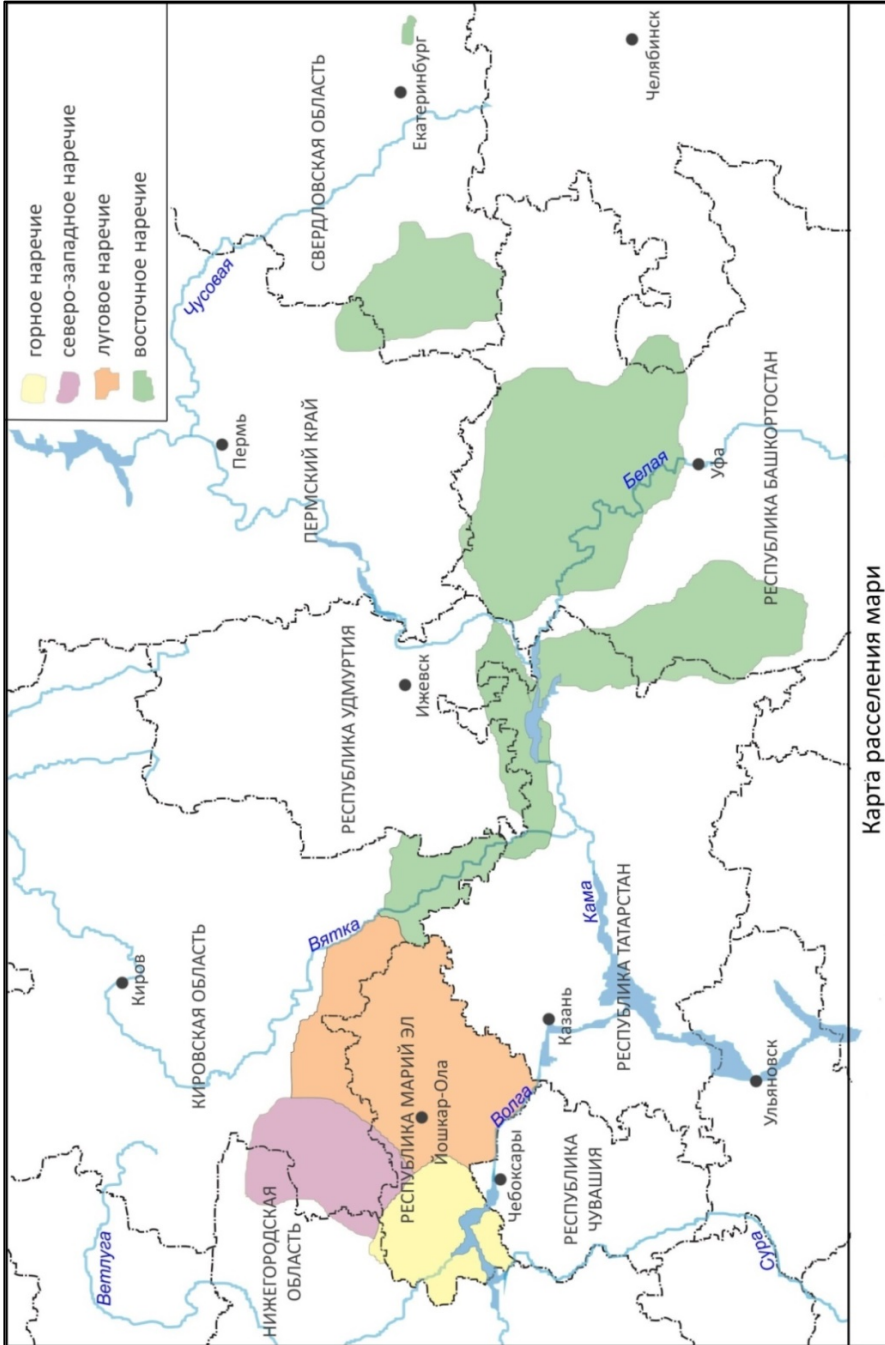
This work is but a small part of the reconstruction of Mari ideals about the animal world. The material at our disposal does not allow for solving the problem of borrowings, interdependence of cultures or determining the area of dissemination of certain phenomena. For this purpose, additional comparative and contrastive research as well as collection of materials on the traditional culture of the Ural (Perm and Sverdlovsk), and Nizhegorodsky Maris are needed.

The material available on Mari ethno-ornithology can be used in comparative research concerning related and non-related traditions, for genetic and typological modeling, and reconstruction of Finno-Ugric traditional culture.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Основные территории проживания мари

Приложение 2

Вопросник для сбора этнолингвистических данных: «Птицы»

1. Какие марийские названия птиц вы знаете?
2. Каких птиц вы сами видели?
3. Каких птиц нельзя называть по имени?
4. На какие группы можно разделить птиц (дикие и домашние, лесные, болотные и т. д.)? Назовите этих птиц.
5. Какие птицы улетают на зиму?
6. Каких птиц можно отнести к «хорошим», имеющим благоприятное воздействие? Какие птицы считаются «вредными», зловещими? Почему?
7. Использовали ли названия птиц в качестве имен для детей? Какие? Почему людям давали такие имена?
8. С какими птицами сравнивают человека? Какие фразеологизмы связаны с названиями птиц? Что они означают?
9. В названиях каких деревень, рек, озер, болот, оврагов встречаются названия птиц (например, *Турня куп* (букв. «журавлиное болото»), *Агутан корем* (букв. «петушинный овраг»), *Йўксыер* (букв. «лебединое озеро» и др.)? Почему они так называются? Вспомните поверья или легенды, связанные с этими названиями?
10. В каких названиях растений встречаются наименования птиц (например, *кӱгӱрченимудо* (букв. «голубиная трава») ‘купена лекарственная, *Polygonatum odoratum*’; *коракйолоаш* (букв. «вороньи штаны») ‘колокольчик раскидистый, *Campanula patula*’; *комбычана* (букв. «гусиная лапка») ‘лапчатка, гусиные лапки, *Potentilla anserina*’ и др.)? Почему они так названы? Как эти растения используют в народной медицине? Какие поверья связаны с этими растениями?
11. Что делали, увидев весной в первый раз птицу или услышав ее голос (первую кукушку, трясогузку, диких гусей и т. д.)? Зачем это делали (говорили)?
12. Какие слова слышатся в крике птиц (например, *Шўкиў пўй, шўкиў пўй!* «Старый зуб, старый зуб!»; *Ой, шылыжем! Ой, шылыжем!* «Ой, поясница моя! Ой, поясница моя!»; *Нылле ук пудан почем дене ийым пудьртен колтем!* «Сорокаднопудовым хвостом разобью лед!»)? Что означают или предвещают эти крики? Когда их можно услышать?
13. Существовали ли приговоры, которые нужно было произносить при встрече с птицей? С какой? Что говорили? Почему? (например, вслед ворону произносили: *«Шке корнет дене кай»* ‘Иди своей дорогой’ и др.)
14. Каким птицам нельзя причинять вред (убивать, разорять гнездо, прогонять): ласточке, журавлю, лебедю, скворцу, трясогузке? Почему? Что будет, если причинить им вред (укажите для каждой птицы в отдельности, напр.: грех, несчастье, пожар, болезнь, смерть обидчику, ущерб хозяйству и т. д.)?
15. Как называются веснушки (например, *кукумуно* ‘кукушкино яйцо’, *кўдырмуно* ‘тетеревиное яйцо’, *цўгӱкпшыкедѣш* ‘ласточкин понос’, *цўгӱкшадьра* ‘ласточкина оспа’)? Почему они так называются? Вспомните поверья, объясняющие их появление. Как сводили веснушки?
16. **Гуси и утки.**
 - a. Какие легенды о сотворении мира вы знаете?
 - b. Известен ли Вам рассказ о том, как утка ныряет на дно океана и приносит частицу земли (песка и т. п.), из которой возникла суша?

- c. Как называется Млечный путь? Почему он называется *Кайыккомбо корно* («Дорога диких гусей»)?
 - d. Кому и зачем приносили в жертву утку или гуся? Каких птиц еще приносили в жертву?
 - e. Какие приметы связаны с дикими и домашними гусями? С утками?
 - f. Какие обычаи, традиции, запреты связаны с гусеводством, с гусями?
 - g. Когда и как сажали гусыню на яйца?
 - h. Как защищали гусят от сглаза или от нападения хищных птиц?
 - i. Что делали, чтобы в следующем году было много гусят?
 - j. Изображали ли уток и гусей в вышивке? Какие орнаментальные мотивы с ними связаны?
17. **Сова.**
- a. Какие названия сов вы знаете?
 - b. Какой человек сравнивается с совой? Какие выражения есть для этого?
 - c. Что означает, если сова прилетит близко к дому? Что предвещает сова, залетевшая в окно? Сидящая на крыше дома? Живущая в деревне?
 - d. Зачем и с какой целью вешали мертвую сову в хлев?
 - e. Что делали, чтобы увеличить приплод овец? Знаете ли вы обряд с совой? Можете ли рассказать об этом?
18. **Врановые.**
- a. Какие представления связаны с **вороной? с грачом? с галкой? с вороном? с сорокой?**
 - b. Вспомните легенды об этих птицах (например, о том, как вальдшнеп украл клюв у вороны или почему у вороны маленький клюв)
 - c. Какие сказки вы знаете о вороне?
 - d. Ворона – образ положительный или отрицательный? Какой человек сравнивается с вороной? А с сорокой? Как об этом говорят? Какие есть сравнения, поговорки, пословицы?
 - e. Как называется мелкий град (*коракишүраш* «воронья крупа»), морозящий дождь (*киса йүр* «синичий дождь»)? Есть ли еще подобные выражения? Как объясняют такие названия?
 - f. Какие названия растений содержат компонент *корак* ‘ворона’? Как вы думаете, почему они так названы? Связаны ли эти названия растений с их бесполезностью или ядовитостью?
 - g. Какие магические обряды существуют для защиты домашней птицы от ворон? Проводятся ли они сейчас?
 - h. Почему и где вывешивают убитую сороку?
 - i. Какой обряд проводится в период засухи для вызывания дождя? Как он называется? Проводится ли сейчас? Расскажите подробнее об обряде.
 - j. Какие приметы связаны с вороной, с галкой, с грачами?
 - k. Что означает стрекотание сороки вблизи дома?
 - l. Какие приметы связаны с вороном? Всегда ли он предвещает смерть?
 - m. Можно ли предотвратить несчастье, которое сулит ворон?
 - n. Произносили ли вслед ворону магические слова (обереги)?
 - o. Можно ли дразнить или причинять вред этой птице? Почему?
19. **Кукушка.**
- a. Что означает услышать весной первую кукушку?
 - b. Какие приметы, гадания, поверья связаны с кукушкой и ее кукованием?

- c. До какого времени кукует кукушка? Что с ней происходит после окончания кукования (напр., превращается в хищную птицу)?
 - d. Известна ли легенда о превращении в кукушку женщины (вдовы, сироты)?
 - e. Есть ли обычай прикреплять к могильному столбу деревянную фигурку кукушки? Зачем это делают?
20. Есть ли легенды, связанные с птицами? С какими птицами (например, с ласточкой, с совой, с жаворонком и т. д.)? Вспомните эти легенды.
 21. Почему перед дождем канюк (сарыч) кричит протяжно? Существует ли легенда об этом? Расскажите, пожалуйста.
 22. Знаете ли вы сказку о девушке-лебедь? О каких еще птицах есть сказки? Расскажите эти сказки.
 23. Знаете ли вы приметы, поверья, запреты связанные с птицами? Какие?
 24. Какие птицы определяют или возвещают начало сельскохозяйственных работ (например, прилет вертишейки – начало полевых работ; по скворцам сверяют время посева гречихи и конопли; появление ласточек на пашне предвещает благоприятное время для посева ржи)?
 25. Что говорили, если синица или воробей стучат в окно? Что означает, если они (или любая другая птица) залетят в окно?
 26. Существует ли поверье о том, что журавли, улетаю осенью на юг, «оставляют свои ноги» детям, которые еще не начали ходить? Или же, наоборот, считается, что журавли прилетают весной и приносят с собой «ноги» (т. е. способность ходить) детям.
 27. Правда ли, что не умеющий пока говорить ребенок начинает разговаривать с прилетом соловья? Что и когда нужно при этом произносить?
 28. Какого человека сравнивают с соловьем? Как об этом говорят?
 29. Есть ли поверье, согласно которому, если положить под подушку сучок, на котором сидел соловей, начнешь рано вставать? Или какие-либо другие поверья?
 30. Когда прилетают скворцы? Что означает количество первых увиденных скворцов?
 31. Что означает появление дятла около дома? Если он долбит угол дома?
 32. Какие приметы связывают с желной, с ее голосом?
 33. Почему жаворонок, издавая трели, поднимается в поднебесье, а потом камнем падает на землю? Говорили ли, что он что-то потерял? Почему он хочет взобраться на небеса? Какие приметы связаны с трелями жаворонка?
 34. Слышали ли вы пение перепелки? Что означает пение этой птицы? Что означает долгое пение?
 35. Почему у бога просят, чтобы скот был упитанный, как перепелка?
 36. Почему нельзя есть голубиное мясо? Знаете ли вы, что одна сторона голубя считается человеческим мясом, а другая – голубиным? Какие легенды с этим связаны?
 37. Что означает прилет голубей во двор? Что будет, если они живут в усадьбе?
 38. Что означают увидеть во сне аиста? ворону? других птиц? Что делали, чтобы плохой сон не исполнился (переворачивали подушку, умывались водой и т. п.)?
 39. Были ли гадания на Рождество, связанные с петухом, с курицей? с другими птицами?

40. **Куры.**
- a. Что делали, чтобы куры велись, хорошо неслись, держались во дворе?
 - b. Когда и как сажали курицу на яйца? Как подкладывали яйца под наседку?
 - c. Какие магические действия совершали в целях защиты выводка от сглаза, от хищных птиц?
 - d. Как и с какой целью используют курицу или петуха в поминальных обрядах?
 - e. Какие приметы связывают с закалыванием курицы?
 - f. Что делали с заколотой курицей (варили из нее суп; не употребляли в пищу)?
 - g. Сколько раз в день поет петух? Какие приметы связаны с пением петуха?
 - h. Что означает пение петуха в неурочное время?
 - i. Какие обряды связаны с петухом?
 - j. Известен ли петух как строительная жертва? Кому приносили в жертву петуха? По какому поводу резали петуха? Почему?
41. **Яйцо.** Как называется яйцо без желтка? с двумя желтками? без скорлупы?
- a. Что такое *агытан муно* («петушиное яйцо»)? Какие поверья с ними связаны?
 - b. Какие обрядовые действия совершали с первым яйцом?
 - c. Что делали с последним яйцом, снесенным курицей?
 - d. В каких обрядах или обрядовых действиях используется куриное яйцо (напр., закапывают в первую борозду, кладут на могилу, используют в ритуале изгнания злого духа и т. п.)?
 - e. Какие обрядовые действия совершали с первым яйцом?
 - f. Какие обрядовые действия совершали с пасхальным яйцом? Клади ли пасхальные яйца на могилы? Что вообще клали на могилы и когда (в поминальные дни или окказионально)?
42. Как использовали птиц и яйца в магии? Можно ли было навести порчу с помощью яйца? перьев птицы?
43. Можно ли дарить петуха? курицу? гуся? утку? Когда и кому (например, на свадьбе молодой семье)? Если дарят, то с какими пожеланиями?
44. Как и с какой целью используются птицы в обрядах (жертвоприношение петуха в лечебных обрядах; использование гуся и утки в качестве жертвы в молениях; как сова связана с приплодом скота и др.)?
45. Поется ли о птицах в марийских песнях? О каких птицах? Вспомните слова, пожалуйста.
46. В каких народных играх имитируются действия птиц? Как играют в эти игры?
47. Птицы в вышивке. Какие орнаментальные мотивы связаны с птицами? Что они символизируют? Как называются? Зарисуйте их.
48. Изображениями каких птиц украшают дома (например, на наличниках, на коньке)? Что символизируют эти изображения?
49. Какие части и каких птиц использовали в народной медицине (напр., чтобы избавиться от болезней, натирались гусиным салом, пили растворенный в воде высушенный и растолченный куриный желудок и т. п.)?
50. Куда улетают птицы на зиму? Надо ли с ними прощаться? Что говорят вслед улетающим птицам? Есть ли приметы, связанные с отлетом птиц?

51. **Оборотничество.** Кто может превращаться в птиц? С какой целью?
- a. Слышали ли вы рассказы о превращении колдуна в ворона? Расскажите, пожалуйста.
 - b. В кого или во что могут превращаться птицы? Когда? Почему?
52. На каких птиц нельзя охотиться?
53. Мясо каких птиц можно употреблять в пищу? Употребляли ли в пищу мясо диких птиц? Каких?
54. Что готовят из мяса птиц? Как называются эти блюда (напр., *чыве шўр* ‘куриный суп’, *корак когыльо* ‘ритуальный пирог с мясом молодых грачат’ у уральских мари и т. п.)?
55. Чем ловили птиц? Что нужно делать перед охотой? Что нельзя делать? Есть ли какие-нибудь охотничьи приметы, связанные с птицами?

Приложение 3

Список марийских орнитонимов, собранных в ходе социолингвистического опроса

Марийское название	Русское название	Латинское название
агытан	петух	Gallus gallus
аист	аист	Ciconia
анагайык	вертишейка	Jynx torquilla
апшаткайык	пеночка-теньковка	Phylloscopus collybita
арслан	орел	Aquila
арслангайык	орел	Aquila
ăкăянкайык	обыкновенный свиристель	Bombycilla garrulus
бзиктумна	вид совы, ?филин	Bubo bubo
важыкнер	клест-еловик	Loxia curvirostra
важыкумша	клест-еловик	Loxia curvirostra
вараксим	деревенская ласточка	Hirundo rustica
вараш	ястреб	Accipitrinae
варсенге	деревенская ласточка	Hirundo rustica
висагайык	лесной конек	Anthus trivialis
вўдўшкыж	выпь, или большая выпь	Botaurus stellaris
вўдчыве	камышница	Gallinula chloropus
вўтеле	кулик	Limicolae
выле-выле	обыкновенный свиристель	Bombycilla garrulus
вырлянге	белая трясогузка	Motacilla alba
изилого	дрозд-белобровик	Turdus iliacus
ильывуй	обыкновенный свиристель	Bombycilla garrulus
индюк	домашняя индейка	Meleagris gallopavo
иркомбо	дикий гусь, серый гусь	Anser anser
ирлудо	дикая утка, кряква	Anas platyrhynchos
ирмузо	серая куропатка	Perdix perdix
ирчыве	серая куропатка	Perdix perdix
йошкарон	снегирь	Pyrrhula pyrrhula
йўксó	лебедь-кликун	Cygnus cygnus
йўштыгайык	пеночка	Phylloscopus
кадырнер	клест-еловик	Loxia curvirostra
казыля	чиж	Carduelis spinus
кайыквараш	ястреб-перепелятник	Accipiter nisus
кайыккомбо	дикий гусь, серый гусь	Anser anser
кайыклудо	дикая утка, кряква	Anas platyrhynchos
карш	коростель	Crex crex
кеде	сизый голубь	Columba livia
керге	желна, или черный дятел	Dryocopus martius
киса	большая синица	Parus major
кожгазыля	желтоголовый королек	Regulus regulus
колгайык	обыкновенный зимородок	Alcedo atthis
колгукшо	болотный лунь	Circus aeruginosus
колшыре	озерная чайка	Larus ridibundus
колягайык	обыкновенная пустельга	Falco tinnunculus
комбо	гусь	Anser

Марийское название	Русское название	Латинское название
корак	ворона	<i>Corvus cornix</i>
коршангвуйкайык	щегол	<i>Carduelis carduelis</i>
коршангыгайык	коноплянка	<i>Cannabina cannabina</i>
кӱбрчен	сизый голубь	<i>Columba livia</i>
кугулого	деряба	<i>Turdus viscivorus</i>
кугывараш	ястреб-тетеревятник	<i>Accipiter gentilis</i>
кугынер	обыкновенный зимородок	<i>Alcedo atthis</i>
кужынер	кулик, бекас	<i>Limicolae, Gallinago gallinago</i>
куку	обыкновенная кукушка	<i>Cuculus canorus</i>
купчыве	камышница	<i>Gallinula chloropus</i>
купшӱльӧ	сойка	<i>Garrulus glandarius</i>
курмызак	вальдшнеп	<i>Scolopax rusticola</i>
курныж	ворон	<i>Corvus corax</i>
курныжгорак	ворон	<i>Corvus corax</i>
куткыж	беркут	<i>Aquila chrysaetos</i>
кӱдыр	тетерев	<i>Lyrurus tetrix</i>
кӱдырвараш	ястреб-тетеревятник	<i>Accipiter gentilis</i>
кӱрка	домашняя индейка	<i>Meleagris gallopavo</i>
кӱркалудо	мускусная утка	<i>Cairina moschata</i>
кӱседык	чибис	<i>Vanellus vanellus</i>
кӱчыкпоч	крапивник	<i>Troglodytes troglodytes</i>
кылкивараш	обыкновенная пустельга	<i>Falco tinnunculus</i>
кынегайык	коноплянка	<i>Cannabina cannabina</i>
лого	дрозд	<i>Turdus</i>
лудо	утка	<i>Anas</i>
лудыгорак	серая ворона	<i>Corvus cornix</i>
мландевараксим	береговая ласточка	<i>Riparia riparia</i>
музо	рябчик	<i>Tetrastes bonasia</i>
мыгыльшӱй	серая цапля	<i>Ardea cinerea</i>
немыччыве	домашняя индейка	<i>Meleagris gallopavo</i>
нужгайык	крапивник	<i>Troglodytes troglodytes</i>
нургӱльӧ	деревенская ласточка	<i>Hirundo rustica</i>
овдакайык	филин	<i>Bubo bubo</i>
овдатумна	филин	<i>Bubo bubo</i>
олагорак	серая ворона	<i>Corvus cornix</i>
олмагочшокайык	дрозд	<i>Turdus</i>
омыжгайык	камышовка	<i>Acrocephalus</i>
орлудо	чирок, чирки	<i>Anas</i>
ӧрш	снегирь	<i>Pyrrhula pyrrhula</i>
пардаштумна	мохноногий сыч	<i>Aegolius funereus</i>
пасумузо	серая куропатка	<i>Perdix perdix</i>
пембе	зяблик	<i>Fringilla coelebs</i>
пембекиса	зяблик	<i>Fringilla coelebs</i>
печегайык	обыкновенная чечевица	<i>Carpodacus erythrinus</i>
подлогар	серая цапля	<i>Ardea cinerea</i>
поланкайык	обыкновенный свиристель	<i>Bombycilla garrulus</i>
пӧрткайык	домовый воробей	<i>Passer domesticus</i>

Марийское название	Русское название	Латинское название
пöрткайыквараш	воробьиный сыч	<i>Glaucidium passerinum</i>
претка	чирок-свистунок	<i>Anas crecca</i>
пулдырчо	перепел	<i>Coturnix coturnix</i>
пурсагайык	обыкновенный дубонос	<i>Coccothraustes coccothraustes</i>
пучӱнгышöкайык	дятел	Picidae
пучыре	черный стриж	<i>Apus apus</i>
пӱркыт	беркут	<i>Aquila chrysaetos</i>
пызлыгайык	рябинник	<i>Turdus pilaris</i>
пылышантумна	ушастая сова, филин	<i>Asio otus, Bubo bubo</i>
пырткӱлудо	чирок-свистунок	<i>Anas crecca</i>
сарси	домовый воробей	<i>Passer domesticus</i>
саршӱшпык	иволга	<i>Oriolus oriolus</i>
сузо	глухарь	<i>Tetrao urogallus</i>
сурвараш	полевой лунь	<i>Circus cyaneus</i>
суртумна	серая неясыть	<i>Strix aluco</i>
тагагайык	бекас	<i>Gallinago gallinago</i>
трак	озерная чайка	<i>Larus ridibundus</i>
тулгайык	садовая горихвостка	<i>Phoenicurus phoenicurus</i>
тумна	сова, неясыть	<i>Strix</i>
тумнаваращ	?ястребиная сова	<i>Surnia ulula</i>
тургеде	обыкновенная горлица	<i>Streptopelia turtur</i>
турий	полевой жаворонок	<i>Alauda arvensis</i>
турня	серый жураль	<i>Grus grus</i>
тӱканкайык	обыкновенный свиристель	<i>Bombycilla garrulus</i>
тӱлеген	сокол	<i>Falco</i>
тӱргене	?большой подорлик	<i>Aquila clanga</i>
уленшиште	зеленый дятел	<i>Picus viridis</i>
унчыливуйкиса	поползень	<i>Sitta europaea</i>
унчылигиса	поползень	<i>Sitta europaea</i>
упшанкайык	обыкновенный свиристель	<i>Bombycilla garrulus</i>
упшвуянкайык	обыкновенный свиристель	<i>Bombycilla garrulus</i>
упшвуянкиса	хохлатая синица	<i>Parus cristatus</i>
урлудо	клест-еловик	<i>Loxia curvirostra</i>
ушменкайык	зяблик	<i>Fringilla coelebs</i>
ӱжӱвӱр	иволга	<i>Oriolus oriolus</i>
ӱнгö	филин	<i>Bubo bubo</i>
цапля	цапля	Ardeidae
чайка	чайка	Laridae
чана	галка	<i>Corvus monedula</i>
чарланге	серая цапля	<i>Ardea cinerea</i>
чезек	деревенская ласточка	<i>Hirundo rustica</i>
чечкем	славка	<i>Sylvia</i>
чилили	обыкновенный свиристель	<i>Bombycilla garrulus</i>
чодрамузо	рябчик	<i>Tetrastes bonasia</i>
чыве	курица	<i>Gallus gallus</i>
чывываращ	ястреб-тетеревятник	<i>Accipiter gentilis</i>
чывызык, чывызык	белая трясогузка	<i>Motacilla alba</i>

Марийское название	Русское название	Латинское название
шалавуй	удод	<i>Upupa epops</i>
шаленге	обыкновенный сарыч, или канюк	<i>Buteo buteo</i>
шелде	обыкновенный свиристель	<i>Bombycilla garrulus</i>
шемгорак	грач	<i>Corvus frugilegus</i>
шемлого	черный дрозд	<i>Turdus merula</i>
шемшиште	желна, или черный дятел	<i>Dryocopus martius</i>
шиште	дятел	<i>Picidae</i>
шогертен	сорока	<i>Pica pica</i>
шопкекайык	поползень	<i>Sitta europaea</i>
шурнывоч	обыкновенная овсянка	<i>Emberiza citrinella</i>
шўльыгайык	обыкновенная овсянка	<i>Emberiza citrinella</i>
шўшпык	обыкновенный соловей	<i>Luscinia luscinia</i>
шырчык	обыкновенный скворец	<i>Sturnus vulgaris</i>
энервараксим	береговая ласточка	<i>Riparia riparia</i>
эныжгайык	зарянка, или малиновка	<i>Erithacus rubecula</i>
юмынгайык	лебедь-кликун	<i>Cygnus cygnus</i>
юмынтага	бекас	<i>Gallinago gallinago</i>

Приложение 4

Марийско-русский словарь орнитонимов

В словарь включено более 650 наименований птиц в марийском языке. В качестве источника материала использовались «Словарь марийского языка» (1990–2005), «Словарь горномарийского языка» А.А. Саватковой (2008), «Словарь северо-западного наречия» И.Г. Иванова, Г.М. Тужарова (1971), «Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии» В.И. Вершинина (2011), «Марий мутер» В.М. Васильева (1928), «Ost-Tscheremissisches Wörterbuch» Х. Паасонена (1948), «Марийско-русский словарь биологических терминов» Х.Ф. Балдаева (2012), «Кушкыл, янлык, кайык...» А.А. Ермакова (1991), «Марийская орнитонимия» В.Н. Васильева (1984). Кроме этого, в словарь включены наименования птиц, зафиксированные в ходе полевых исследований автора в 2010–2015 гг. в Республиках Марий Эл, Башкортостан и в Кировской области. Учитывались также данные социолингвистического опроса, выполненного автором (описаны в первой главе диссертации).

Орнитонимы расположены в алфавитном порядке. В заглавном слове на первое место ставится термин луговых марийцев без помет. При отсутствии соответствующих терминов в наречии луговых марийцев сначала подается наименование, представленное в другом марийском наречии или говоре – с соответствующими диалектными пометами. Для термина, общего для нескольких марийских диалектов, указываются все диалекты, которые знают это слово. Если слово зафиксировано только в одном населенном пункте, то указывается лишь его сокращенное название (расшифровка всех пунктов дается ниже). В случае, если термин зафиксирован в нескольких населенных пунктах на территории распространения говора, указывается сокращенное название говора. Пометой диал. снабжены термины, для которых не имеется точных сведений об ареале распространения. Общеупотребительные слова в словаре приводятся в соответствии с современной орфографией, при передаче диалектного материала используется фонематическая транскрипция, разработанная для марийских диалектов на основе русского алфавита. Наименования птиц, представленные в других работах (В.Н. Васильева, В.И. Вершинина, Х. Паасонена, И.Г. Иванова и Г.М. Тужарова), приводятся в соответствии с графикой источника.

Фонетические и морфологические варианты терминов даются в одной словарной статье. Отдельные значения многозначных слов нумеруются арабскими цифрами. Омонимы подаются в отдельных статьях и нумеруются римскими цифрами. В скобках приводится латинский эквивалент наименования.

Сокращения

Арз. – д. Арзамат Мишкинского района Республики Башкортостан

балт. – балтачевский говор

белеб. – белебеевский говор

Бикш. – д. Бикшиково Мишкинского района Республики Башкортостан

Бима – д. Бима (Вуймо) Агрызского района Татарстана

БЛум. – д. Большая Лумарь Новоторъяльского района Республики Марий Эл

Бсух. – д. Большесухоязово Мишкинского района Республики Башкортостан

Букл. – д. Букленды Мишкинского района Республики Башкортостан

Бырг. – д. Быргында (Пыргынде) Каракулинского района Удмуртии

Вар. – д. Варали (Варале) Алнашского района Удмуртии

Вас. – д. Василово Калтасинского района Республики Башкортостан
 Вил. – с. Вилатово Горномарийского района Республики Марий Эл
 волж. – волжский говор
 Гонд. – д. Марийское Гондырево (Маскиял) Алнашского района Удмуртии
 Гришк. – д. Гришкино (Курыкъял) Мамадышского района Татарстана
 елаб. – елабужский говор
 ИжБ. – д. Иж-Бобья (Починга) Граховского района Удмуртии
 Исм. – с. Исменцы Звениговского района Республики Марий Эл
 Иш. – д. Ишимово Мишкинского района Республики Башкортостан
 К. – д. Калтаково (Калтак) Мензелинского района Татарстана
 Кадр. – д. Кадряково (Кадрек) Агрызского района Татарстана
 калт. – калтасинский говор
 Карг. – д. Каргино Мишкинского района Республики Башкортостан
 Кильм. – Кильмезский район Кировской области
 Корк. – д. Коркатово Моркинского района Республики Марий Эл
 красноуф. – красноуфимский говор
 Кужм. – с. Кужмара Звениговского района Республики Марий Эл
 Кузн. – д. Кузнецы Ново-Торъяльского района Республики Марий Эл
 Кукл. – д. Старый Куклюк (Куплык) Елабужского района Татарстана
 кукм. – кукморский говор
 лб. – левобережный говор горномарийского наречия
 малм. – малмыжский говор
 марВ – восточное наречие марийского языка
 марГ – горное наречие марийского языка
 марЛ – луговое наречие марийского языка
 марСЗ – северо-западное наречие марийского языка
 менз. – мензелинский говор
 Мит. – д. Митяево Калтасинского района Республики Башкортостан
 мишк. – мишкинский говор
 МКуп. – д. Мари-Купта Мари-Турекского района Республики Марий Эл
 ММен. – д. Мари-Менеус Илишевского района Республики Башкортостан
 морк.-серн. – моркинско-сернурский говор
 МОт. – д. Мари Отары Звениговского района Республики Марий Эл
 МШои – д. Мари-Шои Куженерского района Республики Марий Эл
 Нырг. – д. Ныргында (Ныргындыш) Каракулинского района Удмуртии
 Окт. – д. Октябрь Мишкинского района Республики Башкортостан
 Пел. – с. Пелемеш (Пелемеш) Агрызского района Татарстана
 Пиб. – д. Пибихино Советского района Республики Марий Эл
 прибел. – прибельский говор
 Пург. – д. Пургаксола Куженерского района Республики Марий Эл
 Саз. – д. Сазово Калтасинского района Республики Башкортостан
 Сар. – д. Марийский Сарамак (Сармак) Кизнерского района Удмуртии
 сарап. – сарапульский говор
 сард.-арб. – сардаляско-арборский говор
 Сосн. – д. Сосновка Мишкинского района Республики Башкортостан
 СтКня – д. Старая Кня (Тошто Кына) Кукморского района Татарстана
 Сугот – д. Сугот Колпашевского района Тюменской области (сарапульский говор)
 тонш. – тоншаевский говор
 туж. – тужинский говор

УнурК. – д. Унур-Киясово (Уськур) Киясовского района Удмуртии
урж. – уржумский говор
Уял – д. Починок-Кучук (Уял) Кукморского района Татарстана
Чеб. – д. Чебыково Мишкинского района Республики Башкортостан
Чиг. – д. Чигайка (Йўле) Кукморского района Татарстана
Чур. – с. Чураево Мишкинского района Республики Башкортостан
шар. – шарангский говор
Шия – д. Большая Шия (Куго Шия) и д. Каргали (Коракъял) Мамадышского
района Татарстана
Элн. – с. Ильнеть Менделеевского района Татарстана
яр. – яранский говор
Paas. – Paasonen, Heikki 1948. *Ost-Tscheremissisches Wörterbuch*. Lexica Societatis
Fenno-Ugricae XI. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

агавоктышо кайык диал. полевой жаворонок (*Alauda arvensis*).
агагайык марЛ, мишк. вертишейка (*Jynx torquilla*).
агытан марЛ, марВ, **әптән** марГ, марСЗ, **агутан** волж., морк.-серн., й.-олин.,
аптан яр., морк.-серн., **авутан** волж., **апутан** волж. петух (*Gallus gallus*).
аист аист (*Ciconia*).
айыкчечкем серая мухоловка (*Muscicapa striata*).
алавирык марГ юрок (*Fringilla montifringilla*).
алагек марГ сойка (*Garrulus glandarius*).
алачавар диал. обыкновенный гоголь (*Bucephala clangula*).
алшуэ красноголовый нырок (*Aythya ferina*).
алык орави марГ 1. дубровник (*Ocyris aureolus*); 2. иволга (*Oriolus oriolus*).
амырт, әмьрт марГ 1. черный коршун (*Milvus migrans*); 2. марЛ болотный лунь
(*Circus aeruginosus*).
анагайык марЛ, Чур. вертишейка (*Jynx torquilla*).
апшаткайык марЛ, ММен., **әпшәткөк** марГ пеночка-теньковка (*Phylloscopus
collibita*).
аргек марГ, й.-олин. чирок (*Anas*).
арлудо морк.-серн. чирок (*Anas*).
арыслан орел (*Aquila*).
арыслангайык 1. орел (*Aquila*); 2. беркут (*Aquila chrysaetos*).
әкәянкайык Вас. обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
әптәнвөтөл марГ турухтан (*Philomachus pugnax*).
әтәч белеб. петух (*Gallus gallus*).
банкив агытан, банкиевский әптән марГ банкивский петух (*Gallus gallus*).
бзик тумна Пург. вид совы, ?филин (*Bubo bubo*).
буревестник буревестник (*Puffinus*).
важыкнер марЛ, мишк., калт. клест-еловик (*Loxia curvirostra*).
важыкумша марЛ, мишк., калт. клест-еловик (*Loxia curvirostra*).
важыкумшакайык Иш. клест-еловик (*Loxia curvirostra*).
ваклан крохаль (*Mergus*).
вакланлудо марВ, **vaklan-ludo** Paas. крохаль (*Mergus*).
вараксим марЛ, й.-олин., морк.-серн., мишк., калт., **варасим** Кильм., **вәрәксем**
марСЗ, **вәрәксим** марСЗ, **вәрәсим** балт., мишк., **вәрәсем** белеб., **варасем**
елаб., Paas., **варас'ем** кукм., **бәрәсим** Чеб. деревенская ласточка (*Hirundo
rustica*).

вараш марЛ, марВ, **вӑрӑш** марГ, **вӑрӑкш** марСЗ, **варакш** волж., й.-олин. ястреб (*Accipitrinae*).
варсенге марЛ, марВ, морк.-серн., мишк., **варсенке** малм. 1. деревенская ласточка (*Hirundo rustica*); 2. береговая ласточка (*Riparia riparia*).
вжиккайык, вжигайык зеленушка (*Chloris chloris*).
виля качшы курныйж марГ, **виля качшы кучкыж** марГ стервятник (*Neophron percnopterus*).
вирык, вирӑк марГ юрок (*Fringilla montifringilla*).
висагайык лесной конек (*Anthus trivialis*).
виче варасем Кукл., Сар. ласточка (*Hirundinidae*).
вишкыр, вишкӑр марГ 1. большая поганка (*Podiceps cristatus*); 2. серошекая поганка (*Podiceps griseigena*).
вужгакиса пухляк, или буроголовая гаичка (*Parus montanus*).
вулявуйчечкем славка-черноголовка (*Sylvia atricapilla*).
вӱдӱшкыж марЛ, й.-олин., морк.-серн., марВ, балт., мишк., прибел., **вӱдӱшкӱж** марГ, **вӱтӱшкӱж** марСЗ выпь, или большая выпь (*Botaurus stellaris*).
вӱдкарш водяной пастушок (*Rallus aquaticus*).
вӱдлого, вӱдлагы марГ оляпка (*Cinclus cinclus*).
вӱдсарси оляпка (*Cinclus cinclus*).
вӱдтага бекас (*Gallinago gallinago*).
вӱдчыве I, вӱтчыве марВ, **вӱтцӱвӱ** марСЗ, **вӱдцӱвӱ** марГ 1. камышница (*Gallinula chloropus*); 2. марГ лысуха (*Fulica atra*).
вӱдчыве II водяной пастушок (*Rallus aquaticus*).
вӱдшордурый мородунка (*Xenus cinereus*).
вӱржвоч шилохвость (*Anas acuta*).
вӱржнер I, вуйжырнер марГ обыкновенная пищуха (*Certhia familiaris*).
вӱржнер II шилоклювка (*Recurvirostra avosetta*).
вӱрзым марЛ, СтКня, **вӱрзӧ** марЛ, **вӱрзи** марГ черный стриж (*Apus apus*).
вӱтеле марЛ, мишк., Элн., **вӱтел'ы** марСЗ, **вӱтетьы** марГ кулик (*Limicolae*).
вӱтлӱдо марСЗ дикая утка (*Anas*).
выле-выле марЛ, Вас. обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
вырлянге марЛ, марВ, **бырл'анге** мишк., **вӱрлянге** диал., **вӱрлӱнкӱ** марСЗ, **вӱрлӱнгӱ** марГ белая трясогузка (*Motacilla alba*).
вӱртивӑрӑкш марСЗ ястреб (*Accipitrinae*).
гага обыкновенная гага (*Somateria mollissima*).
гагалудо обыкновенная гага (*Somateria mollissima*).
гагара гагара (*Gavia*).
дрофа дрофа (*Otis tarda*).
дудыккуку глухая кукушка (*Cuculus optatus*).
зӱнгӱркайык Бсух. обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*).
изи ӱмӱрт марГ болотный лунь (*Circus aeruginosus*).
изи касы марГ луток (*Mergus albellus*).
изи коллоэцкек марГ обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*).
изивараш, изи вӑрӑш марГ кобчик (*Falco vespertinus*).
изивишкыр, изи вишкӑр марГ черношейная поганка (*Podiceps nigricollis*).
изивӱдӱшкыж, изи вӱдӱшкӱж марГ малая выпь (*Ixobrychus minutus*).
изивӱдчыве, изи вӱдцӱвӱ марГ погоньш (*Porzana porzana*).
изивӱтеле, изи вӱтетьы марГ малый зуек (*Charadrius dubius*).

изигек марГ обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella*).
изигиса московка (*Parus ater*).
изиголгайык обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*).
изиголшыре, изи колшбыре марГ малая чайка (*Sterna albifrons*).
изигырляк малая крачка (*Sterna albifrons*).
изидумна, изи тымана марГ воробьиный сыч (*Glaucidium passerinum*).
изикупчыве погоныш (*Porzana porzana*).
изилого, изи лагы марГ дрозд-белобровик (*Turdus iliacus*).
изилудо чирок (*Anas*).
изипембе диал. юрок (*Fringilla montifringilla*).
изичечкем малая мухоловка (*Ficedula parva*).
изишиште марЛ, марВ, **изи шишты** марГ малый пестрый дятел (*Dendrocopos minor*).
изиюмынтага гаршнеп (*Lymnocyptes minimus*).
ильывуй марЛ, **ил'евуй** калт., мишк. обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
имнибрш марГ снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*).
индюк марЛ, марГ, **интика** лб. домашняя индейка (*Meleagris gallopavo*).
индюкцыве й.-олин. домашняя индейка (*Meleagris gallopavo*).
ирвырлянте горная трясогузка (*Motacilla cinerea*).
иргеде дикий голубь.
иркорак Исм. сизоворонка, или ракша (*Coracias garrulus*).
иргөгөрчен дикий голубь.
ирдурый лесной жаворонок (*Lullula arborea*).
иркомбо марВ, волж., морк.-серн. серый гусь (*Anser anser*).
ирлудо марВ, волж., морк.-серн. дикая утка.
ирмузо марЛ, марВ, **имурзо** Гришк., **ирмызы** марГ серая куропатка (*Perdix perdix*).
ирпöрткайык полевой воробей (*Passer montanus*).
ирчиегайык пеночка-трещотка (*Phylloscopus sibilatrix*).
ирчыве мишк. серая куропатка (*Perdix perdix*).
иршогертен, иршагыртем марГ серый сорокопут (*Lanius excubitor*).
йаьргыльы марГ, **йаьргельы** марГ болотный лунь (*Circus aeruginosus*).
йошкар йолан вүтеле, якшар ялан вйтельы марГ травник, или красноножка (*Tringa totanus*).
йошкар онан вараксим морк.-серн. деревенская ласточка (*Hirundo rustica*).
jořkaroŋankaĵäk волж., морк.-серн. снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*).
йошкарвишкыр красношейная поганка (*Podiceps auritus*).
йошкарвуй красноголовый нырок (*Aythya ferina*).
йошкарон марЛ, волж., морк.-серн., балт., мишк., белеб., **якшаронг** марГ снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*).
йошкарпоч Иш. садовая горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*).
йошкаршуэ, якшаршоэ марГ красноголовый нырок (*Aythya ferina*).
йүдвараш марЛ, волж., морк.-серн. обыкновенный козодой (*Caprimulgus europaeus*).
йүксö марЛ, яр., **йүксы** марГ, **йүкчö** марВ, балт., мишк., прибал., волж., **йүкш** тонш., **д'үкш** й.-олин., **д'үкшö** волж., й.-олин., **д'үкчö** Сосн. лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*).
йүштыгайык, йүштö кайык елаб., сарап. зяблик (*Fringilla coelebs*).

йыргешнер луток (*Mergus albellus*).
кадырнер мишк. клест-еловик (*Loxia curvirostra*).
кадыршўкайык Бсух. серая цапля (*Ardea cinerea*).
казыля марЛ, мишк., **кәзәля** марГ чиж (*Carduelis spinus*).
кайран кайра (*Uria*).
кайыквараш марЛ, морк.-серн. ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*).
кайыккомбо марЛ, марВ, **кек комбы** марГ серый гусь (*Anser anser*).
кайыккочшо марЛ, марВ сорокопут-жулан (*Lanius collurio*).
кайыклудо марЛ, марВ, **кейыклудо** марСЗ, **кек лыды** марГ дикая утка (*Anas*).
кайыковда елаб., кукм., Чеб., **кајѣк-ов³да** Раас. филин (*Bubo bubo*).
кайыктумна воробьиный сыч (*Glaucidium passerinum*).
кайыра 1. нырок (*Aythya*); 2. большая поганка, или чомга (*Podiceps cristatus*).
какремгайык марЛ, марВ садовая горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*).
кама вѣтельѣ марГ кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*).
канарейке канарейка (*Serinus canaria domestica*).
кандывуйгиса лазоревка (*Parus caeruleus*).
кандыгиса лазоревка (*Parus caeruleus*).
кандыгорак сизоворонка, или ракша (*Coracias garrulus*).
кагауыѣ Раас. орел (*Aquila*).
караквѣтѣ марГ сорокопут-жулан (*Lanius collurio*).
кармыгайык мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca*).
кармыгочшо кайык морк.-серн., урж. мухоловка (*Muscicapidae*).
кармыгочшо мухоловка (*Muscicapidae*).
карчикайык Окт. обыкновенный свистель (*Bombycilla garrulus*).
карш, кәрш марГ, **карше** марВ, малм., калт., Элн., **кәрыкш** яр., **кәршы** тонш. коростель (*Crex crex*).
кеде, кәдѣ марГ, **кеды** й.-олин., **кедѣ** туж. 1. клинтух (*Columba oenas*); 2. марГ сизый голубь (*Columba livia*).
керге марЛ, марВ, **кергѣ** марГ, марСЗ желна, или черный дятел (*Dryocopus martius*).
кечыгайык варакушка (*Luscinia svecica*).
киса марЛ, марВ, **ксия** Кужм., **кѣсий** марГ, **кисә** яр., **кѣсә** мишк., тонш., **кәса** й.-олин. большая синица (*Parus major*).
кисакайык большая синица (*Parus major*).
кишкышаленте, кѣшкѣ шәләнгѣ марГ змеяд (*Circaetus gallicus*).
клухой сузы марГ глухарь (*Tetrao urogallus*).
ковыравоч щегол (*Carduelis carduelis*).
когогек лыды марГ кряква (*Anas platyrhynchos*).
кож кугылудо марЛ, морк.-серн., й.-олин. серая утка (*Anas strepera*).
кожгазыля, кож кәзәля марГ желтоголовый королек (*Regulus regulus*).
кожгайык клест-еловик (*Loxia curvirostra*).
кожгиса, кож кѣсий марГ 1. пухляк, или буроголовая гаичка (*Parus montanus*); 2. ополовник, или длиннохвостая синица (*Aegithalos caudatus*).
кожгупшўльѣ кукша (*Perisoreus infaustus*).
кожлагиса, кожер кѣсий марГ пухляк, или буроголовая гаичка (*Parus montanus*).
кожлачыве морк.-серн. 1. рябчик (*Tetrastes bonasia*); 2. куропатка (*Perdix*).
кожгелегайык клест-еловик (*Loxia curvirostra*).
койакерге диал. желна, или черный дятел (*Dryocopus martius*).
кол кочшо кайык диал. обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*).

колвараш, колвӱрӱш марГ скопа (*Pandion haliaetus*).
колгайык обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*).
колгучкыж марГ орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*).
колегуш, колегукшо елаб., менз., **колекукшо** елаб., менз., сарап. 1. болотный лунь (*Circus aeruginosus*); 2. елаб., менз., сарап. серая цапля (*Ardea cinerea*).
колибри колибри (*Trochilidae*).
колкрак марЛ, марВ чайка (*Larus*).
коллоэц кек марГ обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*).
кол тӱрӱ малм. чайка (*Larus*).
колшыре, колшӱре марГ 1. чайка, озерная чайка (*Larus ridibundus*); 2. крачка (*Sterna*).
колявараш, каля вӱрӱш марГ, **кал'ӱ вӱрӱкш** марСЗ 1. ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*); 2. обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*).
колягайык марЛ, Бикш. обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*).
комбо марЛ, марВ, **кампы** марСЗ, **комбы** марГ гусь (*Anser*).
комбыкуткыж, комбыгучыж марГ, **комбы кучкыж** марГ беркут (*Aquila chrysaetos*).
кондор кондор (*Vultur gryphus*).
корак марЛ, марВ, **карак** марГ, марСЗ ворона (*Corvus*).
коржанказлай диал. чиж (*Carduelis spinus*).
корныгайык пуночка (*Plectrophenax nivalis*).
коршангвуйгайык, коршангевуйкайык Иш., Чеб., **каржангвуйгек** марГ щегол (*Carduelis carduelis*).
коршангвуй, каржангвуй марГ, **коршангевуй** Чеб. щегол (*Carduelis carduelis*).
коршангыгайык, коршантекайык Кужм., калт., мишк. коноплянка (*Cannabina cannabina*).
косо марЛ, марВ, **касы** марГ 1. длинноносый, или средний, крохаль (*Mergus serrator*); 2. гоголь (*Bucephala clangula*).
котилу-пилу марГ иволга (*Oriolus oriolus*).
кӱгӱрчен марЛ, волж., морк.-серн., **кӱгерчен** морк.-серн., марВ, белеб., елаб., **кӱгӱрчан** волж., **кӱгӱрчӱн** морк.-серн., малм., Вар., **кӱгерчӱ** туж., **кӱгерчан** Пел. сизый голубь (*Columba livia*).
кӱгӱрченвараш Чеб. вид ястреба.
кӱреккуку диал. глухая кукушка (*Cuculus optatus*).
кресынвараксим диал. городская ласточка (*Delichon urbica*).
кувылчо, кывылзы марГ, **кӱвлӱц** марСЗ, **куӱӱл'т'ӱо** Раас. самка глухаря.
кугеде марЛ, волж., морк.-серн., **когӱдӱ** марГ, **кугедӱ** яр., **кӱгедык** волж. вяхирь, или витютень (*Columba palumbus*).
куговда марЛ, марВ филин (*Bubo bubo*).
кугочыве волж., **кугучыве** й.-олин. домашняя индейка (*Meleagris gallopavo*).
кугулогар волж. серая цапля (*Ardea cinerea*).
кугутумна диал. филин (*Bubo bubo*).
кугивӱтеле 1. большой улит (*Tringa nebularia*); 2. кроншнеп (*Numenius*).
кугивараш, куговараш марВ 1. коршун (*Milvus*); 2. ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*).
кугивышкыр, кого вышкӱр марГ большая поганка, или чомга (*Podiceps cristatus*).
кугыгиса I большая синица (*Parus major*).

кугыгиса II диал. варакушка (*Luscinia svecica*).
кугыголшыре, кого колшыре марГ сизая чайка (*Larus canus*).
кугыгосо, кого касы марГ большой крохаль (*Mergus merganser*).
кугылого, кого лагы марГ деряба (*Turdus viscivorus*).
кугылудо, кого лыды марГ кряква (*Anas platyrhynchos*).
кугынер, кугнер диал. обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*).
кугышаленте, кого шӓлӓнгы марГ мохноногий канюк, или зимняк (*Buteo lagopus*).
кугышуэ 1. краснозобая казарка (*Rufibrenta ruficollis*); 2. морская чернеть (*Aythya marila*).
кудыгайык волж. домовый воробей (*Passer domesticus*).
кужунер Арз. бекас (*Gallinago gallinago*).
кужывочкиса, кужу почан киса диал., **кужы пачан кысий** марГ ополовник, или длиннохвостая синица (*Aegithalos caudatus*).
куку марЛ, волж., морк.-серн., марГ, марСЗ, **куко** елаб., менз., марВ **күкө** морк.-серн., сард.-арб., белеб., мишк. обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*).
кукулатумна, кукула тымана марГ ястребиная сова (*Surnia ulula*).
куп аргек марГ чирок-свистунук (*Anas crecca*).
купвӓтеле, куп вӓтельы марГ большой веретенник (*Limosa limosa*).
купвараш болотный лунь (*Circus aeruginosus*).
купгеле болотный лунь (*Circus aeruginosus*).
купкайык Иш. выпь, или большая выпь (*Botaurus stellaris*).
куплого, куп лагы марГ оляпка (*Cinclus cinclus*).
купсарсий камышовая овсянка (*Emberiza schoeniclus*).
куптага бекас (*Gallinago gallinago*).
куптумна, куп тымана марГ болотная сова (*Asio flammeus*).
куптурий мородунка (*Xenus cinereus*).
купчыве I, куп цывы марГ, **кӓпцывы** марСЗ камышница (*Gallinula chloropus*).
купчыве II погоньш (*Porzana porzana*).
купшӓльӓ марЛ, марВ, **кӓпшӓл'о** марСЗ, **кӓпшӓл'ӓ** Исм., **кышылы** марГ сойка (*Garrulus glandarius*).
курежан 1. береговая ласточка (*Riparia riparia*); 2. черный стриж (*Apus apus*).
курмызак марЛ, **курмузак** й.-олин., мишк., **кӓрмӓзак** Исм., **кырмазак** марГ вальдшнеп (*Skolopax rusticola*).
курныгучкыж марГ вӓрон (*Corvus corax*).
курныж марЛ, морк.-серн., й.-олин., марВ, марГ, марСЗ, **курмуж** марВ, волж., Кильм., **курмыж** марГ, волж., менз., **кӓрмыж** менз., **курнуж** марВ, балт., белеб., мишк., малм., елаб., **kurnuš, kurunuž** Раас. 1. марВ, марЛ, марГ, марСЗ вӓрон (*Corvus corax*); 2. марЛ, марСЗ черный коршун (*Milvus migrans*).
курнужкорак калт., мишк. вӓрон (*Corvus corax*).
куткыгайык вертишейка (*Jynx torquilla*).
куткыж марЛ, **кучкыж** марГ, **kutkôš** Раас. беркут (*Aquila chrysaetos*).
куткычӓнгшӓ, куткычӓнгышӓ вертишейка (*Jynx torquilla*).
кутька, кутка марЛ., диал. домашняя индейка (*Meleagris gallopavo*).
куэгазыля, куги кӓзӓля марГ чечетка (*Acanthis flammea*).
куэтазля чечетка (*Acanthis flammea*).
кӓдыр марЛ, марВ, **кӓдӓр** марВ, балт., прибел., мишк., Кужм., **кӓдӓр** яр., тонш., **кӓдыр** марГ, шар., Шия тетерев (*Lyrurus tetrix*).

кўдырвараш марЛ, марВ, **кўдйр вярәш** марГ ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*).
кўжгынер, кўжгйнер марГ обыкновенный дубонос (*Coccothraustes coccothraustes*).
кўрка марЛ, марВ, балт., мишк., белеб. домашняя индейка (*Meleagris gallopavo*).
кўркачыве морк.-серн. домашняя индейка (*Meleagris gallopavo*).
кўйркә лудо К. мускусная утка (*Cairina moschata*).
кўрпык беркут (*Aquila chrysaetos*).
кўса-кўса волж. чибис (*Vanellus vanellus*).
кўседык марЛ, марВ, **кседык** елаб., **кужедык** Исм., **кўз'едык** кукм., **кўседе** марГ, **кўшедык** марГ, **кыс'едык** Бырг., Нырг., сарап. чибис (*Vanellus vanellus*).
кўсела волж. чибис (*Vanellus vanellus*).
кўсўган марЛ, марВ, **küseyen, küsağan** Paas. беркут (*Aquila chrysaetos*).
кўчыкпоч крапивник (*Troglodytes troglodytes*).
кыже марГ бекас (*Gallinago gallinago*).
кылкивараш Вас., **кулькивараш, кылтивараш** диал. обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*).
кынегайык 1. коноплянка (*Cannabina cannabina*); 2. зеленушка (*Chloris chloris*).
кынегочшо коноплянка (*Cannabina cannabina*).
кынегочшыгайык коноплянка (*Cannabina cannabina*).
кынекиса морк.-серн. коноплянка (*Cannabina cannabina*).
кыргеле, кыргельй марГ чеглок (*Falco subbuteo*).
кыргивараш марЛ, елаб., **кыргевараш** мишк. обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*).
кырляк, кйрляк марГ речная, или обыкновенная, крачка (*Sterna hirundo*).
кырпык диал. орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*).
кысырет ИжБ. чибис (*Vanellus vanellus*).
кйрти вярәкш марСЗ ястреб (*Accipitrinae*).
кйршўнгйш марГ большой подорлик (*Aquila clanga*).
лаче, лачы марГ сизоворонка, или ракша (*Coracias garrulus*).
лачинвараш, лачым вярәш марГ, **lat'čән-baraš** Paas. сапсан (*Falco peregrinus*).
лачым марГ сапсан (*Falco peregrinus*).
лачын, lat'čән Paas. сокол (*Falco*).
лашканер нырок (*Aythya*).
лаштыкйол поганка (*Podiceps*).
лого марЛ, марВ, **лагы** марГ, марСЗ, **лонго** Гонд., **лөгө** кукм. дрозд (*Turdus*).
локамагайык марВ, **покамагайык** сорокопуд-жулан (*Lanius collurio*).
лөркә марГ кряква (*Anas platyrhynchos*).
лудо марЛ, марВ, **лыды** марГ, **лдо** марСЗ утка (*Anatidae*).
лудывоч садовая горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*).
лудыгарак марГ серая ворона (*Corvus cornix*).
лудокайык диал. дикая утка (*Anas*).
лумгайык, лым кек марГ пуночка (*Plectrophenax nivalis*).
лумшаленте, лым шәләнгй марГ мохноногий канюк, или зимняк (*Buteo lagopus*).
лывыгочшо обыкновенный козодой (*Caprimulgus europaeus*).
лыконг марГ серая цапля (*Ardea cinerea*).
лыртык черный стриж (*Apus apus*).
лыртык городская ласточка (*Delichon urbica*).

ляркă марГ береговая ласточка (*Riparia riparia*).
мардеж йўшō вараш обыкновенный сарыч, или канюк (*Buteo buteo*).
мардежвараш обыкновенный сарыч, или канюк (*Buteo buteo*).
мацалавач марГ ополовник, или длиннохвостая синица (*Aegithalos caudatus*).
меледа кочшо кайык морк.-серн. кедровка, или ореховка (*Nucifraga caryocatactes*).
мерантумна диал., **меран томына** 1. филин (*Bubo bubo*); 2. сова, неясыть (*Strix*).
мландевараксим Чеб. береговая ласточка (*Riparia riparia*).
мольгайык, мольгыгек марГ обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*).
музо марЛ, марВ, **миз'е** волж., **млзо** марСЗ, **музьо** марВ, мишк., малм., **му(й)з'о** сарап., **muzo, mujzo** Раас. рябчик (*Tetrastes bonasia*).
мўкшкайык, мўкшкек марГ золотистая щурка (*Merops apiaster*).
мўкш качшы кек марГ золотистая щурка (*Merops apiaster*).
мўкшлоэц марГ золотистая щурка (*Merops apiaster*).
мурызо лого, мырызы лагы марГ певчий дрозд (*Turdus philomelos*).
мутыкпоч крапивник (*Troglodytes troglodytes*).
мыгыльонг марГ серая цапля (*Ardea cinerea*).
мыгыльшў марГ, БЛум. серая цапля (*Ardea cinerea*).
мызе, мызы марГ куропатка (*Perdix*).
мыртиктумна, мыртык тымана марГ воробьиный сыч (*Glaucidium passerinum*).
нارانзе сорокопут-жулан (*Lanius collurio*).
нарынчыгайык, нарынзыгек марГ обыкновенная иволга (*Oriolus oriolus*).
немыччыве домашняя индейка (*Meleagris gallopavo*).
нужгайык марЛ, марВ, балт. крапивник (*Troglodytes troglodytes*).
нужергайык крапивник (*Troglodytes troglodytes*).
нургеле, ныргылы марГ полевой лунь (*Circus cyaneus*).
нургул'о волж., **нлргл'о** волж., **нургўлō** диал. ласточка (*Hirundinidae*).
нурдурий полевой жаворонок (*Alauda arvensis*).
нурмузо, ныр мызы марГ, **нлрмызы** тонш. серая куропатка (*Perdix perdix*).
овда мамад., Шия, Элн., Карг. филин (*Bubo bubo*).
овдакайык менз., мишк. 1. мишк. филин (*Bubo bubo*); 2. менз. удод (*Upupa epops*).
овдатумна Кужм. филин (*Bubo bubo*).
овопчо марВ мохноногий сыч (*Aegolius funereus*).
олавўтеле, алавўтельй марГ кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*).
олавараш, алавўрш марГ ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*).
олавишкыр большая поганка, или чомга (*Podiceps cristatus*).
олагазля чиж (*Carduelis spinus*).
олагайык щегол (*Carduelis carduelis*).
олагорак марЛ, марВ, **алакарак** тонш., туж. серая ворона (*Corvus cornix*).
олагырляк белокрылая крачка (*Chlidonias leucopterus*).
олакайыклудо диал. обыкновенный гоголь (*Bucephala clangula*).
олалудо пеганка (*Tadorna tadorna*).
олачечкем мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca*).
олашаленте осоед (*Pernis apivorus*).
олашиште, ала шиштй марГ большой пестрый дятел (*Dendrocopos major*).
олашүэ, алашөэ марГ обыкновенный гоголь (*Bucephala clangula*).
ola-šūjaŋ ludo Раас. вид утки.
олмакочшокайык Букл. дрозд (*Turdus*).

о́льквѹтеле, а́лык вѹтетьѹ марГ травник (*Tringa totanus*).
о́льксарси дубровник (*Ocyris aureolus*).
о́льктумна, а́лык тымана марГ болотная сова (*Asio flammeus*).
о́лькчечкем луговой чекан (*Saxicola rubetra*).
о́машгайык, а́машкек марГ пеночка-весничка (*Phylloscopus trochilus*).
о́мыжгайык, а́мыж кек марГ 1. камышовка-барсучок (*Acrocephalus schoenobaenus*); 2. вертлявая камышовка (*Acrocephalus paludicola*).
о́рави вѹрѹш марГ ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*)
о́рави марГ, **во́рави** й.-олин., **во́ровей** марСЗ, **во́рови** марСЗ, **ра́ви** волж. домо-
 вый воробей (*Passer domesticus*).
о́ржанлудо хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*).
о́рлудо марЛ, МКуп., марВ чирок (*Anas*).
о́ш кугыголшыре, о́ш ко́го ко́лшы́ре марГ серебристая чайка (*Larus argentatus*).
о́ш онган цы́гак марГ городская ласточка (*Delichon urbica*).
о́ш шинчан шуэ́ белоглазый нырок (*Aythya nyroca*).
о́ш шулдыран кы́рляк, о́ш шы́лдыран кы́рляк марГ белокрылая крачка
 (*Chlidonias leucopterus*).
о́шаргек марГ чирок-трескунок (*Anas querquedula*).
о́швараш луговой лунь (*Circus pygargus*).
о́швырлянге, о́ш вѹтла́нгѹ марГ белая трясогузка (*Motacilla alba*).
о́шкиса, о́шкы́сиӓ марГ белая лазоревка, или князек (*Parus cyanus*).
о́шкутан городская ласточка (*Delichon urbica*).
о́шлавѹтеле диал. перевозчик (*Actitis hypoleucos*).
о́шлагайык, о́шлашкайык диал. орел (*Aquila*).
о́шмузо, о́ш мызы марГ белая куропатка (*Lagopus lagopus*).
о́шпоч I, о́шпач марГ орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*).
о́шпоч II морк.-серн. городская ласточка (*Delichon urbica*).
о́шпочвараш луговой лунь (*Circus pygargus*).
о́шпочвѹтеле, о́шпач вѹтетьѹ марГ 1. белохвостый песочник (*Calidris
 temminckii*); 2. фифи (*Tringa glareola*).
о́шсанга лысуха (*Fulica atra*).
о́штумна, о́ш тымана марГ белая сова (*Nyctea scandiaca*).
о́штурня, о́ш тыртня марГ стерх, или белый журавль (*Grus leucogeranus*).
о́шчарланге, о́шца́рла́нгѹ марГ белый аист (*Ciconia ciconia*).
о́шшинча белоглазый нырок (*Aythya nyroca*).
о́шшѹй вид дикой утки.
о́рш марЛ, марВ, **о́ршо́** кукм., елаб., Элн. снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*).
о́рша, о́ржа́ диал. иволга (*Oriolus oriolus*).
о́ршо́кайык, по́ршо́кайык диал., **őrʒajək** елаб. снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*).
па́влин павлин (*Pavo*).
па́рдаштумна, пы́рташтымана марГ, **пы́рдаштлмана** Исм. мохноногий сыч
 (*Aegolius funereus*).
па́сумузо Букл. серая куропатка (*Perdix perdix*).
па́тя кучкы́ж марГ бородач (*Gypaetus barbatus*).
па́чапѹркы́т бородач (*Gypaetus barbatus*).
па́чемышвараш осоед (*Pernis apivorus*).
па́чемышшала́нге, поте́мшѹ шѹла́нгѹ марГ осоед (*Pernis apivorus*).
пе́зменгайык луговой конек (*Anthus pratensis*).
пе́ликан пеликан (*Pelecanus*).

пембе марЛ, марВ, **пимба** марГ, **пимбѝ** марГ, **пимбе** диал., **репре** Раас. зяблик (*Fringilla coelebs*).
пембекиса Чеб. зяблик (*Fringilla coelebs*).
печыгайык, печегайык Вас. обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus*).
пигоршо яр., **пиѝрыкш** тонш. снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*).
пидышлогар тиркушка (*Glareola*).
пиздык чибис (*Vanellus vanellus*).
пледѝр марГ мородунка (*Xenus cinereus*).
пледѝргек марГ мородунка (*Xenus cinereus*).
подлогар серая цапля (*Ardea cinerea*).
поланкочшокайык Бсух. обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
поланкайык Бикш., ММен. обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
полой вѝтельѝ марГ мородунка (*Xenus cinereus*).
полойдѝргек марГ мородунка (*Xenus cinereus*).
поран кек марГ пуночка (*Plectrophenax nivalis*).
порсынвуй щегол (*Carduelis carduelis*).
порсынвуйгайык щегол (*Carduelis carduelis*).
пѝрдшыгайык марЛ, морк.-серн., сард.-арб. поползень (*Sitta europaea*).
пѝрткайык марЛ, марВ, **рѝг-каѝк** Раас. домовый воробей (*Passer domesticus*).
пѝрткайыквараш Чеб., Чур. воробьиный сыч (*Glaucidium passerinum*).
пѝрткеде диал., **пѝрткедѝ** шар. сизый голубь (*Columba livia*).
претлудо 1. чирок-свистунук (*Anas crecca*); 2. нырок (*Aythya*).
приклудо чирок-свистунук (*Anas crecca*).
присаргек марГ чирок-свистунук (*Anas crecca*).
притка, претка Кужм., **прета** диал. 1. чирок-свистунук (*Anas crecca*); 2. нырок (*Aythya*).
пулдырчо марЛ, марВ, **вѝлдѝрчо** волж., **выльдырцы** лб., **выльдырцан** марГ, **пулдурчо** мишк., **плѝдѝрчо** марСЗ, **плѝдѝрчо** Исм. перепел (*Coturnix coturnix*).
пунгиса вид синицы.
пурка марГ домашняя индейка (*Meleagris gallopavo*).
пурсагайык обыкновенный дубонос (*Coccothraustes coccothraustes*).
путуртык диал. черный стриж (*Apus apus*).
пучѝнгышѝ Бсух. большой пестрый дятел (*Dendrocopos major*).
пучѝнгышѝкайык Чеб. дятел (*Picidae*).
пучыранге морк.-серн., **вѝцраѝкѝ** Раас. черный стриж (*Apus apus*).
пучыре марЛ, мишк., **пучыри, пучырик, пучырык, пычыри** марВ 1. черный стриж (*Apus apus*); 2. береговая ласточка (*Riparia riparia*).
пучыртан марЛ, диал. черный стриж (*Apus apus*).
пѝркыт марЛ, мишк., калт. беркут (*Aquila chrysaetos*).
пызлыгайык рябинник (*Turdus pilaris*).
пызлылого, пѝзѝлмѝ лагы марГ рябинник (*Turdus pilaris*).
пылышандумна, пѝлѝшѝнтымана марГ, **пылышан томына** диал. 1. ушастая сова (*Asio otus*); 2. филин (*Bubo bubo*).
пырткаѝлудо Бикш. чирок-свистунук (*Anas crecca*).
пырчыгайык диал. пеночка (*Phylloscopus*).
пытийкиса ополовник, или длиннохвостая синица (*Aegithalos caudatus*).
пычыранге береговая ласточка (*Riparia riparia*).
рокчеккем обыкновенная каменка (*Oenanthe oenanthe*).

ронгыж марЛ, марВ, **ронгыж** марГ кедровка, или ореховка (*Nucifraga caryocatactes*).
рушкуку марГ глухая кукушка (*Cuculus optatus*).
саванер большой кроншнеп (*Numenius arquata*).
сака скопа (*Pandion haliaetus*).
сальдивараш марЛ, морк.-серн., **салдивӳрӳш** марГ 1. ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*); 2. марГ кобчик (*Falco vespertinus*); 3. марГ пустельга (*Falco*).
самшуды кӳзӳля марГ коноплянка (*Cannabina cannabina*).
сандугас белеб. обыкновенный соловей (*Luscinia luscinia*).
сарси волж., Корк., **саси** волж. домовый воробей (*Passer domesticus*).
сарсивараш Исм. пустельга (*Falco*).
саршӳшпык морк.-серн., мишк., ММен. иволга (*Oriolus oriolus*).
сексӳ марГ скопа (*Pandion haliaetus*).
сервараксим морк.-серн. береговая ласточка (*Riparia riparia*).
сергайык 1. береговая ласточка (*Riparia riparia*); 2. черный стриж (*Apus apus*).
симсӳргек марГ пеночка-трещотка (*Phylloscopus sibilatrix*).
сиргек марГ обыкновенная каменка (*Oenanthe oenanthe*).
сиргельӳ марГ береговая ласточка (*Riparia riparia*).
совланер, саваланер марГ широконоска (*Anas clypeata*).
сокыркаса пухляк, или буроголовая гаичка (*Parus montanus*).
степьдӳркыт курганник (*Buteo rufinus*).
суаскайык марЛ, диал., **сӳскайык** марВ домовый воробей (*Passer domesticus*).
сузо марЛ, марВ, **сузы** марГ, **слзо** марСЗ, **шуйз'о** морк.-серн., марВ, калт., крас-
 ноуф., прибел., сарап., **с'уз'о** Исм., **сӳзӳ** балт., **шуз'о** мишк., **суйзы** мишк.,
ӳцӳзо Раас. глухарь (*Tetrao urogallus*).
сурвӳтеле 1. большой улит (*Tringa nebularia*); 2. кроншнеп (*Numenius*).
сурвараш марЛ, Вас. полевой лунь (*Circus cyaneus*).
сурлудо серая утка (*Anas strepera*).
суртумна Вас. серая неясыть (*Strix aluco*).
суршиште седой дятел (*Picus canus*).
сӳгыгайык, судыгайык 1. московка (*Parus ater*); 2. пухляк, или буроголовая
 гаичка (*Parus montanus*).
сӳгыгиса московка (*Parus ater*).
тагагайык Чур. бекас (*Gallinago gallinago*).
тагырля, тагарля диал. чибис (*Vanellus vanellus*).
тазля чиж (*Carduelis spinus*).
такран марВ, белеб., менз., **токран** менз. дятел (*Picidae*).
таливараш, тылдивӳрӳш марГ, **тыльдивараш, тулкивараш, тылкивараш,**
тыливараш диал. обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*).
тарляк диал. чайка (*Laridae*).
таргай белеб. перепел (*Coturnix coturnix*).
телевараш диал. мохноногий канюк, или зимняк (*Buteo lagopus*).
тельгайык пуночка (*Plectrophenax nivalis*).
tersajak-ludo Раас. гагара (*Gavia*).
тийвуй диал. чиж (*Carduelis spinus*).
токталудо, туктылудо диал. гагара (*Gavia*).
тӳрсияк 1. гагара (*Gavia*); 2. черношейная поганка (*Podiceps nigricollis*).
тӳтыреткайык диал. удод (*Upupa epops*).

трак, трăк марВ, калт., мамад., мишк., **крак** марВ, **t³rak** Раас. озерная чайка (*Larus ridibundus*).
тришка чирок-свистунок (*Anas crecca*).
тришкалудо морк.-серн. чирок (*Anas*).
тукто, тыкты марГ чернозобая гагара (*Gavia arctica*).
тулвоч садовая горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*).
тулгайык, тылгек марГ садовая горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*).
тумна марЛ, марВ, **тымана** марГ, **томана** волж., **тлмана** волж., **тумына**, Кужм., тумана й.-олин., **ту^мму^мна** менз., **томна** диал. сова, неясить (*Strix*).
тумнавараш Чур. ?ястребиная сова (*Surnia uhula*).
тумыгайык беркут (*Aquila chrysaetos*).
тупыньйол, тупыййол диал. 1. красноголовый нырок (*Aythya ferina*); 2. турпан (*Melanitta fusca*).
тургай менз. полевой жаворонок (*Alauda arvensis*).
тургеде марЛ, волж., морк.-серн., **тургедь** марСЗ, **түргеде** й.-олин., **тыргăдь** марГ 1. марЛ, марГ обыкновенная горлица (*Streptopelia turtur*); 2. марСЗ голубь (*Columba*).
турий марЛ, марВ, **тыри** марГ, **тлри** Исм., **тлрей** яр., **т'орей** тонш., **т'ырей** шар., **ту^мри** менз., **тыри** Шия полевой жаворонок (*Alauda arvensis*).
турня марЛ, марВ, **тырня** марГ, **тыртня** марГ, **труня** марГ, **тлри'а** марСЗ, Исм., **ты'рня** Шия, менз. серый журавль (*Grus grus*).
турыктан, трактан марГ турухтан (*Philomachus pugnax*).
тутувыш попугай (*Psittacinae*).
тўканвишкыр красношейная поганка (*Podiceps auritus*).
тўканкайык Мит. обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
тўкўвагар марВ, **тўкўвăгăр** диал. юрок (*Fringilla montifringilla*).
тўкынер просянка (*Miliaria calandra*).
тўлеген, тўлєн Раас. 1. сапсан (*Falco peregrinus*); 2. марВ (Раас.) коршун (*Milvus*).
тырлапа лысуха (*Fulica atra*).
уагайык крапивник (*Troglodytes troglodytes*).
уала кăрш марГ малая выпь (*Ixobrychus minutus*).
уалагорак малая выпь (*Ixobrychus minutus*).
ужаралге чалшиште седой дятел (*Picus canus*).
ужаргиса 1. большая синица (*Parus major*); 2. лазоревка (*Parus caeruleus*).
ужаргорак, ыжар карак марГ сизоворонка, или ракша (*Coracias garrulus*).
ужаронг большая синица (*Parus major*).
ужаронган киса большая синица (*Parus major*).
ужарчана сизоворонка, или ракша (*Coracias garrulus*).
ужарчечкем серая славка (*Sylvia communis*).
ужарчўнгышў диал. вертишейка (*Jynx torquilla*).
ужарчўншў зеленый дятел (*Picus viridis*).
ужаршиште, ыжар шиштї марГ зеленый дятел (*Picus viridis*).
уксьым нырок (*Aythya*).
уленшиште 1. зеленый дятел (*Picus viridis*); 2. седой дятел (*Picus canus*).
умлачечкем серая славка (*Sylvia communis*).
унчыливуйкиса Саз., **унчыливуякиса** Бсух. поползень (*Sitta europaea*).
унчыливуйгайык Иш. поползень (*Sitta europaea*).
унчылигиса, унчыликиса калт., мишк. поползень (*Sitta europaea*).
уншим, упшым марГ свиязь (*Anas penelope*).

упугайык удод (*Upupa epops*).
упшан вишкыр марГ красношейная поганка (*Podiceps auritus*).
упшанкайык Карг. обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
упшан кысыя марГ хохлатая синица (*Parus cristatus*).
упшан лагы марГ обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
упшанкосо длинноносый, или средний, крохаль (*Mergus serrator*).
упшвуйанкайык Иш., Чур., Сосн. обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
упшвуйанкиса Чеб. хохлатая синица (*Parus cristatus*).
урлудо, урлыды марГ клест-еловик (*Loxia curvirostra*).
ушменкайык Вас. зяблик (*Fringilla coelebs*).
үдымгайык, үдымгек марГ луговой чекан (*Saxicola rubetra*).
үедык мишк., **издык, нйедык** менз., **үјеѳѳк** Раас. чибис (*Vanellus vanellus*).
үжүвүр марЛ, марВ, **ыжкыбыр** марГ, **үжүвүр** марВ, **изывыр** волж., **үжәвүр** Раас. иволга (*Oriolus oriolus*).
үлдык клинтух (*Columba oenas*).
үлдык кяды марГ клинтух (*Columba oenas*).
үнгө марЛ, марВ, **үнгы** марГ, **үнкө** марСЗ филин (*Bubo bubo*).
үэчык, үэчыкчык марГ садовая горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*).
царамак марГ иволга (*Oriolus oriolus*).
цараматкек марГ иволга (*Oriolus oriolus*).
цайяля марГ щегол (*Carduelis carduelis*).
цыйгак марГ, **цыгак** волж. деревенская ласточка (*Hirundo rustica*).
чадыртан, чодыркан, чодыртан 1. шилохвость (*Anas acuta*); 2. чирок-трескунок (*Anas querquedula*).
чал вуян шиште седой дятел (*Picus canus*).
чалвараш полевой лунь (*Circus cyaneus*).
чалгеле полевой лунь (*Circus cyaneus*).
чалдумна длиннохвостая неясыть (*Strix uralensis*).
чана марЛ, марВ, **цангя** марГ, **цангя** марСЗ галка (*Corvus monedula*).
чарасанга лысуха (*Fulica atra*).
чарланге марЛ, морк.-серн., волж., мишк. **цярләнгы** марГ, **цярлән** марГ, **carlange** волж., й.-олин., **čarlan** волж. 1. серая цапля (*Ardea cinerea*); 2. марВ (Раас.) аист, черный аист (*Ciconia nigra*).
чашкергайык крапивник (*Troglodytes troglodytes*).
чезек волж. деревенская ласточка (*Hirundo rustica*).
чекче луговой чекан (*Saxicola rubetra*).
чепчем садовая горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*).
чечкем славка (*Sylvia*).
чечкемыш марЛ, **чячкем** марГ зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*).
чиегайык пеночка-весничка (*Phylloscopus trochilus*).
чилили МШои обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
чирякйялудо елаб. чирок (*Anas*).
чирлого обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
чодравараш Бсух. осоед (*Pernis apivorus*).
чодракөгерчен Исм. дикий голубь.
чодрамузо Чур. рябчик (*Tetrastes bonasia*).
чодрасарси Исм. полевой воробей (*Passer montanus*).
чодыралудо дупель (*Gallinago media*).
чонга диал., **т'сонуа** Раас. кулик (*Limicolae*).

чуня, цуня марГ, **чуник** диал. 1. поползень (*Sitta europaea*); 2. желтоголовый королек (*Regulus regulus*).

чуркатвуй диал. обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).

чўнгшў, чўнгшбї марГ 1. зеленый дятел (*Picus viridis*); 2. вертишейка (*Jynx torquilla*).

чыве марЛ, марВ, **цївїбї** марГ, марСЗ, **цыве** й.-олин., **чиве** морк.-серн., урж., Кильм., **чївє** менз. курица (*Gallus gallus*).

чывывараш, цївївїрїш марГ ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*).

чывызык волж., калт., малм., Карм., Кукл., **чывызык** Исм., **чывыз'ык** кукм., **чывызык** елаб., сарап., **чибизик** Кильм., **чивизик** Кильм., **чыбызык** диал. белая трясогузка (*Motacilla alba*).

чыгас Кужм., **чыгаш** диал. деревенская ласточка (*Hirundo rustica*).

чылдыр, цїлдїр марГ обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).

шалавуй МКуп., Кузн. удод (*Upupa epops*).

шаленте, шїлїнгбї марГ, **шалингкбї** марСЗ, **šalaŋye** Раас. обыкновенный сарыч, или канюк (*Buteo buteo*).

шаптырванды чїчком марГ садовая славка (*Sylvia borin*).

шарвоч, шервач марГ шилохвость (*Anas acuta*).

шаялыды марГ белоглазый нырок (*Aythya nyroca*).

шелана, шелана скопа (*Pandion haliaetus*).

шелде обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).

шем тупан вўтеле черныш (*Tringa ochropus*).

шемвишкыр, шим вишкїр марГ черношейная поганка (*Podiceps nigricollis*).

шемвуй малая чайка (*Sterna albifrons*).

шемгиса, шим кбїсї марГ московка (*Parus ater*).

шемгорак марЛ, марВ, **шим карак** марГ, **шимкарак** марСЗ грач (*Corvus frugilegus*).

шемгырляк, шим кбїрляк марГ черная крачка (*Chlidonias niger*).

шемкурныж черный коршун (*Milvus migrans*).

шемлого марЛ, марВ, **шим лагы** марГ черный дрозд (*Turdus merula*).

шемлудо, шим лыды марГ 1. синьга (*Melanitta nigra*); 2. турпан (*Melanitta fusca*).

шемолашуэлудо волж. хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*).

шемпўркыт большой подорлик (*Aquila clanga*).

шемчарланге, шим цїрлїнгбї марГ черный аист (*Ciconia nigra*).

шемшўй I садовая горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*).

шемшўй II хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*).

шемшиште марЛ, марВ, **шим шиштбї** марГ желна, или черный дятел (*Dryocopus martius*).

шемшуэ, шимшоэ марГ 1. хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*); 2. морская чернеть (*Aythya marila*).

шим колшїре марГ черная крачка (*Chlidonias niger*).

шимаргек марГ чирок-свистунук (*Anas crecca*).

шимвуй чїчком марГ славка-черноголовка (*Sylvia atricapilla*).

шиште марЛ, марВ, **шиштбї** марГ дятел (*Picidae*).

шиштыкайык марВ, балт., мишк., прибел. шилокловка (*Recurvirostra avosetta*).

шиштынер 1. нырок (*Aythya*); 2. поганка (*Podiceps*).

шогертен марЛ, марВ, **шагыртем** марГ, **шагыртен** Вил., тонш., **шагартем** яр., шар., **шогерчен** Уял., **шогырчен** Чиг., **шогертан** Бикма, УнурК., **шўгертен** Кадр., **шўгерчен** елаб., **шўгўртан** Сугот, **шўгўртен** малм. сорока (*Pica pica*).

шокшыгек марГ вертишейка (*Jynx torquilla*).
шопкекайык Бикш. поползень (*Sitta europaea*).
шопренге, сопсыренге марЛ, **шапренгѝ** марГ, **шапренкѝ** туж., тонш., **šopreŋe** Раас. 1. марЛ, марГ сорокопут-жулан (*Lanius collurio*); 2. туж., тонш. обыкновенный скворец (*Sturnus vulgaris*); 3. марВ (Раас.) сойка (*Garrulus glandarius*).
шоптырчечкем садовая славка (*Sylvia borin*).
шоэлыды марГ нырок (*Aythya*).
шоярчыгайык зеленая пересмешка (*Hippolais icterina*).
шөрлого обыкновенный козодой (*Caprimulgus europaeus*).
шөрлүштышө морк.-серн. обыкновенный козодой (*Caprimulgus europaeus*).
шувырчыгайык речной сверчок (*Locustella fluviatilis*).
шудывуйгайык дубровник (*Ocyris aureolus*).
шудывуйсарсий дубровник (*Ocyris aureolus*).
šurɣar Раас. орел (*Aquila*).
шуранкейѝк марСЗ обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
шуранкиса хохлатая синица (*Parus cristatus*).
шуранкѝсә шар. обыкновенный свиристель (*Bombycilla garrulus*).
шурантурий хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*).
шурканвишкыр, шуран вишкѝр марГ 1. красношейная поганка (*Podiceps auritus*); 2. большая поганка, или чомга (*Podiceps cristatus*).
шуркангиса хохлатая синица (*Parus cristatus*).
шурканшуэ, шуркашуэ диал. хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*).
шурлочо марЛ, марВ, **шырлачы** марГ обыкновенный козодой (*Caprimulgus europaeus*).
шурнывоч марЛ, Вас., **шурнывач** марГ обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella*).
шурныгочшо кайык диал. обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella*).
шурныгочшо обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella*).
шурныкәршѝ марСЗ обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella*).
шуэ, шоэ марГ нырок (*Aythya*).
шуэлудо 1. нырок (*Aythya*); 2. волж. хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*).
шўвыргайык речной сверчок (*Locustella fluviatilis*).
шўдырнер большой веретенник (*Limosa limosa*).
шўкшудыгазыля коноплянка (*Cannabina cannabina*).
шўльывоч обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella*).
шўльыгайык обыкновенная овсянка (*Emberiza citrinella*).
шўшкантумна, шўшкән тымана марГ, **шущантумана** марГ, марСЗ, **шишкантомна** морк.-серн., **шишкантомана** волж. 1. марЛ, марГ, морк.-серн. обыкновенная совка, или сплюшка (*Otus scops*); 2. марСЗ козодой (*Caprimulgus europaeus*); 3. волж. филин (*Bubo bubo*).
шўшкѝшө йўкчө диал. лебедь-шипун (*Cygnus olor*).
шўшпык марЛ, марВ, **шѝжвѝк** марГ, **шѝшпѝк** марСЗ, **шўшпѝк** морк.-серн., Кужм., Исм., калт., мишк., **шўшкып, шўшкѝп** кукм., мамад., Сар., Кукл., **шўшпѝк** менз. обыкновенный соловей (*Luscinia luscinia*).
шўяшанлого белозобый дрозд (*Turdus torquatus*).
шыжыгайык зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*).
шынагайык золотистая ржанка (*Pluvialis apricaria*).
шырчык марЛ, марВ, **шыгырчык** волж., **ширчик** Кильм. обыкновенный скворец (*Sturnus vulgaris*).

шырчыккайык, цѳѳрцѳккек марГ речной сверчок (*Locustella fluviatilis*).
шыштынер красноголовый нырок (*Aythya ferina*).
шѳѳжѳ чѳчкем марГ зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*).
шѳѳнгѳртѳш марГ, **шѳѳнкѳрцѳн** яр., **шѳѳнкѳрцѳѳ** шар., **шынгыртыш** Исм.,
шынгырчык Кужм., **шынгырче** Кужм. обыкновенный скворец (*Sturnus vulgaris*).
ыжарвирык марГ зеленушка (*Chloris chloris*).
экукай страус (*Struthio camelus*).
эгер тарляк диал. озерная чайка (*Larus ridibundus*).
эгервараксим Вас. береговая ласточка (*Riparia riparia*).
эгервѳтеле, ѳнгѳр вѳтельѳѳ марГ перевозчик (*Actitis hypoleucos*).
эгерсарси оляпка (*Cinclus cinclus*).
энгѳжгайык марЛ, калт., мишк. зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*).
энгѳжчекем зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*).
энгѳжчыпчык зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*).
эркайык Ис. ?зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*).
эркынгайык шур (*Pinicola enucleator*).
ювылчекем зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*).
ювылчыгайык зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*).
ювылчык 1. садовая камышовка (*Acrocephalus dumetorum*); 2. зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*).
юла лесной жаворонок (*Lullula arborea*).
юлвараксим береговая ласточка (*Riparia riparia*).
юлидурий лесной жаворонок (*Lullula arborea*).
юлидурий лесной жаворонок (*Lullula arborea*).
юмокайык Исм. бекас (*Gallinago gallinago*).
юмынгомбо, ѳлмлнкампы марСЗ серый гусь (*Anser anser*).
юмынгайык МОт., Пиб. лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*).
юмынтага, ѳымынтѳгѳ марГ, **ѳлмлнтѳгѳ** марСЗ, **jumân-taga** Paas. бекас (*Gallinago gallinago*).
юрык вѳтельѳѳ марГ большой кроншнеп (*Numenius arquata*).
юрынго снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*).
якшарвѳтельѳѳ марГ травник, или красноножка (*Tringa totanus*).
якшар онган цѳгѳк марГ деревенская ласточка (*Hirundo rustica*).
якшаръял марГ травник, или красноножка (*Tringa totanus*).

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Имя: Кристина Юзиева
Дата рождения: 12 мая 1985
Место рождения: Республика Башкортостан, Мишкинский район, д. Бикшиково
Гражданство: Российская Федерация
e-mail: kristina.yuzieva@gmail.com

Образование

1991–1995 Бикшиковская начальная школа, д. Бикшиково, Мишкинский район, Республика Башкортостан, Российская Федерация
1995–2002 Чебыковская средняя школа, д. Чебыково, Мишкинский район, Республика Башкортостан
2002–2007 Бирская социально-педагогическая академия, филологический факультет
2008–... Тартуский университет, Институт эстонского и общего языкознания, финно-угорское отделение, докторант

Профессиональный опыт

2009–2010 Преподаватель марийского языка, Тартуский университет
2011 Учитель русского языка и литературы, Колкьяская основная школа, пос. Колкья, волость Пейпсияре, Тартумаа, Эстония

ELULOOKIRJELDUS

Nimi: Kristina Yuzieva
Sünniaeg: 12.05.1985
Sünnikoht: Bikšikovo küla, Miškinskij rajoon, Baškortostani Vabariik, Venemaa
Kodakondsus: vene
E-post: kristina.yuzieva@gmail.com

Haridus

1991–1995 Bikšikovo algkool, Bikšikovo küla, Miškinskij rajoon, Baškortostani Vabariik
1995–2002 Čebõkovo keskkool, Čebõkovo küla, Miškinskij rajoon, Baškortostani Vabariik
2002–2007 Birski Sotsiaalpedagoogiline Akadeemia, vene keele ja kirjanduse õpetaja, mari keele ja kirjanduse õpetaja
2008–... Tartu Ülikool, doktoriõpe uurali keelte erialal

Teenistuskäik

2009–2010 Tartu Ülikool, mari keele õppejõud
2011 Kolkja põhikool, Kolkja, Peipsiääre vald, vene keele ja kirjanduse õpetaja

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE URALICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Ольга Ерина.** Частицы в мордовских языках. Тарту, 1997, 150 с.
2. **Людмила Карпова.** Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997, 224 с.
3. **Инна Тимиряева.** Лексика одежды в марийском языке. Тарту, 1997, 136 с.
4. **Софья Чеснакова.** Марийская поэма. Тарту, 1998, 162 с.
5. **Triinu Ojamaa.** Glissando nganassaani muusikas. Morfoloogiline, süntaktiline ja semantiline tasand. Tartu, 2000, 176 lk.
6. **Niina Aasmäe.** Stress and quantity in Erzya. Tartu, 2006, 205 p.
7. **Светлана Едыгарова.** Категория посессивности в удмуртском языке. Тарту, 2010, 288 с.
8. **Valts Ernštreits.** Liivi kirjakeele kujunemine. Tartu, 2010, 224 p.
9. **Florian Siegl.** Materials on forest enets, an indigenous language of northern Siberia. Tartu, 2011, 456 p.
10. **Александр Пустяков.** Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл (структурно-семантический и историко-этимологический анализ). Тарту, 2011, 281 с.
11. **Елена Рябина.** Основные цветообозначения в пермских языках. Тарту, 2011, 262 с.
12. **Николай Кузнецов.** Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). Тарту, 2012, 244 с.
13. **Tiina Rütmaa.** Kontrastiivne ülevaade kõneviisisüsteemist ungari ja eesti kõrvallauses. Tartu, 2014, 240 lk.
14. **Николай Ракин.** «Калевала» на коми языке в контексте некоторых аспектов теории и практики художественного перевода. Тарту, 2014, 340 с.
15. **Tuuli Tuisk.** Livonian word prosody. Tartu. 2015, 164 p.